

Александр Казаков

*Воспоминания
о потерянной Родине*

Александр Казаков

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПОТЕРЯННОЙ РОДИНЕ**

Херсон
2016

УДК 111.111.1-1
ББК 11 (1УКР) 1-1
Г 11

Казаков А. Воспоминания о потерянной родине

ISBN 111-111-1111-11-1

Материал по крупницам собран из различных источников и посвящен судьбе меннонитов Юга Украины - Заградовским меннонитам. История и судьба меннонитской общины неотделима от судьбы моих земляков, родившихся либо просто проживавших в селах Новоалександровка, Озеровка, Мировка Березнеговатского района Николаевской области, а также в других селах, бывших колониях, на территории Высокопольского района Херсонской области во времена меннонитов либо после их депортации (1872-1943).

Формой изложения материала избраны воспоминания отдельных людей, свидетелей непосредственных событий, связанных с жизнью 16-ти немецких колоний, именуемых самими же меннонитами как Заградовские. Воспоминания очевидцев подкреплены историческими источниками – статьями, исследованиями, архивными публикациями, фотографиями.

Автор идеи не претендует на абсолютную истину в такой важной исторической теме, а всего лишь пытается акцентировать внимание на одном из трагических периодов в истории меннонитского движения, а также его роли в развитии отдельно взятой территории Юга Украины.

Автор идеи: Александр Казаков – редактор текста, перевод на русский язык.

Особая благодарность:

Вальтеру Эппу – автору архивного материала о Заградовской меннонитской общине, г. Эспелькамп (Германия).

Юрию Сакаре – собирателю и хранителю эксклюзивных архивных материалов, за собранный материал о селах Заградовской меннонитской общины, с. Кочубеевка Высокопольского района Херсонской области (Украина).

Оксане Федорук – за перевод немецких текстов, г. Ивано-Франковск (Украина).

Ольге Шеремете – за перевод английских текстов, г. Ивано-Франковск (Украина).

Игорю Люльке – художнику, за дизайн обложки, г. Рогатин (Украина).

Василию Галаган – за фотографии из домашнего архива, г. Новая Каховка (Украина).

Татьяне Пасичник – руководителю Березнеговатского районного историко-краеведческого музея за предоставленный материал об истории села Озеровка (Украина).

Надежде Шеченко (Маркуце) – за помощь в организационных вопросах при подготовке материалов к изданию, ст. Б. Криница Б.-Александровского района Херсонской обл. (Украина).

Билецкому Михаилу – руководителю ФХ «СКОРПИОН- БММ» за помощь при издании исследования, с. Ново-Александровка Березнеговатского района Николаевской обл. (Украина).

Всем моим родственникам и землякам – за устные истории о колонистах и событиях, происходивших на моей родине, и записанные мною из их рассказов.

ISBN 111-111-1111-11-1

Казаков А., 2016
ПАТ «ХМД», 2016

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ. ПРОБУЖДЕНИЕ

Работа закончена, точка поставлена. Так вышло, что целью этого социального проекта (книги «Воспоминаний») было объединить разные истории о Заградовской колонии меннонитов в одну, правдивую, используя воспоминания простых ее обитателей в разные периоды существования колонии.

Карма прошлого Заградовки, особенно трагическая ее часть, будет еще долго преследовать каждого из нас, кто родился на этой пролитой потом и кровью земле. И это будет продолжаться до тех пор, пока греховная составляющая исторических событий, связанная с Заградовскими меннонитами, навсегда не уйдет из помыслов вчерашних и нынешних обитателей бывшей колонии.

Общими усилиями тех, кто приложил к изданию «Воспоминаний», была поставлена непосильная задача, не боясь, произнести слово правды и, таким образом, разорвать порочный круг отчуждения от Господа, восстановить историческую справедливость по отношению к тем, у кого было отнято право любить Бога и свою землю, на которой они однажды родились.

Пока шла работа над «Воспоминаниями», из умирающих еще вчера колоний начали приходить добрые вести о новых первопроходцах Заградовки, о том, что территории, на которых когда-то проживали колонисты, начали понемногу возрождаться. О некоторых из этих новых первопроходцев хочется остановиться более подробно.

Одного из них зовут Билецкий Михаил, местный фермер. Спросите любого в Первом Номере (современное село Новоалександровка, бывшая немецкая колония №1 Александерфельд) или в округе и они вам расскажут, кто такой Миша Билецкий.

Миша здесь родился, рос, стал фермером. В свое время, когда я был подростком, он, как говорится, еще «под стол пешком ходил». Ходил, ходил, а потом взял и вырос в прямом смысле слова, стал крепко на ноги. Теперь он помогает другим своим землякам ставить на ноги:

- взял в аренду их земельные паи, справно выплачивает на них все положенные дивиденды;
- поддерживает в нормальном состоянии проселочные дороги;
- заботится о местном кладбище, где еще сохранились погребения немецких колонистов;
- отстроил заброшенный сельский клуб;
- начал ремонт сохранившегося здания школы, которую когда-то построили колонисты;
- заложил ореховый сад;
- сооружает искусственный водоем;
- обеспечивает транспортом односельчан для поездок в район-центр Березнеговатое или на другие нужды, например, организовывает доставку детей на учебу в Озеровскую школу.

А недавно возле клуба Миша заложил свою новую усадьбу. Эти события и стали предвестником грядущих изменений во всей Заградовке. Таким вот образом когда-то на этих землях начинали обустраивать свои усадьбы первопроходцы-колонисты из материнской колонии Молочанск (Гальбштадт), что на реке Молочная (теперь Запорожская область). И начинали они обустраивать все 16-ть колоний из колонии №1, как раз из того самого села, где находится фермерское хозяйство Миши Билецкого.

В мою бытность на месте Мишиной усадьбы когда-то стоял дом управляющего отделением. Звали его Малый Кирилл Федорович. А еще раньше на том месте была старая тракторная бригада, прямо в центре села. Потом ее перевели на новое место, за кладбище. Это была образцово-показательная бригада. Там было все необходимое для ухода за техникой, главное, самой техники было в избытке.

На месте старой кладовой и кузни теперь Миша обустроил свою тракторную бригаду. Подростками мы эту территорию основательно использовали для своих мальчишеских маневров. За кладовой находился крытый навес для удобрений и ядохимикатов. На территории тракторной бригады был колодец и больш-

шое крытое пожарное водохранилище, а в здании кузни была столярная мастерская, собственно кузня и устройство (ДКУ) для измельчения зерна на дерть, которым иногда пользовались и мы вместе с нашими родителями.

Билецкий М.М. родился 29.10.1968 г. в семье Билецкого Михаила Васильевича и Бондаренко Ольги Петровны. Родители приехали на жительство в село Ново-Александровка в 1951 году, отец из Ивано-Франковщины, мама из Черниговщины.

В 2001 году Билецкий М.М. зарегистрировал свое частное предприятие с целью ведения сельского хозяйства. Благодаря правильному подходу к людям, любви к земле и родному селу, предприятие успешно развивалось и в 2011 году на базе частного предприятия с непосредственным участием Михаила организовывается фермерское хозяйство «СКОРПИОН-БММ».

Благодаря этому человеку, влюбленному в родную землю, в свое село, Ново-Александровку не постигла судьба близлежащих, но уже не существующих сел Мировка, Ново-Мировка, Зеленый Гай, Победа, Веселое и других.

За любовь к родной земле, за бережное отношение к историческому прошлому села и судьбам своих односельчан низкий поклон шлют Билецкому Михаилу Михайловичу все его земляки со всех уголков земли.

Второго человека зовут Дударь Иван Иванович, председатель Кочубеевской объединенной общины. Это хороший знак, что Господь свел нас всех с человеком, который стоит у истоков преобразований на этих землях. В разговоре с ним стало понятно, что

тема, затронутая в книге, ему небезразлична. Он с пониманием отнесся к идее, чтобы напрямую обратиться к потомкам Заградовских меннонитов. Ниже я полностью привожу текст этого обращения.

Дорогие друзья!
Уважаемые потомки членов бывшей Заградовской меннонитской общины!

В далеком 1871 году, около 145 лет тому назад, предки Ваших братьев и сестер по вере из Молочанской меннонитской общины приобрели у князя Кочубея в степи вблизи села Заградовка (Sagradowka) земельный участок площадью более 200 кв.км. (21276 десятин) на территории современного Высокопольского района Херсонской области на правом берегу реки Ингулец с целью расселения младших сыновей и дочерей из числа членов общины вместе с их семьями.

Новоприбывшие колонисты собственными руками, используя личные сбережения и частично заемные средства, с помощью совета материнской колонии, что на реке Молочная (теперь Молочанск, Запорожская область) основали 16 сел (поначалу было 17), поселившись рядом с украинскими селами в Заградовской степи.

За 71 год существования самоуправляющейся меннонитской общины с центром в селе Тиге (бывшая немецкая колония №8 Tiede, с 1915 - Кочубеевка), колонистами были достигнуты значительный уровень развития сельского хозяйства, первичной переработки продукции, более современная на тот момент инфраструктура поселений, высокий уровень духовности и культуры в пределах отведенной под колонию территории.

Члены меннонитской общины обеспечивались полным либо неполным (в зависимости от ситуации и достатка) средним образованием, услугами больницы и аптеки, отделения банка и почты. Усилиями общины было высажено и выращено более 10 кв. км лиственного леса и лесополос, построены подь-

ездные дороги к ближайшим железным дорогам, создана более современная система водоснабжения населения, активно проводились работы по радио и электрификации общественных зданий и усадеб колонистов.

Буквально до последних дней существования Заградовской колонии на территории менонитских поселений всегда активно действовали церковные общины (в самый благоприятный период их число доходило до трех) со своими зданиями и хозяйственными постройками.

К сожалению, религиозные убеждения меннонитов, в частности, их пацифизм, и, возможно, их происхождение, не оставили им шансов уцелеть в двух мировых войнах. Начиная с 1915 года последовательно российская царская, советская коммунистическая и немецкая нацистская оккупационные власти приложили максимум усилий для полного искоренения меннонитов с берегов реки Ингулец.

Сначала переименовали их поселения, впоследствии мобилизовали в рабочие отряды мужчин, потом тотально ограбили хозяйства, чем обрекли треть жителей колоний на голодную смерть. Впоследствии еще треть выслали в Восточные регионы России при так называемом «раскулачивании», самую активную часть членов общины (проповедников, интеллигенцию) расстреляли в 1937 г. как «врагов народа».

После первой мировой войны и октябрьского переворота частично разрушенная община потеряла большинство признаков цивилизации - больницу, аптеку, банк, систему хозяйствования, и главное, систему образования и духовного воспитания.

И вот, наконец, очередной оккупант со своей идеологией нацизма в 1943 г., отступая в Германию, разрушил остатки общины, а годы спустя советские «освободители» обвинили тех, кто попал в сталинскую зону оккупации, в «измене родине», и отправили всех в Восточные регионы России и Среднюю Азию в качестве «спецпоселенцев». Таким образом, после политической либерализации советского режима перед распадом СССР, только лишь одна старушка вдова - меннонитка вернулась к

себе домой, на свою историческую родину.

Опустевшие меннонитские дома преимущественно разрушались, на их фундаментах постепенно заселялись украинцы и другие народы, которых власть всячески поощряла к переезду на пустующие земли. Но, к счастью, в основном сохранилась структура бывшей общины, в частности, 14 из 17 сел. Странным образом жители этих сел, выходцы из Заградовки и других мест Украины, сохранили ментальное единство в пределах бывшей общины.

Это единство ярко проявилось в прошлом году, когда граждане воспользовались Законом Украины о добровольном объединении территориальных общин, и первыми в Херсонской области объединились в пределах бывшей Заградовской меннонитской общины, для чего переубедили областной совет изменить Перспективный план объединения, исключив оттуда населенные пункты, которые к меннонитской общине ранее не относились.

Остались в наследство также и меннонитские дороги и леса. И главное, осталась память о прежних названиях и уважение к тем неизвестным предшественникам, которые сумели с помощью примитивной техники 19-го века на малопродуктивных засушливых землях построить образец для подражания таким образом, что до сих пор их труд производит на местных крестьян неизгладимое впечатление. Пацифизм меннонитов, который когда-то повсюду, от Нидерландов и Пруссии до России, вызывал раздражение правителей, сегодня в современном мире, наоборот, вызывает уважение.

Мы знаем, что среди Вас мало осталось тех, кто еще хорошо помнит бывшие родные места, но, надеясь на генетическую память потомков Заградовских меннонитов, приглашаем Вас в любое удобное для Вас время посетить нашу Кочубеевскую объединенную общину и вашу историческую родину в том числе.

Будем рады и благодарны за любую помощь в поиске и воспроизведении культурного наследия Заградовских меннонитов

(фотографии, воспоминания, биографии, контакты ныне живущих изгнанников и их потомков, проекты и чертежи общественных зданий, которые есть желание восстановить).

Распоряжением сельского председателя в феврале 2016 года центральная улица села Кочубеевка переименована на улицу Меннонитскую в честь основателей Заградовской колонии, предшественницы нашей новообразовавшейся объединенной общины.

*С уважением Дударь Иван Иванович,
председатель Кочубеевской объединенной общины.*

E-mail: ivan_17.7@mail.ru

Телефон +380977162504

Говорят, что история повторяется. Повторится ли она снова для самой Заградовки и потомков одноименной меннонитской общины, знает разве что сам Господь Бог. А нам остается только лишь в это сильно верить. И еще также верить в те преобразования, которые начали фермер Билецкий М. М. и председатель Кочубеевской объединенной общины Дударь И.И.

ПИСЬМО ЗАГРАДОВСКИМ МЕННОНИТАМ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Господину Вальтеру Эппу,
г. Эспелькамп,
Германия.

Мир Вашему Дому!

Здравствуйте, уважаемый Вальтер Бернгардович Эпп, а также все Ваши братья и сестры во Христе!

Извините за столь долгое молчание. Все это время я посвятил обработке накопившихся материалов, их оформлению и осмыслению.

И, наконец, наступил момент, когда я с большим удовлетворением и искренним желанием отвечаю на ваше последнее письмо в такой вот необычной форме, чтобы тем самым поклониться перед теми, кто вместе с вами незаслуженно пострадал в результате известных исторических событий.

В этих «Воспоминаниях» я, насколько мог, намеревался создать картину событий, произошедших на территории бывшей Заградовской общины немцев-меннонитов в период ее существования в 1872–1943 г.г.

Этому периоду посвящена часть «Воспоминаний» под названием «Заградовские меннониты». Для этого я практически полностью использовал материал, присланный вами на немецком языке. В процессе перевода на русский язык мне пришлось делать небольшие правки, но в основном содержание текста сохранено в оригинальном варианте.

При переводе текста могли быть допущены некоторые неточности в написании имен, фамилий, названий населенных пунктов и в других моментах, с которыми было труднее всего работать. Тем не менее, я приношу свои извинения всем за возможные неточности.

Необходимо учесть, что над материалом работали не про-

фессиональные историки или исследователи, а обыкновенный краевед-любитель, поэтому я на свой страх и риск использовал предоставленный мне исторический материал с целью донести правду о судьбе народа, незаслуженно пострадавшего в результате событий, произошедших накануне, во время и после Второй мировой войны.

Как дополнение к вашему материалу, мной использованы также отдельные материалы из специального проекта информационного портала российских немцев к 70-й годовщине депортации немцев СССР (<http://www.rusdeutsch.ru>). Я глубоко признателен редактору портала госпоже Ольге Силантьевой (Dr. Olga Silantieva, Stellvertr. Chefredakteurin, Moskauer Deutsche Zeitung, Redakteurin, Informationsportal RusDeutsch) за разрешение на право использования некоторых материалов сайта.

Событиям депортации немцев-колонистов в Сибирь и Казахстан, пребывания их на оккупированных территориях и в трудовой армии посвящен справочный материал под названием «Путь народа». Учитывая, что все эти события вокруг судьбы Заградовских колонистов являются такими же трагическими, как и судьбы некоторых других депортированных народов бывшего СССР, мне пришлось обратиться к этому portalу, иначе картина событий тех лет была бы не совсем полной.

В разделе «Воспоминаний» под названием «Возвращение домой» размещены мои личные воспоминания, а также воспоминания моих земляков, проживавших на территории бывших немецких колоний Александерфельд (№1 Alexanderfeld), Ней-Шензее (№2 Neu-Schönsee), Фриденсфельд (№3 Friedensfeld) после 1945 года. Сегодня эта территория находится в составе Березнеговатского района Николаевской области.

В каждом из разделов «Воспоминаний» размещены фотоматериалы с комментариями как дополнение к основному тексту. В заключительном разделе размещены некоторые справочные материалы, ссылки, статьи, исследования других авторов, необходимые для более полного восприятия всех описанных ранее событий.

Я не мог начать иначе свое обращение, как словами своего искреннего уважения, сопереживания и сочувствия к людям, благодаря рукам которых были заложены дома, посажены сады и виноградники, освоены дикие степи и вырыты жизнеутверждающие колодцы на земле, которая стала и моей родиной в том числе.

Мои земляки послевоенной поры хорошо помнят, какой была жизнь на территории бывших немецких колоний. Но не все из нас знают и понимают, какой была жизнь на этих землях до войны. Всего несколько слов в нашем обиходе – «немцы, колонисты, немецкий дом, немецкое кладбище, колония №1» – вот и весь наш словарный запас по этому поводу.

Сегодня уже совсем иные времена, тайное постепенно становится явным. И если кому интересна эта тема, то для познания истины нет границ, а также нет ничего такого, что может помешать узнать все, что происходило на этих землях раньше.

Думаю, что эту историю о Заградовских меннонитах будут читать мои друзья, земляки, а также те, кому она близка и интересна. Но я бы очень хотел, чтобы она не оставила равнодушной и тех людей, от которых сейчас во многом зависит, возродятся ли умирающие села под знакомыми всем нам названиями – Новоалександровка, Озеровка, Мировка, Новомировка, Зеленый Гай, Победа и другими.

Поэтому я искренне хочу обратиться к этим людям. У этих людей есть имена и фамилии, официальный статус, место проживания. И самое главное, что их всех связывает одно общее обстоятельство – они могут изменить ход событий, изменить карму местности, о которой мы все так грустно вспоминаем и не более.

К руководству Березнеговатского района Николаевской области и Высокопольского района Херсонской области.

Есть ряд причин, по которым умирают первые 3 из 16-ти бывших Заградовских немецких колоний.

Возможно из-за политических соображений (политической мести) в послевоенное время земли этих трех колоний (смотрите карту) «по-живому» отрезали от остальных 13-ти (которые сейчас находятся в составе Высокопольского района Херсонской области) и присоединили к Березнеговатскому району Николаевской области. Последствия такого администрирования угнетающе:

- как результат, умерла исторически сложившаяся кооперация между всеми бывшими колониями (хотя у жителей сел и до сих пор на устах наименования колоний не по их названию, а по номеру бывшей колонии). Все Заградовские колонии жили между собой как один живой организм, у которого позже отрезали его часть и приказали жить этой части по закону организма;

- жители Березнеговатского района и его окрестностей, а особенно младшее поколение, проживающее на его территории, недостаточно осведомлены об истории бывших немецких колоний, входящих в его состав. Учитывая то, что этот район является одним из наиболее отдаленных в Николаевской области, шансы на развитие у этой территории в составе Березнеговатского района ничтожны (проведите сюда экскурсию, пообщайтесь с местными жителями, и вы сами в этом убедитесь);

- как ни странно, но чтобы попасть в свой райцентр (по прямой туда около 20–25 км) все, кто проживает на территории бывших колоний, в бездорожье проделывают двойное расстояние по территории Херсонской области через ж.д. станцию Белая Криница и дальше железной дорогой до ж.д. станции Березнеговатое (автобусное сообщение здесь отсутствует со времен развала СССР);

- выживают люди в основном за счет местных фермеров, ко-

торые, как могут, поддерживают местную инфраструктуру, население и экономику.

К счастью, еще не закрыли единственную Озеровскую школу во главе с ее бессменным директором последних лет Митрофановой Брониславой Матвеевной.

Но какому фермеру под силу построить сюда человеческую дорогу, провести газ, возобновить строительство на селе, а потом всю эту инфраструктуру поддерживать? Для фермера это непосильная ноша, но они делают все, что в их силах. И люди благодарны им за это.

К потомкам Заградовской меннонитской общины в странах бывшего СССР и за рубежом.

Практически ежегодно на землю своих предков приезжают поклониться ей дети и внуки бывших Заградовских колонистов. Что они видят на своей, когда-то цветущей родине?

Они лишь могут по-своему, по-меннонитски, помолиться на развалинах своего дома. А с какими чувствами после этого они покидают снова эти места, можно только лишь догадываться.

Маршрут для поездки они избирают приблизительно следующий. Из Кривого Рога или Херсона путь пролегает до с. Кочубеевка Высокопольского района. Там они, насколько мне известно, знакомятся с частным музеем на дому Сакары Юрия, а после этого разными проселочными дорогами вдоль лесополос (иногда в грязь и по бездорожью) пробираются на свою бывшую родину, которая хоть и находится в центре Европы, но кажется, что где-то на краю света.

К нашему глубокому стыду и сожалению, в начале XXI века никто из нас, родившихся в селах на территории бывшей Заградовской немецкой колонии, не заслужил права любить, знать и помнить историю своего села, своего края и народа, который был первопроходцем на этих землях.

Этой истории, тяжелой и трагичной, в нашем понимании попросту не существует. А есть только воспоминания отдельных еще живых, а также уже ушедших свидетелей тех событий.

И наша с вами память.

Мы все, родившиеся в этих колониях, являемся заложниками странной ситуации. Это что-то вроде кармы, замешанной на генетическом страхе. Замкнутый круг, который невозможно никак разорвать.

Что же необходимо сделать, чтобы изменить ситуацию, есть ли хоть один рецепт для излечения пациента, который больше мертв, чем жив? Теоретически есть, если подойти к этому со всей ответственностью, применив при этом, например, принцип коллективного мышления.

Он заключается в следующем. Допустим, кто-то из нас, предлагает свой вариант решения. С ним знакомятся все остальные, кто-то может что-то дополнить, изменить либо предложить свою альтернативу. Если после этого предложений больше не последовало, – в результате получаем продукт коллективного мышления.

Итак, начнем процесс выработки коллективного мышления, отвечая все вместе всего лишь на десять обыкновенных вопросов:

- 1. Кто такие Заградовские меннониты?*
- 2. Кто был основателями 16-ти сел Заградовской колонии?*
- 3. Какой путь меннониты проделали по Европе, прежде чем поселились на Заградовских землях?*
- 4. Каким образом (в законный ли способ) Заградовские меннониты стали владельцами земель, о которых мы упоминаем?*
- 5. Каким образом (в законный ли способ) Заградовские меннониты построили свои дома и постройки для ведения хозяйства?*
- 6. Кто и в какой способ (в законный ли) разрушил привычный уклад жизни Заградовских меннонитов, учитывая то, что они были глубоко верующими людьми?*
- 7. Что заставило Заградовских меннонитов покинуть обжитые места в 1943 году?*
- 8. Что напоминает жителям бывших Заградовских колоний о меннонитах сегодня?*

9. Имеют ли потомки Заградовских меннонитов хоть какой-нибудь шанс, моральное либо юридическое право вернуться на родину своих предков?

10. Готовы ли мы, современные жители бывших колоний, местная исполнительная власть выступить с инициативой и первыми предложить всем желающим из числа бывших колонистов и их наследников начать процесс совместного возрождения умирающих территорий?

Таким образом, каждый из нас, отвечая на перечисленные выше вопросы, получает какой-то определенный результат. Попробуем этот результат (в моем понимании ситуации) обобщить и сформулировать его в один-два абзаца.

Меннониты, как глубоко верующая община, поселившаяся на причерноморских землях Российской империи (нынешняя Украина), проделав при этом долгий и нелегкий путь из Пруссии с целью освоения новых территорий с разрешения правительства России на рубеже XIX века (то есть совершенно в законный способ), в конечном итоге в 30-х годах XX столетия стали заложником двух противоборствующих идеологий – сталинской и гитлеровской.

В результате дискриминационных мер по политическим мотивам (то есть в совершенно незаконный способ) со стороны противоборствующих режимов Заградовская меннонитская община по нынешний день полностью лишена права на реабилитацию через отсутствие соответствующей законодательной базы у государства Украина.

Для большего интереса всем настоятельно рекомендую ближе ознакомиться с современными меннонитами. Это очень просто, нужно только зайти в Интернет и ввести поиск «меннониты». Если у вас нет проблем с английским или немецким, то это еще лучше. Там вы найдете следующую информацию:

- география обитания меннонитских общин одна из самых

обширных в мире;

- меннонитские энциклопедия и генеалогия построены на детальной информации об истории общин, территорий их дислокации, родословной фамилий;

- в перечне населенных пунктов различных меннонитских общин вы найдете много интересной информации об их истории, в том числе и о 16-ти селах Заградовской колонии, которые упоминаются в этом исследовании.

В дополнение к текстовой информации рекомендую посмотреть некоторые из документальных фильмов, которые близки по духу меннонитской теме:

1. Из Гармиша на Кавказ. Von Garmisch in den Kaukasus. 1. Gebirgsdivision 1941-1942 (на немецком языке).

2. Операция «Эдельвейс». Последняя тайна (на русском языке).

3. Тень над Россией. План «ОСТ» (на русском языке).

4. С камерой по восточному фронту (3 часть) Mit der Kamera an der Ostfront(3) 1944 (на немецком языке).

В первом и втором фильмах речь идет о боевом пути 1-й горнострелковой дивизии вермахта «Эдельвейс» (нем. 1. Gebirgs-Division).

В части воспоминаний под названием «Заградовские меннониты» упоминается момент, когда в село (колония №1 Александерфельд) вошла немецкая дивизия «Эдельвейс». Первый фильм только подтверждает это событие, а на некоторых непродолжительных кадрах можно увидеть, как дивизия остановилась на постой в одной из колоний после марша (45–49 минуты фильма), и какой была встреча солдат и колонистов.

В первом фильме изображена карта (33 минута, 49 минута фильма) продвижения дивизии по направлению к Эльбрусу. Маршрут движения, исходя из этой карты, действительно проходил через местность, заселенную Заградовскими меннонитами, по направлению к Бериславу, месту переправы через Днепр.

В третьем фильме рассказывается о том, как территория, куда входили и Заградовские колонии, вместе с его населением

после победы Германии над СССР должна была стать Готской областью (округом) Готенгау (Крым и Херсонская область).

Четвертый фильм интересен тем, что с его помощью можно представить, каким было отступление немецких войск совместно с гражданским населением по территории Украины (первые 10 минут фильма) на Запад. Возможно среди кадров, отснятых военным кинооператором, есть и обозы с семьями немецких колонистов.

Чтобы ответить себе на все тот же вопрос, как такое могло случиться с целым народом, многократно перечитываю о событиях, которые стоят перед глазами с того момента, когда впервые прочитал о Заградовских меннонитах.

Думаю, что жизни не хватит, моей или вашей, чтобы до конца понять всю трагедию народа, в опустелых домах которого нашли пристанище многие наши русские семьи, так остро нуждавшиеся в крыше над головой во времена послевоенного лихолетья.

В 2013 году исполнился 141 год с момента поселения Заградовских меннонитов на Юге Украины и 70 лет с момента их ухода на Запад. Об этом событии мало кто из нас, живущих в этих местах, помнит, разве что сами поселенцы, кто еще жив, да их потомки, разбросанные по разным странам и континентам.

А зачем нам знать чужие даты и чужую историю. События 1872–1943 г.г. в Заградовке, связанные с жизнью меннонитов, это для большинства из нас чужая история. Многие так и думают.

Ну а как же нам все-таки склеить воедино две истории, которые бы выглядели как одна, но правдивая, и которую уже никогда не пришлось бы переписывать никому.

*Искренне Ваш, Александр Казаков.
Колония Александерфельд,
Украина, 13 сентября 2015 года.*

ЗАГРАДОВСКИЕ МЕННОНИТЫ

(по материалам Вальтера Эппа, г. Эспелькамп, Германия)

Заградовские меннониты и любовь к родине

На земле есть место, которое притягивает тебя настолько, насколько оно может заменить неземную волшебную родину для нас, заградовцев. Такой родиной осталась старая милая Заградовка (Zagradowka).

Герхард Лоренц (Gerhard Lorenz) высказался так: «Из всех земель нашего обширного странствования по Америке и Европе мы не видели прекраснее места, чем Заградовка (Zagradowka)». Она была и его родиной также. Один поэт, очень любивший свою родину, высказался так:

*Горсть, наполненную родной землей,
Возьму с собой в чужие края,
И сколько буду жить,
Я буду помнить, где хранится любовь моя.*

Я также являюсь свидетелем того, что самой дорогой для меня является моя земная родина, хотя она мне в мои 14 лет смогла немного предложить, но все равно она останется для меня точно такой, как мое детство. Как Господь Бог, который так сильно любил Иисуса Христа, ибо так легко он принял и предков наших в любви своей.

Эта история начинается описанием из книги Герхарда Лоренца (Gerhard Lorenz) «Заградовка» (Zagradowka). Заградовка – это дочерняя колония великой материнской колонии, что на реке Молочная (далее – Молочная, Molotschnaja).

Поскольку в объятиях матери-колонии было уже совсем тесно и не хватало земли для молодого поколения, оно вынуждено было переезжать в города, чтобы зарабатывать на жизнь как ремесленниками или как подсобными рабочими. Поэтому совет материнской колонии, таким образом, вынужден был искать выход с целью покупки недостающей земли для безземельных колонистов.

Это удалось им осуществить только в 1871 году в большом русском имении Заградовка (Zagradowka) у помещика Леонида Викторовича Кочубея (Leo Viktorowitsch Kotschubej), приобретающий соответствующий участок земли в размере 21276 десятин по цене 23,50 рублей за десятину, общая стоимость которого составил около 500000 рублей.

Покупатели заняли в Херсонском Государственном банке 205700 рублей. Поселенцы должны были возместить материнской колонии из расчета 25 рублей за десятину для того, чтобы покрыть все необходимые расходы.

После того, как покупка была осуществлена, а наделы были нарезаны, осенью 1871 года первые из поселенцев проделали путь длиной в 240 верст на свои новые земельные участки.

Очень изнурительным было это семидневное путешествие под дождем и в распутицу. Например, у Давида Гарденса (David Hardens) из Озеровки (Neu-Schönsee) была подвода с двумя лошадьми, на которой было все его имущество. Одна из лошадей была подарена, а вторая заимствована.

Путь проходил через Каховку (Kachowka), Берислав (Berislawl), Давыдов Брод (Daviedow Brod) и закончился в селе Новопапловка (Nowopawlowka) для зимовки, что примерно в 5 верстах от их земельных участков.

Откуда пришли поселенцы, и кем они были?

Это было тяжелым началом нашей меннонитской Заградовской колонии, которая берет начало с Александерфельд (№1 Alexanderfeld), сегодня Новоалександровка.

Для того, чтобы поселиться в Заградовке, нужно было быть

уроженцем колонии на реке Молочная, т.е. находиться в их реестре. Но многие из этих людей больше не проживали в родной колонии, в поисках лучших условий жизни они уехали из этих мест. Но как только они получили возможность овладеть своим собственным имуществом, то лишь немногие из них не воспользовались этим шансом.

Они вернулись в Молочную из Крыма, из других рабочих мест в усадьбах по русским селам. Это были преимущественно молодые семьи с несколькими детьми. Старшие люди не были в числе первых переселенцев.

Чтобы показать нашему благосклонному читателю картину достоинств и качеств первых колонистов, наверное, будет лучше, если мы представим биографию одного из них. Позволим рассказать ее старожилу Заградовки, скончавшемуся в возрасте 100 лет 4 месяца и 11 дней, Вильгельму Мартенсу (Wilhelm Martens) из села Орлово (1919):

«Я родился 5 января 1819 года, как первый ребенок у моих родителей, пруссов, в округе Мариенбург (Marienburg), область Тигенгаген (Tiegenhagen), село Тигенгаген. Наше место проживания находилось в 6 милях от Данцига (Danzig) и в 3 милях от Мариенбурга. Мои родители были бедными. Дедушка был ткачом. Отца звали Вильгельм, а мать Мария, девичья фамилия Никель (Nickel). Родители поженились в 1817 году.

Они вынуждены были тяжело бороться за свое существование, и, так получилось, что я и мои четверо братьев и сестер пережили тяжелое детство. У меня были уроки в школе, которую посещали дети меннонитов и лютеран».

Судя по знаниям покойного, можно одобрительно отозваться о его школе, поскольку он мог не только правильно читать и писать, но и считал без ошибок, так как это было необходимо ему в жизни. Он не был невежественным, он знал мировую историю и географию. Он был начитанным человеком и обладал точной памятью. Но позволим рассказывать ему дальше.

«После того, как я окончил школу, я должен был заниматься общественно-полезным делом. Два года я присматривал за

свиньями у одного богатого прусского крестьянина. Частенько голодал и промерзал насквозь. Позже, в 1834 году, я попал на обучение к портному, которого звали Корнелиус Льоп (Kornelius Löpp) и который был очень строгим человеком. В 1837 году, когда мне было 19 лет, я вместе с меннонитскими эмигрантами отправился в Россию, где после шестинедельного пешего путешествия в сентябре 1837 года попал в Гальбштадт (Halbstadt).

Через год я решил забрать к себе своих братьев и сестер, но для этого надо было снова отправиться в путешествие. Наш отец был уже не в состоянии содержать у себя детей. Тогда я попрощался с ним навсегда и больше уже никогда его не видел. Он умер в 1848 году».

Вильгельм и Катарина Мартенс (Wilhelm und Katharina Martens) – первые поселенцы. Мартенсу было более 100 лет, в свой 99-й день рождения он еще мог раскусить кусочек сахара.

Есть еще и другие первые поселенцы Заградовской колонии, которые не упомянуты в книге Герхарда Лоренца «Заградовка».

Дальше я хочу рассказать об истории семьи Иоганна Кьон (Johann Köhn) из Александерфельд (№1 Alexanderfeld), которая стала мне близкой через их старшего сына Иоганна (Johann), потому что он женился на сестре моей матери, которая после моей женитьбы стала бабушкой Кьон (Köhn).

Я, Катарина Кьон (Katharina Köhn), девичья фамилия Гисбрехт (Giesbrecht), родилась в 1873 году. В 1872 году моя дорогая семья Иоганна Гисбрехта (Johann Giesbrechts) с четырьмя детьми, моими старшими братьями и сестрами, переселились из Молочной в Александерфельд (Alexanderfeld) колонии Заградовка.

Перезимовали мы у нашей тети Марии Исаак (Marie Isaak), сестры нашего дорогого отца, прибывшей сюда еще в начале 1872, тогда как мои родители перебрались сюда осенью 1872 года. Вначале 1873 года они построили сарай для того, чтобы иметь хоть какое-нибудь жилище. Здесь я и появилась на свет 5 апреля 1873 года, и это была моя первая весна в колонии Заградовка.

У моих родителей в то время было уже 5 детей, с которыми они явно очень намучились. В 1878 году наши соседи из Молочной семья Иоганна Кьон (Johann Köhns) также переехали сюда, но они приобрели уже готовое хозяйство совсем недалеко от нас. Их сын, который позже стал моим любимым мужем, был тогда их единственным ребенком и жил с ними на новой родине радостным и обеспеченным.

Наши школьные годы мы провели вместе под руководством нашего любимого учителя Генриха Плетта (Heinrich Plett). Мои юношеские годы очень быстро пролетели в кругу моих любимых братьев и под опекой моих родных родителей, которые беспрестанно заботились о благосостоянии своих детей для того, чтобы их дети были ухожены.

В 1893 году меня окрестили в меннонитской церкви колонии Николайфельд (№ 5 Nikolaifeld). Крестил меня старейшина колонии Вильгельм Вот (Willhelm Voth).

В 1895 году мы с моим любимым мужем Иоганном Кьон (Johann Köhn) поженились, получив благословение на всю нашу жизнь от священника Герхарда Варкентина (Gerhard Warkentin), который произнес: «Утешьтесь надеждой, притеснения терпите, отдаваясь молитве».

Меннонитская свадьба.

Нашу свадьбу мы отпраздновали в доме наших родителей, а уже вскоре переехали в дом моего мужа, в маленький домик, построенный во дворе, до сих пор служивший квартирой для мельника. У нашего родного отца была ветряная мельница, которой позже стал заниматься мой муж. Мы вели наше хозяйство отчасти сами, отчасти вместе с нашими родителями Кьон (Köhn).

Ветряная мельница начала XX века.

В 1896 году у нас родился сын, крошечный Гансик (Hänschen), на которого мы потратили много усилий и труда, поскольку он был болезненным. Три года мы совместно с нашими родителями работали у них на хозяйстве, потом во дворе моего любимого отца построили амбар, совсем недалеко от нас, через улицу, где теперь живет наш дорогой Давид (David), молотили там наше зерно и с тех пор вели свое хозяйство самостоятельно.

31 мая 1898 года Господь подарил нам еще одного сыночка, мы назвали его Петер (Peter). Но Господь в своей мудрости и всемогуществе забрал маленькое деревце назад через 13 дней, для того чтобы оно находилось в радости там, где нет великих мира сего.

Зимой этого же года мы приобрели свое собственное хозяйство на другом конце села, маленький старый домик, но достаточно хороший для нашей небольшой семьи. У нас теперь был чудесный молодой сад с разными фруктовыми деревьями, и теперь казалось, что мы самые счастливые на свете среди односельчан.

Конь и молотильный камень – незаменимые символы в жизни меннонитов.

25 мая 1899 года у нас снова появился маленький ребенок. Мы приняли его с радостью, но только 2 недели он был нашим маленьким гостем, потом наш дорогой Генрих (Heinrich) снова

вернулся к тому, кто нам его подарил. Мы очень горевали за нашим маленьким, но знали, что такова воля Господа.

У нас остался теперь только наш маленький Ганс, который снова начал болеть, началось все с носа и губ, то есть с плохого заболевания (Skrupfel, или английская болезнь, синоним рахита), которое вскоре перешло на глаза и приносило ему много боли. Любая врачебная помощь была неэффективной, и бедный ребенок был вынужден целыми днями и даже неделями сидеть с закрытыми глазами.

Все-таки со временем боль стала утихать, он быстро привык к закрытым глазам и играл, словно ребенок с открытыми глазами. В том году, когда мы впервые обработали и засеяли нашу землю, был сплошной неурожай. Мы собрали всего 19 пудов (300 кг) зерна с 30 га засеянного поля.

Но это нас не очень тревожило, так как нам пришлось очень далеко ездить для того, чтобы покупать зерно для еды. Мы пережили зиму, не заботясь о питании, поскольку мы не испытывали недостатка в чем-либо.

В 1900 году у нас снова родился ребенок, маленький Петер (Peter), прямо во время уборки урожая, когда рожь была уже скошена. В этом году, кроме двух русских работников с нами также была и семья Генриха Рихерта (Heinrich Richert) из колонии № 17, которая помогала нам собирать зерно. В том году урожай был богатым на фрукты, которые наша дорогая матушка помогла нам засушить.

В 1902 году наш отец Кьон (Köhn) преобрел хозяйство у старого Якоба Классена (Jacob Klassen). Поскольку на тот момент наш дом был очень маленьким, то мы с ними обменялись. Мы переехали в большой дом, а они в маленький «приют для бездомных».

Молодая меннонитская семья на фоне своей усадьбы.

Наш Ганс (Hans), который уже долгое время ходил с закрытыми глазами, не мог полностью осознать, что у нас теперь большой дом, он всегда хотел прикоснуться ко всему, о чем думал, он хотел все знать, потому что ему было уже 6 лет.

Я приводила его к входной двери, он касался стены и таким образом мы обходили с ним все вокруг, возвращаясь опять к двери, а я говорила: «У нас теперь большой дом». Он почти всегда был спокойным и довольным и уже представлял, будто он играет со своим маленьким братом.

И когда в 1902 году в колыбели уже лежал маленький Давид (David), Ганс всегда был рядом. Это было для меня большой радостью и опорой. Вечером, когда уже не было света, он также начинал немного ходить.

10 января 1904 года появился на свет наш маленький Абрам (Abram) для того, чтобы немного с нами побыть. Через 17 дней он покинул нас, чтобы пойти туда, где уже были его братья и сестры, которые появились на свет перед ним.

В 1905 году родилась наша маленькая Тина (Tinchen), а именно 5 января. Но и этот нежный цветочек забрал Господь, чтобы он произрастал в его саду, где он цвел бы чудесным цветом до тех пор, пока бы мы не пришли встретиться с нашими любимыми детками.

В этом году заболела наша милая матушка Мария Гисбрехт

(Maria Giesbrecht), девичья фамилия Касдорф (Kasdorf), раком желудка и умерла 11 августа в надежде поприветствовать нас, когда наши жизненные пути дойдут до конца. Опустел наш родительский дом, мы многое потеряли, потому что любили нашу любимую мать превыше всего.

29 декабря того же года у нас появилась на свет вторая Тина (Tinchen), которую Господь хранит для нас по сегодняшний день. Несмотря на все трудности и лишения, которые принесли с собой эти трудные времена, она вместе с нами вынуждена была также все это пройти.

Наш родной отец, который чувствовал себя одиноким и покинутым, нашел себе другую женщину, Гертруду Касдорф (Gertruda Kasdorf), девичья фамилия Пеннер (Penner), которая была ранее женой брата нашей родной матери.

24 марта 1906 наш любимый отец Кьон (Köhn) умер от сердечного приступа. За вечер до этого он был у нас, чувствовал себя хорошо, как всегда. Перед уходом, он сказал: «Дети, следите за тем, чтобы избрать хорошую судьбу и чтобы у вас ее не отняли». Как когда-то Мария припала к ногам Иисуса, и это не вызвало у нее много сил и хлопот, так и мы не имели права запутаться в будничных делах мира сего.

Наш дорогой отец прожил со своей второй женой один год в своем хозяйстве, но потом он продал его и переехал с нашим младшим братом Герхардом (Gerhard), который тогда еще был неженатым, в Тиге (№8 Tiege).

Обсудив все с нашими родственниками, которые были убеждены, что родительский дом должен оставаться у нас на сохранении, мы продали собственное хозяйство за 14000 рублей и снова вернулись для вида в дом, где я родилась, где прошли мои детские и юношеские годы, для того, чтобы поддерживать родительский дом ради моих братьев и сестер.

Меннониты на уборке урожая

Мы жили с нашими 4-мя детьми в большом доме, где все нам напоминало о прошлом. Господь благословил нас земными благами, мы не испытывали недостатка в чем-либо и жили счастливо и безбедно. Наш сарай, который был покрыт соломой, мы перекрыли щепками и имели, таким образом, готовое хозяйство.

9 сентября 1907 года появилась на свет наша маленькая Лиза (Lieschen). Господь хранил ее для нас до 8 апреля 1946 года. Она пережила много бед в своей жизни и, наконец, после невыразимой боли отошла на вечный покой, который готовит для нас Господь Бог. Это глубокая боль для моего ранимого материнского сердца, и все же я говорю, что это сделал Господь и на это воля Его.

11 августа 1909 родился наш сын Генрих (Heinrich), а 20 марта 1915 у нас родилась еще маленькая дочь, но которую Господь забрал к себе, мы назвали ее Марихен (Marichen). У нас было 11 детей, 5 из них наверху у Господа, где их не беспокоит уже больше никакое страдание или боль. Шестерых мы воспитали, но все они разбросаны по миру, только наша единственная дочь Тина (Tiena) возле нас.

В 1919 году наш дорогой отец был убит махновцами. Мы похоронили его без пения и музыки, босым и с непокрытой голо-

вой, привезли его без гроба на кладбище и лежит он с северной стороны первым по порядку вместе с несколькими товарищами по несчастью в большой братской могиле. В 1920 мы поставили на том месте Эбен-Эзер Господу (надгробие).

*Сохранившиеся надгробия на месте меннонитского кладбища
в с. Новоалександровка (№1 Alexanderfeld). 2008 г.*

После того, как Господь поддерживал нас в любви и терпении 25 лет, мы отпраздновали нашу серебряную свадьбу, радостный праздник благодарности Богу вместе с нашими 6 детьми, а остальные 5 уже ждали нас наверху, чтобы отпраздновать свадьбу ягнят, которых Господь сам ведет и которыми руководит.

Наша свадебная песня, написанная бабушкой Кьон (Köhn) звучит так:

*Сегодня 25 лет,
Как вы, влюбленная пара,
На алтаре рукой пастора
Были соединены тесной связью.
Добро случилось вам на вашем пути,
Иногда горе, иногда страдания.
Господь ведет вас верною рукою
В течение 25 лет.
И сегодня все ваши дети
Стоят вместе с вами на серебряном алтаре.*

*И пусть вместе с сиянием серебра
Сегодня только сияние радости
Освещает ваш жизненный путь,
Пока вы однажды после наивысшего совета,
Уставшие от кучи внуков,
Сегодня через 25 лет
Будете оваяны божьей милостью,
Перед золотой целью будете счастливы стоять.*

В 1921 году не только у нас, но и в окрестных селах по другую сторону реки Днепр (Dnjepers) в районе Хортицы был сплошной неурожай. Приходило много людей из окрестностей и издалека, чтобы достать хлеба, приходили бедняки, чтобы просить милостыню. Некоторые приводили с собой детей, чтобы уберечь их от голодной смерти.

Мы также взяли одну маленькую девочку 4 лет, полусироту. Мы оставили ее у себя, она стала для нас дорогой дочерью, и мы никогда не сожалели о том, что взяли ее. 11 лет она жила у нас, пока ее у нас не отняли через трудные времена.

В 1927 году мы уменьшили свое хозяйство, снесли сарай и хлев и построили заново, но поменьше, поскольку мы больше уже не нуждались в подобных больших нежилых помещениях. В 1930 году мы были вынуждены покинуть свой дом и двор.

2 февраля поехали мы на телеге с нашими всеми пожитками, что у нас были, к нашим детям, Петеру (Peter) и Труде (Truda) Кьон (Köhn). У них мы жили в маленькой комнатке, нам было тепло, и мы были бы всем довольны, если бы имели такое же спокойствие извне.

Через год мы были вынуждены отдать нашу Марихен (Marichen), приемную дочь. Это стоило нам многих слез, но Бог, который в состоянии залечить все наши раны, заживит и эту. Мы, наконец, успокоились и надеялись на волю Его.

Наш сын Генрих (Heinrich) вынужден был также оставить

родительский дом и уйти к своему старшему брату, чтобы не делить с нами эту тяжелую участь.

В 1934 году наши дети из семьи Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrechts) построили себе домик, а для нас оборудовали комнату. Там мы жили 3 года в мире и спокойствии. В 1937 году наш любимый сын Генрих (Heinrich) был вынужден покинуть свою семью, мы переехали к его семье, чтобы облегчить своим присутствием его отсутствие.

Через несколько дней нашего любимого сына (зятя) Ганса Исаака (Hans Isaak) также вырвали из лона семьи, и там тоже образовалась нехватка рабочих рук, которую необходимо было каким-то образом заменить.

Всего неделю прожили мы у своей любимой дочери Лизы (Liese) (невестки), мы потеряли также и нашего дорогого отца, и как оказалось, что уже никогда и не увидим его. Тогда я поселилась у Тины (Tina) и прожила там 5 лет. В конце концов, поступила работать в артель, занимаясь вместе с ней шелкопрядением.

В 1942 году я получила половину нашего дома (во время немецкой оккупации) и переехала туда с Лизой (Liese) и детьми Кьон (Köhns). Около года мы жили там, потом оставили наш дом и двор и собственно нашу родину и отправились в Германию.

15 февраля 1938 были репрессированы семьи троих сыновей бабушки Кьон (Köhn). Это были семьи: Ганса и Марии Кьон (Hans und Maria Köhn), Петера и Труды Кьон (Peter und Truda Köhn), Давида и Нэты Кьон (David und Neta Köhn). Такой вот выглядела ее искалеченная семья на ту пору: лишенная собственности в 1930 году, без участия (доли) в колхозе, брошенная на произвол судьбы бабушка с 6 вдовами и 13 полусиротами в Александерфельд (Alexanderfeld).

8 апреля 1943 бабушка Кьон (Köhn) отпраздновала свое 70-

летие в кругу 23 внуков, невесток и дочерей.

На протяжении 71-го года (1872-1943) в Александерфельд (Alexanderfeld) проживало еще много других поселенцев (колонистов), которые там рождались, умирали и там же были похоронены.

На судьбах некоторых из них я хотел бы сегодня более подробно остановиться, а особенно на Ароне Янцене (Aron Janzen), который родился в 1875 году, прожил там свое детство и юность на старомennonитский лад, занимаясь сельским хозяйством согласно родительским обычаям.

В 1901 году он женился на Марии Панкратц (Maria Pankratz), у них было 9 детей, один ребенок умер. Арон Янцен был известен как умелый фермер в Заградовке (Zagradowka).

Здесь на фотографии собрано 4 поколения семьи Арона Янцена (Aron Janzen). Арон Янцен с дочерью Анной Гисбрехт (девичья фамилия Янцен), Иоганн Гисбрехт с женой Нэтой (девичья фамилия Сименс), слева дочь Мария, а справа дочь Лена Гисбрехт. На коленях правнук Арона Янцена, Гензель Гисбрехт, март 1961 года в Караганде (Казахстан). Это кузены и кузины моей жены Лены Эпп (девичья фамилия Гисбрехт), по отцовской линии, по линии Герхарда Гисбрехта. Арон Янцен уехал в 90-х годах к сыну Арону в Канаду, но долго там не прожил и вернулся домой.

Арон Янцен (Aron Janzen) был состоятельным и содержал свое хозяйство с правой стороны в направлении Новопавловки (Nowopawlowka), это был четвертый дом от средней улицы (дороги). Его сын Арон (Aron) в 20-е годы эмигрировал в Канаду. Имущество его отца было конфисковано, а его самого выгнали

из дома как «кулака», точно также как и других зажиточных крестьян в советское время.

Дом Арона Янцена, в котором родился и я в 1958 г., и в котором прожила наша семья до 1980 г. (пометка автора).

В 1900 году в Заградовке (Zagradowka) земли стало в обрез, что заставило образовать дочернюю колонию. Землю для колонии приобрел помещик Трубецкой (Trubetskoj) и построил там 4 села. Об этом подробно рассказывает Герхард Лоренц (Gerhard Lorenz) в своей книге «Заградовка» (Zagradowka).

Туда переселились несколько семей из Александерфельд (Alexanderfeld), одна из которых молодая семья Иоганна Гисбрехта (Johann Giesbrechts). Но эта колония во времена Советского Союза в 20-х годах была ликвидирована.

Иоганн Гисбрехт (Johann Giesbrecht) был схвачен махновцами и умер в Александерфельд (Alexanderfeld) от ушиба почек. Он был дедушкой моей жены Елены Эпп (Helene Epp), девичья фамилия Гисбрехт (Giesbrecht).

И вот наступил «переворот» в сельском хозяйстве – коллективизация, которая в глазах крестьян была чуждой и ненадежной, а также вызывала страх и отвращение перед будущим, особенно у тех, кто сумел стать зажиточным к тому времени.

Многие из крестьян не имели никакого права работать в колхозе, только разве помогать при голосовании, а многие из них были отправлены в ссылку на Урал или в Сибирь, где большинство умерли от голодной смерти или обморожения.

Политика предоставления жилья была ужесточена, поскольку из Трубецкого (Trubetskoj) возвращались люди, с Волыни происходил наплыв переселенцев, все нуждались в жилье.

Тогда по левую сторону села в направлении Новопавловки (Nowopawlowka), позади лесной полосы начали выдавать земельные участки под строительство, единственной проблемой было лишь то, что не хватало строительных материалов и необходимых средств. Большинство начинали с мазанок (землянок), маленьких и скромных. На этот случай люди нуждались в обеспечении рабочей силой со стороны русского населения.

Здесь, в этом ряду улицы, ближе к концу в сторону Новопавловки (Nowopawlowka), построился также Петер Янцен (Peter Janzen) со своей женой Легой (Leha), девичья фамилия Кьон (Köhn), у которой был в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) свой домик.

Со временем его отец Арон Янцен (Aron Janzen) с двумя незамужними дочерьми и женой построили на земельном участке своего сына мазанку. Одна из его дочерей Анна вышла замуж за сына покойного Иоганна Гисбрехта (Johann Giesbrecht), который был дядей моей жене и умер уже в Канаде.

В 1934 году семья Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrecht) также построила домик по правую сторону от Новопавловки (Nowopawlowka), их дом был третьим от конца села, где им бабушка Кьон (Köhn) вырастила большой сад и где жила с ними на протяжении 3 лет, о чем она описывала в своей биографии.

Это было кусочком родины для семьи Герхарда и Лизы Гисбрехт (Gerhard und Lise Giesbrecht), девичья фамилия Кьон (Köhn), так же как и для моей жены и ее братьев и сестер, о которых они вспоминали до конца жизни, хотя прожили там всего 9 лет.

Эмиграция в Канаду и Германию была серьезным решением для жителей Александерфельд (Alexanderfeld). Также как и для семей Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrechts), Кьон (Köhns), Янцен (Janzen), Исаак (Isaak) и многих других, поскольку вышеперечисленные семьи потерпели крах в своих намерениях, и им больше ничего не оставалось, как сначала ехать в Москву, а потом возвращаться голодными назад.

Поздней осенью 1929 года границы были закрыты, теперь не было и речи о Канаде и Германии.

К этому времени наши родители Бернгард и Анна Эпп (Bernhard und Anna Epp) уже жили в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) в конце села. Примерно в 1922 году отец купил ветряную мельницу и промышлял этим несколько лет.

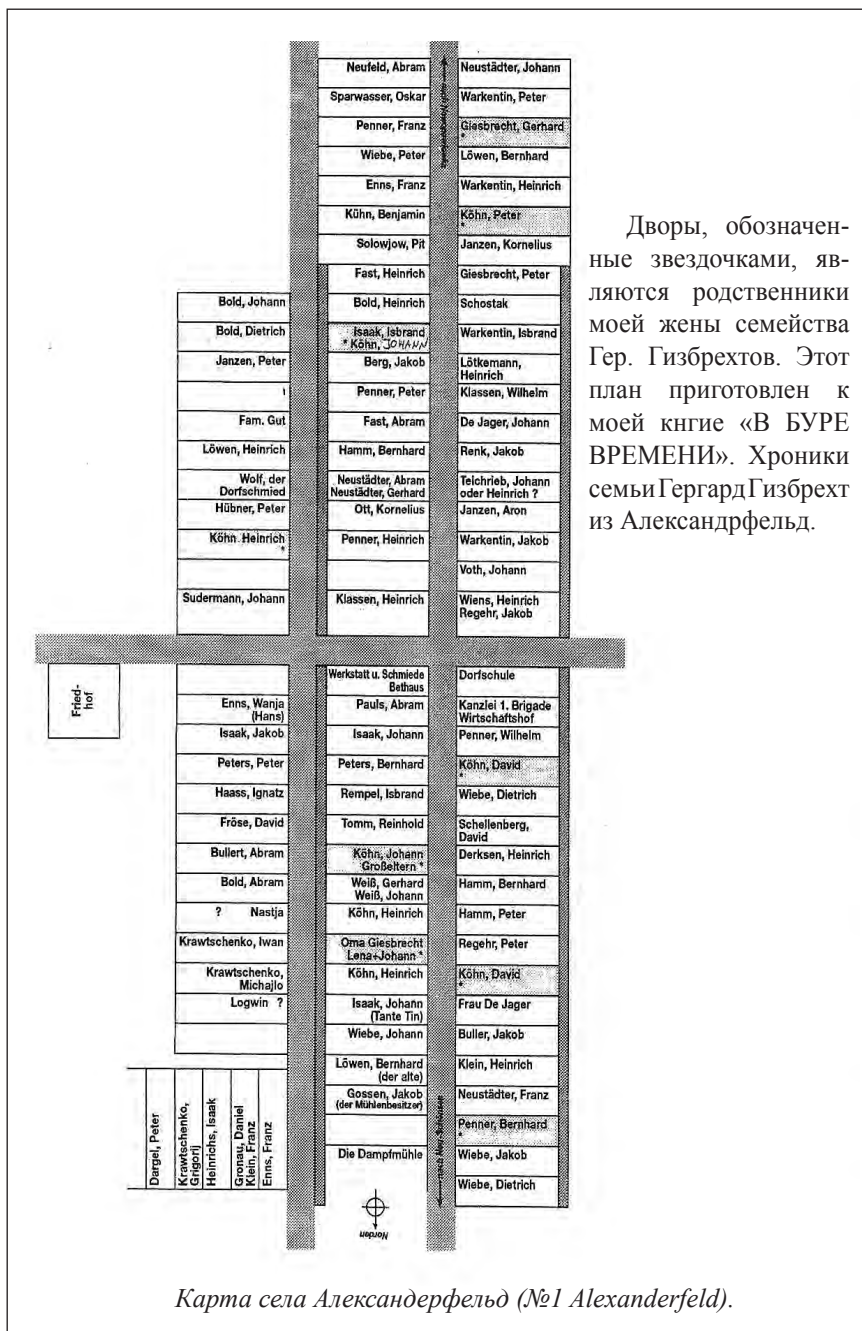
После голодомора 1921 года пришла эпидемия тифа, во время которой в больницу слегли его жена Анна, девичья фамилия Дюк (Dück), три их дочери, а моих сводных сестры. Отец за несколько месяцев похоронил четверо душ.

В то время он не мог понять Бога, за что он такое пережил. Он женился на моей маме Маргарет Эпп (Margareta Epp), девичья фамилия Дюк (Dück), сестре Анны. Это был юбилейный 50-й год основания Заградовской колонии (Zagradower), который был увенчан голодом и чумой.

Отец продал свой дом и купил напротив центральной школы поперечное здание, где мы, трое детей, и родились. Иоганн (Johann), Лена (Lena) и я имели по маме Анне сестру Тину (Tina) и брата Бернгарда (Bernhard), по маме Маргарет (Margareta), одна наша сестра тоже умерла, а в 1935 году умерла и мама Маргарет (Margareta).

Таким образом, в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) в нашем семейном склепе были похоронены мама Анна, четыре сестры и мама Маргарет (Margareta). В октябре 1926 года родной брат отца Иоганн Эпп (Johann Epp) также решил эмигрировать в Канаду, но мой отец хотел пережить советские времена здесь, даже в ущерб себе.

На карте состоянием на октябрь 1926 года в Александерфельд (Alexanderfeld) на центральной улице напротив сельской школы изображена усадьба Якоба Регера (Jakob Regehr), священника менонитской церкви.

Дворы, обозначенные звездочками, являются родственники моей жены семейства Гер. Гизбрехтов. Этот план приготовлен к моей книге «В БУРЕ ВРЕМЕНИ». Хроники семьи Гергард Гизбрехт из Александрфельд.

Карта села Александрфельд (№1 Alexanderfeld).

Юстина Регер (Justina Regehr) была сестрой нашего отца, а хозяйство принадлежало нашим дедушке и бабушке, Бернгарду и Катарине Эпп (Bernhard und Katharina Epp), девичья фамилия Исаак (Isaak), которых похоронили на кладбище в Александерфельд (Alexanderfeld).

Первая супружеская пара слева – Исаак и Элизабет Гюберт (Isaak und Elisabeth Hübert), девичья фамилия Эпп (Epp), которые в то время проживали в Александерфельд (Alexanderfeld) по левую сторону улицы от Новопавловки (Noworawlowka).

И вот пришло время попрощаться с меннонитством навсегда. Так Бог по-особому покончил в 20-м веке с меннонитами, жителями Александерфельд (Alexanderfeld) и других колоний Заградовки (Zagradower). Они не соблюдали Божьих заповедей и Христианской морали, поэтому Господь применил к ним кнут и таким образом наказал их.

Отношения между украинцами и немцами

Начиная с первой мировой войны, революции, гражданской войны, которые произошли из-за человеческой зависти и ненависти, а также из-за жадности, Бог полностью был вытеснен из жизни человека. Все вокруг разорялось, разграблялось, убивали людей, и все это делалось под покровом ночи.

В Александерфельд (Alexanderfeld) у нашего дяди Исаака (Isaak) и тети Лизы Гюберт (Lise Hüberts) пытались украсть двух черных жеребцов. Воры приставили лестницу к слуховому окну конюшни, оттуда попали на сеновал, а там и вовнутрь конюшни. Хотя они и отвязали лошадей, но не смогли вывести из помещения, так как дядя Исаак (Isaak) приковал коней за их передние ноги, и ворами ничего не оставалось, как пойти с пустыми руками. Это был единственный случай в Александерфельд (Alexanderfeld), о котором мне лично известно.

Другой случай был в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee). В 1920 году на Генриха Янца (Heinrich Janzen) в собственном доме напали бандиты и застрелили. Он был хорошим борцом, но это

ему не помогло, его все равно застрелили. Он жил на левой стороне улицы от Фриденсфельд № 3 (Friedensfeld), второй дом от средней улицы (дороги). Сначала в нем в советское время был сельский совет, до и после советского правления это была сельская школа.

К нам тоже как-то ворвались в дом, что напротив центральной школы, но родители их вовремя заметили, отец схватил топор и хотел догонять, но воры умчались прочь на телегах и он мог только рубить им эти телеги топором вслед. Со стороны отца было глупостью преследовать воров именно таким способом – это могло стоить ему жизни.

Еще один случай произошел в Мюнстерберге (№ 11 Münsterberg) или Долиновке (Dolinowka) у Генриха Вибе (Heinrich Wiebe). Об этом рассказала нам его дочь Мария Классен (Maria Klassen), девичья фамилия Вибе (Wiebe), наша бывшая невестка от первого брака с Якобом Госсе (Jakob Gosse), который жил у нас как приемный сын. Мария описывает детально это событие в книге «Нет жизни» ("Nein Leben").

Однажды ночью, когда отца дома не было, что стало известно ворами, хозяева услышали у дверей конюшни легкий шум, словно кто-то хотел их открыть. Здесь мать Вибе (Wiebe) схватила ружье, которым владели «беззащитные и безоружные меннониты» Вибе (Wieben), тихонько открыла окно со стороны двора, нацелилась в темноту в направлении конюшни и спустила курок. Когда раздался выстрел, воры скрылись в направлении Ингульца (Ingulez), где они оставили телеги.

Наутро следы крови вели к реке. Это могло стоить даже человеческой жизни, но там был только раненый. Семья Генриха Вибе (Heinrich Wieben) была богатой, они были в хороших отношениях с украинцами, помогали друг другу в беде, также нанимали батраков.

20 июня 1931 года вместе с другими 13 менонитскими семьями они были вывезены на Урал. Там умерли их родители, брат Генрих (Heinrich) исчез на Урале, они уже его никогда не видели с тех пор.

Еще раньше пришелся на заградовских меннонитов ужасный удар со стороны бандформирований махновцев, вошедших в мировую историю, но ничего не делается без воли Господа, и так, наверное, должно было быть.

Затем следовало лишение собственности и коллективизация. Это красиво звучало: «Земля - крестьянам!», но только чтобы отобрать зерно для государства. Все ли крестьяне в Александерфельд (Alexanderfeld) вступили в колхоз, этого я не знаю, но крестьян-единоличников обременяли высокими налогами и они, в конце концов, были вынуждены капитулировать.

Работа на колхозном поле.

Границы полей были уничтожены, что и привело к образованию одного большого общего поля. На протяжении 1932–1933 годов были насажены лесные полосы и, таким образом, поля получили совсем другой вид: вся собственность колхоза эксплуатировалась совместно, и только в некоторых крестьян сжималось сердце, когда они видели, как на их лошадях ездят другие, их крупный рогатый скот худой и голодный, а в их домах жили чужие люди. Но так должно было быть, они были вынуждены все это принять.

*Работа
на колхозном
дворе.*

Председателя колхоза назначали из района, и он нес ответственность за производительность и выполнение поставленных планов на сельскохозяйственную продукцию: на зерно, на заготовку мяса, яиц, шерсти и так далее. Даже за дисциплину на рабочем месте и культурную жизнь колхоза.

Эти председатели часто менялись по разным причинам – из-за безнравственности, из-за недоверия со стороны правительства или через наказание вследствие расточительности колхозных средств или чего-то другого.

В Александерфельд (Alexanderfeld) также поменяли нескольких председателей. По рассказам стариков из Александерфельд (Alexanderfeld) в течение долгого периода времени председателем был некто Эннс (Enns), который переселился сюда из другого села. Насколько я помню, председателем там также был Абрам Буллер (Abram Buller), а после Буллера у власти был какой-то Попович (Popowitsch).

Насколько я знаю, Александерфельд (Alexanderfeld) был для Заградовки колонией № 1 как в понимании алфавита, так и сельскохозяйственном развитии, точно так же как и для нашего сельского совета, к которому она принадлежала.

Она имела очень большие и хорошие сады и виноградники, ее система отвода воды была построена в направлении Новопавловки (Nowopawlowka), в то время как в Ной-Шьонзее (Neu-

Schönsee) вода в закупоренных каналах начала накапливаться и застаиваться как в корыте, что привело там к гибели садов.

Молодой сад – будущее колонии.

Большим преимуществом были также паровая мельница и маслобойня, которые обеспечивали все окрестные села мукой и маслом, это производство в свое время покрывало потребности всей Заградовки (Sagradowka) и нескольких русских деревень.

На этом производстве, которое принадлежало помещику Госсену (Gossen), работали также и русские специалисты, которые мирно уживались с меннонитами, а украинские дети учились и играли вместе с менонитскими детьми, разговаривали, пели и думали, как и они о том, как все прекрасно. Все разрушила и уничтожила Вторая мировая война.

На моем плане села Александерфельд (Alexanderfeld), который я сделал с помощью Якоба Кьон (Jakob Köhn), из моей книги «В буре времени» («Im Sturm der Zeit») представлены некоторые украинские семьи, такие как Соловьев Пит (Тит?), Шостак (Solowjow Pit, Schostak), Логвин(ов?) (Logwien), Кравченко Михаил (Krawtschenko Michajlo), Кравченко Иван (Krawtschenko Iwan),? Настя (? Nastja). Так было во времена Второй мировой войны.

Эта книга – своеобразная хроника семьи Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrecht) из Александерфельд (Alexanderfeld), благодаря правильному хозяйствованию которой и установился тесный контакт между моими родителями и родителями моей

жены. Этот план я тоже передаю вам для обозрения наряду со своими записями.

Когда мы были детьми, то Александерфельд (№1 Alexanderfeld) всегда казался нам самым лучшим на свете, когда мы там посещали своих родственников.

Среди специалистов на конец 1937 года в колхозе имени Карла Маркса работали: агрономом – Петер Регер (Peter Regehr), бригадиром – Иоганн Исаак (Johan Isaak), бухгалтером – Якоб Варкентин (Jakob Warkentin), секретарем - Бернгард Льовен (Bernhard Löwen), экономистом – Иоганн Исаак (Johan Isaak), затем Шелленберг (Schellenberg) и другие.

Для лучших результатов в 1935–1936 годах была сооружена электростанция с мотором на нефтепродуктах и генератором вместе с электрическими линиями.

И вот, наконец, в Александерфельд (Alexanderfeld) появилось электрическое освещение, но не во всем селе, поскольку кабеля не хватило на все дома, не хватило его в направлении Новопавловки (Nowopawlowka), семья Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrechts) также осталась без освещения.

Другой наградой для жителей села была радиофикация в 1939 году. Она должна была служить потребностям политики и для информирования колхозников и решения проблем села. Благодаря этому Александерфельд (Alexanderfeld) стал ведущим селом-образцом для других сел в Заградовке (Sagradowka).

Это было заслугой не только председателя, но и трудового коллектива, и когда в 2007 году я пришел в Озеровскую школу, нам напомнили об Абраме Буллере (Abram Buller), как о герое труда, который был на доске почета – это хороший след меннонитов из Александерфельд (Alexanderfeld).

Жизнь меннонитов в трудные времена

В те времена духовная жизнь в Александерфельд (Alexanderfeld) подавлялась, многое было запрещено, тьма проникла в сердца людей, а большинство разочаровалось в жизни.

Псалом 39 стих 8 (у русских пс. 38 ст. 8) говорится: «Господи, что должно меня утешить? Я надеюсь на тебя». В трудные времена для меннонитов свойственно было петь.

Один поэт высказался так:

*«Песня украшает жизнь, песня радует сердце;
Ее нам подарил Господь, чтобы облегчить горе и боль».*

Этому следовали и меннониты из их старой родины в Западной Пруссии, что и сохраняло в них мужество и отвагу ежедневно. Это также практиковалось и в Александерфельд (Alexanderfeld). Во многих домах были музыкальные инструменты, которые брали в руки, чтобы разогнать горе и боль, а также не падать духом. Для соседей всегда было радостно услышать доброжелательное слово, положенное на гармоничную мелодию и, конечно же, присоединиться к пению.

В те времена было значительно меньше музыкальных инструментов по сравнению с настоящим, но гитар, мандолин, балалаек, скрипок, гармоний, гармошек-двухрядок было вполне достаточно, чтобы создавать прекрасные аккорды.

Таким образом, в Александерфельд (Alexanderfeld) возник музыкальный кружок как для молодежи, так и для старших людей, чтобы они там пели и играли. Это была светская потребность, но вовсе не духовная, и все это привело людей к танцам и удовлетворению этих потребностей, и даже к греху. Это были времена, когда духовная жизнь отошла на задний план, на свою погибель.

В то время в Заградовке (Sagradowka) не было музыкальной школы, это были просто таланты от Бога, которыми он одарял людей, для того чтобы приглушить их горе и боль.

Например, семья Петера Кьон (Peter Köhn), дочь Тина (Tina), сын Генрих (Heinrich), сын Иоганн (Johann) и маленький Петерхен (Peterchen). Отец за решеткой, мать Труда (Truda) больна, ей вырезали три четверти желудка, ни одного человека, кто бы зарабатывал им на хлеб, Тине старшей – всего 14 лет.

Спрашивается: «Господи, что должно их утешить?» Именно

они играли на мандолине и балалайке и пели при этом: «Я надеюсь на тебя». Пели также народные песни и светские, которые не должны были принадлежать к враждебным, чтобы не попасть в тюрьму.

Учителя расспрашивали у школьников, молятся ли они дома, читают ли Библию, празднуют ли религиозные праздники, и всегда узнавали, так как большинство детей говорили правду, многие только краснели и молчали, поэтому большинство родителей не были уверены в своем завтра, и будут ли они еще со своей семьей.

Дети Якоба Буллера (Jakob Buller) остались дома одни, их родителей арестовали, и они больше не вернулись домой. Где могли эти дети найти родительскую любовь? Их поделили между родственниками, когда выросли, они позже все пережили.

Даже в самые тяжелые времена меннониты искали утешение в Бога. Хотя мир уже и потерял Бога, глубоко верующие не могли этого принять. Такой талант к песне был также и в украинцев, и я верю, что не только для отрады, но был талант и в культуре.

Где бы мы ни были в мире, а мы были и в Германии, и в России, в ссылке (там мы тоже были) мы возвращались мыслями к родине, где русские соседи под конец рабочего дня после дневного зноя измученные возвращались на телеге домой, и пели свои песни. То ли это были новопавловцы, то ли новомировцы, то ли зеленогайцы (Nowo-Pawlower, Nowomirower, Selenheier) - всегда было слышно их пение, и при этом очень красивое.

Лето 1943 года мы прожили в селе Заградовка (Sagradowka) в очень тесных взаимоотношениях, когда молодежь из Шестерни (Schesternja) собиралась на берегу Ингульца (Ingulez), река покрывалась туманом и молодежь начинала свои песни. Было ли это вызвано нуждой или весельем сердец, я точно сказать не могу, но слушать эти песни было мило, и это осталось в наших сердцах. Как говорится в песне, которая была подана выше:

*«Песня украшает жизнь, песня радует сердце,
Ее нам подарил Господь, чтобы облегчить горе и боль».
Так должно быть и сегодня.*

Заградовские пейзажи 70 лет спустя.

В городской книге «Espelkamp» представлено описание составителя песен от русских военнопленных, здесь в «МУНА» («MUNA»), тогдашней фабрике боеприпасов, были вынуждены заниматься тяжелой земляной работой, а потом вечером пели замечательные этнические песни, такие, которые проникали и обращались к сердцу.

И мы приносили им чего-нибудь съедобного через забор, хотя за это и было наказание, и поэтому все делалось тайно. Песня обращалась к нашим сердцам. В это время в Германии часто бывали донские казаки с их песнями и завораживали народ их талантом, который подарил им Бог. Талант он дал им, «чтобы облегчить горе и боль».

В Александерфельд (Alexanderfeld) было принято, что в семье, в которой на время задерживалось какое-то горе, ходить вместе с желающими петь ночью от окна к окну и находить в песне отраду. Таким образом, и возник у нас этот способ распространения радостных вестей в ночную тишину, например, извещать о рождении Иисуса или воспевать воскресение мертвых. Песня была как будто бальзам для истощенной души.

Множество расстроенных душ было в Александерфельд (Alexanderfeld)

Безнравственность постепенно увеличивалась и соблазняла людей к греху и несправедливости, люди впадали в отчаяние и прибегали к самоубийству, потому что они не находили больше поддержки в этом мире. Некоторые из таких случаев были и в Александерфельд (Alexanderfeld), что приводило крестьян в ужас.

Первый случай – обманчивое самоубийство в начале 30-х годов. Это был уже известный нам Дюк (Dück), дядя моей матери, жена которого умерла, и он женился на вдове, с которой у него была также дочь. Дядя уже имел 3 сыновей.

Но женщина не влюбила их и постоянно думала о том, чтобы выгнать их из дома. В семье не было мира, пока старшему сыну не стукнуло 16, и он не начал работать в колхозе в Озеровке (Oserowka). Но мира не было и дальше. Однажды она приготовила ему на обед жареную картошку и подсыпала яда в картофель, после чего он упал. Женщина со своей дочерью сделали ему петлю на шее и повесили в конюшне, как будто он сделал все это сам.

Во время похорон случайно проходивший русский нищий, который уже видел такого рода смерти, сказал: «Он не повесился». Но это не приняли во внимание, криминальная полиция не захотела принимать в этом участия, и все осталось тайной. Она получила дом, но совесть так и не проснулась в сердце вплоть до ее предсмертного часа, поскольку она никак не могла умереть. Она признала все же свою вину перед Богом и людьми, признала, что была убийцей.

Второй случай произошел тоже в эти годы с одним человеком, который в своем отчаянии не имел никакой поддержки в жизни и больше не верил в Бога, и нечистый взял все в свои руки и привел его к самоубийству, перерезав горло.

Это был период отчаяния для людей, когда они отошли от Бога, и господствовал нечистый и его порядок. Дом этого че-

ловека стоял ближе к концу села на левой стороне улицы в сторону Новопавловки (Nowopawlowka). Каждого, кто проходил мимо этого дома, охватывали дрожь и страх от ужасной картины человеческой безнравственности. Такие жертвы всегда хоронились за пределами кладбища меннонитов.

Еще один случай произошел с русской девушкой, которая забеременела и поддалась отчаянию. И здесь также нечистый уговорил ее: «Покончи со своей жизнью. Стыд является слишком большим, ты не сможешь его перенести».

Тогда в колхозах уже были грузовые машины «полторки». Этими машинами люди охотно ездили то ли забрать зерно из комбайна, то ли поехать на станцию (Белая Криница) в качестве грузчиков. Русская девушка ухватилась за дверь кабины и в то время, когда автомобиль начал двигаться, бросилась под переднее колесо. Вскоре об этом стало известно во всей Заградовке (Sagradowka), и в сердцах людей поселились ужас и соболезнования родственникам погибшей.

Также и в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) случались подобные случаи. Старушка пыталась совершить самоубийство через повешение, но была остановлена, ей помешали исполнить свое намерение, вовремя сняв у нее с шеи петлю. Она не могла смириться со своим одиночеством.

Два человека, Рихерт и Льовен (Richert und Löwen), покончили с жизнью, перерезав себе горло, и сразу пошли в ад, потому что послушались совета дьявола.

Школьная система и образование в Александерфельд (Alexanderfeld)

Посещение школы уже тогда было обязательным, и подчиняться этому должно было все население. В Александерфельд (Alexanderfeld) была сельская школа с 4-мя классами, которую все заканчивали, кроме некоторых. Те, которые для этого не были достаточно умными, не доходили до 4 класса, а те, которым учеба давалась легко, говорили: «Сталин сказал: «За-

кончить 4 класса и работать в колхозе». Это был своеобразный девиз, поскольку им легче было работать, чем учиться. Для них важнее были трудодни, которыми их награждали, которых не всегда хватало, но даже этим они уже гордились.

В 1938 году в Александерфельд (Alexanderfeld) произошли радикальные изменения. Отменялось преподавание на нашем родном языке, а обучение проводилось только на русском. Мы чувствовали себя как люди, которые не умеют плавать, но которых бросили в воду. Особенно ученики 1–3 классов, которые еще не изучали русского языка и воспринимали его как иностранный.

Для обучения из Озеровки (Oserowka) нам дали русскую учительницу, которая не знала ни слова по-немецки. Мы так отстали от программы, что через 2 месяца наша учительница Раиса Ивановна (Raissa Iwanowna) была заменена немецким учителем, который смог объяснить нам все на нашем родном языке и в дальнейшем нам помогать.

Были школьники, которые после сельской школы еще учились и в центральной школе в Озеровке (Oserowka) до 7 класса. Для жителей Александерфельд (Alexanderfeld) это было уже труднее, особенно из-за расстояния – зимой и весной, когда шел снег, везде была грязь. Они нуждались в интернате, но для многих это было невозможно.

После центральной школы некоторые учащиеся шли учиться в Гальбштадт (Halbstadt) в колонии Молочная (Molotschnaja) или в другие города. Из Александерфельд (Alexanderfeld) было несколько таких учеников, такие как Якоб Кьон (Jakob Köhn) (мой кузен), Тина Зудерман (Tina Sudermann) и некто Эннс (Enns), которые изучали медицину. Это был конец 30-х годов, когда они успешно закончили свое обучение до начала войны.

Молодые люди изучали и другие профессии, которые пользовались спросом в колхозе, – садовник, ветеринар, воспитатель детсада и так далее. После больших репрессий наших отцов и матерей, братьев и сестер стало труднее в плане дальнейшего

образования, было много препятствий.

Во время войны образование хромало, не хватало учебного материала, учителей. Это было в начале оккупации Заградовки (Sagradowka) немецкими войсками, потом были введены воскресные школы и религиозная и духовная жизнь начала возрождаться и нарастать. Целебная божья наука проникала в села, в тела и души.

Произошло пробуждение, люди снова обращались к Богу, получали прощение своих грехов, а те, которые когда-то были верующими, получали прощение своей вины или греха и таким образом присоединялись к меннонитскому сообществу.

Пришло время, о котором Иисус в Евангелие от Матфея раздел 28 стих 20 сказал: «Идите повсюду и учите народы и крестите их во имя Отца и Сына и Святого Духа и учите соблюдать все, что я повелел вам. Смотрите, я с вами все дни до конца света». Эта миссия не закончена еще и сегодня.

Учеба в 1941–1943 г.г. снова была на немецком языке. Преподавание с немецкими учителями и уроками по религии было и в Александерфельд (Alexanderfeld) в 5 классе. Классным руководителем был Дерксен Иоганн (Derksen Johann) из Фриденсфельд (Friedensfeld). Он был хромой, но имел талант к преподаванию. Этот 5 класс был также их последним учебным годом в жизни, потом было бегство на Запад, плен, принудительный вывоз и принудительный труд.

Таким образом проходили детство и юность, вдали от родины. Мы стремились вспомнить все, чтобы снова это пережить. Господь вовсе не хотел, чтобы с ними такое произошло, Он хотел дать им другую земную родину и большинству из них подарить райское убежище.

**Eine Grundschuleklasse in Alexanderfeld mit Lehrer Fritz Eiteneier.
Von links die erste stehend ist Lina Giesbrecht(Djupin) meine
Schwägerin, somit noch viele Bekannte und Verwandten.**

Это фото из классного кабинета в Александерфельд (Alexanderfeld) вместе с учителем Фритцом Айтенаером (Fritz Eiteneier). На нем есть и украинские дети, которые были очень истощены. Об этом остались только воспоминания. Среди них во втором ряду справа от учительницы стоит Кучерявенко (Гринь) Ольга Федоровна.

Некоторые трагические случаи в Александерфельд (Alexanderfeld)

В Александерфельд (Alexanderfeld) был один сельский кузнец Соловьев Пит (Тит?) (Solowjow Pit (Tit?)), у которого был сын Петер (Peter). Было как раз время уборки урожая, когда комбайны собирали на полях зерно. Это было большим событием и для Петера Соловьева (Peter Solowjow). Ему было всего 12 лет (род. 1924 г.) У него была возможность находиться на

комбайне. Любимым его местом был бункер для зерна, куда оно попадало из бункера молотилки и при выгрузке бункера проходило через разгрузочный шнек (стержень со сплошной винтовой гранью вдоль продольной оси).

Петер (Peter) был в бункере во время выгрузки зерна, а его друг Якоб Буллер (Jakob Buller) стоял на штурвальном мостике, когда это случилось. Нога Петера (Peter) наступила на разгрузочный шнек, и ее сразу же оторвало. Его еще успели отвезти в больницу, но он там и умер.

Это случилось, когда мне было 7 лет, а потом я много об этом думал и в течение моей 30-летней профессиональной жизни, как комбайнера, в бывшем Советском Союзе я никогда не позволял детям находиться в бункере для зерна во время разгрузки.

Вскоре после этого на семью Соловьевых (Solowjows) пришлось еще одно несчастье. Как уже упоминалось выше, таким оказалось самоубийство. Случилось это с их дочерью Марией Соловьевой (Maria Solowjowa), которую соблазнил председатель П.....ч (P.....ch), и она была в отчаянии. На родителях эта трагедия очень отразилась.

Еще один несчастный случай на производстве произошел на паровой мельнице с рабочим Шостак (Schostak), которого захватило маховое колесо и насмерть прибило об землю. Все эти случаи были кошмаром для всей Заградовки (Sagradowka).

Духовная жизнь и медицинское обслуживание

Как уже упоминалось, духовная жизнь подавлялась и приходила в упадок. Однако не все люди погасли духовно, когда закрыли собрание. Молитвенный дом перестроили в кузницу и столярку. Проповедник Вильгельм Льовен (Willhelm Löwen) был осужден и «искуплял» свою вину в тюрьме. Его жена умерла, а детей разделили между собой родственники и знакомые. Эти события запугали людей, они больше не говорили о Боге.

В 1938 году отдел здравоохранения из Тиге (№8 Tiege) на-

правил в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) Иоганнеса Кляйна (Johannes Klein) врачом, чтобы он обслуживал Александерфельд (Alexanderfeld), Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) и Фриденсфельд (Friedensfeld). Этот Иоганнес Кляйн (Johannes Klein) уже «искупил» свою вину за веру и вышел на свободу.

Он был хорошим врачом, как для души, так и для тела. Образованный проповедник, слуга Божий, но тайно от правительства и от предателей.

Когда он навещал больных дома, то встречал протест, а когда говорил о духовном, а особенно, когда он видел Библию в доме, то пытался говорить о спасении души. Он завоевал одобрение и доверие среди жителей этих сел. Больница находилась в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) там, где она стоит и сейчас, а жил врач во второй половине дома, где теперь находится сельский совет.

Незадолго до начала войны брат Вильгельм Льовен (Willhelm Löwen) вернулся из изгнания назад к своей семье в Александерфельд (Alexanderfeld), женился на одинокой старшей сестре Хелене Берг (Helene Berg) из Альтонау (№ 9 Altonau).

В Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) внедрили амбулаторное (поликлиническое) лечение, но рожали в больнице. В Тиге (№ 8 Tiege) была огромная больница с большим количеством медперсонала и лучшими специалистами. Эта больница еще и до сих пор работает в Тиге (Tiege) и это помощь населению, хотя и не хватает различного оборудования и лекарств, но пусть им Бог помогает.

Господь признает благодетелей

В то время проживал в Александерфельд (Alexanderfeld) верующий сапожник Бенямин Кюн (Benjamin Kühn), который жил согласно Божим заповедям. 6-е послание к Галатам от апостола Павла, стих 10, гласит: «Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, в частности, родным в вере». И он воплощал это в жизнь на примере бедного русского мальчика, пасшего в селе телят.

Всегда, когда малый забирал у сапожника теленка в стадо, то сапожник звал пастушка покушать, либо приносил ему хороший кусок пирога или бутерброд, и это на мальчика всегда оказывало благотворное влияние. Многие кричали и придирались к мальчику за различные вещи, но Кюн (Kühn) творил добро, и в этом была его победа в этом мире.

Это было в 20-е годы, когда этот пастух служил в Александерфельд (Alexanderfeld), и он вспомнил все это во времена репрессий в конце 30-х. Бенямина Кюна (Benjamin Kühn) арестовали и бросили в тюрьму в Херсоне. Со временем он стал перед следователем, который его спросил: «Почему вы здесь, товарищ Кюн (Kühn)?». «Я этого не знаю», – был его ответ. Следователь спросил: «А вы меня не знаете?». «Нет, я вас не знаю», – ответил Кюн (Kühn).

Тогда следователь спросил: «Припоминаете пастуха, который пас телят у вас в Александерфельд (Alexanderfeld)? Это я был тем пастухом, для которого вы сделали много хорошего и сейчас все уже готово для того, чтобы признать вас невиновным и освободить». И таким образом Бенямин Кюн (Benjamin Kühn) вернулся из тюрьмы домой, как свидетельство чуда Господнего, и стал настоящим Христом в кругу его семьи и в родном селе.

Вернулся также из тюрьмы и Генрих Больд (Heinrich Bold), но он был уже живым трупом, и вскоре умер дома. За несколько месяцев в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) вернулась из тюрьмы Фрау Дюк (Frau Dück), но ее муж Иоганн Дюк (Johann Dück) остался там навсегда.

Исаак Плэтт (Isaak Plett) тоже вернулся едва живым из тюрьмы Херсона. Перед смертью приказал позвать нашу мать, чтобы рассказать ей о нашем отце, который при допросе подвергался пыткам, а позже скончался уже на свободе. Они должны были отречься от духовного мира под угрозой смерти.

Работа с молодежью в Заградовской колонии

Работа с молодежью была всеобщей со стороны власти, молодежь мотивировали изменяться в пользу социализма, добавляя им смелости для их же собственного будущего, хотя не всегда власти это удавалось. Создавались различные кружки – спортивные, музыкальные, театральные, рукоделья. Были введены нормы ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона СССР) и ГТО («Готов к труду и обороне»), выдавались значки, такие как знак «Ворошиловский стрелок» при комсомоле.

Таким образом, грудь молодежи вскоре была полностью в значках, которыми они гордились, но когда приходил отбор в армию, их не брали, поскольку их родители или родственники были репрессированными, как враги народа или как предатели. Такие события негативно влияли на молодых людей. Они занимались лишь культурными делами, поскольку все это могло иметь для них негативные последствия, враг всегда был рядом, чтобы заявить на них и посадить в тюрьму.

Советские праздники повсюду выносились на первое место. Это и демонстрации в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) на велосипедах и лошадях, подобно кавалерии, и марши легкоатлетов. Среди молодежи витал советский дух. Национальность также вызывала проблему во время обучения или дальнейшего образования (развития), это было препятствием как для нас, так и для наших детей.

Такое впечатление, будто в моих воспоминаниях много говорится об истории беспомощности меннонитов, но это не так, это было время духовного затишья, и молодежь не воспринимала беззащитность меннонитов как нечто законное, реальное, истинное, как это делали их родители.

Она ставила на первое место обобществление отношений их поколения, притом, что еще 10 лет назад молодые люди отбывали службу в лесном хозяйстве в Заградовке

(Sagradowka) во Владимирском (Wladimerow) лесничестве, другие под Москвой (Moskau), как эти мужчины с Александерфельд (Alexanderfeld) на фотографии в момент, когда они обедают.

Служба в лесном хозяйстве. Обеденный отдых.

Работа молодежи в колхозе пользовалась огромным спросом и, кроме того, была просто незаменимой в деревне. Была организована девичья тракторная бригада, в которой были и некоторые знакомые девушки из Александерфельд (Alexanderfeld) – Лиза и Мария Варкентин (Liese und Maria Warkentin), с Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) – Лена Эпп (Lena Epp), позже Ренк (Renk), Мария Вибе (Maria Wiebe) с Альтонау (№ 9 Altonau), Тина Винс (Tina Wiens) с Тиге (№ 8 Tiege) и многие другие.

Их бригадиром был Иоганн Эпп (Johann Epp) из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee), который был направлен из МТС (машинно-тракторная станция) в колхоз для выполнения тяжелой работы. Хотя и были женщины-героини в советском обществе, но в те времена бригадирами и механиками могли быть только мужчины, потому что их труд был не из легких при тогдашней технике, которая заводилась вручную, особенно путем перемещения (прокручивания) коллен-

чатого вала, который был изготовлен из свинца и баббита.

Поэтому заводить с помощью пусковой ручки было очень тяжело и для мужчины, и нередко случалось, что двигатель трактора выходил из строя и девушки не могли вновь привести его в движение, в таком случае должен бригадир проходить расстояние иногда в несколько километров через поля, чтобы завести трактор. Таким было тогдашнее равноправие женщин в работе без выбора.

Работа на тракторах сводилась к пахоте, севу или культивированию в поле. Для культивирования использовали так называемые устройства длиной около 6–7 м в виде балок с колесом на каждом конце и приспособлением, чтобы дергать из трактора. Балки регулировались с помощью цепи или веревки в зависимости от расстояния между рядами культур – подсолнечника, кукурузы, картофеля, свеклы или даже просто пустыря.

Культиваторы имели А-образную форму, где переднее колесо было на штативе, а посередине к земле выходила U-подобная нижняя часть острого ножа из стали, и таким образом сорняк срезался примерно на глубине 8 см с помощью работника, управляющего культиватором, который опускал его в землю двумя задними ручками.

В зависимости от расстояния между рядами и ширины лезвия эти устройства прицеплялись сзади трактора; позади трактора шли молодые люди и вели этот культиватор; повсюду летала пыль, таким образом, у 15–18-летних ребят, которые потели весь день за такой работой, к вечеру виднелись только белоснежные зубы.

Междурядья сельскохозяйственных растений женщины очищали с помощью сапы. В каждый культиватор запрягался конь из всадником, который управлял конем (это были 10–14-летние мальчишки, у которых были летние каникулы).

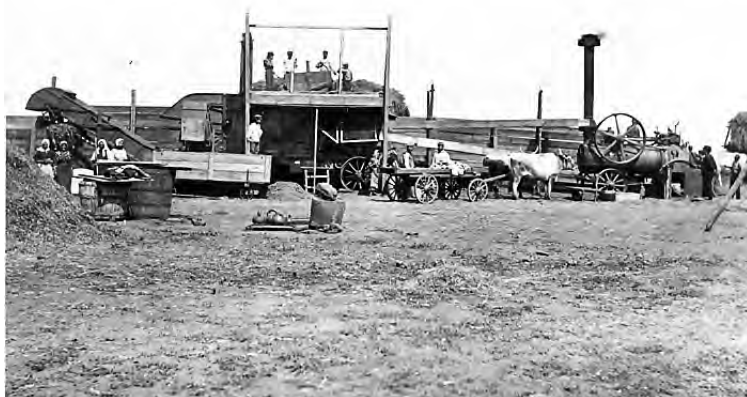
Жатва.

В жатву та же молодежь подвозила необмолоченные снопы к комбайну, грузили и выгружали зерно на полях мужчины и молодые сильные ребята. Позади мужчин были девушки с большими граблями для подбирания со стерни оставленных колосьев и соломы, а мужчины, находившиеся по обе стороны грузовика, с помощью вилок забрасывали все это в кузов.

Все участники работы потели, поскольку работали очень быстро, как на пожаре, большинство комбайнов обрабатывали только те поля, где было мало сорняков. Молотильные машины обслуживались женщинами и девушками, которые отделяли солому от плевел. После этого солома набивалась в приспособление из сетки и деревянных балок диаметром примерно 10 см (так называемую волокушу), и с помощью длинных канатов 4 лошади поднимали снопы наверх, там они освобождались, а потом пустая сетка конем возвращалась к молотильным машинам назад.

Все это уже вошло в привычку среди меннонитов. Зерно из молотильной машины высыпалось в мешки, а из мешков на ток, где оно очищалось и высушивалось. Здесь тоже работали в 2 смены. Паровой двигатель приводил молотильную машину в движение и разогревался соломой. В Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) машинистом на паровых котлах был Якоб Эпп (Jakob Epp), а на молотильных машинах Иоганн Эверт (Johan Ewert).

Они были специалистами по току, а также отвечали за производительность и качество работы.

Сельскохозяйственные работы на току.

Перерыв на отдых случался редко, лишь тогда, когда что-то ломалось в машинах и нужно было их ремонтировать. Работники радовались этому, потому что в перерывах между работой разговор шел о трудоднях.

В такие дни не было никаких танцевальных либо других развлекательных вечеров для сельской молодежи. Еду приносили работникам из дому, и это для нас, детей, тоже было своеобразным утешением увидеть в работе братьев и сестер, быть гордыми за то, чем они занимаются и даже мечтать о том, чтобы быть похожими на них.

Те былые времена до сих еще помнит большинство жителей Заградовки (Sagrdowka), и мы всей душой стремились туда в час изгнания, но Господь имел совсем другие намерения относительно нас. Наши родители знали и надеялись, что настанут лучшие времена.

В Александерфельд (Alexanderfeld) по правую сторону от конца села со стороны Новопавловки (Nowopawlowka) был заложен виноградник, о котором в других селах ничего не знали, а по левую сторону – фруктовый сад, который к тому времени уже приносил хороший урожай.

Так выглядел виноградник в 1970-е годы. Бригада пенсионеров 4-го отделения совхоза имени Жданова на уборке урожая.

Когда виноград созревал, виноградник ставили под охрану и однажды летом в качестве охранника наняли маму Лизы Гисбрехт (Lise Giesbrecht), жившую в третьем доме на конце села. Когда мать должна была что-то делать дома, а это было частенько, то ее заменяли дочери Тина (Tina) или Лена (Lena), но даже они не решались кушать виноград, поскольку мать им запрещала, потому что это была собственность колхоза.

Однажды пришел им на смену сын агронома Петер Регер (Peter Regehr) и спросил: «Вы уже пробовали виноград?» Затем он сорвал им пару гроздей, чтобы они съели. Он был уже взрослым и воспринимал все не так серьезно, как девочки Гисбрехт (Giesbrechts). Фруктовый сад давал лучшие абрикосы, которые мы в то время могли найти – великолепные на вид и сладкие на вкус, но сад также тщательно охранялся.

В Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) заведовал фруктовым садом бригадир Якоб Льовен (Jakob Löwen), который жил на средней улице напротив сельского колодца (см. план села). Также здесь были дыни и арбузы, которые тщательно охранялись, но чаще всего вспоминалось об отпугивании ворон, которые наклевывали еще зеленые плоды. Количество ворон очень сильно увеличивалось, а особенно во Владимировском лесничестве

(Wladimirower Forstei), откуда они прилетали стаями на поля кукурузы, подсолнечника и арбузов.

«Дедушка Кьон» (Ора Köhn) Иоганнес Кьон (Johannes Köhn), о котором уже упоминалось ранее, был нанят охранником бахчи (Bakschi), но все удивлялись его трусости. Когда ему внуки доставляли пищу и когда он передавал назад все, что не съел, то тщательно скрывал любые звуки, чтобы не быть замеченным, поскольку он был бывшим кулаком для власти, проповедником церковной общины меннонитов в Николайфельд (Nickolaifeld), и был в черном списке.

Вороны разлетались от страха. Например, от треска, грома или выстрелов, чего он только не придумывал. Хотя они были очень наглые и всегда возвращались снова. Однажды летом я также принимал в этом участие на поле с подсолнечником в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee). Мы запрягли старую кобылу и бегали с ней вдоль всего поля возле бахчи.

Темные ночи в Заградовке (Sagrdowka)

Время темной ночи – это время воровства, ограблений, убийств, краж и других сокрытых дел. Так повелось с древних времен. Библия также сообщает нам о подобного рода делах, которыми люди занимались и раньше. В так называемое мирное время пришел этот ужас и в Александерфельд (Alexanderfeld), и преимущественно он имел место ночью.

Наших родителей до смерти пугали шум мотора или свет от автомобильных фар, поскольку это была темная ночь, и это было время, когда появлялся так называемый «Черный ворон» НКВД, чтобы забирать людей. И даже люди, которые были в стороне от всего этого, которым нечего было бояться, также были взволнованы.

Наутро приходили трагические известия о потерях, имевших место в селе, на рабочем месте то тут, то там не доставало соседа по работе, в школе – учителя, в канцелярии – бухгалтера, председателя колхоза не было на своем месте. В школе появля-

лись дети с красными и заплаканными глазами, выдавая свою боль в детском сердце из-за потери отца или матери, дяди или бабушки, брата или сестры. Все чаще среди одноклассников слышалось: «С этим не играть, его отец – враг народа».

Это все глубоко оседало в сердцах родственников, родители которых были замучены в тюрьмах, в то время как все они были невиновны. В колхозе возрастал недостаток в рабочей силе. На следующий день даже собаки замечали потерю своего хозяина, они выражали свою ужасную участь в трауре и тоске по утраченным членам семьи жутким воем.

Как сказал апостол Павел в послании к римлянам раздел 8 стих 22: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и страдает, по сей день», стих 23: «И не только она, но и мы сами, имея первоплоды Духа, стонем в себе, ожидая усыновления, искупления тела нашего».

Все же пришло решение этим «черным ночам», потому что пришла Вторая мировая война, которая принесла с собой много расставаний и скорби и после завершения которой вновь вернулись «черные ночи». В течение 1947–1949 годов НКВД снова хватало людей, чтобы посадить в тюрьму и опять же, как врагов народа. В то время суд приговаривал в большинстве случаев на 25 лет.

Вторая мировая война была развязана Германией, и это имело для нас, заградовцев, пагубные последствия. Прошло не так уж много времени, как нашей колонии был нанесен серьезный ущерб, потому что 12 сентября немецкие подразделения уже маршировали по нашей территории.

К этому времени всех мужчин от 16 до 60 лет вербовали на рабочую службу, в так называемую «трудовую армию». Во многих сердцах поселилась безнадежность, потому что рабочую силу забирали толпой, вместе с провизией и одеждой – всем тем, что было в очень малом количестве в то время. С тяжелым сердцем 26 августа попрощались мужчины со своими семьями, родственниками или просто соседями.

Отцу, брату или шурина – всем было приказано покинуть

родную землю, родной дом ради чужой стороны. Куда? Насколько? Это оставалось для всех неизвестным и тайным. С ними шло по несколько сопровождающих из числа родных в зависимости от маршрута и расстояния – некоторые до Александерфельд (Alexanderfeld) или Новопавловки (Nowopawlowka), но, в конце концов, они вынуждены были попрощаться.

Председатели колхозов, активисты, члены партии, комсомольские вожаки взяли все под свой контроль и несли ответственность за каждое отдельное село. Скот, тракторы и молотильные машины были эвакуированы еще за несколько дней до этого.

И как только приближался вечер, заградовцев покрывала таинственность. Люди присоединялись к своим родственникам или соседям и вспоминали каждый своих. Где они могут сейчас быть, где спят после тяжелых дневных переходов? Поскольку люди общались вполголоса, то они были на страже и замечали любой шум – всякий мог их заметить и напасть на них. То, что отсутствуют члены семьи, заметили даже собаки, которые усиливали свой лай все больше и больше, так что людям становилось от этого еще печальнее на сердце. Остались только старшие и нетрудоспособные мужчины, но и тех было немного.

Среди пожилых людей был хромым русский учитель Шитиков Дмитрий Александрович (Schitikow Diemitrij Alexanderowitsch), который женился на Марте Эпп (Marta Epp), и о котором большинство людей думало, что он может навести на нас, озеровцев, какую-нибудь шайку, но ничего такого не случилось. Через несколько дней оказалось, что здесь и там дома появлялись юноши, и наш брат Бернгард (Bernhard) также тайком прокрался домой в обеденное время. Воссоединение семей было большим событием, но опасным, младшие братья хотели всем рассказать об этом, но это было бы предательством, что могло стоить им жизни.

Однажды вечером мы видели, как на железнодорожной станции Белая Криница (Belaja Kreniza) горел подожженный сторонниками Советского Союза зерновой элеватор. В одно

из воскресений пришли в наше село советские отряды, заняли колхозные конюшни, сады и дворы с лошадьми, телегами и орудием, которое они имели с собой для подготовки к бою, там они точили свои сабли, приводили в порядок свои штыки и все остальное.

Мы, дети, помним о силе вооружения Красной Армии, которое производили даже в школе и которая, казалась, непобедимой. Но все было не так, как мы думали, потому что когда они маршировали по улице, ни у одного солдата не было винтовки на плече.

Многие женщины были мобилизованы для того, чтобы печь солдатам хлеб. Наша мать вынуждена была также пойти в трактир Янца (Janzens Wirtschaft), где была большая печь и где располагалась вторая бригада.

Поскольку за нами очень следили, наш брат Бернгард (Bernhard) оставался дома один, а дверь за ним закрывали на ключ, чтобы уберечь его от красноармейцев, поскольку первая бригада с большим количеством солдат и лошадей располагалась недалеко от нас, и они все время пытались проникнуть в наш дом.

Поскольку их крики и стуки остались безрезультатными, один из солдат попытался попасть в дом через дверь нашей летней кухни (Hinjathuss), где мы летом ели. Он попытался открыть крючок через полосу дверей с помощью своей сабли, но Бернгард (Bernhard) закрепил крючок шестом. Таким образом, солдату не удалось открыть дверь. За всем этим Бернгард (Bernhard) наблюдал через щель в замке из маленькой комнатки, где его, охватившего страх, могли найти, обнаружить и как дезертира казнить. Но на этот раз Бог пожалел Бернгарда (Bernhard) и его не заметили.

Этот день подошел к концу без особых приключений, хотя русская армия в то время вела себя довольно спокойно, поскольку разведчики, посланные ранее в направлении Заградовки (Sagradowka) к реке Ингулец (Inguletz), вернулись с тревожными новостями «Немцы уже идут!». Это внесло в ряды

русских беспорядок и неразбериху, возникла паника, поскольку они знали, что не выстоят против вермахта (Вооруженные силы фашистской Германии).

Поздним вечером бросились они бежать и переезжать из всех сел Заградовской колонии (Sagradower Kolonie) по большой дороге Херсон–Кривой Рог. Красноармейцы хватали недопеченный хлеб из печи и спешили поскорее покинуть эти места. Мы наблюдали сквозь наши окна, как они, обгоняя друг друга в три ряда телег, ругались и кричали, и так всю ночь, но нам, правда, не причиняли никакого вреда.

И снова воцарилась тишина во всей Заградовке (Sagradow). Но длилась она только 8 дней, пока не появились на мотоциклах немецкие солдаты. Эти 8 дней в неведении были для нас очень длинными, без уверенности в нашем будущем, в наших правах и возможностях.

Молодые люди, которые вернулись домой из-за Днепра (Dnjerf), также начали выходить из своих укрытий, но все еще очень осторожно, тайно, а вечерами они собирались, чтобы ухаживать за немощными.

В это время разыскивали и расспрашивали об отсутствующих мужчинах и юношах, которые все еще не вернулись, о том, где их видели. Потом они расходились, чтобы не блуждать большой толпой.

Из Александерфельд (Alexanderfeld) сбежали на трех телегах три брата, отцы семей. Это были Петер, Якоб и Исбранд Варкентин (Peter, Jakob, Isbrand Warkentin). Видел их Герхард Гисбрехт (Gerhard Giesbrecht), их кузен, с Иоганном Зудерманом (Johan Suderman). Но они их не взяли с собой, и эти трое никогда уже не вернулись домой.

Они, наверное, попали в руки к советским солдатам и были казнены, поскольку расстояние не было таким уж и большим, чтобы не пройти его пешком, и за 4-5 дней не добраться домой, и где можно их было сейчас искать. Не оставалось ничего другого, как просто ждать.

А эти двое, ушедшие из меннонитских сел, пришли в село

Дурилов (Durilow), где их приютили родственники до тех пор, пока не минует опасность. Поскольку в то время не было ни почтовой ни телефонной связи, их семьи находились в постоянной тревоге насчет местонахождения глав их семей. И вот в один из прекрасных сентябрьских дней, когда в Александерфельд (Alexanderfeld) уже стояли немцы, в селе появились обросшие Герхард Гисбрехт (Gerhard Giesbrecht) и Иоганн Зудерман (Johan Suderman). Солдаты передали их своим семьям и сфотографировали. Но не все было так гладко, так как переход линии фронта очень легко им обошелся, но подобное стоило другим заградовцам, насколько мне известно, жизни 6 молодых людей.

Двое немецких связных на мотоциклах направлялись из Александерфельд (Alexanderfeld) в Тиге (Tiege) и, свернув из Тиге (Tiege) по направлению к Альтонау № 9 (Altonnau) и были обстреляны советскими группами с лесополосы. Следовавшие четверо молодых ребят были на пути домой из-за Днепра. Через несколько недель они были найдены мертвыми в лесополосе возле Николайфельд (Nikolaifeld). Родные скорбят о них до сих пор.

Все произошло так: они четверо пробирались через поля и леса, прячась от людей и военных, все ближе к дому, то есть Александеркроне (№17 Alexanderkrone). Поскольку они были на кукурузном поле возле церкви Николайфельд (Nikolaifeld), они заделали телефонный кабель, который тянулся с крыши церкви, где находился наблюдатель, поддерживающий связь с советскими отрядами в лесополосах, он запустил сигнал тревоги, и ребята были пойманы. Здесь их разоблачили, и они там были казнены.

Среди ребят был Исбранд Фаст (Isbrand Fast), брат моего зятя Петера Фаста (Peter Fast), поэтому я знаю все это так точно. Их нашли родственники, перезахоронили и оплакали на родном кладбище. Они пережили свою мученическую смерть на расстоянии 4–5 км от своего дома, их нашли с ранами от сабли.

Это было кошмаром для всей Заградовки (Sagradowka).

К этому времени видели повсюду обезумевших лошадей, бегущих по кругу, которых вскоре поймали, так как все колхозные лошади убежали в направлении Днепра (Dnjepr).

Такой была первая линия фронта, такая тихая и спокойная, но приход немцев был радостным и достойным удивления. Через три дня на 9 мотоциклах приехали моторизованные группы, которые на несколько дней остановились у нас. Это был вечер поздравлений, который прошел очень празднично, благодаря доброму слову пастора роты, песням солдат и зажженному очагу. Солдаты немало удивились встретить здесь немецкое население, такими другими были здесь дома, сады, цветники и многое другое, в отличие от русских деревень.

Только эти механизированные единицы покинули нас, их сразу же заменили войска горных стрелков с мулами, которые могли восходить на гору, неся грузы и боеприпасы на своих спинах. Это был отряд «Эдельвейс» (Edelweiß).

*Маршрут продвижения дивизии «Едельвейс».
Переправа через реку Днепр в районе Берислава.*

Опять все двory заполнили лошади и мулы, которые уничтожали деревья, обгладывая даже кору, но как только им указывали на это, то животных перевязывали в другие места. Мы видели теперь только молодых немцев, преимущественно светловолосых солдат, чистых и ухоженных, в возрасте 24–28 лет, холостых, женатых и просто влюбленных. Все радовались видеть нашу молодежь, в село просто вернулась жизнь, и верилось, что так и будет дальше, но появился военный трибунал,

состоялся суд над людьми, которые во время репрессий обвиняли в измене наших невинных отцов и матерей, братьев и сестер.

В каждом селе было 3–4 предателя или даже больше, их забирали из дома и где-то расстреливали. У нас в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) супружескую пару Квириг и Герхарда Вин (Quiring, Gerhard Wien) расстреляли позади кладбища в окопе. Последние слова фрау Квириг (Quiring) были: «Я родилась как коммунистка и как коммунистка умру». Якоб Левен (Jakob Löwen) и Вильгельм Кребс (Willhelm Krebs) вынуждены были их прикопать. Те дни всю Заградовскую колонию (Sagradower Kolonie) охватил ужас. В меннонитских селах царила расплата, но проводилась она не по-христиански, а, скорее по-человечески.

Это были отголоски фронта, который проходил мимо, сколько точно людей было расстреляно по решению военного трибунала, я не знаю, во всяком случае, тех, кого признали виновными в связях с НКВД, было много. Это были волнующие времена по всей Заградовке (Sagradowka) для людей, оставшихся без собственности. Дома, которые они купили или взяли в пользование при Советском Союзе, теперь вернули обратно без выплаты.

Таким образом, забрали дом в семье Лоренца (Lorenz) и сделали собственностью колхоза. Сторону дома со стороны двора сделали колхозной конторой, а заднюю половину купил наш отец. Мы жили здесь с 1935 года как в нашем собственном доме.

Когда сюда переехали наследники, а именно Генрих Лоренц (Heinrich Lorenz), который был обер-бургомистром, и его сестра Катарина Исаак, девичья фамилия Лоренц (Katharina Isaak geb. Lorenz), мы были вынуждены переехать в их домик во дворе Бернгарда Фризена (Bernhard Friesens), бургомистра.

Но жили мы там недолго, до декабря 1942 года, когда нас выслали из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) в русское село Заградовка (Sagradowka). Это было для нас и для нашей матери,

бедной вдовы, тяжелым ударом, который мы вынуждены были принять. С меннонитских домов переехать в маленькие хижинки, отнятые у бедных украинцев, у которых тоже разрывалось сердце, так же как и у нас среди чужих людей, где-то в еврейских селах или еще где-нибудь, где нам было все чуждое и незнакомое.

Немецкими солдатами было уничтожено не так далеко от нас еврейское село Романовка (Romanowka), несмотря на то, был ли это стар или млад. Так заселялись села русскими и украинцами.

Этот дом посещал мой брат Артур (Artur) в 1973 году, чтобы увидеть еще раз место своего рождения. В сопровождении господина Шаповалова (Scharovalow), старого кузнеца из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) и друга нашего отца, который когда-то помог ему в беде, попытались попросить разрешение на вход, но владелица не захотела их даже видеть. Тогда брат Артур (Artur) с помощью своего локтя сам пробил себе путь. Когда он вошел в комнату, хотя он и не помнил ее уже так точно в деталях, но он знал, что это была та самая комната, где прошло его короткое детство. Это перенесло его в прошлое без родителей, в ледяной зоне в России, где голод и нужда сопровождали его повсюду, и на глаза у него выступили слезы.

Это растрогало и его сопровождающего, и даже хозяйка дома посочувствовала нашему брату, поскольку она ничего против него не имела, даже из-за того, что он зашел.

Другая история произошла с Петером Лоренцом (Peter Lorenz), который хотел посетить отчий дом в 1977 году, но не нашел даже камня на камне, так как дом был снесен с этого места, чтобы заложить там пруд, но до сих пор никто никогда там не видел и капли воды.

Сельское хозяйство 1941–1943 годов

Хороший урожай 1941 года имел своим результатом хорошую выплату за зерно и с колхозниками рассчитались. Брат Бернхард (Bernhard) имел 600 трудодней, а мама с братьями и сестрами вместе 400. В этом году в колхозе Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) выплачивали 5 кг на трудодень, и таким образом, мы получили 5000 кг пшеницы, которая хранилась на большом складе. Зерновой элеватор на станции Белая Криница (Belaja-Kreneza) был сожжен русскими, так было, наверное, повсеместно, поэтому выплата хлебом выглядела уже не так заманчиво.

Немецкое правительство установило бюджетную норму на хлеб на одного человека – 20 кг в месяц. Была создана специальная комиссия, которая отвечивала определенное количество зерна на семью в год, то есть до нового урожая, а остальные отдавали государству. Под хлебом следует понимать пшеницу. Потом бюджетную норму снизили до 15 кг на человека, поскольку им показалось, что 20 кг это много, хотя этого едва хватало, но людям не оставалось ничего другого, как смириться.

Колхоз снова разделили на бригады в зависимости от обеспечения лошадьми, инвентарем, мужской и женской рабочей силой и землей по количеству гектаров на 1 лошадь, поскольку тракторов не было в наличии. В октябре вернулись обратно на армейских телегах и повозках оставшиеся мужчины, кроме председателя Петера Гамма (Peter Hamm), секретаря комсомола Герхарда Гисбрехта (Gerhard Giesbrecht) и учителя Вишневского (Wischnewskij). Это были преимущественно жители Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee), с Фриденсфельд № 3 (Friedensfeld) вернулось только трое.

Много чего не хватало сельскому хозяйству. Но опять зародилось усердие, каждая бригада хотела быть лучше, через год бригады стали меньше, увеличилось количество инвентаря. И уже некоторые крестьяне думали над тем, чтобы стать единоличниками. Производили больше телег и плугов – все только для прогресса и признания. Брата Бернхарда (Bernhard) избра-

ли в руководство бригады Генриха Лоренца (Heinrich Lorenz). Кузнец Шаповалов (Scharowalow) сделал ему новую телегу и плуг с пятью лезвиями и отсеками, чтобы через них сеять зерно. И все из-за того, что наш отец когда-то помог ему в беде. Смотреть на немцев было одним наслаждением. Люди продавали молодой скот или коров и покупали лошадей и все необходимое, чтобы восстановить свои дома и хозяйства. Казалось, не было никакой войны, не было никакого побега из родной земли.

Однако у Бога были совсем другие планы, затишье было недолгим. 6 декабря 1942 года нас и много других семей из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) переселили в Заградовку (Sagradowka) в конец верхней улицы по направлению к Мюнстербергу (№ 11 Münsterberg). Здесь нас разместили в маленький русский дом, где нам выделили одну комнату примерно 4 на 4 метра на 6 человек, маленькую кухню, маленький коридор примерно 1,5 на 2 метра и один сарай.

Здесь было теснее, чем в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee), но гораздо теснее и труднее было на сердце у всех переселенцев. Никаких настоящих друзей, никаких старых соседей поблизости, никаких меннонитских домов, не было здесь такой близкой и родной центральной школы из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) – только другие люди, все было другим, а оставалось так мало времени до Рождества. Такое вот облегчение.

Жителей разделили на бригады, чтобы и наш брат Бернгард (Bernhard) был занят работой. Нужно было сделать пристанище для лошадей, заняться другими сельскохозяйственными мероприятиями – это была чисто мужская работа. Наша земля была в направлении Тиге (Tiege) возле меннонитских полей от Тиге (Tiege) к Альтонау (Altonau).

Пришла весна – время сева. Время сбора урожая было в самом разгаре, когда на нашей старой родине в Заградовке (Sagradowka) становилось все беспокойнее, фронт продвигался все ближе к нам. Для нас, немцев на территории Украины, это было очень серьезным делом. В Кривом Роге (Kriwoj Rog)

уже велись ожесточенные бои, грохот артиллерии и бомб, которые все время взрывались, не прекращался ни днем, ни ночью.

После сбора урожая кукурузы начались призывы к подготовке к эвакуации. Немцы из Запорожья (Sapogoschje) и Молочной (Molotschna) уже прошли через нашу местность, они шли на запад. Все села были заняты военными частями, а у их жителей сжималось сердце за свою судьбу от того, что вермахт отступает.

29 октября 1943 пришел приказ для жителей Мюльгаузена (Mühlhausener) (заградовцев) приготовиться к эвакуации. Мы вынуждены были брать и нашу корову с собой, но она переела картофеля, и для лечения вовсе не оставалось времени. Она легла на нашем дворе и там же осталась лежать, а мы поднялись вверх по направлению Тиге (Tiege), Блюменорт (Blumenort) и Фриденсфельд (Friedensfeld), отделились от колонны беженцев из Мюльгаузена (Mühlhausen) и направились в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) к нашим, чтобы там переночевать и уже вместе с ними присоединиться к этому массовому переселению.

Это была радостная встреча, хотя и вперемежку с большим хаосом и путаницей, заполнившими село. Но для нас, детей, это был вечер игр на нашей старой украинской родине, именуемой Заградовской колонией (Sagradower Kolonie).

30 октября на улице в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) сформировалась своя колонна в сторону Фриденсфельд (Friedensfeld) на Владимировку (Wladimirowka), но не двинулась с места до тех пор, пока все жители не собрались в путь на сельской улице и с мрачными лицами не сказали «С Богом!». Мрачной была и погода.

Был дождливый и неприятный ноябрь, тяжелая дорога, измученные лошади, но все двигались на запад, в Германию, на землю наших предков, хотя мы, дети, этого и не знали, только бы подальше убежать от фронта.

Преследование Заградовских евреев

Преследование евреев в Украине, также как и в других странах, оккупированных германскими войсками, было одинаково распространённым, однако в Заградовской колонии редко можно было встретить жителя еврейского происхождения. Германия, которая свирепо ненавидела евреев, еще перед началом Второй мировой войны начала политику истребления избранного народа. Это имело место также и в нашей колонии осенью 1941 года.

Я узнал это сугубо из рассказов, поскольку меннониты не придавали огласке подобные деяния, они говорили об этом на пониженных тонах или вообще, когда не было вблизи детей. То тут, то там доходили определенные отрывки информации до детских ушей, потому что не было ни одного еврея среди наших родственников или знакомых, которого это не задело бы каким-то образом. Село Романовка (Romanowka), которое граничило с нашей колонией, было полностью уничтожено немецкими эсэсовскими отрядами. Это повлекло распространение волнений и смятение среди верующих, но они были не в состоянии что-либо изменить.

В нашей колонии также были люди, которые поженились на евреях. Их всех собрали, отняли детей и расстреляли. В Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) была молодая женщина, мужем которой был еврей, и который спасся бегством, но ребенка она была вынуждена сдать, их вместе с ребенком забрали в областной центр Николаев (Nikolajew), об их дальнейшей судьбе я, к сожалению, ничего больше не знаю. Также в Тиге (Tiege) была женщина с двумя детьми, она – немка, они наполовину евреи. Чтобы их защитить за них вступились односельчане, но не знаю, что из этого вышло.

В нашей местности было несколько евреев, которые годами работали у нас как мелкие торговцы, портные, сапожники или шапочники. Один такой шапочник, которого все называли просто «Лондон», в Фриденсфельд (Friedensfeld)

имел внебрачного сына Ганса Фризен (Hans Friesen) от фрау Фризен (Friesen). Он родился в 1923 году и его все время звали «Лондон». Его отца нашли в немецких селах и расстреляли. Ганса (Hans) отправили в Николаев (Nikolajew) в тюрьму. Он попытался бежать из тюрьмы, но при побеге его ранили в руку, которую потом пришлось ампутировать, однако парень остался жить. Во время ссылки в Кировской области (Kirov Gebiet) он находился вместе с нами, женился на русской, имел много детей, вот так и убежал от своего прошлого и числился меннонитским фриденсфельдером (меннонитом из Фриденсфельд).

Из нашего колхоза отправлялись повозки на Никополь (Nikopol), чтобы отвезти подальше еврейских беженцев, где они могли бы найти быстрый путь бегства от немцев. Мой брат Бернгард (Bernhard) должен был осуществить такую поездку, и его долгое время не было дома. Именно это расставание с моим братом стоило мне многих пролитых слез, но он, слава Богу, благополучно вернулся. Другие еврейские беженцы также проходили через наше село в направлении Кривого Рога (Kriewoj-Rog). Некоторые люди приносили им что-нибудь перекусить или попить.

В Александерфельд (Alexanderfeld) было много фруктов, и моя жена мне рассказывала, что она срывала абрикосы и ставила полное ведро на улицу, а в другое ведро наливала питьевую воду, чтобы выразить свою любовь к евреям. Наши земляки, как мне рассказывали, всегда жили в хороших отношениях с евреями в городах Николаеве или Херсоне (Nikolajew, Cherson). Евреи предлагали свою работу даже бесплатно, если знали, что у заказчиков нет достаточно денег или принимали наших людей на ночлег в своих домах или квартирах. Все всегда было мирно, но нацизм все разрушил и превратил все в ненависть и зависть.

Самооборона в Заградовской колонии (Sagradower kolonie)

Летом 1943 года юношей, родившихся в 1925-м и позже, призвали в районный центр Кронау (Kronau) для подготовки в отрядах самообороны. Оказался там и мой кузен Иоганн Кьон (Johan Köhn) с Александерфельд (Alexanderfeld), из Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee) – Герхард Фризен (Gerhard Friesen), Петер Янцен (Peter Janzen) и другие, которых я не знаю, из окружающих сел и лютеранской колонии возле Кронау (Kronau). Их одели в военную форму и обучили к борьбе и обороне. Иоганн Янцен (Johann Janzen) из Фриденсфельд (Friedensfeld) тоже был там.

Отряд самообороны.

Они отвечали за защиту бежавших в Польшу, на уровне с офицерами вермахта. Как работники они были очень ценными для фермеров, когда они возвращались домой на выходные, во время молотбы зерна была необходима их помощь.

Эта самооборона была предложена меннонитам немецкими офицерами еще во времена Первой мировой войны, так же, как и оружие, ведь до сих пор повсюду были еще церкви, и витал дух меннонитов из Заградовки (Sagradowka) и старой колонии (Altkolonie) на реке Молочная. Теперь они не имели права перечить власти, потому что правил вождь (фюрер).

Специальный районный комендант Грабс (Grabs) в Тиге (Tiege)

Насколько я знаю, этот комендант отвечал за весь район Заградовка (Sagradowka) и даже за некоторые украинские села, потому что имел украинскую переводчицу Марусю (Марию). Он жил на средней улице (миттельштрассе) (Mittelstraße) в Тиге (Tiege) в сельской школе. Маруся была милой девушкой, высокой, с длинной густой и темной украинской косой и в вышитой сорочке, украшенной на украинский лад, которая во время разездов летом всегда сидела у господина Грабса (Grabs) в его экипаже на дрожках. Кучером у них служил Петер Фаст (Peter Fast), коренной житель Александерфельд. В последнее время он жил в Ной-Шьонзее (Neu-Schönsee), так как женился на моей сестре Тине Эпп (Tina Epp). В экипаже у них было четверо рысаков.

Однажды прибыв в Александерфельд (Alexanderfeld), они увидели хорошего коня седой масти у братьев Люткенман (Lötkenmanns), который коменданту очень понравился и которого он захотел приобрести, потому что имел уже одного такого. Дорого ли это стоило, я не знаю, но обмен состоялся, и седой в яблоках конь очень хорошо вписался среди других лошадей коменданта. Этот экипаж легко было узнать издали – седые лошади, хороший бег рысью и облако пыли сопровождали экипаж господина Грабса (Grabs).

У него также был районный агроном, некто господин Плэтт (Plett) из Николайфельд (№5 Nikolaifeld), который был ответственен за сельское хозяйство, возделывание земли, уход за ней и гарантированный урожай только в этом районе. Этого господина Плэтта (Plett) знали как мастера своего дела, наш отец также был знаком с ним. Конюхом у господина Грабса (Grabs) служил Петер Кооп (Peter Koop), который выполнял свою работу настолько хорошо, что лошади в экипаже у коменданта всегда были прекрасно вычищены и накормлены.

Зимой господин комендант охотился на зайцев, а если там

были и лисицы, то убивали и их. На эту охоту привлекались юноши из сел, которые образовывали большой круг и гнали дичь для того, чтобы охотники, которые сидели на выходе, потом там их подстреливали. В лесополосах и на полях было много дичи, поэтому охота вознаграждалась целиком. У господина Грабса (Grabs) зайцев на зимний период просто подвешивали, потом снимали кожу и при необходимости использовали, тогда, как у других, все было по-другому, лучше. Были еще и другие охотники, которые тоже получали свою долю, а некоторые из них, которые просто охотились на дичь, вознаграждались. Но и для жителей села Тиге (Tiege) тоже пришло время эвакуации.

Так, возможно, выглядел экипаж господина Грабса во время эвакуации.

Петер Панкратц (Peter Pankratz) из Тиге (№8 Tiege) рассказал мне следующее: «Это было во время эвакуации из-за Днепра, когда старая колония (Altkolonie) проходила через нашу местность. Было замечено, что не все телеги были заполнены и ехали полупустыми, а в Тиге (Tiege) была нехватка в экипажах. Здесь вмешался господин Грабс (Grabs), приказал беженцам вернуться и потесниться, чтобы использовать пустой экипаж для беженцев из Тиге (Tiege).

Колонна экипажей из Тиге (Tiege) была примером для дру-

гих сел, поскольку речь шла об упряжке верблюдов, которую вел конюх Петер Кооп (Peter Koop). В то время остановились в Тиге (Tiege) румыны, у которых были верблюды. Господин Грабс (Grabs) обменял двух ослов на этих верблюдов и Кооп (Koop) был единственным, кто вел такую упряжку. Но эти вьючные животные не были удобными при движении в колонне. Они не могли приспособиться к шагу лошадей и всегда находились позади повозок. Когда их били кнутом, они пускались в свободный бег, и не так легко было вести такую колонну. При обгоне случилось так, что они наткнулись на спицы колес, лошади испугались и понеслись в разные стороны от этих горбатых животных, но нужно было идти дальше на запад.

30 октября 1943 года эта колонна из Тиге (Tiege) отправилась в направлении Владимировки (Wladimirowka). О недовольных, не желающих уходить или под принуждением беженцах мне неизвестно. Путешествие в трудную пору года было очень тяжелым.

Николайфельд (№ 5 Nikolaifeld)

Село Николайфельд было одним из самых привлекательных сел Заградовской колонии через большую церковь меннонитской общины. Герхард Лоренц (Gerhard Lorenz) написал в книге «Заградовка» следующее: «Церковь в Николайфельд была гордостью Заградовки».

Это была одна из самых многочисленных меннонитских общин по всей России в 1928–29 годах. В Николайфельд главой общины меннонитов был Генрих Вот (Heinrich Voth), который был и последним проповедником меннонитов. Он пишет в своей книге «Пастырь разогнанных» о преследовании христиан в 20 веке, которое коснулось и его как руководителя, как о самом ужасном в СССР.

В 1929 году в России началась так называемая коллективизация. Крестьян землевладельцев обвинили в эксплуатации бедных крестьян и отняли их собственность. Организовывались так называемые колхозы (коллективные хозяйства). Под предлогом коллективизации практически всех меннонитских проповедников, которые часто были бессильны, облагали высокими зерновыми и денежными налогами.

Таким образом, была создана причина, чтобы отнять у них землю. Наряду с этим хотели нанести окончательный удар по религии, наложив на проповедников клеймо врагов народа и преследуя их.

В том же году ввели новый религиозный закон, который запретил любые проявления религии, в том числе религиозное воспитание детей. Общины почувствовали серьезную атаку на их существование. Теперь большинство была готова оставить все свое имущество лишь бы вернуть свободу вероисповедания.

В Советском Союзе это уже не представлялось возможным. Выезд за границу на запад был запрещен, поэтому многие отчаявшиеся немцы пытались добиться права выезда. В ноябре 1929 года тысячи меннонитов и этнических немцев – «фоль-

ксдойче» (в фашистской Германии лицо немецкой национальности, проживающее за пределами рейха) попрощались с их родственниками, друзьями и общинами и поехали в Москву (Moskau), чтобы там, в столице, получить разрешение на выезд. Среди них был также и Генрих Вот с семьей.

Меннонитская семья на пути в иммиграцию. Осень 1929 г.

Это было слезное прощание. Идти, не зная куда. Прибыв в Москву, сразу же обратились за разрешением на выезд. Немецкое посольство оказалось в состоянии помочь, Советская власть также дала добро на выезд. Правда, они требовали немедленного выезда примерно 13000 немцев (из них примерно 10 000 меннонитов), которые уже создали волнения в пригородах Москвы. Они вынуждены были это преодолеть.

Однако тянуло время немецкое правительство. В Германии о беглых хлопотал профессор Бенъямин Унру (Benjamin Unruh). Он сам был русским меннонитом и с 1921 года работал над вопросом переселения из России его братьев по вере.

Унру провел много переговоров с властями Берлина в первые дни ноября 1929 года, но не получил никакого однозначного ответа насчет отношения к данной проблеме. Наконец немецкие дипломаты в Москве по собственной инициативе отправили несколько тысяч человек на Запад. Генриха Вотта среди них не было.

Вскоре русские в переговорах с Германией проиграли и начались массовые аресты глав семей, собиравшихся к выезду из

страны. Старшего Вота также забрали. Через несколько дней его, как и многих других, вместе с семьей эвакуировали из Москвы. Семья Вота еще имела счастье, поскольку смогла вернуться в свое село Николайфельд. Других выселили в другие места.

Его друг, Якоб Ремпель (Jakob Rempel) старейшина из Грюнфельд (Grünfeld), который также пытался выехать, был арестован в Москве 16 ноября 1929 года и просидел в тюрьме 7 месяцев. Он был известен властям как важнейший среди меннонитов. Его заставляли отречься от своих верований. Пообещали место в утраченной в 1920 году кафедре в Москве. Он остался непреклонным, и ему присудили 10 лет в исправительном лагере Соловки.

Генриха Вота с радостью приняли в его родном селе. Хотя атеистическая пропаганда становилась все сильнее, а общине становилось все труднее, эти несколько месяцев, в течение которых он еще мог управлять общиной, были благословенным временем, потому что он возрождал веру.

Но наступил для Генриха Вота, его семьи, его общины и его земляков в Заградовской колонии роковой 1931 год. Преследование христиан становилось все сильнее. Коммунисты захотели погасить всякую веру в Бога. В последующие годы было убито много пастырей, священников, проповедников и других духовных лиц. Много было направлено на принудительные работы на север и восток Советского Союза.

В Заградовке на многих проповедниках и их семьях тяжело отразились годы преследований и гонений. Старейшина братства Иоганн Никель (Johan Nickel) был арестован и отправлен в тюрьму в Херсон (Cherson). Там он был вынужден голодать, там с ним жестоко обращались. Поскольку ему было уже за 80 и его тело было слабым, ему особенно трудно давалось соблюдать команды тюремщика. Когда однажды он очень медленно спускался по лестнице, его настолько сильно ударил надзиратель, что тот упал головой вниз. На следующий день он скончался. Почти 30 лет он честно и верно руководил братством

в Тиге (Tiege) и вынужден был умереть смертью мученика. Кроме него были арестованы еще масса других проповедников.

Так выслали на север и проповедника Иоганна Регера (Johan Regehr), который там и умер. Абраму Фризену (Abram Friesen) из Альтонау № 9 (Altonau) присудили 6 лет заключения. Абрам Регер (Abram Regehr) из Альтонау, тоже проповедник из братства, незадолго перед этим был приговорен к трем годам заключения. Как только он отбыл этот срок и вернулся, его приговорили к еще одному многолетнему заключению.

Проповедника Иоганна Дерксена (Johann Derksen) из Фриденсфельд (№3) также дважды арестовывали. Его сына, проповедника Якоба Дерксена (Jakob Derksen), позже приговорили к шести годам тюрьмы. Вильгельм Льовен (Willhelm Löwen) из Александерфельд (Alexanderfeld) был два раза заключенным и вынужден отсидеть свой срок на Дальнем Востоке России в Биробиджане (Biribidshan).

Сосланы на север были проповедники Мартин Дюкманн (Martin Dückmann) из Тиге и Франц Винс (Franz Wiens) из Фриденсфельд (Friedensfeld). Из евангелического меннонитского братства в Орлово (Orloff) следующие проповедники были заключены или выселены: Якоб Блок (Jakob Block) из Тиге, Франц Классен (Franz Klassen) из Тиге, Давид Вибе (David Wiebe) из Розенорт (№10 Rosenort), Якоб Янцен (Jakob Janzen), Якоб Кооп (Jakob Коор) и Арон Янцен (Aron Janzen) из Ной-Гальбштадт (№4 Neu-Halbstadt).

Много проповедников из меннонитской общины, где был старейшиной Генрих Вот, были арестованы в те годы. Вот некоторые из них: Абрам Паульс (Abram Pauls) и Иоганн Кьон (Johan Köhn) из Александерфельд, Петер Вибе (Peter Wiebe) из Ной-Шьонзее, Иоганн Пеннер (Johann Penner) из Ной-Гальбштадт, Иоганн Квириг (Johann Qiring) из Шьонау (Schönau) и Мартин Дюрксен (Martin Dürksen) из Тиге. На очереди был старейшина.

За несколько дней перед Троицей, 8 мая 1931 года, ночью кто-то резко постучал в окно в дом Генриха Вота. Грубый го-

лос требовал немедленно открыть. Генрих разбудил свою жену и детей и затем открыл дверь. Несколько мужчин ворвались в дом и начали его обыскивать. Ничего не было пропущено, ни угла, ни кровати, ни шкафа, все перерыли. Наконец обыскали самого Вота. Потом объявили, что его арестовывают. После короткого прощания Вота посадили в телегу и вместе с другими крестьянами-меннонитами отправили сначала в Тиге, а затем грузовиком в Кронау (Kronau).

После Троицы арестовали практически всех проповедников. В Кронау оборудовали специальное здание для арестованных. Время от времени могли приходить родственники и обеспечивать заключенных продуктами питания. После 40-дневного заключения, ночью с 19 на 20 июня, Генриху Воту и его спутникам объявили приговор. Он звучал: ссылки. Им сообщили, что они на основе постановления власти практически все выселяются на Южный Урал.

Собственно их семьи могли оставаться дома, только мужчины должны были отбывать 5-летнюю ссылку. Как только Сюзан (Susanne) об этом узнала, она заявила вполне решительно: «Если отец поедет сам, он там погибнет. Мы едем с ним, если мы и умрем, то умрем все вместе». Так решили практически все семьи – разделить судьбу своих мужей и отцов. Всего в этой ссылке было 13 меннонитских семей, а остальные 11 были лютеранами или католиками, насколько это известно из истории Заградовской колонии.

Старейшина Генрих Вот заботился о своем пастырстве до самой своей смерти 1 ноября, прямо на свой день рождения 1973 года в Старо-Покровке (Staro-Pokrowka) около города Токмак (Tokmak), что в Киргизии (Kirgisien).

Это церковь меннонитской общины в Николайфельд, где служил старейшина Генрих Вот (ФОТО). Так выглядела церковь в военные годы 20 века. Она особенно хорошо выглядела со стороны Ной-Шьонзее, озаренная лучами солнца, но после 1940 года лесная полоса закрыла это замечательное сооружение от человеческого глаза, а ее красоту и блеск уничтожила Совет-

ская власть путем перестройки ее в зернохранилище, изменив передний фасад, который был ее украшением. Ее использовали в качестве картинки на открытке.

Село Альтонау (№9 Altonau)

Село Альтонау (Altonau) стало для нас особенно привлекательным с 1936 года через бракосочетание нашего приемного брата Якоба Госсена (Jakob Gossen) с Марией Вибе (Maria Wiebe), дочь Генриха Вибе (Heinrich Wiebe), который жил там до 1941 года до призыва в трудовую армию. Мария с их маленькой Нюти (Njuti) жила там до эвакуации в 1943 году.

Летом наша детская душа тянулась к многочисленным фруктовым садам и к реке Ингулец (Ingulez), протекавшей неподалеку. И никак не к нашим брату Якобу и сестре Марии с их маленькой Нюти, которая родилась в 1937 году и была нам первой племянницей, а нашим родителям первой внучкой.

Зимой в нашем распоряжении была горка из села прямо к реке, которую мы устилали санями, иногда, правда, и переворачивались, но это было для нас, детей из Ной-Шьонзее, чрезвычайно захватывающим. Но все-таки это было слишком большое расстояние (примерно 9–10 км) и родителям было совсем небезразлично позволить себе одобрительно отнестись к этой нашей забаве. Кроме того, все дети имели дома свои обязанности и задачи, которые нужно было выполнять. Поэтому все это происходило редко.

Мы называли Альтонау «Нежин» (Nejin) № 9, а немецкое название он получил во время немецкой оккупации. Кроме того, Альтонау было тогда известно еще и через крещение в реке Ингулец в 1942–1943 годах, которые были очень торжественными.

Из книги Г.Лоренца (G. Lorenz) «Заградовка»)

В 1873 году в долине реки Ингулец было основано Альтонау в 120 верстах от областного центра Херсон. В 1876–1878 годах

в нижних селах имело место большое наводнение. Альтонау пережил такое наводнение годом ранее. Во время второго разлива реки некоторые дома были в воде по самую крышу. Русские еще с самого начала предупреждали и советовали нашим переселенцам не селиться у реки. Немцы неохотно прислушивались к их поучениям. После наводнения они решили снести деревянную и восстановить снова, но уже на возвышенности.

В 1909 году 95 меннонитов отправились в Сибирь. В 1913 Альтонау насчитывало 1376 десятин земли с 36 дворами и 180 жителей. В селе работали ветровая и паровая мельницы, кирпичный завод, фабрика по разделению кораллового камня и столярная мастерская.

Общины

14 мая 1905 была основана евангелистская община меннонитов под руководством Франца Мартенса (Franz Martens). Она насчитывала 275 членов и собиралась в доме молитвы в Орлово (Orloff).

Ужасные дни ноября 1919 года. (Из книги Г.Лоренца (G. Lorenz) «Заградовка»)

Рассказывает фрау Франц Барген (Franz Barga) из Тиге (Tiege). «28 ноября закололи мы две свиньи, помогали нам как наши родители, так и сосед Иоганн Мартенс (Johann Martens). Так много говорилось о смерти и насилии, которые стали уже обычным делом, что я почувствовала себя больной и ослабленной от всех этих переживаний.

Мои родители, семья К. Регер поехали на ночь домой. Родители моего мужа, семья Петера Баргена (Peter Barga) остались у нас, поскольку они верили, что здесь, в Альтонау, они в большей безопасности, чем в Тиге. Там уже появились чужие всадники и говорили, что они еще должны навеститься и в Альтонау.

Прежде чем наши родители от нас поехали, мы прочитали

псалом 91 и помолились. Ночь была спокойной и тихой. Однако следующий день, 29 ноября, стал для нас самым ужасным днем в нашей жизни.

Утром я пошла к нашим соседям с печеночной колбасой и несколькими жирными свинными ребрышками, которые заказал дядя Мартенс (Martens). Ко мне вышла вся испуганная тетя Мартенс и сказала, что она не спала всю ночь. Дядя Мартенс даже не вышел ко мне.

Когда я зашла в его комнату, дядя плача сказал: «Сегодня у меня день рождения, но сегодня я умру. Они придут и убьют меня». Я посоветовала ему позвать проповедника Франца Клас-сена, он сможет его утешить и помолиться вместе с ним. После обеда Классен уже был у Мартенсов.

Как только я вернулась домой, то увидела на улице у нас своих соседей, которые делились друг с другом своим страхом. Отец Барген вскоре вернулся в дом, мать Барген осталась стоять вместе с нами. Мой муж надел свой ужасный рабочий костюм, чтобы разбойники не сочли его состоятельным человеком. На ноги он натянул старые деревянные башмаки, которые уже годами не носил. Мы с матерью убирали мясо в то время, как 15-летняя няня Роза (Rosa) играла с детьми, а служанка Паулина (Pauline) варила нам кофе.

Зашел Франц, мой муж, и сказал, что в Гнаденфельд (Gnadenfeld) уже требуют через угрозы поджога и опустошения контрибуцию и убивают. Как напуганы мы были! И как молили мы Бога о защите и помощи для каждого бедного и, конечно, для самих себя.

Ближе к вечеру я передела наших детей и положила их в постель. Нашему сыночку Францу было тогда 2 годика. А Лизе (Liese) было 9 месяцев. Служанка ушла доить корову, а няня как раз хотела накрывать стол к ужину, когда зашел мой смертельно бледный муж и сказал: «Они уже здесь! Они идут со стороны Орлово. Все горит!». Только он это сказал, как наш дом и двор мгновенно заполнили грабители, их было так много, что они вынуждены были тесниться друг за другом. Они были

похожи на настоящих чертей. Полностью в крови и грязи. Многие имели при себе обнаженные сабли, которые были покрыты засохшей кровью, а с некоторых просто текла кровь.

Давид Винс жил со своей женой у нас в летней кухне. Ища свою жену, он бросился в толпу разбойников на кухню. Они окликнули его как хозяина. Находясь в большом страхе, он ответил: «Я не хозяин. Вот он», – и показал на моего любимого Франца. Нелюди оторвали моего мужа от меня. Двое из них стали размахивать своими окровавленными саблями. Один, что был сильно пьян, все время выкрикивал: «Я отрублю тебе голову» и поднял саблю над моим мужем, но не попал, только сделал огромную дыру в стене. Франц не проронил ни слова.

Я взяла нашу девочку в пижаме на одну руку, нашего сына за руку и стояла и смотрела на всю эту ужасную картину, эти минуты моей жизни я никогда не забуду. Тогда наш сыночек подошел к одному из тех извергов и попытался забрать у него ружье, приговаривая: «Отдай мне, это принадлежит моему отцу». Бандит толкнул его в плечи и сказал своим: «Убейте малого, из него не вырастет никто другой, кроме как враг народа». Второй, погладив голову нашего Франца, ответил: «Да пусть малый живет».

Во время этого разговора мой муж сбежал из комнаты. Поскольку он был так плохо одет, его повсюду воспринимали как рабочего. Кто-то ему сказал, что он должен прятаться, потому что они перебьют их всех. Франц снял свои ботинки и отправился в сад в направлении Николайфельд.

Разбойники забрали от меня деньги и золото. Размахивая своими окровавленными саблями, водили они меня из комнаты в комнату. Один из мужчин вырвал у меня из рук ребенка и бросил его так грубо, как только мог, в угол комнаты. Он заплакал один раз, и остался тихонько лежать, а нашего мальчика я уже давно потеряла из виду.

Разбойники требовали своего криком, толкая меня, и я была вынуждена делать все, что они хотели, иначе они бы меня зарубили. Я просила их этого не делать, они хотели сначала убить

моих детей. Здесь вмешалась наша мать. Она попросила оставить меня в живых, поскольку я и так очень больна. Здесь они набросились на старуху, забыв обо мне.

Я подняла своего ребенка, который ослаб и посинел, и протиснулась в сени. Там один из мужчин привел мне моего сыночка и кивнул мне глазами на дверь, и я поняла, что я должна уйти. Я протиснулась с двумя детьми через кучу этих уродов, и пошла в неизвестность.

Еще когда я была в помещении, то увидела через окно, как нашего соседа Иоганна Мартенса (Johann Martens) ударили длинной палкой по груди. После еще нескольких ударов разбойник вытащил ружье и застрелил его. Позже я узнала, что его застрелили разрывной пулей.

Когда я была на улице, меня позвали две мои служанки, спрятавшиеся в свинарнике, который был пристроен к сараю. Там, под свиньями и в грязи они сидели на коленях, туда залез и наш ребенок, и начал жалобно плакать. Из комнаты, в которой мы были, в сарай вело одно окно, оно было полностью закрыто бандитами. Если бы они заглянули в эту дыру, они бы нас нашли. Но Бог хранил нас своей рукой.

Было так холодно, что все нечистоты почти замерзли. Я сняла свою одежду и ночную рубашку и прикрыла своего плачущего ребенка. Оба ребенка, а также девушки, плакали. Но в сарае был такой шум, что они не могли нас услышать. Как мы тогда молили Бога! Наконец дети уснули, а мы трое сидели, дрожа и боясь. Вдруг мы услышали громкие крики и тяжелые стоны из сарая. Я испугалась, что они издеваются над моим мужем и решила взглянуть через отверстие.

Но что я увидела? Целое стадо уродов позорно издевалось над очень красивой, молодой девушкой. Со временем во дворе уже собралась толпа. Кто-то кричал, что схватили его девушку. Бандиты выбежали из сарая наружу. Их жертва осталась лежать на соломе. Я позвала ее к себе. У нее было еще достаточно сил, чтобы подойти к окну, и обе девушки перетащили ее через окошко. Только она оказалась по нашу сторону, вернулись ее

мучители. Повсюду искали свою потерянную жертву, но дыру в стене они не увидели.

Как мы молили Бога о защите! Мы слышали разговоры разбойников. Они намеревались поджечь дом, чтобы те, кто еще где-то спрятался, погибли окончательно. Мы покинули наш тайник и ушли. Когда мы уже с поля обернулись взглянуть на наш дом, то увидели, что многие дворы пылают. Мы слышали, как ревет скот в горящих хлевах.

Когда мы присели, чтобы немного отдохнуть, девушка рассказала, что моего мужа убили. Как больно тогда мне было! Однако я не смогла сказать ни слова или пролить хотя бы одну слезу. Когда на следующее утро девушкам рассказали, что их отца тоже убили – о, как неистово они плакали! Мы бежали всю ночь. Мы потеряли собственные ботинки. Мы шли босыми по замерзшей и вспаханной земле.

Время от времени мы слышали, что где-то возле нас идут или пробегают люди, но мы не были уверены, что это враги или друзья, поэтому всегда шли молча. Когда мы прибыли в Блюменорт (Blumenort), то не нашли там ни души. Все убежали. Каким же жутким может быть пустынное село!

Мы побежали дальше к Александеркроне (№17 Alexanderkrone). Девушки несли нашего мальчика по очереди. Я все время держала на руках свою малышку, лежащую тихо только у меня на груди. В темноте мы подошли по льду к селу. Я провалилась и очутилась по руки в воде, моя детка тоже стала мокрой. Я не могла больше ждать. Девушки дотянули меня до самого первого дома.

Хозяева, семья Петера Фризенса, как раз готовились к бегству. Они дали мне и моим детям сухие вещи, погрузили меня, да, именно погрузили, настолько ослабленной я была, и забрали меня в Ной-Шьонзее к Якобу Янцену (Jakob Janzen). Фрау Янцен положила меня в теплую постель и ухаживала за мной так хорошо, как только она могла.

Но мне необходим был осмотр врача. Они все думали, что я умру. Для меня это было единственным решением, поскольку

именно так я снова могла увидеть своего мужа. После обеда внезапно пришло известие, что приближаются разбойники. Все бросились бежать, только фрау Янцен осталась со мной. Прибывшие оказались не разбойниками, а такими же беглецами, как и я, среди которых и мой муж, которого я уже мысленно похоронила. Вот это была встреча! Теперь уже мы могли заплакать, так как до сих пор оба не проронили ни одной слезинки. Мы пережили слишком много.

Из Ной-Шьонзее мы вынуждены были также бежать. Меня погрузили и отвезли в Ной-Гальбштадт (№4 Neu-Halbstadt), где положили в постель у проповедника Янцена. Его любимая жена ухаживала за мной, как мать за собственным ребенком.

Через 5 дней, поскольку разбойники ушли, мы могли вернуться в свой дом. О, ужас, как он выглядел! От одежды и кроватей не осталось даже следа. Ящики от комода лежали у двери, полные испражнений. В заднем флигеле дома на огромном обеденном столе лежала куча избитых стаканов с консервированными фруктами и повидлом. На и под столом бандиты производили свои естественные надобности.

Несмотря на все эти потери, мы были рады назвать его нашим домом. Все наши родные выжили, а много людей не могли подобное сказать о себе ...

Маленькие налеты продолжались и дальше. Разбой, насилие и убийство совершались когда угодно. Никто – ни бедный, ни богатый, ни немец, ни русский, ни еврей – не были уверены за свою жизнь».

Подробный рассказ об ужасах, которые творили формирования Махно в ноябре 1919 года, от Марии Классен (Maria Klassen), девичья фамилия Вибе (Wiebe), бывшая Госсен (Gossen), из села Мюнстерберг (№11 Münsterberg), Долиновка (Dolinowka), которого сегодня уже не существует, изложен в ее книге «Моя жизнь».

Семью Генриха Вибе (Heinrich Wiebe) мы уже упоминали в этом рассказе. Мария (Maria) была второй младшей дочерью в семье, а родилась она в 1915 году в Мюнстерберге, как седьмой

ребенок. Ее родители были состоятельными людьми до переселения в Заградовку. Согласно показаниям Марии, у них было 12 лошадей, 10 коров, овец, свиней, кур и другие домашние животные, а также 3 гектара земли под садом и 100 га поля, конюх Абрам (Abram) и служанка Химка (Chimka).

Здесь, в Мюнстерберге (№ 11), произошли ужасные убийства, совершенные бандитами.

Мария описывает их так: «Мы как раз были за столом у наших соседей Баргенсов на дне рождения. Я уже точно не помню, как я оказалась позади матери и попросила у нее один сухарик, когда внезапно увидела в окно, что происходит на нашем дворе. Туда пришло много разбойников с ручными тележками.

Мать наказала отцу: «Оставайся здесь. Я пойду туда сама». Но отец не выдержал и пошел следом, и мы тоже. В сенях появился Абрам Шварц (Schwarz). Бандиты забрали лучших лошадей и обменяли их на своих измученных животных. Мама отказалась от своего намерения и отослала отца в сад, чтобы он там спрятался.

Сюзанна (Susane), Агнес (Agnes) и Генрих (Heinrich) остались у Баргенсов. Я и Анна (Anna) пошли к Шварцу (Schwarzs), там была наша Лиза (Liessa) (она хромала). Зауна (Sauna) взяла Ленх (Lensch) на руки и вернулась к Баргенсам, Зауне было тогда 15 лет.

Через некоторое время загорелись дома на другом краю села. Кричали люди, ревел скот, лаяли собаки. Это было ужасно! Анна снова вернулась в дом, сорвала покрывало с кровати и выбежала на улицу. Мама прихватила блюдо с маслом, которое вместе с гнетом служило нам как фонарь, выбежала в сад искать отца.

Стало известно, что убивают мужчин. Но она не нашла отца. Когда мать вернулась назад, она увидела, как горит наш дом. Абраму не удалось вывести весь скот, он бросился к реке. Там его нашли бандиты и зарубили на части.

К первой двери в хлев был привязан большой черный пес. Кто-то, пробегая мимо, отвязал его. Собака следовала за ним,

хотя она и была злой, но осталась у него в русском селе. Отец часто видел потом нашу собаку с этим человеком.

Сюзанна, Ленх, Агнес и Генрих были у Баргенсов, с ними были еще 2 детей из другой семьи, Тина (Tina) и Михе (Mieche), которой было только 3 месяца, и которая лежала в коляске.

Бандиты зашли внутрь и прокричали старенькому дедушке: «Где ты спрятал деньги?». Он им ответил: «У меня нет денег. Мы уже все отдали». От ярости разбойник рассек дедушке полголовы саблей. Дети начали кричать и выбежали на улицу. Бабушка упала через порог, и бандиты отрубили ей голову. Маленькая Тина выпала из коляски, пытаясь защитить Михе. Разбойник толкнул ее и выбежал на улицу. Тина упаковала Марихен (Marichen) и выбежала за всеми остальными. Она нашла мать, и как только они оглянулись, то увидели, что их дом в огне.

Я, Лиза и Анна были у Шварца. Когда подожгли их дом, мы вместе с другими детьми побежали на кладбище. Анна все время кричала: «Подождите нас». Мы бежали так быстро, как только могли, через кладбище и поле. Лиза не могла так быстро бежать и один разбойник догнал ее, накинул ей на голову кнут и поехал дальше, меня и Анну он не нашел, мы спрятались от него в балке. Лиза вернулась на кладбище и провела там всю ночь.

Сюзанна встретила в саду мать, после чего они покинули дом семьи Фризенс. Мать приказала детям спрятаться в саду, а сама побежала к реке, чтобы переправить через нее детей. Как только они добрались до реки, мама уже почти была на другом берегу. Парень, к которому обратилась мама, крикнул Сюзанне: «Оставайтесь в воде. Я вернусь, чтобы забрать вас». Дети спрятались в камышах и сидели в воде до утра.

Пылало все село, было светло как днем. Тем временем мама искала место ночевки в селе Шестерня (Schesternja). Ленх был 2,6 года, она замотала ее в свою шубу, однако она вся промерзла, это был конец ноября. Мама постучала в дверь, не зная, кто там живет. Вышла старуха и спросила: «Чего вы хотите?»

Мама попросилась у нее переночевать, ее ребенок уже почти замерз. Но женщина ответила, что сначала нужно спросить разрешения у своего сына. Сын позволил с условием, что маленькая Ленх не будет мешать. На ночевку еще попросились люди. Старая женщина указала им на русскую печь как место для сна. Как только мама и Ленх улеглись, с улицы в дом зашли много шумных мужчин. Один из мужчин еще посмотрел на печь, где спали мама и Ленх, и подумал, что здесь спит старуха. Но мама была очень беспокойной, поскольку она знала, что для людей означали пьяные бандиты.

А мужчины долго хвастались, как много голов отрубили, сколько животов распоролы, и все смеялись при этом. Только молодой хозяин дома сидел тихо, очевидно он думал, что на следующий день все уже закончится.

Затем бандиты уснули. С первыми лучами солнца мама покинула этот дом. Наше село все еще горело, поскольку все склады и сараи, хранилища и навесы были заполнены запасами на зиму.

Ближе к утру прокричал кто-то на реке, где притаились дети. «Сюзанна! Я приплыл лодкой и заберу вас». Это был Петр Бабенко, один наш знакомый. У него была возможность переправить нас в Шестерню. Вечером он не мог этого сделать, потому что в соседнем доме сидел пьяный бандит и стрелял в каждую лодку, проходившую рекой, сейчас этот бандит заснул и Петр приехал за детьми, которые были мокрыми и совсем замерзшими.

Петр передел их в русскую одежду и потом оставил в русской деревне. Благодать Господня упала и на них. Сюзанна, Агнес и Генрих сразу же пошли к Титко (Titko), где его жена завернула Агнес в шубу, Сюзанне тоже дали какую-то одежду. Здесь подъехал всадник и спросил: «Во двор заходили немцы?». «Нет», – ответила женщина, и всадник поспешил дальше.

Как только Титко удалось спрятать Сюзанну и Генриха в своем доме, прибыл еще один всадник с господином Вунш (Wunsch), который утверждал, что в доме есть дети немецкой женщины.

Титко затолкал Агнес в конюшню под кормушку и закрыл ее рыболовной сеткой. Тут подошел всадник-махновец и спросил: «Есть здесь кто-нибудь из Мюнстерберга?». «Нет», – ответил Титко. Махновец начал искать, но никого не нашел. Наконец потыкал он саблей в рыбацкую сетку и попал Агнес между грудью и рукой, но Агнес при этом не издала ни единого звука.

Бандит кричал, он был недовольным и злым на Вунша за то, что тот его обманул, ударил его саблей и отбросил к двери хлева. Вунш поднялся, он хотел еще что-то сказать, но разбойник бил его, пока тот не умер. После того, как разбойник ушел, отец сказал детям: «Дети, уходите, ищите себе другое пристанище!» Дети были вынуждены переступить через мертвого Вунша и бежать прочь. Анна и я сидели в нашем тайнике до утра, как и другие дети из села. Затем все пошли в другие села, шли через вспаханную землю и по соломе, шли куда-нибудь, лишь бы подальше от этих ужасов! Анна и я наутро пришли в Блюменорт (№7) к нашей кухне фрау Фаст (Fast).

Ее муж запряг лошадь в двухколесную тележку и отвез нас в еврейское село Романовка, где наши тетя и дядя Классен жили в знакомой еврейской семье. Там мы остались на несколько дней, пока все не закончилось, а потом вернулись с тетей и дядей назад.

Один знакомый из Шестерни спрятал нашего отца в стог соломы. Он просидел в нем в неведении три дня и три ночи. Ночью мужчина приносил ему немного поесть и попить и коротко рассказывал обо всем, что происходит. Однажды махновцы тыкали в этот стог соломы, ища людей из Мюнстерберга, но, к счастью, отца они так и не нашли.

За три дня в Мюнстерберге было убито 98 человек. Из всего села выжили только 3 семьи: семья Франца Вотена (Franz Vothen), Бернхарда Пеннера (Bernhard Penner) и мы – семья Генриха Вибе. Через 4 дня наша семья снова была вместе. Зимой 1919–1920 годов мы провели в Блюменорт в семье Классен. У них тоже была большая семья из 6 детей, но 2 из них уже были женаты».

Владимировское лесничество

Лесничество Владимировка (Wladimirowka) находилось непосредственно на границе с колонией Заградовка. Примерно 2 версты (1 верста после 1835 года: =1066,78 метров) широкой лесополосы простиралось до середины поселения. Казарма вместе с другими сооружениями лесничества находилась по середине между ними.

Уже в 1880 году правительство приняло решение предоставить в распоряжение лесничества также и часть государственных земель (Kronsland) размером в 3000 десятин и начался проект в 1882 году. На госземлях находился рассадник и маленький лесок, который в 1865 году правительство разрешило засадить.

Первое здание сгорело в 1906 году, а новое уже был двухэтажный дом с тремя флигелями, которые неофициально называли норой крота, цыганским и еврейским холмом (неподалеку находились 2 еврейские деревни, с которыми меннониты были в хороших отношениях). В отдельных комнатах жило примерно по 11–12 юношей. Также была комната для повара, пекаря и старшего (фельдфебеля).

Далее была большая столовая, кухня, медицинский пункт, аптека и библиотека с книгами, которая охватывала около двух третей немецкоязычной и одну треть русскоязычной литературы. К русским книгам принадлежали произведения самых известных российских писателей. Немецкие книги были на религиозную, историческую, научную тематику и беллетристика. К этому добавлялась просторная квартира для фермера, кузница, мастерская и конюшня для 15 коров, свинарник для 65 свиней. В 1915 году во Владимировке работало 131 чел. мужчин. Каждый день от 7 до 12 часов в зависимости от времени года.

С начала декабря до конца февраля или начала марта они все имели отпуск, который обычно проводили дома. Чаще всего они засаживали лес или ухаживали за культурами. К 1914 году

они залесили уже 1900 десятин. 200 десятин пахотной земли лесничеству требовалось для собственных нужд. Остальные земли правительство сдало в аренду русским крестьянам.

Парни работали по системе аккордной (сдельной) заработной платы. За день один человек должен был посадить 800 деревьев. Выполнял сорняк, посадил 800 саженцев в день и ты свободен, то есть 1 десятина (1 десятина на леса и поля = 109,25 ар, следовательно, немногим более 1 га) в день для 17 человек. 4-разовый прием пищи. Она была простой, однако здоровой и питательной. Также можно было предположить, что матери всегда что-нибудь пересылали своим сыновьям к отпуску.

Лесничество имело свой духовой оркестр и собственного проповедника. Солдаты лесничества приходили на частые богослужения в колонию Заградовка. Некоторые высматривали там свою возможную вторую половинку и, если им нравилось в Заградовке, то в конце службы они там женились и оседали.

Из книги Герхарда Лоренца «Заградовка»

Это лесническое хозяйство называлось нами, заградовцами, «лесная казарма». Для всех это был так называемый притягательный пункт, любимое место для прогулок среди детей, молодежи и взрослых, это было место свободного отдыха. Для взрослых также памятное место службы или службы их предков.

Здесь, в недрах природы вокруг все так неистовствовало, а взятые с собой продукты всегда смаковали еще лучше, чем дома. Это был лес, который все знали как «лесная казарма», как лиственный лес неподалеку от нас. Дом для многочисленных ворон, которые постоянно посещали наши поля и вредили нам, когда бы им этого не захотелось. Одним словом, это была часть нас.

И эту частицу нашего тогдашнего существования мы посетили, прибыв из Эспелькамп (Espelkamp) в середине июля 2003

года. Мы были заморожены и сравнивали его с 30-ми годами. Мы зашли в лес с другой стороны, со стороны Шьонау (№13 Schönau) и обнаружили село Лесное (Ljessnoj). Для нас оно было неизвестно, то есть для меня, а две мои спутницы раньше здесь вообще не были.

Со старых времен сохранился еще барак, служивший в лесничестве в качестве конторы, здесь мы задержались и спросили, как нам пройти в Фриденсфельд (№ 3 Мировка), а туда можно было добраться только пешком. К нашему удивлению, к нам подошел старик, низкий ростом, 82-летний ветеран 2-й мировой войны, врожденный русский из Кировской области, губернии Вятка, места нашей ссылки. Его выдало его произношение. Мы были очень рады пообщаться с ним.

Мы даже не спросили, сдают ли они древесину или дальше засаживают лес. Но нам показалось, что новым поселенцам здесь хорошо живется. Мы увидели фруктовые деревья, огороды и много ульев.

О, ЛЮБИМЫЙ АЛЕКСАНДЕРФЕЛЬД!

*О, Александерфельд, любимое и уютное место,
Ты часто переносишь меня в мыслях прочь отовсюду –
В далекие и беззаботные детские годы.
Может ли быть на земле еще что-то лучше?*

*Александерфельд всегда был номером один,
На Заградовке такого больше не было.
Там я был дома, там мне все нравилось,
Среди многих сел. И люди, которых было много.*

*Уже несколько раз он покорял мое сердце и разум,
Возвращаясь в детство.
Настоящее развеяно для нас в каждой отпечатке,
Давайте будем помнить о нем.*

*Нам очень хорошо все рассказывают книги,
Каким бедным было наше детство.
Но у Господа каждый может стать богатым,
Прислушайтесь к Божьему слову, никаких жалоб.*

*В наших сердцах царила вера,
Мы могли быть свободными, радостными и счастливыми.
Все такие мирные, такие радостные на этих фотографиях,
Ибо Господь Бог всем солнце и защита.*

*И далее он будет заботиться о Своих,
Все их просьбы и мольбы не закроются от Него.
В страданиях и бедах Он всегда был наготове,
Он сопровождает их и теперь.*

*г. Эспелькамп, Германия.
8 мая 1997 года.
Вальтер Эпп.*

ИСТОРИЯ БРАТСКОЙ ОБЩИНЫ МЕННОНИТОВ СЕЛА КОЧУБЕЕВКА (№8 ТИЕГЕ) КОЛОНИИ ЗАГРАДОВКА С 1872 ГОДА.

(по материалам Вальтера Энпа, г. Эспелькамп, Германия)

БРАТСКИЕ МЕННОНИТЫ, новоменнониты, меннонитская братская община – последователи религиозного течения меннонитов в протестантизме. Отделились от церковных меннонитов во второй половине XIX в. (первые попытки разделения были предприняты в 1854–1855 гг.; окончательное разделение произошло в 1860 гг.) и образовали самостоятельную общину, которая получила название «Соединённая христианская крестьянская по вере меннонитской братская община в России».

Основной причиной раскола послужило отступление церковных меннонитов от заветов одного из основателей меннонитства, голландского религиозного деятеля Менно Симонса (около 1492/1496 – 1559/1561 гг.). Братские меннониты стремились сделать нравственные требования более строгими, и они были более консервативны в вероучении. Исследователи считают, что появление этой группы произошло под влиянием проповедей лютеранского пастора Э. Вюста, объезжавшего в 1840 – начале 1850 гг. немецкие колонии в России (первоначально в меннонитских колониях на реке Молочной, а затем и в других местах).

Часть меннонитов, высказывающих недовольство своими церковными собраниями, образовали движение, получившее название «вюстизм» (вюстовцы провозгласили себя «прощёнными грешниками, которых ждёт рай»). В 1855 г. из группы вюстовцев, живших в Мариупольском округе (Украина), выделилась секта гюпферов («прыгунов»), которые заканчивали моления радениями с плясками, прыганьем и т.п. Гюпферы (см. Гюпферство) из колоний на реке Молочной положили начало сформировавшейся в 1860 г. меннонитской братской общине (или новоменнонитам).

Их первым духовным руководителем стал Авраам Унгерн, находившийся под заметным влиянием баптизма. К 1865 г. гюпферство изжило себя. На братских меннонитов усилилось баптистское влияние. Новоменнониты придерживались схожих с баптистами взглядов на крещение и хлебопреломление. Крещение они совершали в совершеннолетнем возрасте путём полного погружения крещаемого в воду, а хлебопреломление – четыре раза в год (в отличие от церковных меннонитов, которые совершали его дважды в год). Братские меннониты провозглашали принцип спасения верой, проповедовали непотворение злу насилием и отказ от воинской службы и присяги, ратовали за равенство всех членов, полную автономию общин и всеобщее священство.

Немалое значение в расколе сыграли также социально-экономические причины, в частности, рост безземелья, который привёл к отделению малоимущих членов общины. Наибольшее распространение братские меннониты получили на юге Украины. В 1872 г. новоменнонитские общины объединились в Союз новоменнонитского братства, и в том же году состоялась их первая конференция. После трудных переговоров правительство признало их в качестве самостоятельной религиозной организации, и они получили название «братские меннониты». В 1870 г. многие из них эмигрировали в Америку, образовав там впоследствии Меннонитскую братскую церковь Северной Америки.

В 1963 г. произошло официальное объединение братских меннонитов с баптистами, и была создана единая организация во главе с Всесоюзным советом евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). В СНГ численность братских меннонитов составляет приблизительно 60 тыс. Живут они в России (преимущественно в Сибири), Казахстане (Караганде и других местах) и Киргизии (в основном в Бишкеке).

На Заградовской земле братская община образовалась в 1872 г. Сначала среди поселенцев меннонитов братской общины было три семьи. В том же году прибыло еще две, и община уже насчитывала 11 членов. 4 души присоединилось к другой вновь образованной группе, которая через год распалась. Один член общины умер. Посещение братьев Якова Янца и Эдуарда Леппке только укрепило общину.

Для окружения братская община была как заноза в глазу. К тому же среди членов общины было разное понимание ситуации, которые добавляли много хлопот и усилий. Господь же услышал молитвы общины и умножил ее численность.

Богослужебные собрания проводились в частных домах по селам поочередно. Из-за тесноты люди часто отсутствовали. И община вынуждена была приобрести большой дом для молитвы.

Проповедник Яков Рихерт об этом пишет (книга П.М. Фризен, ст. 426):

«И хотя и была потребность в этом, но оказалось невозможным ее осуществить из-за отсутствия средств для покупки или построения такого дома. И все же община рискнула, и наконец, осенью 1881 г. на одном из членских советов постановила с упованием на Божью помощь заимствовать денег на покупку (постройку) такого дома». Подходящим местом для этого дела оказалось село Пригорье (№9, Альтонау) из-за близости протекающей реки Ингулец.

А в 1882 г. молитвенный дом уже был возведен в центральном селе Кочубеевка, после того как один из крестьян продал свою усадьбу, а община у него ее выкупила. Стоящий на ней дом был перестроен под большой зал для Богослужений. В июне 1882 г. этот дом был освящен, где и состоялось первое крещение и любовная трапеза (общий обед). Радость торжества умножилась по случаю приезда нашего старосты Якова Янца и старосты Фишера из Блюменфельд.

*Молитвенный дом братской общины меннонитов с. Кочубеевка.
Довоенный период.*

Из книги Герхарда Лоренца «Заградовка»

«Во дворе молитвенного дома был пристроен массивный дом для церковного смотрителя, особый зал для воскресной школы, зал для еды в праздничные дни в общине. Кроме того в задней части двора были построены конюшни, которые оказались практически востребованными.

Когда в 1892 г. проповедник Яков Рихерт переехал в Донскую область, проповедником и руководителем общины стал Исаак Регер из Кочубеевки. Много лет он служил общине верно и преданно до самой старости и в 1902 г. ушел из жизни.

До того времени община была филиалом Мировской общины, с которой у них был общим староста. Но когда она со временем выросла, то в 1902 г. стала самостоятельной. Избранный проповедником Иоганн Никель из Светловки был в том году рукоположен старостой Я. Янцем на старосту. Хотя староста Никель не имел высшего образования, он через свою святость, вежливость и любовь завоевал доверие в общине. Он оставался на своем посту до тех пор, пока Советская власть не посадила его в Херсон-

скую тюрьму и не уморила голодом.

Два члена общины из Кочубеевки находились в миссии язычников – жена Абрахама Гиберта была в Индии, а Генрих Раймер в Африке в Камеруне. Как братская община выросла, подтверждает тот факт, что в 1922 г. она увеличилась с 437 членов до 1039, что составило пятую часть населения всей колонии Заградовка.

Один из свидетелей Адольф Зайлер вспоминает о духовной жизни в Кочубеевке в 1933–1943 г.г. до эвакуации в своей книге «Незаслуженные чудеса благодати в моей жизни»: «Когда мы осенью 1933 г. в Кочубеевку прибыли, здесь еще проводили Богослужebные собрания. Братская община имела большой красивый молитвенный дом, и каждое воскресенье собиралось множество верующих.

Но противник, Дьявол, был все-таки активным в своих деяниях. Староста и почти все проповедники были на тот момент арестованы или высланы на Урал. Раньше в Кочубеевке было более десяти проповедников, теперь же остался лишь один, старенький брат Блок. Еще один проповедник был в Пригорье – брат Фризен, в Никольском – брат Плетт. Эти трое одновременно проводили Богослужebные собрания. Но позже эти братья также один за другим начали исчезать, и больше их никто не видел.

Когда же все проповедники были убраны, молитвенный дом был переоборудован на место веселья и разврата – клуб. И тут, казалось, пришел конец общины в Кочубеевке. Но Бог, которому ничего нет невозможного, хотел еще раз к жизни воззвать».

И в такой вот период времени, период духовной тишины, были мы, наше поколение рождены, как растение в питомнике разврата и зла, не имея Бога, не зная о Его воле, не слыша Его слова о спасении, и что есть Создатель мира на Небесах. Запреты Советской власти следовало соблюдать, поэтому домашние Богослужebия в большинстве домов прекратились».

Продолжение воспоминаний брата А. Зайлера

«В сентябре 1941 г., когда мы опять в Кочубеевке жили, вошли немецкие войска, а вместе с ними пришла и свобода вероиспове-

дования.

Однажды моя мать говорит мне: «Будем опять Богослужения проводить». Да, а кто их будет проводить? Проповедников же среди нас нет. И она ответила: «Ты или еще кто-нибудь из братьев».

После бурных времен осталось только шестеро братьев в селе, и то все такие, которые никогда еще и проповеди не держали. Я пал на колени, ибо знал, что между мною и Богом не все было в порядке, мне необходимо было раскаяние и прощение проступков своих, и я получил прощение и радость во имя служения Ему.

На воскресение мы пригласили наших родственников на Богослужение в свой дом, где нас Господь и благословил. После этого я пошел к администратору общины и попросил его выдать ключи от клуба, бывшего молитвенного дома. Он спросил меня: «Зачем они тебе нужны?». Я ответил ему: «Мы хотим алтари идолов уничтожить и снова все в дом Божий переоборудовать».

С ключами в руках я пошел к моим братьям просить их о помощи в восстановлении молитвенного дома, на что они охотно согласились. Тут было много работы: сцену нужно было перестроить, генеральную уборку провести, скамейки надо было собрать, которые по другим учреждениям использовались. В это время и в других селах Богослужественные собрания возобновились, особенно в Мировке (№3) и в Александровке (№1).

В селе Озеровка (№2) был Иоганнес Кляйн, который в 20-е годы в Одессе окончил семинар проповедника, отбыл 7 лет ссылки и после освобождения работал там врачом.

В селе Мировка (№3) был восстановлен молитвенный дом и после возобновления Богослужений жизнь большой общины пробудилась. В селе Александровка (№1) проповедником был Вильгельм Левен примерно с 1940 г., когда из заключения вернулся, на своем месте он действовал с Господнего благословения.

Здесь в Заградовке не было единого старосты, а был создан совет старост в составе 3-х братьев, которые все духовные дела решали, брат И. Кляйн был старшим в совете. Мы в Кочубеевке

были филиалом братской общины села Мировка.

Дух святой возрождался, а сатана фыркал местью со стороны властей, особенно со стороны областного комиссара Шульца, которому эта вера не нравилась, и учению евангельского вероисповедования противился, ибо был заядлым нацистом. Ему очень хотелось себя и своего фюрера прославить.

Когда мы снова радовались Рождеству, чтобы опять так хорошо и празднично его провести, и программа проведения уже была готова, пришел бургомистр и объявил: «К Рождественской ночи будет господин Шульц, областной комиссар, и будет сам произносить рождественскую речь».

Почти все село собралось. И вот появился господин Шульц, пошел прямо за стол проповедника, кафедры не было, и произнес свою речь, которая примерно гласила так: «Иисус был еврей, и Христианство – это вера еврейских последователей. Рождество – это древнегерманский праздник, праздник солнечного поворота». И прочие ереси говорил.

После окончания его речи все ушли домой опечаленные. Неужели это та самая так долго ожидаемая свобода вероисповедания? И вынуждены мы были встречать первые два дня Рождества в тиши своих домов.

На третий день праздника (ибо раньше три дня праздновали) даровал нам Бог мужество нашу программу провести. Для этого было по всему селу разосланы приглашительные письма, и многие последовали этим приглашениям. И как оказалось, этот день стал благословенным рождественским днем для всех. И, таким образом, мы по-прежнему продолжали проводить наши Богослужбные собрания.

Эти наши действия не нравились господину Шульцу, и он начал преследовать брата Кляйна, пытаясь его переселить в одно украинское село в качестве врача, но Кляйн ему не подчинился, ибо он знал, что господина Шульца не врачебное дело интересует, а чтобы помешать духовному развитию общины. И господин Шульц посадил его в тюрьму. Но через несколько месяцев Господь Бог освободил его, и он продолжал и дальше трудиться на

Божьей ниве.

Через обновление и новое обращение община в Кочубеевке возросла, проводились крещения, организовали воскресную школу, а хор прославлял Господа на Богослужбных собраниях.

До жатвы 1943 г. власть не мешала нам проводить собрания. Накануне жатвы местный комендант господин Грапс заявил: «На дом молитвы наложена конфискация в связи с уборкой урожая – под зерносклад». Я говорил коменданту: «Этого не будет, есть другие дома для этой цели, кроме молитвенного дома, которые стоят пустыми». Он хотел знать, какой дом для этой цели может быть пригодным. Я указал на коровник, который стоял пустым, но его нужно было оборудовать под зерносклад.

Нас бранили со стороны районного сельского управления, но мы взяли эту работу на себя и провели ее качественно и к сроку, не отвлекая рабочую силу от уборки урожая. Мы продолжали проводить наши Богослужбные собрания до последнего дня – до эвакуации на Запад. Так Господь оказал свою благодать для общины Кочубеевки.

Это чудное дело Святого Духа, что Он здесь, в Кочубеевке, себе общину из украинского населения к жизни воззвал, ибо долгое время там была мертвая тишина в духовной жизни, начиная с ноября 1943 г. после приближения линии фронта и эвакуации немецкого населения на Запад.

Об этом повествует нам и сегодня Елена Теске из Германии. Она эту «духовную тишину» пережила там с 1944 по 2003 г.г. Не было верующих у них в селе, ни меннонитов, ни баптистов. Для этого были разные причины: страх через власть и советский режим, через маломужество, через сохранение своего авторитета в мире, чтобы не потерять свою уникальность.

Но в свое время Бог через Святой Дух воззвал к сердцам населения Заградовских сел, и призвал их обратиться к Иисусу Христу. И свершилось чудо в Кочубеевке. Это молитвы меннонитов братской общины начали исполняться, и община Христа образовалась.

ИСТОРИЯ СЕЛА ОЗЕРОВКА

*(по материалам Вальтера Эппа специально для краеведов
Озеровской школы)*

Здравствуйтесь, юные краеведы!

С горячим приветом к вам Вальтер Бернгардович Эпп.

Получил неожиданно от вас письмо, в котором вы выражаете просьбу о моем содействии в изучении истории нашей совместной родины, села под названием Озеровка. Да поможет нам в этом деле Господь Бог.

Озеровка (№2 Neu-Schönsee) – обозначает «новое красивое озеро» (нем.). Название происходит от названия старой родины Schönsee («красивое озеро») подобно названиям «Новопавловка» или «Новомировка». Современное название – Озеровка.

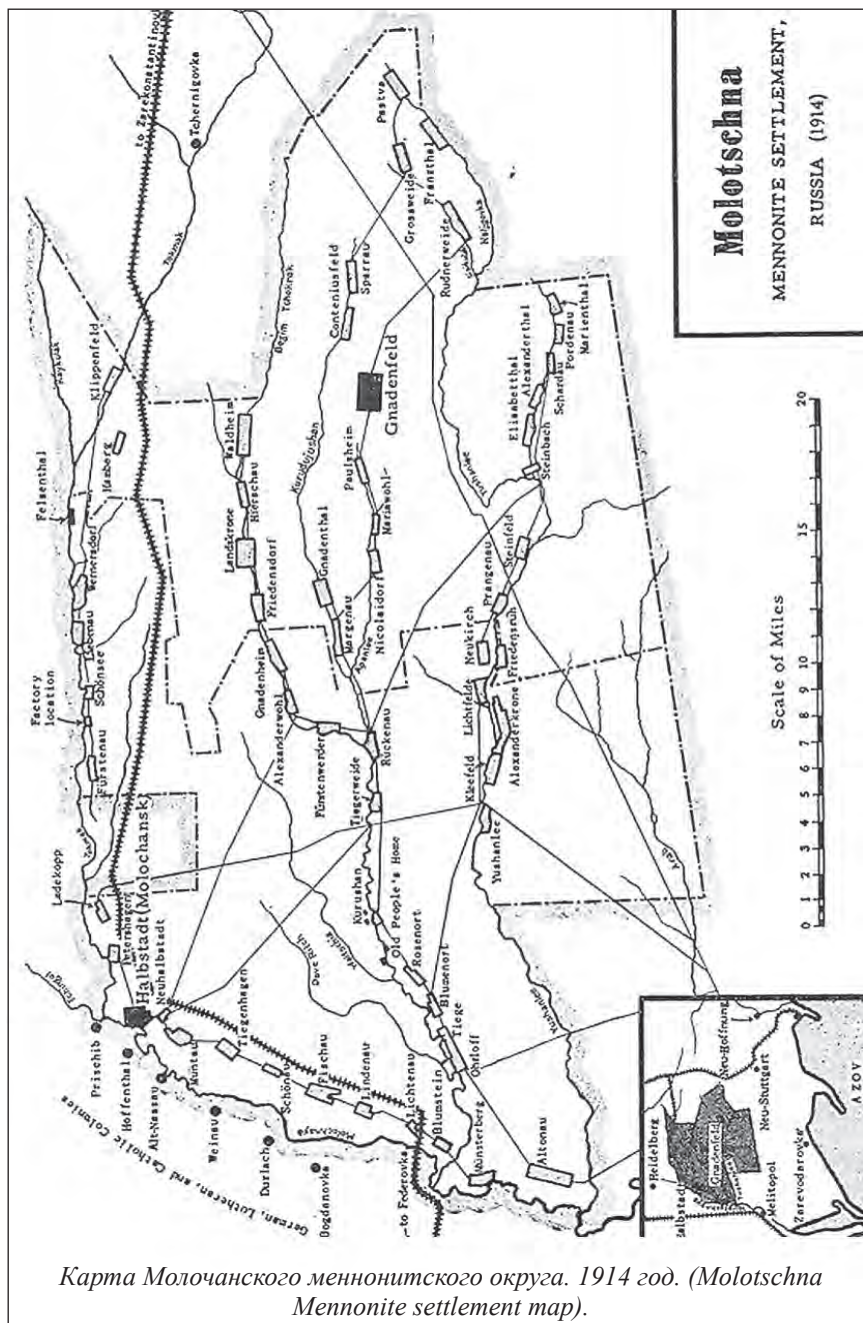
Мировка (№3 Friedensfeld) – обозначает «мирное поле» (нем.). В настоящее время этого села не существует из-за его ликвидации и присоединения оставшейся части к Озеровке.

Для начала попробуем вместе с вами ответить на следующие вопросы:

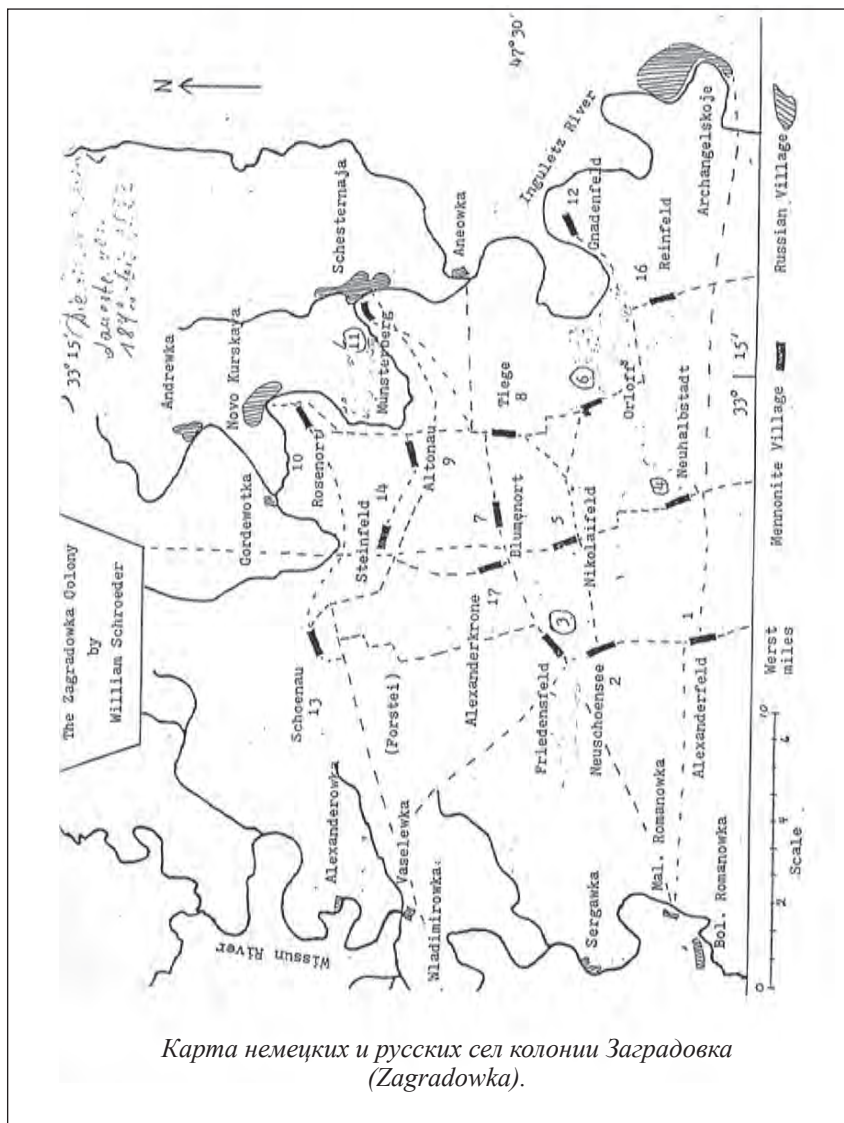
1. Кто были меннониты – поселенцы Озеровки?
2. Что заставило их поселиться на Заградовской земле?
3. Кто был среди первых поселенцев Озеровки?
4. Какие трудности им пришлось преодолевать?
5. Советская власть и ее последствия.
6. Мои впечатления об Озеровке (после ссылки).

При этом я использую материал Герхарда Лоренца из книг «Заградовка» и «Чтобы не забывалось», которые он написал в Канаде.

В Озеровку, как и во все остальные Заградовские колонии, переселились немцы-меннониты из немецких сел на реке Молочная (крупнейшая река северо-западного Приазовья в Запорожской области Украины, впадает в Молочный лиман Азовского моря), где стало им тесно из-за густой заселенности.

Большинство поселенцев были земледельцами. Родительская забота о молодом поколении вынуждала найти выход из положения и приобрести землю у землевладельца-собственника Заградовки Леонида Викторовича Кочубея для построения новых сел в Херсонской губернии.

Карта немецких и русских сел колонии Заградовка (Zagradowka).

Покупка состоялась 15 июня 1871 года. Поселенцам продали участки по цене 25 руб. за десятину, включая расходы на оформление документов и прочие расходы.

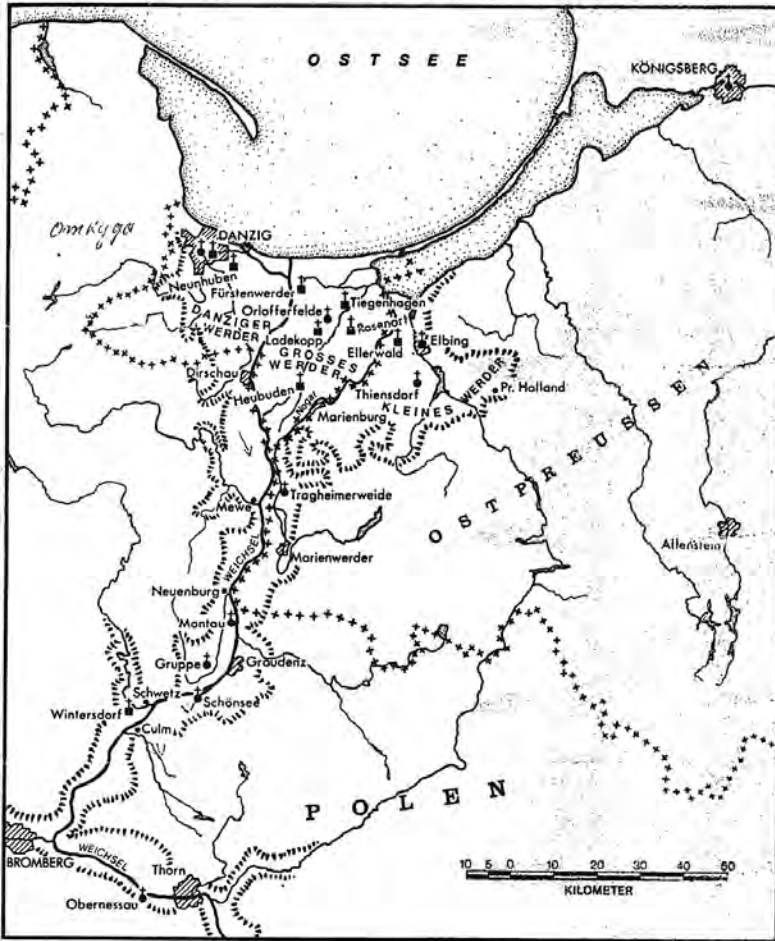

Так выглядела степь Юга Украины до прихода колонистов.

На всей территории не было жилых домов, только отдельные дворы или сараи. Лишь в селе Долиновка (№11) был винный завод, но его сразу ликвидировали, ибо меннониты спиртные напитки не употребляют.

Меннониты стали кочевниками, начиная с 15-го века, из-за своего вероисповедования. Они были трудолюбивым народом и быстро размножились, поэтому каждые 25 лет нуждались в расширении жилой площади.

THE DANZIG AREA

- ✚ Flämisch Congregations
- Friesian Congregations
- ⊙ Cities
- ***** Political Boundaries 1918-1945
- ▬▬▬▬ Escarpment

Наши предки – уроженцы северной Германии возле Голландской границы.

Этот народ был всеми царями – правителями народов гоним за свою веру. Одной из последних его остановок были Ново-Александровка, Озеровка, Мировка и другие села Заградовской колонии, в которую они начали заселяться с 1872 г.

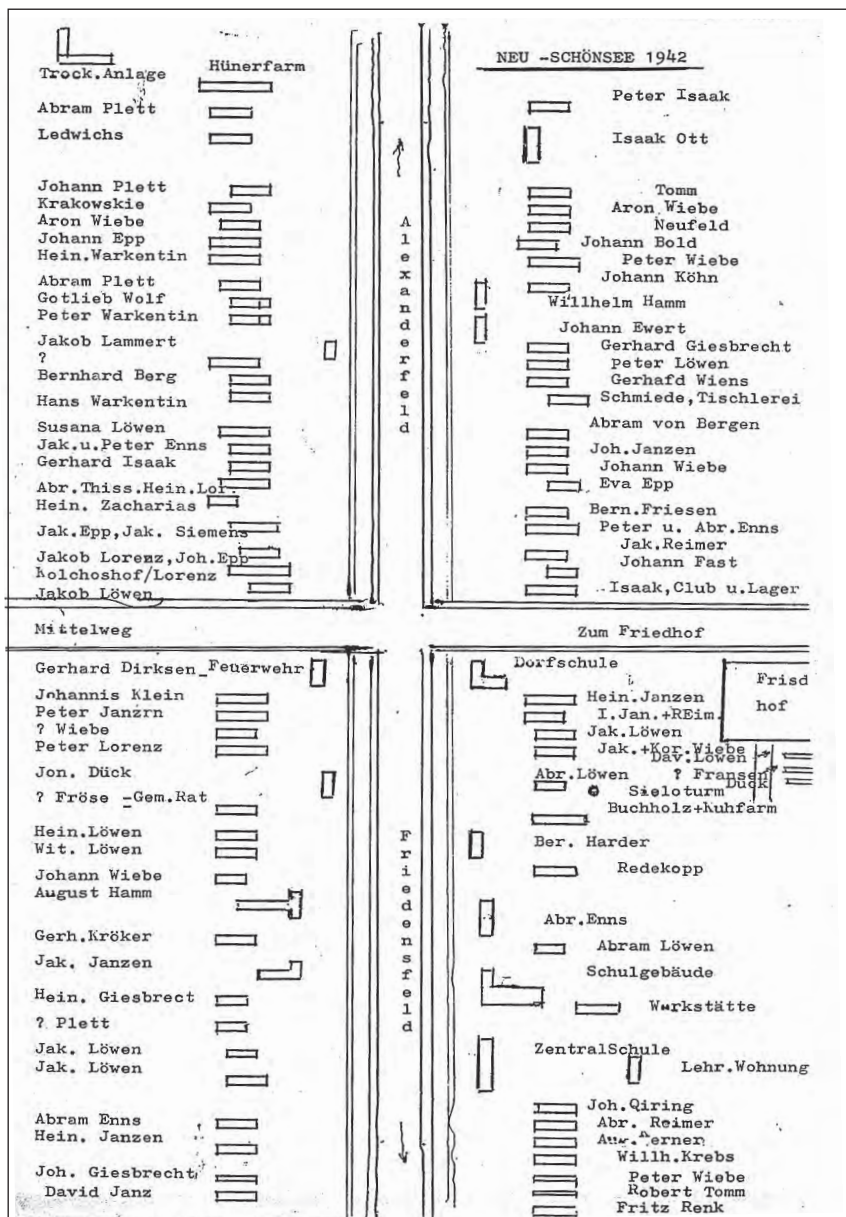
Это были в основном малообеспеченные и малограмотные семьи со старой колонии на реке Молочная, что затрудняло новоселам проводить всякие организационные дела. Планы застройки села каждой семье были вручены еще в старой колонии, земля была отмерена заранее, каждому селу свой участок.

За Озеровкой числилось 1310 десятин земли. По остальным селам размеры участков приведены ниже в таблице.

№ села	Наименование сел, переименованных после 1914 года	Число душ	Числилось земли (десятин)
1	Alexanderfeld (Александрфельд, Александровка, Ново-Александровка)	411	1317
2	Neu-Schönsee (Ней-Шензее, Озерово, Озеровка)	344	1310
3	Friedensfeld (Фриденсфельд, Мировка)	530	1333
4	Neuhalbstadt (Ней-Гальбштадт, Равнополье)	307	1308
5	Nikolaifeld (Николайфельд, Никольское)	390	1306
6	Orloff (Орлоф, Орлово)	466	2693
7	Blumenort (Блюменорт, Светловка)	250	1277
8	Tiege (Тиге, Кочубеевка)	405	1711
9	Altonau (Альтонау, Пригорье)	314	1277
10	Rosenort (Розенорт, Розовка)	289	1050
11	Muensterberg (Мюнстерберг, Долиновка)	447	1197
12	Gnadenfeld (Гнаденфельд, Благодатное)	137	936

13	Schoenau (Шенау, Красновка)	340	1918
14	Steinfeld (Штейнфельд, Каменка)	156	589
15	Reinfeld (Рейнфельд, Софиевка)	223	792
16	Alexanderkrone (Александркронэ, Лу- говка)	172	656
	Isaak Harms (единоличник)	-	300
	Aron Janzen (единоличник)	-	100
		5181	21070

Каждое село обязательно имело в центре свою начальную школу, большой колодец, пожарную избу с инвентарем и кладбище. В дополнение к этому листу я прилагаю план сел Озеровка и Мировка по состоянию на 1942 г.

Карта села Озеровка (№2 Neu-Schönsee). 1942 год.

Немного об авторе книг «Заградовка» и «Чтобы не забылось». Герхард Лоренц родился 27 декабря 1899 года в селе Озеровка. Его родители были крестьяне, Иоганн и Катерина Лоренц. Он окончил Озеровскую центральную школу и весной 1918 года окончил торговую школу в Молочанске. Два года служил в Красной Армии шефом бюро. В 1925 году вместе с женой и ребенком иммигрировал в Канаду. Там Г. Лоренц продолжал учиться и работал в университете преподавателем. В 1974 г. ему было присвоено докторское звание.

Герхард Лоренц (Gerhard Lohrenz).

Родительский дом Г. Лоренца в Озеровке позже и мне служил родным домом с 1935 по 1941 г.г. в дни беззаботной юности моей.

Передняя половина дома служила колхозной конторой и бригадным двором бригады №1 колхоза «Прогресс», где наш отец был председателем колхоза в 1935–1938 г.г. Отец откупил полдома у колхоза за 800 рублей. Дом стоял в том месте, где сейчас пруд построили, и который, к сожалению, без воды. Правильно выразился Г. Лоренц: «Камня на камне не осталось». В 2003 году я посетил это место и сам в этом убедился.

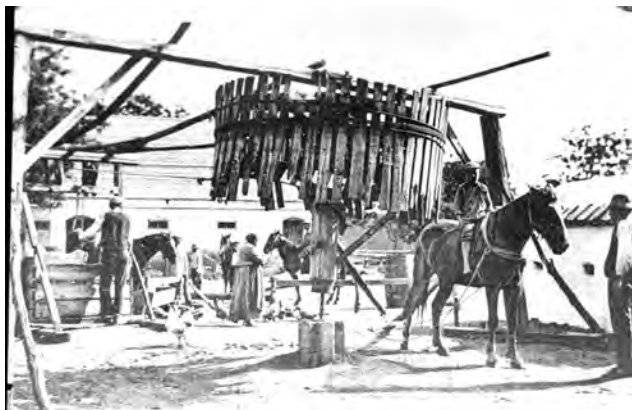
Мой меньший брат Артур посетил Озеровку в 1973 году и видел тот дом, где его колыбель стояла. Это спустя 30 лет после нашего переселения в Польшу и Германию.

Дом Г. Лоренца в с. Озеровка (№2 Neu-Schönsee).

Еще один дом в Озеровке принадлежал Якобу Янцену. Он заведовал двором бригады №2 и красным уголком для сельской молодежи, а также гаражом для автомашин и тракторов. Около кладбища была весовая, а за дорогой молотильная площадь (ток). В последующие годы колхозную контору тоже переселили в этот дом.

На всей территории тогда было всего лишь два колодца. Один в Александровке в центре села, другой был вблизи Орлово.

Так выглядели первые колодцы в селах Заградовской колонии (Zagradowka).

Поначалу строили временки, чтобы было укрытие для перезимовки, потом поднимали целину. Здесь пришлось попотеть, и людям и лошадям. При этом меннонитский плуг аж скрипел.

Времянки первопроходцев Заградовки (Zagradowka).

Особенно тяжело досталось Озеровским поселенцам через отсутствие воды. Выкопанные колодцы не давали достаточно влаги, поэтому ездили за водой в село «Средний»(?), что в 10 верстах. В этом случае названию «Озеровка» не соответствовало ее безводное положение. Позже вода появилась, но так мало, что пришлось колодец на ночь закрывать под замок, чтобы другие не вычерпывали за ночь воду.

Первыми руководителями в Озеровке были:

Герхард Варкентин, проповедник, а потом староста в меннонитской церковной общине с. Никольское в 1895–1902 г.г. В жестком или на повышенном тоне он никогда не позволял себе говорить, умер 28.05.1902 г. и похоронен на Озеровском кладбище.

Якоб Реймер, высший сельский староста в Орловской волости, ибо тогда Озеровка входила в ее состав. Он жил в Озеровке, был энергичным, умным и дальновидным. У него было большое доверие в правящих кругах, его называли «меннонитским Моисеем». При нем в 1895 г. была построена Озеровская центральная школа, три класса. Свою заботу о повышении образования озеровской молодежи он проявил на деле. После 16-летнего служения в 1896 г. он покинул свою службу по семейным обстоятельствам и перебрался в Барнаул (Сибирь), где

еще многие годы служил высшим сельским старостой. Умер в 1917 г.

Абрам Берген, высший сельский староста. Он был молод, умен, энергичен и хорошо владел русским языком как никто другой. А. Берген всегда действовал по своим убеждениям. В 1899 г. во время еврейских погромов земский начальник потребовал от него 500 мужчин из Орловской волости на охрану евреев в селах Малая и Большая Романовка.

За неподчинение и его самовольные действия он был снят с поста, волости пришлось уплатить штраф в сумме 500 руб. Он служил волости еще долгие годы судьей, а также преподавал в Озеровской центральной школе труд и столярное дело.

Я, Вальтер Эпп, его лично знал. Его дом был там, где на плане указана кузница. Во время Второй мировой войны он эвакуировался в Польшу и Германию. После войны нас репатриировали в разные места, кого на каторгу, кого на Урал, кого в Сибирь, кого в Казахстан. Там, по рассказам, он и умер в 1947(?) году

А. Берген был одним из старейших озеровчан, но в 2004 г. мы похоронили, насколько мне известно, самую старшую из нас всех, Екатерину Яковлевну Эпп, в возрасте 99 лет 9 месяцев и 13 дней.

Меннонитская церковь села Никольское (Church-Nikolaifeld-Zagradowka)

В церкви меннонитской церковной общины с. Никольское, членами которой была большая часть населения Озеровки, в

1923 г. праздновали 50-летие Заградовской колонии.

В 1937 г. в Озеровке насчитывалось примерно 620 жителей. Через репрессии и переселение в 1942 г. в село Заградовка по состоянию на 30.10.1943 г. эвакуировалось на запад всего 545 человек. Трое мужчин в трудармии пропали без вести.

Некоторые трудности уже были упомянуты, такие как безводие, недостаток стройматериалов, поднятие целины. Такой же проблемой был и недостаток тягловой силы.

Поднятие целины с помощью лошадей в упряжке.

Для однокорпусных плугов, захват которых был 35–40 см, необходимо было в упряжке иметь 5–6 лошадей, а у каждого хозяина было не больше 2-х. Поэтому пришлось паровать по три пары, и дело двигалось, хоть и медленно, но вперед.

Плуг, изобретенный меннонитами, специально для поднятия целины.

В Озеровке в первые годы, не помню у кого, был черепичный завод, но глину возили из сел Орлово (№6) и Благодатное (№12). Производительность завода была хоть и маленькая, но в

те времена прибыльная.

Трудности возникли во времена Первой мировой войны, особенно после ухода немецких войск, когда разгорелся гнев и вражда со стороны местного населения, которые никак не прекращались. Ко всему этому еще и революция 1917 г. усугубила события.

Немецкие войска на Юге Украины во времена Первой мировой войны.

От наших крестьян брали лошадей, брички, мужчин на транспортные работы. Меннонитов мобилизовали в санитарные поезда и лазареты, облагали дополнительными налогами.

Меннониты-санитары, мобилизованные в русскую армию.

Не успели окрепнуть после этих тяжелых времен, как нагрянули банды в самой жестокой форме. В Заградовской колонии

29 ноября–1 декабря 1919 г. действовали формирования Махно. По великой милости Божьей Озеровка была сохранена от разбоев убийц и грабителей.

В 1921 г. по всей России был великий голод, Озеровку он тоже не пощадил. Вместе с голодом в 1921 г. в Озеровку пришли болезни – тиф и холера.

1922 год был юбилейным – 50 лет Заградовскому поселению, но как уже было выше упомянуто, торжество перенесли на 1923 год. На это наше торжество был приглашен и представитель Советской власти, которая пока еще так долго терпела церковные церемонии.

Советская власть причинила озеровским жителям много горя и трудностей. В 1929 г. происходила коллективизация с конфискацией собственного имущества. Более зажиточных крестьян, так называемых кулаков, высылали на Урал и в Сибирь. Детей богатых хозяев не принимали в колхоз либо на 5 лет лишали права голоса.

Колхозная жизнь не развивалась в результате общей коллективной работы, все шло к развалу по причине бесхозяйственности и неопытного управления колхозом. По этой причине пришлось нашему отцу в 1933 г. принять колхоз в Софиевке и поднимать на уровень других колхозов.

В 1935 г. районное управление перевело его опять в Озеровку, где колхозное правление растранижило колхозное добро, и было отдано под суд. Жили под девизом: «Кто был никем, тот станет всем». В 1925–1929 г.г. многие озеровские немцы иммигрировали в Канаду. После 1929 г. границы для иммиграции закрылись.

В 1932 г. в Озеровке и других селах посадили лесополосы. Это все была ручная работа, а сами саженцы были дорогими.

В 1933 г. Советская власть устроила искусственный голод. Урожай был не таким уж и плохим, но для крестьян не оставляли зерна на трудодни и даже обыскивали по домам и забирали последнее зерно от населения.

Умерших от голода детей вывозят к месту захоронения.

В Озеровке, как и в многих других селах, обустроили «американскую кухню», то есть Америка оказывала гуманитарную помощь немецкому населению, и это спасло многим жизнь от голодной смерти.

Американская кухня многих спасла от голодной смерти.

В Александровке никто с голода не умер. Так мне рассказывал мой 87-летний двоюродный брат. В школе их тогда раз в день кормили, но из какого фонда, уже не помнит.

В Александровке, как и в другой местности, были «популярны» всякого рода активисты по разыскиванию зерна. Они

больше всего по вечерам налетали и отнимали у семьи, что находили. Особенно трудно было семьям, которые были лишены имущества и права голоса. Их в колхоз не принимали, и работать не разрешали, таким образом, они были без дома и без хлеба. Мало того, еще и преследовали тех, кто их принимал и поддерживал у себя дома.

В 1930–1931 г.г. начали раскулачивать зажиточных крестьян и вместе с духовными служителями выселять на Урал и в Сибирь в ссылку, а их имущество подлежало конфискации в колхоз. Середняков же оставляли в селах, но притесняли выше упомянутыми мероприятиями. И таких тоже было немало.

В Александровке жила одна семья, о которой хотелось бы вспомнить. Это была одна из многих семья Иоганна Кьона, дедушки моей жены Елены. Все сидели за столом и кушали свои, приготовленные из кукурузных кочерыжек высушенные и истолченные на муку лепешки (коржики).

И тут внезапно ворвались с руганью эти активисты и закричали: «Подохнуть бы вам, а вы еще жрете, паразиты!» Их дочь, а моя теща сидела с накинутой на плечи шалью, теплым платком, который одному активисту понравился, и он хотел эту шаль у нее забрать, но она ему возразила, говоря: «Этот платок принадлежит мне, а не вам». Она была тогда уже замужем, и он отпустил шаль из своих рук.

В Озеровке была подобная картина бедноты и голода, но еще тяжелее, чем в Александровке, где тогда работали паровая мельница и маслобойка, которые приносили доход колхозу и прибежище голодному люду, будь то тайком либо по знакомству кусочек жмыха (макухи) или горсть отрубей. Весной и летом в основном люди питались травами – конским щавелем, лебедой и другими травами.

Про Озеровку я расспрашивал одну знакомую женщину, которая у нас в колхозе счетоводом работала, и было ей уже 93 года, когда я с ней об этом говорил. На мой вопрос, сможет ли она мне что-нибудь про голодные годы рассказать, она ответила: «Да моя мама умерла летом 1933 г. от голода». Дальше

она рассказывала: «У нас еще был некоторый запас пшеницы с прошлого года, но его у нас забрали и мы голодали. Уже при новом урожае мама умерла».

Еще один случай был, который она мне рассказала, и мой старший брат Борис подтвердил сказанное. Во время уборки урожая отец Левен Давид, мне хорошо знакомый, возил на станцию Белая Криница пшеницу в закрома государства, а его сынишка Ваня поехал с ним, лежа на бричке и кушая с азартом пшеницу.

Когда доехали до межи между Озеровкой и Александровкой, там, где была канава прокопана, Ваня заявил отцу, что вернется домой, потому что ему стало плохо. Ночью отец вернулся домой, а 12-летнего сына дома не оказалось. На другой день его нашли в той канаве мертвым.

У нас также был такой случай, о котором старшая сестра и брат рассказывали. Они были голодными и обнаружили на чердаке центральной школы, так как мы тогда жили напротив школы, немного отдельных кукурузных зернышек, которые от кочерыжек остались, после того как их истопили в школьной печке.

Они втроем их собирали целый день в пыли и потемках и к своей радости насобирали примерно 1,5 кг зерна кукурузы. Вечером нагрянули активисты и забрали эту торбочку с кукурузой. Отца дома не было, он в ту пору работал в районе, в Высокополье.

Голод и холод были спутниками нашего народа и поколения тех дней. Ввиду неурожая было также мало и соломы, а это для нашего края была топка в печках. Люди резали собак и кошек и ели, хоть своих, хоть соседских, если удавалось, сусликов ловили или птиц. Старались спасти свою жизнь и ближнего своего.

В Мировке тоже 2 человек умерло. В селе Пригорье умерло 3 мужика. Люди старались свои мизерные запасы от активистов в кошелках в снег запрятать. Особенно много нищих было в то время в нашей местности. Но мало было добродетелей, ведь голод всех застал и никого не пожалел. Неохотно хочу подчер-

кнуть, что русские колхозы были беднее, чем немецкие. Поля отличались и по уходу, и по виду на урожай.

Может вы уже слышали о большом селе Шестерня, но я слышал от наших стариков, что это село раньше было до 9 км в длину, а в голодные годы там так много людей умерло, что они переселились в середину села, и село оказалось длиной всего около 2 км.

Наш колхоз в 1939–1940 г.г. возил из Шестерни камни для постройки колхозных дворов и укладки дороги в Озеровке, и мы с моим братом Борисом ездили разбирать развалины домов и заборов. Очевидно, что это было ужасное явление со стороны Советской власти. Это была жестокая судьба, которую мы воочию наблюдали и которую невозможно никогда позабыть.

Не без воли Бога и этот голод тогда прошелся по нашей местности. Народ оставил Бога и согрешил в поступках своих. Народ свергнул царя, отрекся от Бога и творил безмерно беззакония всякие. наших меннонитов Господь бог не раз наказывал таким бичеванием. Советская власть Бога отвергала и преследовала всех верующих в него. Одно только жалко, что невинный народ в большинстве своем страдал.

В конце 30-х годов население прибавилось за счет немецких переселенцев из Волынской колонии по причине перемещения границы с Польшей. Это были уже не меннониты, а немцы других конфессий. В это время все церкви были закрыты, а религия запрещена и гонима.

Начались страшные репрессии против населения, особенно против мужчин. В 1937–1938 г.г. было посеяно много горя в семьях и селах, как по всей Заградовке, так и по всей стране. Ужас, беднота, вдовы и сироты заполнили наши края. Таким образом, 34 мужчин и одну женщину арестовали и замучили пытками либо расстреляли. Женщину потом отпустили. Наши меннониты продавали своих односельчан органам НКВД за деньги, лжесвидетельствуя на невинных людей.

К примеру, на нашего отца. Он просиживал до полуночи над подготовкой отчета колхоза за прошедший 1937 год, так как

двух его бухгалтеров арестовали, а утром он уже в 5 часов по колхозным делам и дворам делал осмотр.

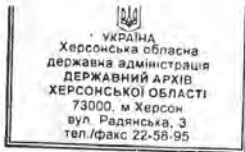
15 февраля 1938 г. он провел годовое отчетное собрание, которое длилось до полуночи. В четыре часа утра раздался неужественный стук в окно с грубым окриком: «Борис Борисович, открывайте!».

В доме раздался громкий плач детей и матери, причины стука и крика были известны. За отцом пришли милиционер и председатель сельсовета. Отца арестовали, обыск провели, мама приготовила все необходимое для тюрьмы. Отцу скомандовали идти, он сказал: «Я прощаюсь с семьей», но они не хотели этого допустить, говоря: «Не стоит, через пару дней вернешься».

Эта ночь для Озеровки была «погромной ночью», ибо в эту ночь 16 человек арестовали, отца увели последнего, и это навсегда. Беспросветная тьма окутала Озеровку.

Председательство принял Гамм Петр Августович. Молодой, энергичный мужчина, демобилизовавшийся из Красной Армии, но руководящего опыта не имел. К тому же рабочих рук не хватало.

Чтобы не быть голословным, я прилагаю копию архивной справки из государственного архива Херсонской области.

/ 7 а (

Эпп Вальтер Бернгардович
Шпербергер, 34
32339
Эспёлкам
Германия

28.01.2005 № 05-10/29

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документах архивно-следственного дела о политической репрессии в отношении Эппа Бернгарда Бернгардовича указано, что он был арестован 14 февраля 1938 г. органами НКВД. В аккте арестованного указано: Эпп Бернгард Бернгардович, 1893 г. рождения уроженец с. Александровки Озеровского сельсовета Фриц-Геккертовского района Николаевской области (ныне Высокопольского района Херсонской области); нежен. беспартийный, образование – 4 класса, председатель колхоза «Прогресс» в с. Озеровка. Состав семьи на момент ареста: жена – Ева Яковлевна, 38 лет, дочь Тина, 27 лет, сын Бернгард, 16 лет, сын Иван, 12 лет, дочь Елена, 10 лет, сын Вальтер, 8 лет, сын Артур, 1 года.

Эпп Б.Б. был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде против советской власти и её мероприятий, а также за участие в националистической повстанческой организации. Ему в вину ставилась также религиозность – он был менонитом и иногда исполнял обязанности проповедника.

В 1924 году был осужден на три года условно за участие в комиссии по борьбе с местными беспорядками и избитие бедняков в ходе работы этой комиссии.

В протоколе допроса указаны репрессированные родственники Эппа Б.Б. – брат второй жены – Дик Яков (находился на высылке) и муж сестры – Петер Яков Яковлевич (арестован в декабре 1937 года).

Решением особой судебной тройки при УНКВД по Николаевской области от 23 сентября 1938 года Эпп Бернгард Бернгардович по статье 54-10, ч. 1 УК УССР (антисоветская, контрреволюционная деятельность) был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 29 сентября 1938 года.

Заключением прокурора Херсонской области от 17 июля 1989 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начала 50-х годов», Эпп Бернгард Бернгардович реабилитирован.

Основание: фр-4033, оп. 7, д. 979

И. о. директора архива

Исполнитель
ЕИ

Е.А.Марущак

Е.И.Стукалова

Все обвинение ложные, за что и реабилитирован.

Справка из Херсонского государственного архива

Мрачная жизнь в нашей семье продолжалась и в последующие годы, как и во многих других семьях. Остались без отца сестра 27-ми лет, брат 16-ти лет, брат 12-ти лет, сестра 10-ти лет, я 8-ми лет, брат 1,5 года и мать на 7-м месяце беременности. Старшие братья оставили дневную школу и перешли в вечернюю, чтобы днем работать для пропитания семьи.

Ниже навожу список репрессированных односельчан:

1. Болд Иоганн	19. Томм Роберт
2. Вибе Петер	20. Тиссен Абрам
3. Вибе Иоганн	21. Тиссен Николай
4. Дерксен, учитель	22. Фотт Генрих
5. Бухгольц Генрих	23. Эпп Бернгард
6. Гардер Иван	24. Эннс Петер
7. Изаак Абрам	25. Эннс Абрам
8. Классен Иван	26. Кьон Иоганн
9. Левен Петер	27. Янцен Иоганн
10. Левен Абрам	28. Янцен Абрам
11. Лоренц Яков	29. Янцен Генрих
12. Лоренц Петер	30. Янцен Яков
13. Петерс Пауль	31. Янцен Генрих
14. Притскау Генрих	32. Янцен Петер
15. Плетт Петер, больного отпустили, дома умер	33. Дик Иоганн
16. Отт Исаак	34. Варкентин Яков
17. Раймер Яков	35. Дика Иоганна жену после длительного следствия отпустили
18. Раймер Яков Иванович	36. Тильманн Петер

34 человека остались в тюрьмах и стали жертвами советско-го режима. Эти невинные люди потерпели через четырех предателей, трое из которых в сентябре 1941 г. были расстреляны немецким органом военного трибунала, и, таким образом, было

еще больше увеличено число вдов и сироток в Озеровке.

Квиринг Иоганна, Квиринг Елену, Винс Герхарда казнили, а Эннс Петер скрывался с семьей до тех пор, пока линия фронта и ее законы не отодвинулись на запад. Тогда он и вернулся в Озеровку, но перед Богом и своими жертвами он останется должником во веки веков.

Как вначале было уже сказано, с педагогическими кадрами в Заградовке было тяжело. Не все учителя имели должное образование на занимаемых должностях.

Г. Лоренц пишет: «Вскоре в 1878 г. переселился из Молочной знатный и образованный учитель Иоганн Кьон, имеющий знания и опыт работы в школьной системе и материально хорошо обеспеченный. Поселился он в селе Александровка (№1 Alexanderfeld).

И. Кьон был избран в волостной совет и проявил инициативу в повышении квалификации педагогических кадров. Он провел экзамен всех учителей волости, многие из которых экзамен провалили и были от учительской должности отстранены. И. Кьон и его коллеги завоевали большой авторитет по всей Заградовке.

Выше упоминалось, что Озеровская центральная школа была построена в 1895 г. В дополнение я передаю вам в сокращенном виде от Г. Лоренца и перечисляю заслуженных учителей Орловской волости и их стаж работы:

Генрих Плет – 33 года

Иоганн Гардер – 19 лет

Петер Берген – 17 лет

Франц Мартенс – 17 лет

Генрих Пеннер – 17 лет

Генрих Берг – 22 года

Петер Тильман – 15 лет

Центральная школа села Озеровка (Neu-Schönsee).

Эта школа вам всем, конечно, знакома. В ней и мы учились до 1943 г. Она многим жителям Озеровки осталась доброй памятью в жизни.

Школьная жизнь в Озеровке и в ее окрестностях имела большое значение для всего населения. Учителя жили преимущественно в Озеровке, некоторые при школе, немцы, русские и украинцы.

Школа поначалу не принадлежала меннонитам, а преподавателем по религии был не обязательно меннонит. Все это со временем вызвало возмущение у немцев, и они подали ходатайство в Одессу, в министерство просвещения, и получили удовлетворительный ответ. Школа была полностью передана меннонитам.

После Октябрьской революции 1917 г. эта картина полностью изменилась, и совсем иной дух поселился во всей школьной системе: безбожие заняло место в сердцах учителей.

Многие годы директором Озеровской центральной школы был Вибе Абрам Филиппович. Бывший меннонит и проповедник, интеллигентный, он написал немецкую грамматику для всей России, но отрекся от Бога и запал на алкоголь.

В 1933 г. все школы в СССР были переведены на русский язык с преимущественно русскими учителями. Перестановка была нелегкая. Основная часть немецкого населения, особен-

но дети, не владели русским языком. Наша первая учительница Раиса Ивановна мучилась с нами до слез, не могла с программой справиться, мы не успевали, она нам не могла как следует объяснить материал.

После такой мучительной пытки нам дали немецкого учителя Вибе Корнея Ивановича. Он это дело очень быстро повел в нужной колее. Последними учителями в Озеровской школе, которых я помню, были следующие:

Мельников (без имени) – директор

Гриценко (без имени)

Вишневский (без имени)

Цуцол (без имени)

Воробьева Екатерина Ивановна

Низик (без имени), учитель физкультуры

Браун (без имени)

Шитиков Дмитрий Александрович

Других учителей я уже не помню. Они прилежно внушали советский учебный материал, так что возражать никто не осмеливался. В Озеровской школе был кружок художественной самодеятельности, красный уголок, редколлегия стенгазеты. Все оружие было направлено против веры в Бога и духовной жизни. И мы им верили, а в Бога не верили, большинство из-за страха от ближнего своего.

С первых лет основания Озеровки была введена Воскресная школа. Она была организована поместной церковью или от меннонитов-церковников, или от меннонитов братской общины, у которых были в Мировке и в Кочубеевке свои молитвенные дома.

В Воскресной школе детям преподавали библейские рассказы из жизни христиан и их переживания, пели духовные песни и так далее. В Кочубеевке у евангельских христиан баптистов и сейчас существует Воскресная школа. Во время оккупации в Озеровке также была Воскресная школа.

В советское время работали различные кружки и колхозный клуб, например, молодежный физкультурный, художественной

самодеятельности, музыкальный оркестр, в основном струнный – гитары, мандолины, скрипки, балалайки, а также кружок хорового пения.

От тех времен и пошли танцы и пляски в колхозном клубе. В Озеровке сегодня, как и раньше, имеется медпункт и больница. С 1938 по 1943 год у нас врачом был Иоганнес Кляйн.

Во время оккупации в 1941–1943 г.г. начальная школа опять была в здании (на плане), где при Советской власти был сельсовет. А сельсовет был перенесен в другое место.

С учебниками и тетрадями было тоже бедновато, а учителей было недостаточно. Для сохранения дисциплины употреблялся дедовский метод – ремень, палка и тому подобное.

Глаза детей никогда не врут.

Первой мне вспомнилась девочка из первого класса – Елена Робертовна Томм. Они жили по соседству с кузнецом по фамилии Шаповалов, правда, я не могу припомнить имя отца. Сыновей звали Дмитрий, Максим, Остап и Иван.

Во время войны в 1941–1943 г.г. все осушительные каналы были очищены и углублены для сброса воды весной и в дождливые времена года.

Часто приходилось школьникам помогать колхозу в борьбе с зерновым жуком (клоп-черепашка), так мы его называли на немецком языке. Это насекомое нападало на зерновые культуры в период их молочно-восковой спелости и пожирало зерно. Помогали бороться с сусликами, при этом еще и за шкурки пару копеек платили.

В Озеровке был колхозный фруктовый сад, где приходилось

нам, школьникам, помогать в уборке урожая.

Мои воспоминания о родной Озеровке часто были изменчивыми от непостоянства времени и политической обстановки. В тяжелые годы ссылки, в дни юности своей, сиротами (мы четверо младшие с ноября 1945 г. сиротами остались) мы жаждали и скучали по Озеровке, по хлебной кладовой, по Украине родной.

Мы были высланы в Кировскую область, в суровый климат и малоурожайные области России, на границе с Уралом. Здесь мы отбывали одиннадцатилетний срок. После освобождения из спецкомендатуры мы переселились в теплые края, в Киргизию. Здесь быстро обжились и постепенно стали забывать об Озеровке. Вспоминали только о беззаботном детстве, о родителях и родственниках.

Обзавелись семьями, старались дать детям надлежащее детство и юность. Дети росли без дедушек и бабушек, потому как жена моя тоже сиротой росла. Она родом из Александровки (№1 Alexanderfeld).

В 1973 г. мой младший брат посетил Озеровку, но не нашел там то, о чем ему рассказывали, не осталось там ничего родного.

Мы, жители Озеровки, во время войны были разбросаны по территории Польши, потом Германии, а потом по всему СССР. Как родной была встреча со знакомыми односельчанами, с озеровчанами. Нет, и в хорошие годы нашей жизни я все-таки не забывал Озеровку.

В 1978 г. мы переехали в Германию, и по сей день продолжаем вспоминать свою старую родину. Но не только воспоминаниями мы ограничились. Нам пришла идея мыслью от Бога созвать озеровчан на встречу в мае 1990 г. в наш город Эспелькамп.

Мы разослали приглашения по всей Германии, в Канаду и Англию. Большинство приглашенных из Германии приехали на эту встречу. Чудесная картина вышла на этой встрече: «Малышами разъехались мы из Озеровки, стариками встретились в

Эспелькамп». Было очень оживленно и трогательно, были проповеди и программа самодеятельности.

В 1994 г. мы посетили наших родственников в Виннипеге, Канада. Канадские озеровчане организовали там встречу старших односельчан. И опять только после расспрашивания узнавали друг друга. При этом радость была невыразимая.

В 1995 г. мы нашу встречу озаглавили юбилейной датой «50 лет после ссылки». Организовать встречу нам помогли руководящие братья из нашей церкви, предоставив церковь для этой цели. Сколько радости было, прослезившиеся лица от этого во время встречи. Много фотографий сделали на память, даже небольшую книгу выпустили по поводу этой встречи.

Встреча озеровчан в г. Эпелькамп через 50 лет после ссылки.

Но все это нас не удовлетворило, и мы захотели увидеть саму Озеровку. Слава Богу, что это дело в настоящее время возможно, границы открыты, и Господь создал такую возможность.

Мы ввосьмером, как говорится, и стар и мал, на девятиместном автомобиле «Опель» отправились 10 июля 2003 г. в путь на Украину, в Кочубеевку. В субботу 12 июня мы утром приехали в Кривой Рог, а оттуда нас уже сопроводили в Кочубеевку.

Нас было четыре пенсионера, родившихся в Озеровке, и четыре помощника, два моих сына, один племянник и моя внучка. Все изъявили жгучее желание побывать на моей родине, в Озеровке.

13 июля в воскресенье после обеда мы подались в родное село. Наверное, только я был так взволнован при въезде в Озеровку со стороны Мировки. Машину поначалу вел мой младший сын Вальтер, но потом передал руль провожающему нас заведующему детской миссией из Кривого Рога, а мы пошли на поиски «дедушкиных следов».

Видеокамера и фотоаппарат пошли в ход. Некоторые дома я не мог узнать, но развалины родительского дома напротив старой центральной школы я узнал по соседним домам. Это и было место моего рождения.

Одна добрая женщина пропустила нас через свой двор к этой развалине. Здесь я и обнаружил главный вход в дом по трещине на стене.

В воскресный день уже после обеда мы еще также посетили Александровку и уехали при закате солнца в Кочубеевку.

В понедельник мы посетили остальные села Заградовки. Ночью с понедельника на вторник по «родным краям» прошел дождь, и мы не смогли больше в Озеровку на автомобиле добраться.

У меня снова появилось жгучее желание еще раз заглянуть туда, как это было во время первой поездки. Мы впятером собрались и доехали до Никольского, но машина забуксовала. У

нас не было шансов дальше проехать, и мы оставили машину возле церкви и дальше пошли пешком через поля и лесопосадки прямо на сельсовет возле пруда.

Мы все шли босиком, оставив свою обувь в лесополосе недалеко от Никольского с намерением забрать ее на обратном пути. В лесопосадке возле Озеровки я подобрал одну палку с большим сучком, которую я взял себе на память домой. С ней я и прошагал свое родное село, хотя я еще на палку не опираюсь, хожу свободно и без нее.

Мы вчетвером – я, мой сын Вальтер, внучка Даниеля и племянник Андрей Исаак – напоминали жителям Озеровки войско «Наполеона после битвы». Невзирая на эти насмешки, мы посетили еще одну развалину по соседству с одним жителем в сторону Александровки, где мы жили с осени 1941 г. по декабрь 1943 г.

Этот добрый разговорчивый мужик преподнес нам хлеб-соль, но только в украинском варианте – коржик с медом и огурцы на дорожку. Все это нам всем осталось дорого в памяти и глубоко в сердце.

Таким осталось мое впечатление об Озеровке. У меня великолепный альбом о нашей поездке в Украину с 250 фотографиями, который Вальтер мне подарил.

Этот странник, которым являюсь я, напоминает мне об одной духовной песне:

*Я странник на Земле,
Мой путь лежит во мгле,
И скорби лишь кругом,
На небе мой дом.*

В Озеровке мы в четырех домах жили, но дома как такового не имеем.

*Остаюсь искренне ваш
односельчанин Вальтер Эпп.
г. Эспелькамп, Германия.
10.06.05 г.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

(Из личных воспоминаний автора)

Эти строки о тех, кто когда-то здесь родился, произрастал и по той или иной причине все же покинул ее, свою первую и единственную родину.

Все, кто будут читать эти строки, имеют право на свое собственное истолкование событий и, таким образом, имеют право на свое личное прошлое, равноценное возвращению домой.

Это воспоминание есть не что иное, как приглашение сойтись с мыслями и попробовать начать этот процесс возвращения уже прямо сейчас.

У каждого странника, родившегося на этой земле, должен быть свой дом, а значит, и должна быть своя родина. Если же дом, в котором он родился либо живет, является временным пристанищем, значит, он здесь попросту гость. И не больше.

В очередной раз преодолеваю когда-то исхоженный мною путь к месту, где меня уже давно никто не ждет.

*Главная улица села Новоалександровка в сторону Новопавловки.
Август 2008 г.*

Место, которое в прошлом, как ни странно, становилось

приютом многих странников земных. Здесь светло и уютно, вокруг благоухают цветы и травы, тихо жужжат трудолюбивые пчелы.

Место, где с детства все до боли знакомо, и одновременно, это тихая душевная боль, которую не унять до конца своих дней.

Здесь стоял дом, в котором я родился в 1958-м. Слева колодезь и развалины летней кухни, на месте дома уже растут деревья. Август 2008 г.

Место это – село Новоалександровка, бывшая колония менонитской общины под названием Александерфельд. Или по-нашему – Первый Номер, как ее называли все в округе.

В моем семейном архиве сохранился запродажный акт от 21 апреля 1951 года, согласно которому «...гражданка Галактионова Ольга Семеновна сего числа продала полдома, находящегося на территории села Новоалександровка, в продольном разрезе – южную сторону. Дом состоит: стены кирпичные, верх под цементной черепицей. Полдома продано гражданину Казакову Степану Ивановичу за 2500 руб.»

Вот так приблизительно начиналась новая мирная послевоенная жизнь моих родителей, нашей семьи и всех односельчан. Многие из них, кто видел ужасы прошедшей войны собственными глазами, не мог без боли в сердце вспоминать о тех со-

бытиях.

Нам, подросткам, в те годы очень нравилось играть «в войну» и на полном серьезе разыгрывать роли «наших» и «немцев». Вокруг нас все насквозь было пропитано немецким духом, духом немецкой колонии, их обитателями в недалеком прошлом.

Прошли годы. Я и мои сверстники стали взрослыми, иных уже и нет среди нас. Александровки той, которая бы напоминала о колонистах, тоже давно уже нет. А на развалинах дома за 2500 руб. лишь только ветер напевает свои грустные песни, да вольготно ползают степные гадюки. И только колодец посреди двора, выкопанный руками колонистов, еще хоть чем-то сегодня полезен для странников нынешних.

Воду из колодца, сооруженного когда-то колонистами, пробует на вкус моя дочь Ольга. Август 2008 г.

Старенький автомобиль «Жигули», который мы наняли для поездки, километр за километром надежно выполнял свою тяжелую работу.

Экипаж автомобиля – это я, моя дочь Ольга, сестра Вален-

тина, ее внук Женя и Алексей. Цель поездки – кладбище села Новоалександровка, где находится могила моего отца и многочисленных моих родственников.

Маршрут поездки: Снигиревка–Березнеговатое–Сергеевка–Озеровка – Новоалександровка – совхоз «Реконструкция» – Висунск – Снигиревка. Все согласно дорожной карты.

До Сергеевки добрались легко и без приключений. Дальше дорога увела нас в поля без конца и без края. Дорога, если можно так выразиться, из асфальтированной резко превратилась в насыпную из местного щебня, а потом просто стала полевой на две глубоких колеи.

И пока мы с боями пробивались к Новоалександровке, я вдруг вспомнил времена, когда меня и всех моих земляков всегда и повсюду, словно злой рок, преследовало бездорожье.

И почему-то стало печально и тревожно от мысли о том, как здесь, в этой глуши, у нас скоро закончится бензин, а потом ко всему еще вдруг грянет грозовой дождь, и мы надолго увязнем тут в родной грязи вместе с мыслями о лучших временах и дорогах с твердым покрытием.

Именно вот после подобной встряски вдруг наступает пробуждение. И ты начинаешь вспоминать, вспоминать, вспоминать...

Мы въезжаем в Новоалександровку со стороны Озеровки. А есть и другой въезд-выезд – со стороны Новопавловки. Именно так по второму маршруту когда-то на эти земли пришли колонисты.

Этим же маршрутом в наши дни покидали Новоалександровку все мы, кто уезжал из нее, некоторые навсегда. Я и моя семья были не исключением. Точкой отправления, или по-другому – точкой прощания с прошлым, было место, которое в народе получило название «ПОВОРОТ НА СПАРТАК».

Я не вспоминал бы об этом, если бы это место для всех нас

не было символом начала пути в другую жизнь.

Воспоминания из детства не дают покоя. Много не укладывается в голове, особенно после того, когда уже знаешь, о чем идет речь в первой части «Воспоминаний».

И это всего лишь часть жизненного пути обитателей «Заградовки». А все остальное остается как бы «за кадром» и еще подлежит большому человеческому переосмыслению.

Итак, закончилась война. Опустевшие села колонии «Заградовка» начали постепенно заселяться людьми (в основном не-колонистами), возвращающимися из фронта либо из эвакуации и не имеющих крыши над головой.

Послевоенное поколение, наверное, было счастливым именно в 1960-е.

Я делаю такие заключения, всматриваясь вот в эти лица.

Криворученко Прокофий (дед), Криворученко Григорий, Галина, Люба, Таня (еще маленькая), Толя, Казаковы Анна и Степан.

На заднем плане дом семьи Грищенко.

Все, кто приезжали жить в Новоалександровку, так или иначе поначалу селились в старые дома колонистов, пока со временем не выстраивали новые, свои собственные.

Те же, у кого не было возможности построить себе новый

дом, так и оставались жить в немецких. Наша семья также прожила в немецком доме около 30 лет, где-то с 1951-го по 1980-й. Достроили только летнюю кухню, погреб и бассейн для питьевой воды.

Часть (полдома) со стороны Новопавловки родители приобрели у Галактионовой О. С. Соответственно, вторую половину этого дома занимала сама хозяйка.

Из материалов, которые прислал мне Вальтер Эпп (г. Эспелькамп, Германия), я узнал, что дом, в котором я родился, раньше принадлежал семье колониста Арона Янцена.

Схема размещения комнат внутри дома говорит о том, что раньше здесь проживала одна большая семья. На нашей половине перед входом был большой порог из каменных плит. Порог был удобен для различных хозяйственных работ, подогрева воды на солнце, сбора ливневых вод, а в жару на нем можно было просто посидеть и отдохнуть в тени под кленом.

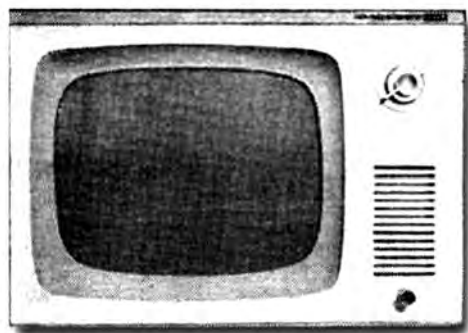
Этот снимок сделан где-то осенью 1975-го. Над окном у входной двери висит коромысло, с помощью которого мы носили воду из дальнего колодца в центре села. На пороге сохнут сапоги отца, здесь же находится ванна для дождевой воды. Возле порога пригрелась кошка. От усохшего клена к тому времени остался только ствол, к которому привязана веревка для белья.

Первым помещением внутри здания были сени размером где-то три на четыре метра. По правую сторону при входе было небольшое окно во двор для освещения сеней. А дальше вправо вела дверь в комнату, которую мы называли зимней кухней. Слева по ходу на кухне была плита для приготовления пищи, за ней большая печь для выпечки хлеба и большая груба, стол для приема пищи. По правую сторону стояла железная родительская кровать с высоким матрасом, а под окном, которое выходило во двор, стоял стол для письма и чтения.

На этом столе также сначала когда-то стояла радиоло «Чайка-М», а чуть позже телевизор «Рассвет-304». Радиоприемник у нас появился где-то в конце шестидесятых, а телевизор в начале семидесятых. Когда еще не было телевизора, я помню, что демонстрировались наши любимые фильмы, такие как «Четыре танкиста, и собака», «Нас много на каждом километре», «Неуловимые мстители». И нам приходилось надоедать своим друзьям и знакомым, чтобы получить удовольствие их посмотреть. Несколько позже фильмы «Вечный зов», «Одиннадцать мгновений весны» мы смотрели уже дома. И уже к нам на «глубой огонек» приходили наши друзья и знакомые.

Радиоло «Чайка – М». Конец 1960-х годов.

Телевизор «Рассвет – 304». Начало 1970-х годов.

Телевизор мы купили где-то в 1972-м, когда брат Владимир еще служил в армии.

Плиту и печь в правой части дома топили только зимой. В ход шли дрова, которые заготавливались в лесополосах, а также уголь. Уголь нам в основном привозили из поселка Ингулец, где жили наши родственники тетя Таня и дядя Ананий Дорошенко, которые могли нам достать все это чуть дешевле. Хлеб выпекали сами, а печь отапливалась подсолнечной шелухой с использованием специальной металлической форсунки. Подсолнечную шелуху мы приобретали на местной маслобойке, которая была достопримечательностью всей округи.

Справа от двери высоко над кроватью висела деревянная вешалка. К ней могли дотянуться только высокорослые, поэтому всем нам, кто был ниже отца (рост около 180 см), приходилось становиться на кровать для того, чтобы снять (повесить) одежду. Я хорошо запомнил эту вешалку с отцовской гимнастеркой, фуфайкой и фуражкой только потому, что она долго еще путешествовала вслед за мной по свету. Для всех остальных членов семьи, кто был ниже ростом, слева от прохода висела вторая настенная вешалка.

Дальше за кухней находилась спальня такого же размера. Там спали мы, дети. Сначала все втроем, потом уже вдвоем, а потом я остался один, когда брат и сестра уехали из дома, кто на работу, кто на учебу.

Комната была светлой, с двумя окнами. Справа под окном стоял диван, слева у стены находилась двуспальная железная кровать, а в дальнем левом углу шкаф для одежды. Шкаф был, по всей видимости, немецким. Он был настолько тяжелым и массивным, что когда мы уезжали и хотели взять его с собой, он попросту не выдержал и развалился от старости на части.

Внутри шкафа всегда пахло нафталином. А из старых вещей мне запомнились:

- облигации внутреннего государственного займа хрущевского периода;
- опасная (в виде складывающегося ножа с коричневой рукояткой) немецкая бритва;
- памятка на случай ядерного взрыва 1960 года выпуска;
- книга по пчеловодству;
- рваный осколок размером с большую монету, извлеченный из тела отца, полгода пролежавшего на животе в Ташкентском эвакогоспитале после ранения.

Справа от шкафа под окном стоял небольшой стол, а на нем – ручная швейная машинка.

Между входной дверью и кроватью слева в стене была духовка, вмонтированная в грубу, а пространство вокруг нее было наиболее обогреваемым во всей комнате. Как раз в этом месте и находилась моя детская металлическая кровать, в которой я любил спать, и тогда, когда был еще маленьким, и тогда, когда уже подросток, но мои ноги никак не хотели помещаться в размерах кровати.

На стене между шкафом и окном находились радиоприемник и большое зеркало в коричневой деревянной оправе. В дальнем правом углу тикали настенные часы с гирями и котиками на циферблате, висели фотографии родителей, брата Николая (умер маленьким от младенчика) и сестры Валентины, а в самом верхнем углу была икона, украшенная белым полотном с вышивкой. Сюжет не помню, но там точно были цветы.

Под иконой в углу на табуретке стоял фикус в мой рост, а на окнах были комнатные растения алоэ в деревянных горшках.

На полу возле кроватей по всех комнатах лежали домотканые кружевные дорожки со старой материи, а посредине комнат – казенные темно-коричневые с зелеными полосками. Над кроватью висели ковры: один с лесными оленями, второй тканый из шерсти коричневый с позолотой и в полоску.

По левую сторону от сеней было еще одно просторное помещение. Когда у нас не было летней кухни, то на все лето мы из зимней кухни переезжали сюда. Это помещение летом служило нам как летняя кухня, а зимой как кладовая для хранения продуктов. Помещение было очень просторным, в два раза больше зимней кухни. Под полом находился подвал. Так как дом был разделен на два хозяина, то подвал также разделили надвое.

Еще мне хорошо запомнилось, что полы и потолки были из толстой добротной доски. По всей видимости, это был дуб, потому что гвозди в эти доски загнать было невозможно. Позже потолки были оштукатурены и все детали (крючки, выходы на чердак и т.п.), напоминавшие о былой жизни колонистов, спрятали под слоем штукатурки.

Угол дома с видом на улицу. Старых окон со ставнями уже нет, их заменили на новые. За новым ограждением сразу при входе в палисадник мы с отцом соорудили бассейн для питьевой воды. Через калитку можно было пройти не только в палисадник, но и к соседке Галактионовой О.С. На акации мы с братом при помощи отца всегда весной прикрепляли скворечник. И не зря. Там постоянно жили скворцы. На моем турнике видна надпись «Физкульт-Саши». 1970-е годы.

Окна извне закрывались деревянными ставнями. Они давали тепло и уют, а для нас, малышей, это была защита от бабая (детский выдуманный персонаж, обитавший в темных местах дома), того, кого я в детстве больше всего боялся. В действительности же ставни были защитой, и однажды в 1960-х они защитили путников, молодых парней, которые искали спасения от надвигавшегося смерча и прибились к нам в дом. Стихия не разбиралась, был ли ты ребенком или взрослым. Мать всех перепуганных насмерть подростков уложила на пол, где им постелила что-то мягкое и накрыла сверху рядом.

Раньше в 10-12 метрах перед входом в дом прямо под открытым небом стояли печь для выпечки хлеба и плита для временного использования в летнее время. Печь и плита отапливались кураем (перекати-поле), кизяком (сухой навоз от коровы) или же дровами из лесополосы. Позже в конце 1960-х на месте печи и плиты была выстроена небольшая летняя кухня, стены которой по сей день стоят как напоминание о прошлом.

На этой фотографии тетя Мария Зорюкова на фоне нашего сарая для угля и дров (слева) и летнего курятника (справа). Вверху виден вход на чердак. Над входом на жердине была закреплена телевизионная антенна с громоотводом. Отца один раз сразило молнией прямо посреди двора, но его уберегла от трагедии обыкновенная проволока для белья, которая приняла

на себя основной удар. Отец после этого нам рассказывал, что кажется ему, что он лежит дома на кровати и слушает радио. А реально он лежал в полусознании на мокрой земле и на него падал дождь. Тетя Мария работала в детском садике и ежедневно носила через полсела ведро с помоями (стоит справа у ног) домой, чтобы прокормить свинью. Когда же несла ведро, в глазах постоянно был страх, чтобы ее с этим ведром, не дай Бог, не увидело руководство совхоза. Она прожила долгую и тяжелую жизнь, поэтому ей тяжело было избавиться от этого чувства (страха) до конца своих дней. Иногда и я помогал тете Марии отнести 10-литровое ведро домой, зная наперед, что дома у нее меня ждут угощения. Из хозяйства у нее были еще голуби, содержать которых было попроще. Когда кто-то из нас болел, она обязательно приносила нам свежую голубятину.

Дальше за кухней в сторону огорода мы со временем соорудили мурованный из камня погреб. Все строительство я помню очень хорошо, так как сам принимал в нем активное участие. Подвал, а также бассейн для питьевой воды в палисаднике перед домом мы с отцом сооружали вдвоем. После этого мы поменяли старый забор из стрижки (местный кустарник, произрастающий в лесополосах) на штахетный (деревянный).

Помню случай на строительстве летней кухни. Из соседнего села Романовка (до войны бывшая еврейская колония) нам трактором на прицепе (телеге) возили какой-то стройматериал (песок, глина, камень), а мы по-мальчишески садились на прицеп и катались в свое удовольствие. И вот, проезжая мимо леска (любимое место отдыха молодежи), прицеп на большой скорости отсоединился от трактора. Находясь на верху груженого прицепа, мы в страхе наблюдали, чем это закончится. Трактор отдалялся, а прицеп по инерции катился по накатанной полевой дороге до тех пор, пока его дышло не уперлось в пашню. Передняя часть прицепа стала на дыбы, прицеп остановился и откатился назад, освобождая дышло. Мы все перевели дыхание, а дома нас встречали как героев.

*Вид во двор со стороны летней кухни на улицу.
Вдали виден дом семьи Усатенко. 1970-е годы.*

Двор, как для меня, был довольно большим, уютным и удобным для занятия хозяйством. Перед домом по обе стороны от центрального прохода были разбиты палисадники, где произрастали разные плодовые деревья (яблоня, груша, абрикос, слива, вишня), а также кустарники (крыжовник, малина, роза, смородина, шиповник), цветы и всякие пряности для овощей.

По правую сторону перед летней кухней в тени деревьев стояли улья с пчелами. Для улучшения медосбора вся площадь между кустами и деревьями в палисадниках на улице летом засеивалась фацелией (растение-медонос). Опьяняющий аромат и голубой цвет этого растения вместе с жужжанием пчел оказывали на всех нас завораживающее действие.

Отец ухаживает за пчелами. 1970-е годы.

Палисадник от главной улицы (дороги) отделялся рядом деревьев (тополь, акация, ива), а вдоль дороги по обе стороны всегда были нарезаны грейдером уклоны для водостока, поэтому после дождя центральная часть улицы всегда оставалась сухой и ухоженной. Старожилы при этом всегда любили вспомнить о том, какие порядки были у колонистов. И наше воображение создавало сказочную картинку, на которой возникали ухоженные дома, усадьбы и улицы, засаженные деревьями и цветами.

Мне пришлось провести небольшое исследование, чтобы дать ответ, откуда мои корни. Семьи, как отца, так и матери, накануне войны 1941-45 г.г. переехали из России, вероятнее всего из экономических соображений.

Мне удалось в списке сельских советов, занесенных на так называемую «черную доску» в 1932 г., найти известные мне названия:

- колхоз «Красный хозяин», село Озеровка Березнеговатского района Николаевской области, дата внесения на «доску» 28.12.1938 г. (архивный источник: фонд Р-1520, описание 3, дело 9, Днепропетровская областная прокуратура);

- колхоз «Пятилетка» (село Новопавловка Великоалексан-

дровского района Херсонской области), дата внесения на «доску» 5-6 декабря 1932 г. (архивный источник: госархив Одесской области, фонд Р-710, опись 1, дело 26, страницы 39, 50).

Одним из видов репрессий против колхозов было занесение на так называемую «черную доску» на основании постановления Совнаркома УССР и ЦК КП (б)У от 20 ноября 1932 года «О занесении на «черную доску» сел, которые злостно саботируют хлебозаготовки». Предусматривалось занесение на «черную доску» не только колхозных сел, но и целых районов, которые не выполняли планы Кремля. Об этом обязательно сообщала районная пресса, и это означало:

- запрещение какой-либо торговли в селах;
- взыскание кредитов и всех платежей в течение установленного времени;
- наложение натурального штрафа мясом в размере 15-месячного задания с тем, чтобы до 5 января 1933 года (досрочно) взыскать с колхозников как штраф по плану мясозаготовки, так и наложенные натуральные штрафы по зерну;
- запрещение любого помола, как колхозникам, так и единоличникам;
- отправка в эти колхозы специальных бригад для обеспечения выполнения всех перечисленных мероприятий.

Село Новоалександровка (колония №1 Александерфельд) находится на одной линии по соседству между Озеровкой (2 км южнее) и Новопавловкой (7 км севернее). Поэтому напрашивается вывод, что и этот населенный пункт, по всей видимости, был занесен на «черную доску», тем более, что он входил в состав Озеровского сельского совета.

Семья отца так же, как и матери, была многодетной. Вероятно, для многодетных семей действовали на тот момент некоторые послабления в плане получения жилья и трудоустройства в тех областях Украины, где после голода 1932-33 г.г. была нехватка рабочих рук и где «черные доски» проделали свою черную работу.

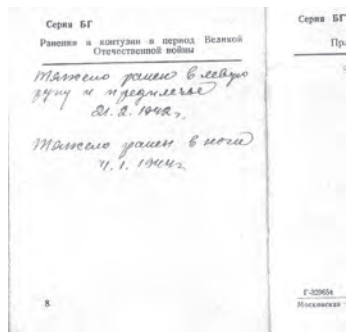
Семья отца до переезда в Украину в поселок Великая Алек-

сандровка Херсонской области проживала в деревне Карытня-2 Батуриного района Смоленской области, семья матери до переезда в с. Новопавловка Великоалександровского района Херсонской области проживала в деревне Барсуки Кировского района Калужской области.

Учитывая то, что отец родился в 1923 г. и семилетку закончил в России, то в Херсонскую область он вместе с семьей переселился предположительно в 16-летнем возрасте. Моей матери, 1926-го года рождения на момент переселения в Новопавловку Великоалександровского района Херсонской области было около 13-14 лет.

Война настигла всех там, куда они переехали. Семья папы пережила войну без отца (деда Ивана), старшей дочери Зинаиды и моего отца. Дед и его дочь были угнаны на работу в Германию в город Эссен, а отец вместе с имуществом колхоза был эвакуирован на восток в южные районы России. Там отца и мобилизовали на фронт.

О его боевом пути мне известно не очень много. Трижды ранен, дважды тяжело. После последнего тяжелого ранения отлеживался полгода в Ташкентском эвакогоспитале.

*Мой отец после ранения в Ташкентском эвакогоспитале.
Единственная фронтная фотография.*

Когда я был подростком, он мне много рассказывал о войне, но в памяти моей осталось только искалеченное осколками его молодое тело. Пуля прошла сзади, чуть задев затылок, но череп остался не поврежденным. Только кожу срезало. Вторая пуля

пробила руку навывлет, пострадали мягкие ткани между кистью и локтем. Осколком задело мягкие ткани плеча. А самое тяжелое ранение отец получил после авиационного налета на боевые склады, которые он охранял, в боях под Прохоровкой на Курской дуге. Осколками срезало все мягкие ткани в области ягодиц.

Когда у нас дома были банные дни, мне, маленькому и любопытному, отец разрешал дотронуться пальчиком на его теле в том месте, где нервы выходили наружу. Тело в этой области содрогалось точно так же, как у лошади, когда ткнешь ее кнутом, а она при этом, молча, продолжала выполнять свою тяжелую работу.

Познакомились и создали семью мои родители уже в Новоалександровке, куда они переехали после окончания войны. Датой создания нашей семьи является 1950-й год, год рождения сестры Валентины.

Мои родители. Фотография по случаю создания семьи.

Так и прожили мы в этом селе где-то до 1980 года. В 1977 году отец умер. Сестра Валентина к тому времени вместе со своей семьей жила на 5-м отделении совхоза «Реконструкция», а брата Владимира судьба-злодейка забросила далеко в Казахстан в г. Джамбул.

После окончания учебы в Одессе меня направили по распределению в Смигиревский район Николаевской области. Вместе со мной на новое место жительства со временем переехали сначала мать, а потом уже брат и сестра со своими семьями.

Воспоминания из детства скрашивают всю мою последующую жизнь, точно так же, как цветы украшают дом, а в дополнение к этому – множество детских фотографий.

Семья отца. Впервые после войны вместе. Верхний ряд (слева направо): Степан (мой отец), Зинаида, Дмитрий, Александр. Нижний ряд: Илья, отец (дед Иван), мать (баба Марфа), Михаил. Из детей нет только дочери Анны, которая проживала отдельно в России.

После потрясений войны большая часть семьи отца – дед Иван, баба Марфа, мой отец с семьей, сестра Зинаида с семьей, брат Михаил с семьей поселилась в Новоалександровке. Остальные члены семьи разъехались по территории СССР кто куда. Сестра отца Анна осталась жить на родине в России, брат Александр вместе с семьей уехал в Калининград, брат Дмитрий с семьей поселился на Ингульце под Кривым Рогом, а брат Илья – в Днепродзержинске возле Днепропетровска.

Дед Иван и баба Пелагея по линии матери умерли сразу же, как только закончилась война, а все их дети по-сиротски приютились в Новоалександровке. Жили дружно одной семьей, помогая друг другу выживать.

Семья матери. Послевоенное фото. Верхний ряд (слева направо): Анна (моя мама), Галина (жена маминого брата Александра), Горпина (мамина сестра), Вера Яковенко (мамина подруга), Татьяна (мамина сестра), Мария (мамина сестра), (?), Елена (мамина сестра). Нижний ряд: Ананий (муж маминой сестры Татьяны), мамин брат Александр, Иван (муж маминой сестры Елены), Степан (мой отец).

Себя я помню лет с пяти-шести, остальные же события воспроизвожу только со слов родственников.

Электричество в нашем доме впервые появилось предположительно в 1957 году после ввода в эксплуатацию Каховской ГЭС (1956 г.) и сооружения Березнеговатской (Калужской) районной электросети (1957 г.).

Сестра Валентина вспоминала, как отец впервые подключил электролампочку, которую принес домой от деда Ивана. Она была матового цвета, а электрический свет от нее казался чем-то невероятным и был очень ярким по сравнению со светом от настольной керосиновой лампы.

Керосин в те годы – это было все. И освещение, и приготовление пищи. Без керосина было никуда. Он свободно продавался в нашем сельском магазине по цене, по-моему, 7 копеек за 1 литр.

Керогаз и керосиновая лампа – незаменимые вещи в наших селах, были в каждом доме. Даже если и было электричество, то его часто отключали. Газ пропан-бутан в баллонах и таганки появились массово в 1970-х.

Цистерна с керосином находилась сзади за магазином в сторону Калуги от центральной улицы. На цистерне висел надежный амбарный замок. Чтобы купить керосин, продавцу необходимо было временно закрыть основной магазин и выйти к цистерне. После этого открывались два замка, один на горловине цистерны, другой на металлической емкости для слива керосина.

В зависимости от того, сколько было покупателей, продавец открывал горловину цистерны и наполнял емкость, находящуюся в земле. Слитый в емкость керосин специальной литровой емкостью с длинной изогнутой ручкой отмерялся покупателю. Этот процесс я хорошо запомнил, потому, что меня часто посылали в магазин за покупками, и за керосином в частности.

Сдачу выгодно было экономить себе на сладости – мороженое, морские камешки или леденцы (в круглых металлических коробках), ситро (без бутылки) – или на детское кино (еще в старом клубе).

Мороженое привозили в основном по воскресным дням машиной, которую в народе называли «автолавка». Кроме того, в селе каждую неделю-другую приезжала специальная конная подвода с дедом Сережей из Новопавловки, который обменивал старые вещи, макулатуру на синьку, известь для побелки, краску, а также некоторые товары для детворы, свистки в виде

петушков и курочек, надувные разноцветные шары и всякую мелочь, которая очень привлекала детишек.

Карманную мелочь 20-30 копеек каждый из нас без проблем мог иметь путем сдачи пустых бутылок или яиц прямо из-под курицы, которая только что снеслась, в магазин. Пустая поллитровая бутылка стоила 10 копеек, за два яйца давали тоже 10 копеек, хотя за десяток яиц давали 6 руб. 90 копеек.

Деньги уходили в основном на кино или сладости. Когда их собиралось немного больше, в воскресные дни за компанию с друзьями была поездка в райцентр Березнеговатое с целью эти деньги потратить. Приезжали в райцентр рано утром, вечером возвращались домой. Обязательно была экскурсия по магазинам (без цели покупки), часть денег уходила на стрельбу в тире, часть на газировку из автомата (3 копейки с сиропом, 1 копейка без сиропа), мороженое, на сдачу покупалось ситро в бутылках домой для родных (чтобы задобрить).

В 1970-е годы из села можно было выехать рейсовым автобусом в нескольких направлениях. В наш райцентр Березнеговатое автобус отправлялся на рассвете прямо от конторы, позже через село начал курсировать проходящий автобус Кривой Рог – Снигиревка. Ну а от «ПОВОРОТА НА СПАРТАК» в двух километрах от села в сторону Новопавловки три раза в день долгое время постоянно курсировал автобус Великая Александровка – Новая Калуга (Спартак).

Последний маршрут для нас всех был самым удобным и популярным транспортом, так как можно было выехать на поезд на станцию Белая Криница или кому-то съездить за покупками в соседний райцентр Великая Александровка. Цена билета на автобус до станции Белая Криница или в райцентр Березнеговатое была около 20-30 копеек.

Для меня самым интересным событием, которого я всегда с нетерпением ожидал, был поход в кино. Детские сеансы проходили около 17 часов дня. Часа через два, около 19:00 начинался вечерний сеанс.

Киномехаником долгие годы у нас был дядя Ваня Митро-

фанов из Озеровки. В старом клубе кино крутили на один киноаппарат с перерывом для зарядки киноплёнки после каждой части. Поэтому нужно было быстро перезаряжать киноплёнку, чтобы перерыв между частями был менее заметным. Всех, кто находился в кинозале, дядя Ваня закрывал снаружи висячим замком до окончания сеанса.

Когда я был уже в классе 6-8-м, я подружился с дядей Ваней настолько близко, что он даже позволял мне крутить фильмы без его присутствия. Но это уже было в новом клубе, где стояли два новых киноаппарата и все необходимое современное (на тот момент) оборудование. Я помогал ему доставлять из Озеровки и отправлять обратно ящики с киноплёнкой, перематывать ее, подклеивать оборванные части, писать киноафиши и их развешивать.

Киноаппарат «Ксенон-1». Такая техника была уже в новом клубе в 1970-е годы.

Ранней весной центральную улицу, на которой мы жили, часто заливало талой водой до такой степени, что иногда сообщение между противоположными сторонами улицы на время приостанавливалось до того момента, пока вода не убывала через балку в сторону Новопавловки. А когда вода замерзала зимой или ранней весной, то улица в наше мальчишеское удовольствие превращалась в сплошной ледяной каток. В такие дни сельская детвора все свое свободное время проводила здесь, на этих катках.

Когда земля после зимы прогревалась, и грязь переставала липнуть к обуви, все жители один за другим занимались обустройством тротуаров. Всю протяженность тротуара вблизи своей территории необходимо было подсыпать, натоптать до твердого состояния и таким образом соорудить новую пешеходную дорожку на новый сезон, которая через осенне-зимнюю распутицу каждый раз снова приходила в негодность. Для улучшения качества покрытия дорожки ее посыпали золой от перегоревшего угля или щебнем (битым камнем). Ведь пешеходом был практически каждый из нас, а грязь была самым слабым местом для всех.

Хоть наши улицы и были сравнительно ухоженными, но, как вспоминают старожилы, это нельзя было сравнить с тем, как они выглядели во времена колонистов. В наши годы после зимы или дождей все дороги по селу и между селами, а также полевые сразу же поправлялись, при этом использовали специальное прицепное устройство к трактору под названием грейдер. Некоторые из нас, подростков, даже успевали покататься на грейдере во время его работы, потому что подобные развлечения приносили нам истинное наслаждение.

Протяженность главной улицы была около 1,5-2 километров. Вторая параллельная улица – чуть поменьше. Село было разделено поперечной дорогой на две части. Одна – в сторону Озеровки, другая – в сторону Новопавловки. У нас, детей, так же было условное деление на «озеровских» и «новопавловских», особенно когда доходило до каких-либо принципиальных разногласий или в детских спорах, играх и развлечениях.

Детский сад села в середине 1960-х. Узнаю среди других свою тетьку Марию Зорюкову (верхний ряд в центре), одноклассника Сашу Сердюка (третий ряд второй слева). Где-то среди этой публики должен быть и я.

По левую руку в сторону Озеровки размещались начальная школа, контора отделения №4 совхоза им. Жданова, старый магазин, за ним новый детский сад. Позади школы и конторы дальше от центра села были второй зерновой склад и кукурузохранилище, которое мы между собой называли сапеткой (сушаркой).

По правую руку в этом же направлении располагались центральный зерновой склад, старая кузница вместе с тракторной бригадой, за ними позже построили новый магазин. Ближе к концу села был старый клуб, а на самом краю находились мельница и маслобойка.

Во дворе старого клуба после торжественного собрания, посвященного одному из советских праздников. С велосипедом слева Вера Захарова, на переднем плане справа моя мама, под окном слева Криворученко Виктор (мой двоюродный брат). Середина 1960-х.

Если считать центром села перекресток возле школы, то в каждом из направлений были свои интересные и памятные для всех нас места, где в детские и юношеские годы мы проводили свое свободное время.

Главным местом для молодежи и не только после 1967 года стал новый клуб, построенный в честь 70-й годовщины «Великого Октября». Клуб строили на пустыре возле школы в ста метрах от нашего дома. Раньше на пустыре были просто огороды, а также проходила левада (земляной вал от затопления села).

Я хорошо помню эту леваду, так как часто мы по ней в детстве бегали. И еще помню, когда я сидел в кабине трактора КДП, за рулем которого был друг семьи дядя Иван Михайличенко, мы провалились в какую-то яму. Трактор лег на правую сторону, как раз там, где находился я. Выбирались мы наружу через левую дверь, как танкисты изнутри подбитого танка. А яма оказалась либо заброшенным колодцем, либо подвалом бывшего дома. По карте-схеме Вальтера Эппа на месте пустыря когда-то также стояла усадьба колониста.

Помощь в строительстве дома семьи Потапенко. Напротив видно новый дом семьи Криворученко – Ивана и Елены. На фото: Потапенко Виктор и Мария, Криворученко Иван и Елена, Казаковы Степан и Анна (мои родители), Зорюковы Александр и Галина, Кожанов Василий. Начало 1960-х годов. Я и Алексей, внук Криворученко Ивана и Елены, на фоне дома своего деда. Август 2008–го.

Все новостройки в селе происходили под руководством дяди Вани Криворученко, так как он был на должности прораба (мастера) совхоза. Когда строился клуб, мы часто прибегали сюда вместе с другими детьми поиграть в разные игры. Нам было очень весело, но иногда игры заканчивались печально.

Однажды моему брату Владимиру в окно кинобудки кто-то в момент игры бросил горсть с песком, в тот момент, когда он

через отверстие наблюдал за происходящим в кинозале. Можно только себе представить, что пришлось ему пережить, пока его глаза не освободились от песчинок, и какая это была ужасная режущая боль в глазах.

Когда клуб торжественно открыли в 1967-м, это стало местом паломничества не только местных жителей, но также молодежи из окрестных сел. Сюда приезжали самодеятельные артисты из Новопавловки и других мест, вечером на танцевальные вечера приезжала молодежь из окрестных сел, было по два киносеанса в день отдельно для взрослых и детей.

*Тон в развитии культуры задавала молодежь 1960-х.
Подруги Криворученко Галя и Кожанова Люда у входа в новый клуб.*

Ко дню очередного советского праздника устраивались торжественные собрания, после которых обязательно были концерты. Главным организатором и вдохновителем в новом клубе был другой мой дядя, Галаган Иван Михайлович.

Клуб одновременно был и местом отдыха, и просветительства. Здесь имелся большой кинозал, бильярдная комната, столы для игры в домино, шашки и шахматы. Здесь были подшивки популярных советских газет, солидная как для такого села

библиотека. И, конечно, в большом фойе после киносеанса были танцы под радиолу. Что еще нужно было сельской молодежи после трудового дня?

Большинство жителей села, и стар и млад, были любителями почитать книги из сельской библиотеки либо свежие журналы и газеты, которые постоянно лежали на столах в фойе клуба. В нем было просторно, светло, тепло и уютно для всех, кто хотел отдохнуть после трудовых будней.

Галаган Иван Михайлович и его жена Зинаида Ивановна. Я запомнил их как раз такими – среди цветов и жизнеутверждающими.

Хоть село и находилось в далеке от цивилизации, почта в каждый дом доставлялась своевременно и в любую погоду. И заслуга в этом была тети Зины. В непогоду она отправлялась в Озеровку вместе со школьниками на пластухе и возвращалась с ними домой только к вечеру. А в сухую погоду вырuchал велосипед или мопед.

Ближе к старости все пройденные километры и тяжелая сумка почтальона за спиной сказались на ее здоровье. По роду своей работы никто так полно не владел информацией о всех обитателях села, как тетя Зина.

Первые четыре года мы обучались в своей начальной шко-

ле. Бесменными учителями в те годы были Гусарова Галина Прокопьевна и Шкуропат Клавдия Алексеевна. В первый класс меня посылали дважды. Первый раз в семилетнем возрасте (без двух недель). Меня взяли на испытательный строк. Я его не выдержал, и мне сказали приходить через год.

Учебники в то время мы практически не покупали, а была традиция от старшеклассников передавать меньшим по возрасту. В школе было две классных комнаты. В первой (по коридору справа) по традиции размещались 1-3-й классы, дальше в большой комнате были 2-4-й классы. Слева по коридору были комнаты с разными школьными принадлежностями, дальше по коридору направо и слева находились учительская и библиотека.

Славные школьные годы. Вспоминаю всех своих одноклассников до 3-го класса (в Новоалександровке) второй ряд сверху:

1. Яковенко Станислав 2. Казаков Александр 3. Федоров Николай
4. Садовой Сергей 5. Сердюк Александр 6. Добровольская Вера
7. Руденко Валентина 8. Шпак Зоя 9. Логвинова Наталья
10. ***** Талка (внучка деда Замнивуса) и после 3-го класса (уже в Озеровке) добавились (фотография не сохранилась): 11. Пытель Петр
12. Алейник Валентина 13. Амелкина Нина 14. Чередниченко Владимир
15. Жук Валерий 16. Колотуша Нина 17. Халин Александр 18. Иванов Виктор
19. Бучко Леонид 20. Бучко Галина 21. Евдокимова Надежда
22. Кострубов Георгий 23. Рогожина Татьяна 24. Шаповалов Александр
25. Коновалов Виктор

Каждый день перед началом занятий кто-то из учеников (и я в том числе) обязательно выбегал навстречу нашим учителям, чтобы помочь донести увесистую учительскую сумку. Это было доброй традицией – благодарностью учеников учителям. Мы никогда и не задумывались, что это похоже на какой-то подхалимаж. Каждый из нас тогда были простыми наивными оптимистами, искренне верившими всему, что нам давала школа.

В первом классе третьеклассница Кравченко Надя мне подарила «Кассу букв и слогов». Это мне хорошо запомнилось, как и отдельные картинки из нашей школьной жизни.

По коридорам бегать было нельзя, за это снижали оценки по поведению. После школы и на переменах были разные детские игры и развлечения. В большом классе висела огромная, на всю стену карта СССР. Играли в географические названия, поэтому все хорошо знали географию.

«Сборная» Новоалександровской начальной школы конца 1950-х. В центре учителя Гусарова Г.П. и Шкуронат К.А. Моя сестра Валентина во втором ряду сверху крайняя справа в сером платье. По правую руку от нее Толя Кожанов. Позади нее Шурик Зорюков, Валя Галаган, Толя Михайличенко, Валя Шурыга, Вова Козорез, (?) Петя Шурыга. В первом ряду по центру сидит Толя Гусаров.

За классной доской стоял длинный стол для игры в шашки, шахматы и «чапаева». Были среди мальчишек и жестокие «забавы». Играли друг с другом на шалбаны, в том числе и на оттяж-

ные. Победитель ставил ладонь на голову проигравшему и, оттягивая средний палец, ударял по голове ровно столько, сколько «сортиров» ему поставили во время игры. Проигравший молча принимал поражение с надеждой, что он со временем вернет «долг» своему обидчику, но с удвоенной силой удара.

В начале учебного года каждому ученику давали задание по сбору металлолома и макулатуры. Это было святым делом в те времена. Старые книги и журналы, металлические предметы, которые «плохо лежали» дома, у соседей либо в других отдаленных местах села перекочевывали на территорию школы.

Лучших сборщиков вторсырья поощряли на линейках грамотами, устными благодарностями и путевками в пионерские лагеря. Одна такая поездка действительно на моей памяти была, но было ли это связано со сбором лома и макулатуры, я не уверен.

Лучшее лето в моей жизни. Пионерский лагерь «Приморье» с. Рыбаковка возле Очакова. Я сижу в первом ряду третий справа в полосатой рубашке. По правую руку от меня Федоров Николай, по левую Закутний Александр и Данилов Николай.

Дорога, которая вела в Озеровку, начиналась насыпью и в период распутицы всегда подсыпалась жерстью (щебенкой). Дорога на Озеровку запомнилась тем, что это была дорога за знаниями. После четвертого класса мы продолжали учиться в

Озеровке, поэтому нам приходилось много времени проводить в школе, а также в дороге туда и обратно.

Весной и осенью в сухую и теплую погоду мы добирались в школу на велосипедах, иногда по двое на одном. Велосипеды оставляли во дворах у знакомых поближе к школе. Можно только представить всю эту велопрорессию, о которой только лишь хорошие воспоминания.

Велосипед был очень хорошим, но не совсем надежным видом транспорта, особенно в период распутицы. Он для всех нас был таким же полезным в жизни, как и корова-кормилица. Мы все называли его ласковым словом «велик».

Школа подождет. Кожанова Людмила и Казаков Владимир. Конец 1960-х.

Я помню свой последний велосипед марки ХВЗ (Харьковский велозавод), а до этого были велосипеды марки ПВЗ (Пензенский велозавод) и МВЗ (Минский велозавод), когда по зимней дороге из Озеровки, где я прибрел его в местном магазине за 80 рублей, мчал домой вслед за тракторным прицепом, как на крыльях. Возможно, в этом и заключалась вершина мальчишеского счастья в 14 лет – наконец-то у меня будет новый велик.

Зимой и весной, в период распутицы, в школу нас доставляли трактором со специально оборудованной крытой телегой

для перевозки людей, которую мы называли «пластухой». Таким видом транспорта пользовались все поколения учеников до моего отъезда.

Этот вид транспорта хоть и был необходимостью, но не отличался надежностью. По рассказам моей сестры Валентины, однажды телега с детьми по дороге в школу опрокинулась недалеко от мельницы. По счастливой случайности никто не пострадал. Об этом случае помнят также и другие, потому что они находились тогда в той опрокинувшейся телеге.

Класс моей сестры Валентины в Озеровской школе вместе с классным руководителем Волошиным Данилом Фадеевичем, преподавателем математики. Сестра еще ходила в школу-восьмилетку, а десятилетку оканчивала в Новоукраинке. Целую неделю приходилось жить в общежитии и только по выходным приезжали домой. В 1967-м в Озеровке построили новую школу-десятилетку, где уже мы с братом учились. Валя в среднем ряду крайняя справа.

Телега с учениками отправлялась в путь около 8 утра от нового магазина напротив конторы, а в сильную распутицу от места на окраине села возле мельницы. Опоздания исключались либо же планировались специально теми из нас, кто в этот день просто не хотел идти в школу по разным причинам.

Пластуху оставляли напротив школы где-то до 16:00, а тракторист возвращался назад в село на основное место работы.

Приблизительно к 17:00 наше путешествие заканчивалось в обратном порядке.

Иногда в исключительных случаях нам приходилось проделывать путь в школу и обратно пешком даже в непогоду, когда наша техника или тракторист «выходили» из строя. Подобное также случалось, когда уроки заканчивались раньше, и не хотелось дожидаться трактора.

Подуставшие от дороги, мы приближались к селу и ощущали ароматно-пьянящий запах маслобойки, точнее, свежего подсолнечного масла. Мы всегда знали, что проходя возле двери маслоцеха, мы не удержимся от искушения, чтобы не попросить у кого-нибудь из рабочих такой деликатес, как «сычки». Сычки – это, по-нашему, отходы из-под пресса, остающиеся на его краях, похожие на халву, только со вкусом свежего подсолнечного масла.

Картину моего детства в Новоалександровке я как бы воссоздаю заново из рассказов других – родителей, родственников, друзей, знакомых, а также из моментов, которые я хорошо запомнил сам.

Я только родился на свет, а они уже были вокруг меня – жужжали, жалили, медоносили, давали яркий пример самоорганизации для человека.

Пасека была у многих моих родственников по линии отца. Содержать пасеку было хлопотным делом. Из ярких картинок о пчелах запомнились больше всего выкачка меда, осмотр пчел, периоды, когда пчелы становились очень злыми, поэтому пройти в дом или выйти из него было не таким уж и безобидным занятием.

Отец тщательно очищает рамку от пчел для отбора меда в медогонке.

Для выкачки меда предназначалась медогонка. Это металлическая бочка из нержавеющей металла с барабаном для рамок. В нее вкладывались четыре рамки, извлеченные перед этим из пчелиного улья, отпечатанные путем срезания специальным Г-образным ножом верхнего шара воска (вошины).

Обычно рамки с медом отбирал отец. Я их относил в летнюю кухню и вставлял в медогонку. Перед этим вошина обрезалась в отдельную посуду. Барабан с рамками за ручку сбоку медогонки вращали до определенной скорости. Достаточной была скорость, когда мед из рамок вылетал под воздействие отцентровой силы и по внутренней поверхности медогонки стекал на дно, где в нижней части был специальный кран для слива меда.

При сливе мед обязательно фильтровался от случайных ненужных примесей, которые могли находиться в этот момент на рамке. В основном же пчелы существа чистоплотные, а мед сам по себе природный консервант, поэтому проблем для человека это не представляет.

Так как мед имеет тягучую структуру, то медогонку приходилось оставлять на ночь, пока из нее не сходила последняя

капля меда. Срезанные вошины, смазанные медом, сразу пу-
скались в дело. Все, кто был причастен к выкачке меда, а также
родственники, друзья и знакомые, употребляли лакомство пу-
тем тщательного пережевывания вошины. При этом воск после
пережевывания возвращался по назначению на переработку
для создания новых пчелиных рамок.

У пчел были периоды, когда они были злыми и нещадными
ко всему живому, что двигалось вокруг. Я помню моменты, ког-
да невозможно было спокойно пройти по двору. Приходилось
передвигаться перебежками. Если успевал спрятаться от пчел,
значит, повезло. Иначе пчелотерапия тебе обеспечена. Хотя укус
пчелы человеку на пользу, зато этому маленькому насекомому –
смертный приговор (после укуса пчела всегда умирает).

В период осмотра пчел было интересно наблюдать за отцом,
за его движениями в защитной сетке на лице, слушать от него
разные истории о пчелах. Вся поверхность тела отца плотно
закрывалась специально одеждой, пропитанной запахами пче-
линых ульев. Открытыми были только кисти рук. Хоть пчелы и
ползали по рукам, осторожные движения рук их не раздражали.
Поэтому пчелы не видели в отце своего врага, а скорее – дру-
га.

Отец должен был не только отбирать у пчел плоды их труда,
но также и заботиться об их благополучии, подкармливая их
в зимний период сахарным сиропом, утепляя улья от сильных
морозов. Пчела и человек могли выживать только взаимной лю-
бовью.

В саду всегда находился также и пустой улей. И когда об-
разовывалась еще одна пчелосемья, то предстояла еще одна тя-
желая работа. В период роения пчел надо было не пропустить
момент, когда молодой рой мог покинуть свой обжитый дом и
улететь в поисках нового.

Нужно было быстро основную массу пчел, облепивших вет-
ви дерева в форме шара, вместе с маткой снять в специальный
ящик и переместить в пустой улей. Если это удавалось сделать
и причем не потерять пчелиную матку, то у этой пчелиной се-

мы начиналась новая жизнь, но уже в собственном доме. Все по аналогии с человеком, но только с его помощью.

Мне порой кажется, что запах моего детства – это запах свежего меда и пчелиных ульев. Что тут еще добавить?

Второе, если не первое по значимости после пчеловодства, место у каждой семьи занимал огород. На нем произрастали картошка, свекла, лук, чеснок, тыква, морковь, огурцы, помидоры, всякая зелень, кукуруза, суданская трава для скота и многое другое.

У нас сначала был один огород возле дома, но потом мы взяли еще один по соседству с усадьбой семьи Грищенко. Отец говорил, что на том месте раньше была усадьба семьи Глушцовых. Я хорошо запомнил развалины дома и заброшенный сад.

Отдых после работы на огороде. Слева направо: Рявкина Вера (жила по соседству с новым клубом), Невмержицкий Толя, моя мама и ее родная сестра Дорошенко Татьяна (как раз приехала из Ингульца нас навестить).

Я в это время фотографирую фотоаппаратом «Смена-8М», который приобрел в 9-м классе. Все снимки у меня были любительские, но до сих пор я храню полчелюда негативов и оборудование по фотodelу тех времен.

Главной кормилицей в семье, конечно же, была корова. Их на моей памяти было несколько. Имена буренкам давались в зависимости от того, в каком месяце они рождались. Но мне

почему-то запомнились те из них, которые были рождены зимой и весной. Например, родившаяся в феврале (на украинском – лютий) называлась Лютой, в марте – Мартой, в апреле (на украинском – квітень) – Квиткой, в мае – Майкой.

Больше всех мне запомнились коровы Люта и Квитка. У Лютой рога были дугами и росли в сторону головы. Чтобы не травмировать голову животного, отец регулярно обрезал ножовкой кончики рог таким образом, чтобы между телом и рогами оставалось небольшое пространство. А Квитка была такой тихой, ласковой и ручной, что когда вечером я встречал ее из череды, она сама шла ко мне в руки. На шее у нее была символическая повязка, с помощью которой я препровождал ее в хлев.

Подобные сепаратор (34) и маслобойка (35) были у каждой семьи, где была корова.

Я и вся моя семья выросли на молоке и продуктах из него: сыр, сметана, вареники и пироги с сыром, сырники и тому подобное. Насколько я себя помню, повсюду в разной посуде было молоко, как в молочном магазине. Только позже я оценил, каким тяжелым был труд ради этого блага – пить парное молоко.

Молоко мы перерабатывали на сметану, масло и сыр. Сметану получали путем сепарирования на ручном сепараторе. Был у нас сепаратор зеленого цвета и стоял справа на окне в веранде при входе в дом. Масло сбивали с помощью ручной маслобой-

ки бочечного типа с палкой-толкачкой (вверх-вниз). Из кислого молока получался сыр и сывратка. Часто в жару пили кислое молоко (кисляк) вместо воды.

Кроме коровы мы постоянно содержали пару свиней и два десятка кур. Когда пекли хлеб, обязательно делали свежие пампушки с чесноком. Иногда прямо на раскаленной плите пекли коржи, замешанные на сывратке.

1970-е годы. Мой отец обходит домашнее хозяйство.

На заднем плане вход в коровник.

Мать в летней кухне готовит хрустики на сдобном тесте, жаренные в подсолнечном масле. На столе молоко и бутылка с консервированными огурцами, кухонная посуда и инвентарь.

Самой прекрасной порой из детских воспоминаний была пора летних сенокосов. Отец постоянно брал и меня с собой. Траву на сено он косил в лесополосах, которыми разделялись между собой поля. Отец был учетчиком тракторной бригады, за ним была закреплена бедарка (одноосная повозка на двоих), поэтому объезжая поля с целью обмера выполненной работы трактористами у него оставалось также время и на кошение травы.

После того, как скошенная трава становилась сеном, мы запрягали пару лошадей в арбу (конная подвода для перевозки сена, зеленой массы и других подобных грузов) и перевозили

готовое сено к себе во двор. Все свежее сено сначала расстилали небольшим слоем по всему двору для того, чтобы оно досушивалось. Для нас же, детей, это было прекрасным поводом для получения неимоверного удовольствия – всю теплую летнюю ночь мы спали на этом пахнущем разнотравьем свежем сене. Так продолжалось несколько дней, пока сено не пряталось на чердак.

Мне хорошо запомнились места и моменты, когда мы, детвора, вместе со старшими детьми устраивали всякие игры-развлечения.

Так, по соседству с нами, где раньше была конюшня, за пределами села находилась волейбольная площадка, на которой старшие играли в волейбол, а малыши крутились возле них, словно кот за хвостом. По вечерам в этом месте всегда было шумно и весело, время пролетало как-то незаметно, все были беззаботно счастливы.

Минуты детского счастья у сельских мальчишек и девчонок. Слева направо: мой брат Владимир, я с мячом, двоюродные сестра Валя и брат Вася Галаган, Петр Шурига. Основная обувь в летнюю пору - никакой обуви.

Я тогда уже был подростком лет 5-6, поэтому хорошо запомнил все эти события по одному случаю. Заводилой среди старших был Короп (Коля Пяленко). И вот, когда все в очередной раз собрались поиграть в волейбол, почему-то Коропа не оказалось. Но по окончании игры он все же появился, весь израненный (ножевые порезы на груди) и в бинтах. Оказалось, так он «порыбачил» на новопавловских ставках (прудах). С «новопавловскими» у «наших» постоянно были какие-то «терки» (напряг).

Короп был одним из тех, за которым всегда тянулась часть наших мальчишек. Он был хорошим охотником и рыбаком, а мы, мальчишки, часто бывали в его компании, помогали загонять-выгонять зайцев на территории сада и виноградника. Я тоже был в их числе.

*О чем мечтали мальчишки, знал лишь их любимый пес Шарик.
Слева направо: Грищенко Саша, Галаган Вася,
Криворученко Толя и Пяленко Коля (Короп).*

Хорошим местом для нашего времяпрепровождения в детские годы были лесополосы, расположенные вокруг села. Одной из таких была шелковичная лесопосадка. Раньше она служила как источник кормов для гусеничного шелкопряда. Его выращивали с целью получения кокона и соответственно

конечного продукта – шелка.

Но нам, подросткам, шелковичные деревья служили также источником сбора плодов шелковицы и местом, где знойным летом можно было укрыться от жары и поиграть в свои детские игры без присмотра родителей. Игры всегда сочетались с процессом употребления и собирания плодов. Плоды шелковицы были по цвету трех сортов – белые, черные и серые (фиолетовые).

Для сбора у каждого из нас была своя посуда – стеклянные банки или металлические бидончики с ручкой. В основном хорошие плоды были высоко на дереве, поэтому приходилось облезать ни одно из них, чтобы заполнить полностью тару. Любимые наши деревья мы называли «раскоряками». На них росли крупные и вкусные плоды, ветви были широкими, по ним можно было удобно влезать на самый верх.

Начинался наш поход за шелковицей от совхозного виноградника и заканчивался возле животноводческой фермы. Дома из плодов шелковицы готовили разные вкусные блюда – вареники, которые сверху поливали медом, пирожки, добавляли в компот либо употребляли просто свежими.

Справа за селом в сторону Озеровки было тырло для скота, а дальше за ним находилась молочно-товарная ферма отделения №4 совхоза имени Жданова со всеми необходимыми хозяйственными постройками. Ферма также была местом нашего паломничества. Наше любопытство было выше всяких запретов. Нас интересовало буквально все, что можно было использовать в наших детских играх и забавах.

Ближе к ферме мы, местные мальчишки построили футбольное поле и часто там играли в футбол. Это происходило либо по воскресным дням, либо перед тем, как наши коровы-кормилицы вечером возвращались домой из череды, а мы всегда выходили их встречать на час-два раньше, чтобы успеть наиграться в футбол.

В селе вода была проблемой, как питьевая, так и в виде прудов. Колодцев было недостаточно, воду из некоторых не употребляли в пищу, а только на технические цели или на корм скоту.

У нас во дворе тоже был колодец, но воду из него мы не пили. Вода была горькой на вкус, даже для мытья головы иногда использовалась дождевая вода. Но отец нам запретил употреблять и дождевую воду, сказал, что в ней может быть «атом». Наверное, он был осведомлен об испытаниях ядерного оружия в СССР.

Это хоть и было далеко от нас, но небеса были как единое целое, и оттуда могло нам на голову вместе с дождем выпасть что угодно. Кстати, вначале 60-х годов у нас дома появилась маленькая брошюрка «Памятка на случай ядерного взрыва». Эта брошюрка до сих пор хранится у меня вместе с книгой «Советы пчеловоду», которая была настольной книгой отца.

Когда еще в селе не было водопровода, воду для питья мы с помощью коромысла носили из колодца в центре деревни, который находился за старой тракторной бригадой с правой стороны по дороге на кладбище недалеко от дома семьи Михайличенко. Когда у отца была на работе бедарка (двухколесная бричка с одной лошадьё в упряжке), то он привозил воду домой в бидоне для молока (около 30 л).

Колодец также был возле дома моего деда Ивана Казакова, по соседству возле семьи Ивана Маркуцы на территории старой конюшни и в других местах. В сторону Буцевского-Новопавловки посреди полей также был колодец, хотя некоторые из нас об этом уже и не помнят.

Вначале 1970-х по селу проложили новый водопровод. Это было для всех нас целым событием. Помню, когда брата Владимира брали в армию, все село было в траншеях, как в боевых окопах. Мы, конечно, исследовали каждый метр этих траншей на предмет каких-либо находок.

Осень 1971 года. Проводы в армию брата Владимира. Раньше была такая добрая традиция, когда всем селом провожали парней в армию. Все лучшие друзья, знакомые и соседи приходили проводить будущего воина. Службу брат проходил в Смоленской области в лесу, в ракетных войсках стратегического назначения.

Нами все же был обнаружен остаток старого водопровода в виде керамической трубы, которая пролежала по направлению от старого магазина до старого клуба по диагонали через улицу. Учитывая, что в ближайшем прошлом никто никаких работ по водоснабжению села не проводил, мы решили, что это дело рук первых поселенцев села – колонистов.

Хоть водопровод и был облегчением для жителей, краны по улице были слабым местом – часто ломались. Ближайшие от нас находились слева напротив семьи Рявкиных и справа напротив нового двухквартирного дома для специалистов. В настоящее время это чудо-сооружение вряд ли выполняет свою благородную миссию напоить страждущих. А зря.

В летний зной через отсутствие прудов вблизи села, многие жители сооружали во дворе летние деревянные бани (летний душ), а у кого была возможность, тот ездил на ближайшие пруды (ставки) в Новопавловку или Буцевское, на речку Ингулец вблизи Заградовки.

Однажды мы со Славой Яковенко после отдыха-рыбалки на Буцевском (водохранилище) велосипедами возвращались вечером домой. Улов у нас был не очень, к тому же по дороге

прокололи шину, и мы медленно двигались полевой дорогой по направлению нашего села.

Вдруг впереди нам дорогу перебежала лиса со своим выводком. Увидев ее, мы совсем забыли, что до этого мы были рыбаками, и нам ужасно захотелось сразу переквалифицироваться в охотников. Мы, бросив на дороге велосипеды, начали преследовать лису с ее детенышами до тех пор, пока не обнаружили одного лисенка, отставшего от остальных. Пленника мы засунули в сумку (с рыбой!) и дальше, удовлетворенные уже охотой, продолжили свой путь домой.

Как можно было догадаться, от рыбы остался только запах, а лисенка пришлось разместить у Славы дома в пустой клетке для кролей. Мы не знали, зачем нужен был этот лисенок дома, но мы поступили опрометчиво, не подозревая о том, что старая лиса по запаху придет на это место за ним вслед. И как результат, пострадали куры, сколько я уже не помню. Помню только, что Славин отец был зол на нас и на лисенка, хотел его немного повоспитывать, но тот укусил его за руку. Чем закончилась вся эта история, вы можете себе только представить.

Мы, мальчишки, любили играть во всякие «военные» игры. В основном это происходило в ближайших лесополосах от села, вблизи виноградника и сада. Но иногда территория игр перемещалась в запретную зону, которая охранялась совхозным сторожем.

Были среди нас смельчаки, которые отвлекали сторожа разговорами или иными провокационными действиями, а в этот момент в неохраямой зоне другие из нас спешно взбирались на деревья и за пазуху паковали плоды – ровно столько, сколько туда могло войти. Отходили из зоны «обстрела» либо путем залезания на деревья в лесополосе вдоль периметра сада, либо же по балке, поросшей лопухами.

Эта балка была отводом воды от села в период наводнений

по направлению к новопавловским ставкам. Если согнуться или ползти на коленях либо на животе, то можно было уйти незамеченным от сторожа.

Однажды мы не смогли вовремя укрыться от сторожа деда Фроленкова. Мы взобрались высоко на дерево в лесополосе по правую сторону от дороги, что вела в сторону Новопавловки. Дед, вооруженный двустволкой, стоял внизу возле дерева и со всей строгостью предупредил нас о последствиях, если мы «не сдадимся». Но нам не хотелось «сдаваться» без боя.

Чтобы разрешить ситуацию, мы поочередно спускались на землю, точнее слетали вниз со скоростью падающих яблок в нашем саду и разбегались в разных направлениях, чтобы дед не успел пройтись по каждому из нас палкой. После инцидента мы обязательно собирались на запасной «базе» и горячо обсуждали то, в каком переплете мы только что побывали. Старшие мальчишки сторожа в серьез не воспринимали, но мы, что поменьше, сторожа очень боялись и поэтому еще долго не могли прийти в себя.

В продолжение «военной» темы хорошо запомнилась высадка, а потом посадка на железнодорожные платформы на станции Белая Криница танковых подразделений. Это было похоже на маневры или учения, возможно даже и приуроченные к событиям в Чехословакии в августе 1968 года. Помню, было лето, боевые машины шли по ночам, сначала в одну сторону, потом в другую.

Дорога за селом после этого была накатанной, как асфальт. У военной колонны был пост сопровождения, который находился на пересечении границы между Николаевской и Херсонской областями, как раз в том месте, где был наш мальчишеский наблюдательный пункт. Именно с этого места нас когда-то «выкуривал» наш местный сторож дед Фроленков.

В задачу поста входило управлять колонной. Он приходил

первым и уходил последним. Боевые машины объезжали село вокруг сада и вдоль наших огородов в сторону Озеровки.

Мы, мальчишки, днем постоянно крутились возле поста, выменивали и выменивали у военных разные сувениры. Это были значки (в виде танка), военные пояса, пилотки, даже шлем танкиста. Мы приносили солдатам что-нибудь поесть, сидели возле них и грелись у костра по вечерам.

Все мы в детстве дружили и играли компаниями, но с возрастом эти компании изменялись. Когда я был еще маленьким до того момента как пошел в школу, то в основном проводил свое время в кругу семьи, так сказать был на попечении родителей, брата, сестры и всех многочисленных родственников.

А первые «боевые крещения» за пределами семьи нам организовывал наш хороший друг и старший товарищ Яковенко Николай. В эту компанию постоянно входили Слава Яковенко, Вова Андрусский, Толя Мойсеченко, Коля Захаров, Саша Строганов и, конечно, я.

На этой фотографии мы с Колей Захаровым (справа). Семья Захаровых жила в немецком доме. После того, как они выехали в Николаев, сюда переселилась семья Кожановых.

Место постоянной дислокации нашей группы – это вся территория вокруг сада и виноградника. Там были наблюдательные посты, укрытия, излюбленные поляны и деревья. Были у

нас вылазки и на другие территории, которые мы не считали для себя такими комфортными.

Проводимые мероприятия – сражения с условным противником, изготовление оружия из подручных материалов, лазание по деревьям, сооружение защитных сооружений. Обязательным в распорядке дня было приготовление еды в полевых условиях – сало и картошка на раскаленных углях.

Мы также могли поохотиться и на домашнюю птицу, которой было предостаточно в разных скрытых для постороннего глаза местах. Для этого приходилось изготавливать самодельное самострельное устройство, называемое самопал. Металлическую трубку с деревянной рукояткой, начиненную порохом или серой от спичек, заряжали дробью или шариками из подшипника для велосипеда.

Стрельба велась прицельно или дистанционно с близкого расстояния до 5 метров. Иногда при неудачной конструкции самопала стрельба происходила в обратном направлении. Зная о таких случаях, мы отдавали предпочтение дистанционной стрельбе.

Если во время прицельной стрельбы необходимо было вытянуть руку с самопалом, прицелиться и черкнуть коробкой спичек, чтобы зажечь порох внутри через отверстие в трубке с боку, то при дистанционном способе самопал закреплялся на специальную подставку.

После поджигания запала было время отойти в сторону или укрыться подальше от греха. Бывали случаи, когда трубку либо разрывало, либо она летела назад и могла попасть в заряжающего.

Часто мы собирались поиграть на лугу возле усадьбы моего деда по соседству с усадьбой семьи Славы Яковенко. Играли в цурпалки, кегли, запускали воздушного змея. Там была большая яма, из которой раньше брали глину для хозяйственных работ (из глины делали лампач, из которого строили не только сараи, но и землянки, когда не было камня или кирпича). Так вот в этой яме мы часами оттачивали свое «военное» мастерство –

бегали по кромке вокруг ямы, чтобы не свалиться вовнутрь. Кто не сдавал физподготовку, получал наряд вне очереди.

Самодельная вертушка на катушке для ниток была гордостью мальчишеского изобретения. Лопасты вертушки, вырезанные из консервной банки, насаживались на два гвоздя без шляпки, которые были вбиты в деревянную катушку для ниток. Запускался летательный аппарат с помощью грубой нитки-шнура, намотанной на катушку. Наш самодельный воздушный аппарат иногда набирал высоту выше крыши дома и мог продержаться в воздухе минуту-другую.

Три верные подруги: Вера Захарова, Люба Зорюкова и Валя Казакова в 1960-е годы в доме Захаровых и сегодня в квартире Веры в Николаеве. Жизненная катапульта разбросала их по разным местам, поэтому каждая их встреча теперь на вес золота.

Мы в своих мальчишеских играх много времени проводили в лесополосах. На границе полей в сторону Кочубеевки во время последней войны проходила линия обороны, поэтому там было много окопов. Во время одной из таких наших экспедиций кто-то нашел мину от миномета. В каком она была состоянии, никто не знал. Но среди нас все же нашелся смельчак, который предложил бросить эту мину в сторону только что спаханного поля. Он заверил, что мина в мягкой почве не взрывается. Все бросали мину по очереди, и она действительно не взорвалась.

Нам все это немного стало надоедать. Ведь всегда хотелось чего-то большего. Мину мы припрятали в лесополосе, чтобы не тянуть ее домой, потому что она была тяжелая. Но потом информация просочилась до кого-то из взрослых парней. Одним

словом, мину у нас «увели» совсем даром. Какая ее судьба, я не помню.

У меня самого в арсенале дома было 2-3 немецкие каски, карабин немецкий без приклада (не подумайте что рабочий), штык-нож. Все они были больше похожи на музейные экспонаты, чем на когда-то грозное оружие противника. Я думаю, что у многих жителей во дворе также были вещи, связанные с прошлой войной. Так, у моего деда Ивана Казакова прямо на дворе были несколько касок, из которых кормили и поили птицу. Ко мне каски, наверное, тоже попали от деда.

Практически каждое лето меня на неделю-другую отправляли к двоюродным братьям и сестрам на станцию Белая Криница либо на Ингулец (пригород Кривого Рога). Это было поощрением за хорошее поведение и заодно способ оздоровления. Там была «большая» вода, а в нашем селе негде было искупаться и поплавать. Самой заветной мечтой в те времена у меня было жить возле воды – у моря, возле речки или хотя бы недалеко от ставка (пруда).

И на Белой Кринице, и на Ингульце были места для отдыха возле воды, а для самых маленьких – «корыто» (ограждение для малышей) на речке. Чаще всего я бывал у своего брата Виктора на Белой Кринице. Мне там было всегда весело и интересно. Рыбалка, поездки в село Белоусово, где была зона отдыха, лес и, самое главное, «корыто».

С утра, когда все взрослые уходили на работу, строгая тетя Галинка (Витина мама) ставила брату задачу: заняться домашним хозяйством, на элеваторе с кузовов машин, что выгружали зерно, смести в жестяную баночку из-под томатной пасты (емкость до 3 л) зерноотходов для птицы и после этого, самое главное, заняться своим братом, то есть мной. Таким образом, после обеда мы были предоставлены сами себе.

Из деликатесов мы любили сгущенку и груши. Ночью в жаркую погоду мы спали под той же грушей, что приносила вкусные плоды и росла в центре сада. Летние ночи были короткими, но мы спали в тени деревьев до того момента, когда солнце нас

не прогоняло в дом.

Самым излюбленным местом нашего паломничества была железнодорожная станция. Это был совсем другой мир, поэтому меня всегда так тянуло на Белую Криницу к брату. Иногда нас заносило и в Новопавлвку к родственникам брата. Там тоже была «большая» вода.

1973-й год. Проводы Виктора (Зорюкова) в армию. Собрались самые близкие родственники: родной брат Шурик, сестры Валя и Вера, его мама, семья Шпилевых, семья Казаковых (Степан и Анна), семья Дорошенко (Ананий и Татьяна), тетя Лена Криворученко, тетя Мария Зорюкова и другие (всех, к сожалению, уже не помню). Слева за спинами в саду растет та самая грушка.

Наступала зима. Для детворы это было еще одно удовольствие после лета, но только зимнее. Лето, но как бы наоборот. Как ни странно, но и летом, и зимой мы не вспоминали о грязи и разбитых дорогах. В эту пору детвора проводила все свое свободное время в зимних забавах.

Коньки, санки, лед, снежные горы и снежные баррикады – все это было настолько давно, насколько тепло и радостно сейчас вспоминать о мокрой обуви и одежде, разбитых носках после возвращения вечером домой.

Любимым моим занятием было катание на санках. Деревянные сани смастерил дед Иван своими руками. Иногда их у меня выманивал мой старший брат Владимир для катания на ледяном катке, оборудованном в пустой силосной яме на территории фермы.

*Для меня вторым по авторитету (после отца) был мой брат Вовка.
Во времена нашего детства в моде была одежда из вельвета.*

На том катке я был всего один раз. Там – все серьезно и по-мужски. Был залит водой крутой спуск, поэтому малышам там делать нечего.

Спускались на санях также с вершины скирды, когда на ней и вокруг нее внизу было достаточно снега. Высота приличная, а нас всех тянуло на подвиги. Я сам все эти суперскорости и высоты не осилил бы никогда, если бы не мой брат, который был

лидером во всех этих экстремальных играх.

В конце концов больше всего доставалось саням. Утром возле порога, когда мы, дети, еще сладко спали утомленные после очередной зимней забавы, можно было увидеть озабоченного отца, который занимался реставрацией тех самых дедовых саней.

Самым авторитетным человеком для меня в жизни, конечно же, был мой отец.

С вечера и соответственно ранним утром это были уже не санки, а куча дров на мотузке. В задачу отца входило успеть отремонтировать любимую зимнюю игрушку к тому моменту, когда мы выходили из дома во двор. От меня все это иногда держали в тайне. Но все тайное когда-то становится явным, о чем я сейчас вспоминаю с такой болью и теплотой.

Но потом снова наступала радость, когда благодаря стараниям отца сани вновь приобретали товарный вид, и детство наше не могло остановиться через какой-то пустяк.

Вот такие зимы были в середине 1960-х. Когда мальчишки разбивали себе носы об лед, девушки после домашних хлопот просто выходили на улицу подышать свежим воздухом и посмотреть, много ли снега за ночь выпало.

Слева направо: Казакова Валя, (?), Галаган Аня.

В школьные годы летние каникулы – это было время не только для детских игр, но и возможность подзаработать в нашем совхозе.

Чтобы получить наряд на работу, необходимо было полениться подняться пораньше часов в 6 утра вместе с родителями и явиться к 7 часам во двор конторы отделения. Там в это время всегда проходило планирование заданий на текущий рабочий день (наряд).

Мы, школьники, стояли немного обособлено от взрослых. К нам после того, как наряды раздали старшим, подходил кто-то из руководства и предлагал варианты работ для нашей «бригады». Это были работы на току, на ферме, в поле и другие с использованием коней.

Были у нас также и «любимые» наряды на работу. Например, любили мы чистить от навоза и смазывать ленточные транспортеры на ферме. Работа была в прохладном помещении, и к тому же не нужно было бегать ежедневно по утрам в контору за очередным нарядом. Чтобы обслужить все помещения, где были транспортеры, уходило несколько дней, а иногда и недель. И нас это вполне удовлетворяло.

Кидали нас на скирдование соломы, где надо было обслуж-

живать волокуши (отцеплять и прицеплять трос, ставить волокушу в рабочее положение, давать отмашку трактористу для начала или остановки движения). Трамбовали зеленую массу на силос на автомашинах и тракторных прицепах, стругали кору на бревнах специальным инструментом – стругом, подкидали зерно на току и в зерноскладе.

Больше всего мы не любили полевые работы – прополку междурядий, переворачивание валков после дождя, срезание колосков. За такие работы платили мало, а попотеть на жаре приходилось достаточно.

Прополка сахарной свеклы. Сияющие лица у наших мам не от того, что они в восторге от тяжелого ручного труда, а потому, что они здесь очень молоды и вся жизнь у них еще впереди.

Слева направо: Захарова Катя, Казакова Галя (моя мама), Кожанова Тася, Андруская Нина. 1960-е годы.

Однажды мой друг детства Слава Яковенко в летнюю пору верхом на лошади выпасал совхозное стадо. У него это выходило неплохо. Но когда мне пришлось сесть верхом на лошадь, животное никак не хотело выполнять мои команды, и я после этого невзлюбил верховую езду. Зато мне нравилась езда на двухколесной бедарке, бричке и арбе.

Между Озеровкой и Александровкой слева в сторону первой был ток – место для временного хранилища урожая. Работа на его территории была сезонной, начиная с уборки ранних зерновых и заканчивая сбором кукурузы. Нам, школьникам, тоже приходилось участвовать в уборке урожая, и для некоторых было за честь попасть в наряд на ток.

Сезон сельхозработ на току. На фото узнаю нашу маму (стоит слева во втором ряду), тетю Лену Криворученко, тетю Марию Зорюкову (сидят в первом ряду), тетю Соню Мойсеченко, тетю Асю Михайличенко (сидят во втором ряду), тетю Олю Кучерявенко (стоит справа во втором ряду).

Вспомнилась одна смешная история, когда я вместе со своими друзьями (Владимиром Андрусским и Мишей Добровольским) перевозили на конной телеге зерноотходы из тока в склад, что находился возле нашей конторы. И пришла в голову В. Андрусскому идея, как увеличить вес груза, чтобы нам заплатили больше за работу. После погрузки отходов в телегу, мы незаметно от руководства тока присыпали отходами увесистого М.Добровольского, а для дыхания сверху ставили ведро на голову. После взвешивания по дороге на склад Миша выбирался из своего «убежища», и таким образом на каждой ходке мы дополнительно имели около 80-90 кг веса. Мы были

молоды, и нам было радостно от такого нашего веселого «изобретения».

А еще нам нравилось в детстве кататься на автомашинах и тракторах различных типов, которые были у нас в совхозе. Иногда водители даже доверяли сесть за руль машины и порулить. В этом и была вся прелесть детского познания, удовлетворения и гордости одновременно. Ничего, что проигнорировали очередное домашнее задание, были все в мазуте, солярке и в пыли, зато на седьмом небе от счастья. Спали по ночам мертвым сном, и, конечно же, в мыслях не было, что когда-то нам придется распрощаться с удивительным миром детства навсегда.

Много времени я проводил в кабине у дяди Ивана Михайличенко на тракторе КДП-35. Он с радостью брал меня с собой, так как состоял в кумовстве с нашей семьей и с отцом был в хороших отношениях. Управлять этим трактором было очень просто. Надо было только муфту (ручку) по правую руку от тракториста на передней панели поднять вверх до упора и трактор двигался вперед или назад. Правда, при этом вначале необходимо было выставить соответственно переднюю или заднюю скорость.

Трактор КДП-35 на полевых работах.

Помню, когда после окончания ПТУ Иван Кашуба на новеньком ДТ-75 за селом возле тракторной бригады выполнял работу по вспашке поля на зябь. Мне он по дружбе доверил сделать несколько прогонов в одиночку, а он в это время отдыхал в лесополосе и спокойно наблюдал за моей работой. В тот момент (вершина моего блаженства) мне, конечно же, хотелось стать трактористом.

Позже, когда отца не стало, мне во время учебы в институте (1978 г.) пришлось на летних каникулах подрабатывать помощником комбайнера у дяди Васи Федорова. Комбайн был старым (СК-4 или СК-5), часто ломался, но мы вдвоем с достоинством несли гордое имя советского хлебороба («понтов много, денег мало»).

Тяжелая жатва 1970-х. Мальй Кирилл Федорович еще руководит 4-м отделением совхоза им. Жданова. Его на нашем отделении боялись больше, чем высшее руководство совхоза. Лица комбайнеров, их помощников, трактористов, шоферов почернели от пыли. На фотографии узнаю (могу и ошибиться): второй ряд слева направо – Мальй К. Ф., (?), Шурыга Михаил, Казберович Александр, Гусаров Анатолий, Казаков Владимир (мой брат), Прокотюк Богдан, Гусаров Егор, Мойсеченко Михаил, Сердюк Владимир, Кожанов Виктор; первый ряд слева направо – (?), Маркуца Иван Филиппович, (?), Потапенко, (?), (?).

На вывозку урожая из тока на эlevator на помощь совхозу присылали автомобили из воинских частей. Теперь это еще один радостный момент для воспоминаний. Каждый из подростков обязательно находил друга среди солдат-водителей и позволял себе в свободное время проехаться с ним в машине с тока на эlevator и обратно.

У военных была дисциплина, но они все-таки разрешали нам подсесть к себе в кабину. Им в поездке было с нами веселее, к тому же мы могли им поведать о последних новостях или пообещать, что вечером в клубе поможем завести знакомство с местными девчонками, или показать точку, где достать домашнего вина.

Такой активной была хозяйственная жизнь у нас на отделении до тех пор, пока ток не перевели в центральное отделение, в с. Сергеевку. А поначалу ток находился слева от дороги на Озеровку почти посередине между нашими селами. После ликвидации тока дошла очередь до уничтожения сада и виноградника.

В сад детвора ходила как на экскурсию. У нас не было музея, но у нас был сад, у нас не было пионерского лагеря, но у нас был сад, у нас не было реки и пляжа с песком, но у нас был сад. Мы были наивными и думали, что это будет продолжаться вечно. Фото 1960-х годов.

Помню, как огромный по нашим меркам трактор С-100 со специальным приспособлением для выкорчевывания деревьев вместо лопаты за какую-то неделю-вторую ликвидировал то прекрасное, что мы до сих пор с гордостью вспоминаем и называем не иначе как наш сад. Виноградник продержался не намного дольше.

Уничтожение сада и виноградника руководство совхоза мотивировало тем, что необходимо было расширять пахотные земли под такие важные культуры, как клещевина, из семян которой получали масло для высокооборотных двигателей в авиастроении.

Возможно, это и был аргумент для такого государства, как СССР, но активная жизнь в селе после подобных событий стала потихоньку угасать. В итоге все закончилось тем, чем закончилось – село на грани вымирания. А прошло всего лишь каких-то 25-30 лет.

А так все начиналось. На строительстве новой фермы. Справа (стоит) тетьа Зина Галаган, которой пришлось поработать на разных тяжелых работах в совхозе, прежде чем она стала сельским почтальоном.

Ниже привожу небольшую справку из «Истории городов и сел Украинской ССР» о селе Сергеевка, которое было центральной усадьбой совхоза имени Жданова по состоянию на 1970 год:

«СЕРГЕЕВКА (до 1920 года Бредихино) – село, центр сельского совета. Расположено на левом берегу реки Высунь в 23 км на север от райцентра и в 38 км от железнодорожной станции Березнеговатое. Население – 737 человек. Сельскому совету подчинены также населенные пункты Зеленый Гай, Новомировка, Новоалександровка, Озеровка, Победа.

В селе находится центральная усадьба совхоза имени Жданова. Это многоотраслевое хозяйство владеет 6965 га пахотной земли. Производственное направление совхоза – полеводство и животноводство; вспомогательные отрасли – садоводство и виноградарство. Выращиваются также и технические культуры.

В 1970 году получено по 25,1 центнера зерновых с каждого гектара. На 100 га сельхозугодий произведено по 50 центнеров мяса и по 313 центнеров молока. За трудовые успехи 11 тружеников совхоза награждены орденами и медалями, в том числе орденом Октябрьской Революции управляющий отделением Малый К.Ф., орденом Трудового Красного Знамени Добровольский М.А.

На протяжении 1968-1970 годов в селе построено новое помещение школы, детские ясли, столовая, баня, 10 жилищных домов, оборудовано АТС. В Сергеевке работают восьмилетняя школа, библиотека, 4 магазина, столовая, сооружен водопровод.

Основано село в конце XVIII столетия переселенцами из Харьковской губернии. В 1922 году здесь организованы первые партийные и комсомольские ячейки.

На территории села выявлено 7 поселений времен поздней бронзы, скифских времен и славянское поселение черняховской культуры».

От себя добавлю, что главным экономистом совхоза имени Жданова в те годы была прекрасная женщина Садовая Зина Антоновна, родители которой проживали в нашем селе.

Видел я также своими глазами и скифские курганы (могилы), когда отец меня еще подростком брал с собой в поля. Нас

было трое – я, отец и конь, впряженный в бедарку. Мы объезжали самые отдаленные поля вокруг села, когда необходимо было сделать замеры объемов работ трактористами, и таким образом, отец устраивал мне экскурсию о всех достопримечательностях нашей местности.

Среди них были и наследие скифов, и лесополосы с дичью, и многое другое. Среди лесополос иногда можно было найти старую сельскохозяйственную технику и инвентарь. Например, я часто видел молотильные камни, которые еще в свою бытность использовались колонистами.

Отец в конце 1960-х работал учетчиком тракторной бригады.

Помню, отец до поздней ночи просиживал над нарядами. Основной счетной «машинной» в те времена, конечно же, были деревянные счеты. А телефон в конторе еще был с ручкой, покрутив которую раза три, можно было связаться с центральной усадьбой в селе Сергеевка.

Очень часто мы, подростки, собирались на спортплощадке во дворе нашей сельской школы. Это здание до сих пор сохранилось, только самого учреждения в нем больше нет. Есть

лишь память о прекрасном прошлом, которую мы все бережно храним внутри себя.

Во дворе школы стояли турник, спортивный брус (бум), здесь мы играли в волейбол, детские игры, которые также придумывали себе сами. Например, одна из игр называлась «пойман», другая «жмурки». Взрослые парни играли в «коня». На переменах во время уроков мы сражались в «чапаева», играли в шашки и шахматы, по-тихому играли в карты.

1969 год

2008 год

Здание школы села Новоалександровка вчера (56) и сегодня (57). Построенное руками первых колонистов – переселенцев, оно как символ человеческого гуманизма должно обязательно победить человеческое невежество. Так выглядела Новоалександровская начальная школа в начале и в конце каждого учебного года. Гусарова Галина Прокопьевна (крайняя справа) и Шкурюпат Клава Алексеевна (крайняя слева) это не просто бессменные две учительницы, это как символ села в 1960-70 годы.

В 1967 году был построен новый клуб, любимой игрой для

меня стал настольный бильярд, а моим постоянным напарником по игре был Саша Закутний. Доходило до того, что в дни (особенно по понедельникам), когда клуб не работал, а завклубом был дядя Ваня Галаган, он давал нам ключи, и мы целый день допоздна там отрабатывали удары бильярдными шарами.

Середина 1970-х.

2008 год.

Семья Андрусских провожает сына Владимира в армию (верхний ряд). В нижнем ряду (слева направо): Яковенко Александр, Казакова Анна, Федоров Василий, Бабенко Николай, Кожанова Тася, Кашуба Миля.

Здание клуба, построенное в 1967 году, выглядит удручающе в 2008-м. Клуб был местом наших встреч и расставаний. Здесь знакомились и влюблялись, отсюда уходили в армию, здесь собирались для отдыха и читали книги в местной библиотеке.

Последняя информация: для того чтобы эту «достопримечательность» села не разнесли по кирпичику, развалины клуба выкупил местный фермер Белецкий Михаил. А еще я слышал, что он заложил ореховый сад, и впервые после годов уныния и

упадка начал строить новый дом напротив того клуба, на месте, где когда-то была старая тракторная бригада в центре села, а позже там стоял дом управляющего (Малого К. Ф.).

Но это уже совсем другая история, о которой когда-то расскажут или напишут другие краеведы. А пока, дай Бог здоровья этому отважному человеку за то, что обрабатываются поля, поддерживаются дороги, присмотрено кладбище, а местные жители у фермера могут заработать на кусок хлеба.

Вспомнилось, как мы подростками обменивались между собой любимыми для нас вещами. Это было как тренд, как принадлежность к определенному сословию, когда тебя воспринимали за «своего».

У кого-то был складной ножичек, у кого-то карманный фонарик – взяли и обменялись. У меня, например, был диапроектор для просмотра диафильмов, а у Саши Сердюка были карманные часы с цепочкой и крышкой. Взяли и поменялись. Оказывается, часы у него были не его, а отцовские. Вышел большой скандал. Я не помню, чем все это закончилось.

Слева направо: Зорюкова Люба, Криворученко Виктор. Конец 1950-х (60).

Пионеры Новоалександровской начальной школы.

Слева направо: Сердюк Саша, Казаков Саша (я), Закутний Саша, Маркуца Сергей. Конец 1960-х (61).

В последний период перед отъездом из села я увлекся шахматами. Партнером по игре у меня был еще один мой друг детства Толя Невмержицкий, который и вытянул меня в другой мир, когда предложил мне после восьмого класса уехать учиться в другую школу – Львовскую школу-интернат в Херсонской области.

Потом было увлечение фотоделом. Изготовление фотографий отнимало уйму времени, в основном по ночам. Мой архив из негативов охватывает период где-то начиная от 1975 года и до момента, когда появилась цифровая фотография. Некоторые мои любительские снимки я использовал в своих воспоминаниях.

С Сергеем Маркуцей нас связывают не только общие воспоминания о детстве, но и в прямом смысле нас связала кровь.

Дело было летом у Сергея во дворе. Отец у него охотник, как и многие местные мужчины. Получить доступ к ружью и патронам для Сергея не составляло никакого труда. Нас было трое – я, Иван Бабенко и, конечно, Сергей. Как обычно все мы были очень заняты чем-то интересным. Я стоял в стороне, а Иван и Сергей из ружейного патрона извлекали не то дробь, не то порох для наших мальчишеских нужд. И вдруг у Сергея в

руках раздался взрыв. Страх, шок, кровь – все, что я запомнил в тот момент.

Случилось это накануне нового учебного года. Поэтому встретились мы все только в школе. Сергею чуть не оторвало большой палец правой руки, врачи его пришили, но ему пришлось переучиваться писать левой рукой. А я с Иваном лишь отделались легким испугом. Это еще одно подтверждение того, что все-таки есть Бог на свете.

Некоторые события и люди из нашего детства хорошо запомнились из-за их исключительности, потому что они определенным образом влияли на нашу размеренную жизнь.

Вот, к примеру, Славу Яковенко сильно покусал их же пес. На щеке у него была приличная рваная рана, на которую врачи наложили швы. Чтобы как-то скрасить его жизнь в период болезни, я много времени проводил вместе с ним, чтобы отвлечь его от печальных мыслей, возил его по двору и улице возле дома на маленькой самодельной тележке. Помню, что колесами у этой тележки были большие тракторные подшипники.

У моего деда Ивана Казакова дома была кузня. Иногда он пользовался молотком и наковальней для своих хозяйственных нужд. Он стучал молоточком по металлу, а мне было интересно подставить руку под молоток. Вот и подставил.

После уборки винограда в совхозе лозу раздавали людям для отопления вместо дров. Возле дома Строгановых находилась целая скирда из лозы. И мы, пацаны, там устроили турнир, кто выскочит на гору. Победитель стоял на вершине, а остальные снизу нападали. Меня так отбросили назад спиной, что у меня перехватило дыхание и я чуть не потерял сознание.

Однажды весной, когда кругом было половодье, со стороны Спартака прямо к нашему огороду прибился выводок диких свиней. Они двигались, как вездеход, по брюхо в грязи. Было немного страшновато на них смотреть, зная, какие это опасные

животные. Свиньи редко появлялись в наших краях.

Еще когда я был малышом, влез в небольшую деревянную бочку. Опустился в нее, присел, а выбраться из нее уже не смог. Отцу пришлось ее полностью разбирать на части, чтобы меня из нее вытянуть.

У брата Владимира было много подобных случаев, как говорят, на грани фола.

Однажды он прыгивал на землю с летнего сарая для свиней и неудачно приземлился. Неудачно – не то слово. Короче, он не успел спрятать за зубами язык и сильно его прикусил. Практически наполовину его откусил. Медицина, как всегда, пришла на помощь, наложили швы.

Второй случай у брата был, когда он вместо рыбы попался на рыбацкий крючок. Крючок глубоко вошел в палец, пришлось разрезать и вытаскивать.

Я лично во время наших игр возле сапетки (сушарки) за нашей конторой пробил себе руку гвоздем, когда на бегу хотел открыть деревянные ворота. Я не заметил, что из доски торчал гвоздь где-то на сантиметр над поверхностью. У меня было такое состояние, вроде бы оторвало целую руку. Весь в крови я бежал по селу прямо к нашему общему спасителю.

Догадываетесь, кто у нас был спасителем в селе? Верно, Резуник Виктор Хомич. Я его вспоминаю как очень хорошего фельдшера. Многих он подлатал вдали от Березнеговатской райбольницы.

Говорят, что у него была голубая мечта. И как ни странно, она сбылась. Догадываетесь, что за мечта? Верно, автомобиль небесного цвета. Вот только марки автомобиля я уже не помню.

Была в нашей семье еще одна чрезвычайная ситуация в хорошем смысле слова. Это когда моя двоюродная сестра Оля Бунова (Зорюкова) выходила замуж, она к тому времени уже жила в Николаеве. Росла Оля без родителей, пробивала себе свой жизненный путь сама.

Я был еще малолетним подростком, но хорошо запомнил, как моя мама и вся родня в селе по ночам гнали самогон, выпе-

кали хлеб и резали птицу на свадьбу. Днем они все были заняты на работе, а в те времена все было очень строго с трудовой дисциплиной, могли за прогул и наказать.

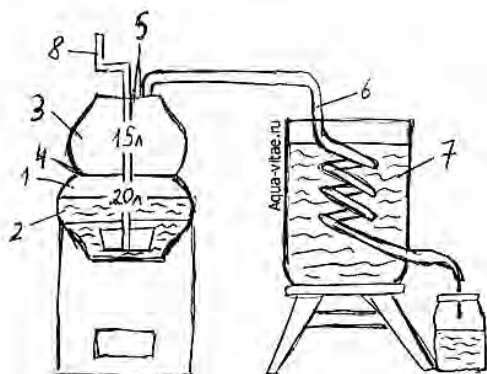

Свадьба (вечеринка) Оли Зорюковой и Феликса Бунова в Николаеве. Раньше свадьбы были посромнее, чем сейчас. На этом свадебном столе хлеб и все остальное от родственников из Новоалександровки. Рядом фотоснимок еще юной, но целеустремленной Оли».

Жили в нашем селе разные интересные люди.

Дядя Вася Федоров в селе был изобретателем. Помню варианты его самоходного шасси (мы его называли драндулетом), и трехколесные, и четырехколесные. Как детям, так и взрослым, было очень интересно покататься на этой чудо-технике. Во дворе у дяди Васи было огромное количество запчастей, узлов, агрегатов и всякого металлического лома.

Дед Замнивус (дядя Саша) шил нам летнюю обувь – балетки из парусины. Парусину доставали из старых комбайнов и сельхозмашин, у которых был транспортер из парусины. Он был хорошим мастером, но очень любил ее окаянную, точнее, любил выпить. Пили в селе многие. Может быть, из-за этого и село начало скорее вымирать. Самогонный аппарат был у многих, чуть ли не у каждого.

Так выглядел типичный в нашем селе самогонный аппарат, с помощью которого гнали самогон из сахарной свеклы, патоки, сахара, конфет и из чего только не гнали. Аппарат состоял:

- 1. Обычный чугунок. 2. Закваска в нем. 3. Второй чугунок (его нужно было перевернуть и поставить на первый). 4. Загерметизированное место соприкосновения (чаще всего герметизировали тестом либо высевами).*
- 5. Дырка в дне (один конец трубки-змеевика вставлялся именно в нее).*
- 6. Змеевик. 7. Охлаждающий сосуд (деревянная бочка либо бидон из-под молока). 8. Перемешивалка (или без нее).*

Такой аппарат можно было легко разобрать на отдельные части, и никакая милиция не могла доказать, что была такая «улика». Но разве иногда змеевик мог сдать «контору», его тяжело было спутать с запчастью к велосипеду или автомобилю.

Тетя Надя Шабовта шила многим одежду. Во время экспедиции в сентябре 2013 года я встретил тетю Надю у ее калитки. Она узнала меня, рассказала, что осталась в селе одна, есть только родня в Белоруссии. И доживать будет здесь. За ней присматривает по роду своей работы Наташа Маркуца, сестра Сергея Маркуцы. Хочу еще добавить, что тетя Надя одна из последних старожилов села, если не последняя.

Детство свое запомнил благодаря отдельным историям, о которых можно рассказывать без конца. Среди них, например, «шутка» соседа-изобретателя Васи Маркуцы.

Создал он систему электрозащиты (на малом токе) для своего сада от случайных визитеров. Работала она с помощью ветряка

и сети проводов по периметру ограждения. Я добровольно согласился испытать на себе работу этого «электропастуха». Все обошлось, но вспоминаю до сих пор, как и многое другое.

Был у нас в селе такой себе Ваня Кулик с женой Марусей. Жили они по соседству с семьей Старенко по нашему ряду. Каждый из нас по-разному к нему относился. Работал он на ферме «старшим куда пошлют». Он почти не ходил пешком, а ездил на своем знаменитом велосипеде с широким деревянным багажником. Летом он был всегда босым, в широких штанах и завязанным на голове платком на четыре узелка от жары.

Когда его кто-то останавливал, он вежливо отвечал на все вопросы, а после осмотра колес от колочек (он всегда при остановке осматривал руками каждый сантиметр своих шин) медленно двигался дальше. Иногда Ване доставалась свежая кость после разделки забитой коровы. С аппетитом у Вани было все нормально, поэтому Маруся ему готовила в чуть больших емкостях, чем обычно.

Все было бы ничего, если бы по вечерам наша старшая молодежь после закрытия клуба не приходила к дому Вани и Маруси и не устраивала такие себе развлечения на свежем воздухе.

Например, брали картофелину, прицепляли к нитке, нитку шпилькой прикалывали к раме Ваниного окна, а еще одну нитку протягивали на противоположную сторону улицы. Потом тянули за нитку так, чтобы постучать в окно. Ваня выходил на стук весь в белом (в кальсонах) – никого нет. И так несколько раз подряд. Пока он не приходил в ярость. После этого надо всем было сматываться, потому что у Вани в руках был топор, а это уже не шутка.

Так в свое время «подставили» новопавловских парней на велосипедах, которые приехали на свидание к нашим девочкам. Они уже ехали домой и остановились перекурить как раз недалеко от Ваниного дома. Но процесс был уже запущен и никто не мог все это остановить. Короче говоря, Ваня, вооруженный не то палкой, не то топором так их напугал, что им уже было не до перекура.

Я был тогда в курсе всех уличных событий, благодаря тому, что брат Владимир позволял мне крутиться-вертеться вокруг него и его взрослых друзей. Брат был добрым и справедливым по отношению ко всем, он постоянно защищал от случайных непредвиденных обстоятельств не только меня, но и других. За это его друзья уважали, а девчонки просто любили (платонической любовью).

Почти у каждого из парней было свое уличное прозвище. Брата в разные времена называли Геркулес, Рыжий, Ясь. Меня мои сверстники называли Геркулесом Маленьким (чтобы было не так страшно), позже Макариком (это связано с историей о пчеловоде Макаре, что на родине отца, у которого была огромная пасека, а у нас дома было всего-то лишь два-три улья).

«Кулачные бои» между сторонами проходили уже после закрытия клуба прямо посреди улицы. Одно такое «сражение» состоялось прямо напротив нашего дома. Утром, часов в шесть, коров выгоняли в череду, и все соседи увидели на дороге целую гору штахетных планок, временно одолженных у соседки по клубу Рявкиной Веры. Там же было и наше знаменитое коромысло из акации, место хранения которого было справа над окном при входе в дом.

А в это время сама Вера прохаживалась вдоль своего забора, громко причитала и считала недостающие штахетины. Когда же соседи ей возвращали собранные на улице планки, Вера постепенно приходила в себя. К слову, такую «процедуру» с забором Веры Рявкиной парни проделывали не раз, так как «оружие массовой защиты» всегда было под рукой.

За домом, где мы жили, находился засыпанный мусором бассейн для питьевой воды. Его соорудила еще когда-то семья колониста. Но потом его засыпали, после того как немцы ушли на Запад. Моему брату Владимиру было интересно узнать секрет

этого бассейна, поэтому он потихоньку начал его чистить.

Я помню, что он вычистил его на глубину где-то чуть больше, чем ему по пояс. Единственное что я видел, так это то, что стены бассейна были обложены добротным кирпичом, из которого строились все немецкие дома в округе. Как только из земли начали вытаскивать всякие металлические предметы, наша соседка Галактионова Ольга Семеновна запротестовала против раскопок. Работы были прекращены, но желание раскрыть секрет этого объекта осталось у меня до сих пор.

В этом бассейне немецкая семья когда-то хранила привозную питьевую воду, потому что вода из колодца, который находился на южной половине двора, не отвечала нормальным вкусовым качествам. Не исключено, что внутри этого бассейна, засыпанного мусором, до сих пор хранится тайна о первых обитателях умирающей сегодня колонии Александерфельд.

Много других доселе неведомых нам секретов ушло и еще уйдет вместе с теми, кто уходит от нас навсегда. Поэтому надо спешить запечатлеть каждый миг и каждое событие, пока еще наша память жива и пока любовь к родной земле не иссякла по той или иной причине.

Мне о своем детстве вспоминается больше радостного, чем печального. Так, видимо, устроен сам человек. Но одну печальную историю я все же не могу не рассказать.

После нескольких лет мучений с паховой грыжей отец нашел возможность «подлатать» одну сторону. У него была двухсторонняя грыжа (если не сделать операцию, при нагрузке начинают вываливаться кишки). Через некоторое время должен был делать еще одну операцию.

Сестра жила отдельно на 5-м отделении совхоза «Реконструкция». У нее была своя семья, но они часто навещались к нам в гости, так как зять Владимир работал на молоковозе, и у него была возможность заскочить вместе с семьей к нам на часок-другой.

Середина 1970-х. На фото (слева направо): мать, зять Владимир, племянница Оксана, отец, сестра Валентина. Я в это время делаю фотосъемку. Зять работал на молоковозе в совхозе «Реконструкция» и они с сестрой часто приезжали к нам в гости, иногда привозили нам «левый»обрат для свиней.

Я и Алексей (внук Криворученко Ивана и Елены) на том же месте. Август 2008-го.

Мой брат Владимир после армии пошел учиться в Кривой Рог на связиста в техникуме, одновременно и работал. Я был в

десятом классе, оканчивал Львовскую школу-интернат в Херсонской области. Мне казалось, что все, что было в жизни худшего, уже позади, и мы наконец-то вырвались из территории безденежья и бездорожья. Судьба же распорядилась совсем иначе.

Все началось с того, что где-то на октябрьские праздники 1975 года брат Владимир из Кривого Рога добирался автобусом домой через Кочубеевку. Точнее, там была конечная остановка, и он вышел. Дальше домой надо было добираться попутным транспортом или пешком. Печальные события развивались стремительно и, может быть, не так, как я их описываю.

Перед отправлением домой брат зашел в местное кафе (громко сказано) то ли за сигаретами, то ли выпить пива на дорожку. Как всегда, в таких людных местах в последний момент попадаются «заводилы», которые попросят у тебя закурить, а если ты «залетный» (чужой), то легко можешь схлопотать по физиономии, если вдруг покажешь слабинку. Но брат был не из тех, кого часто бивали. В точности все наоборот.

Здесь мы с братом буквально накануне событий осени 1975 года.

Не знаю, как там было дальше в кафе и после него, но брат

явился домой с разукрашенной физиономией. Другим не нужно было много объяснять. Кто виноват, и что делать, определились и в тот же день все дружно прибыли в Кочубеевку и зашли в то же самое кафе (громко сказано).

Дальше приблизительно было так. Летали столы и стулья, летали постоянные и случайные посетители. Среди случайных оказался мент (участковый милиционер), который также начал летать вместе со своим мотоциклом. Последнее и стало проблемой, ведь человек при исполнении. Проблема не в том, что кому-то намяли бока, а в том, что просто не было денег откупиться.

Открыли дело. Всех тягали на допросы – расспросы. Брат не трус, но он посчитал, что он прав. Он бросил работу и учебу и уехал в Симферополь подальше от этих мест, потому как знал, что жизни ему здесь не будет. С ментами это не проходит.

Прошел год с небольшим. Не мог он не приехать к родителям и друзьям, которые за него постоянно волновались. Это было, кажется, на мартовские праздники. Его по наводке уже ждала опергруппа.

Был суд, были свидетели. А были еще родные и близкие, которые мало что понимали в том, что творится. Я в тот момент не присутствовал, так как находился в Одессе на учебе. Только годы спустя я начинаю понимать тогдашнее состояние – родителей, брата и всех остальных, кто был на его стороне.

Ему дали три года. Наверное, за групповое хулиганство и рукоприкладство по отношению к мундиру при исполнении. Я не оправдываю насилия, но я за справедливость в принципе и справедливый суд в частности.

Родители тяжело перенесли всю эту ситуацию, особенно отец. В октябре 1977-го он умирает от инфаркта. Это случилось, когда он вместе со своим верным другом псом Шариком собирался заступить в ночную смену на охрану тракторной бригады, но не успел. Упал прямо посреди двора. Свои последние часы он провел в Березнеговатской больнице. С ним вместе все это время находилась его родная сестра тетя Зина.

Похороны отца. Крест несет тот самый Ваня Кулик.

На похороны отца брата не отпустили. В Збурьевскую колонию за Херсоном, где он в то время находился, из дому была направлена телеграмма с понятным всем текстом: «Умер отец». Не отпустили. Потому что телеграмму нужно было заверить главным врачом больницы. Но мы этого не знали и время было упущено.

Только теперь я понимаю, каково было брату на зоне все этих три года. Через год его перевели на «химию» (вольное поселение) в город Джамбул. Изредка брат писал письма о своем житье-бытье. Он говорил, что не хочет возвращаться в наши края после того, что произошло.

Встретились мы с братом в Одессе после трехлетней разлуки. У меня завершалась учеба, а у него закончился срок отбывания наказания. Так мы вместе и приехали к матери. Но только это были уже не тот дом и не то село, которому я посвятил все свои воспоминания.

*Джамбульская «ссылка». Брат (сидит крайний справа) подписал:
«Это костяк нашей бригады».*

Никто из нашей семьи, осиротевшей без отца, не смог больше оставаться жить в Новоалександровке после того, что случилось. Мы все временно перебрались на 5-е отделение совхоза «Реконструкция» поближе к сестре Валентине. Хоть и остался на родине большой дом с летней кухней, захотелось свободы. Свободы от безденежья, бездорожья и несправедливости.

Поселились мы все втроем – мать, брат и я – в избушке «на курьих ножках» на самой окраине села Червоный Яр (5-е отделение совхоза «Реконструкция») в 10 км от райцентра Березнеговатое.

Брату было тяжело от безысходности, он не находил себе места. Он снова рвался назад в Джамбул («Там тепло, там верблюды»). Иногда ночами он плакал. Мужчины тоже иногда плачут, но, наверное, это происходит по ночам, когда слез никто не видит.

Наступила весна 1981-го. Брату все-таки захотелось домой, потянуло к отцу. И мы пошли к нему. Пошли вдвоем, пошли пешком по лесополосам и полям, засеянным озимой пшеницей. Прошли расстояние, наверное, километров тридцать туда и на-

зад.

Таким вот способом мы исполнили свой ритуал прощания с родиной, ритуал прощания с нашим прошлым. А впереди уже нас ждала совсем иная жизнь, и это совсем другая история.

У меня такое ощущение, что мне тяжело завершить свои воспоминания какой-нибудь одной простой фразой. Написать последнюю фразу и поставить точку. Как будто что-то неведомое меня держит в моем прошлом, нашем с вами удивительном прошлом. Мы даже не представляем, каким оно было прекрасным наше детство, невзирая на все тяготы тех времен.

Когда формировались тексты «Воспоминаний», в отдельные минуты я ловил себя на мысли о том, что разговариваю со всеми, кого перебираю в памяти.

В голову приходят все новые и новые мысли-воспоминания, особенно когда просматриваешь старые фотографии со знакомыми лицами на них. Фотографий много, поэтому только часть из них я размещаю, чтобы еще раз пройтись взглядом по этим солнечным лицам. И от одной мысли о том, что все это было когда-то со всеми нами, мы с вами, возможно, станем немножечко счастливее.

От места под символическим названием «ПОВОРОТ НА СПАРТАК» идет отсчет нашей другой жизни, отличной от той, которая была прежде. Разошлись наши пути-дорожки на Юг и Север, Запад и Восток. Мы стремительно росли вверх и быстро двигались вперед, работая коленями и локтями, но очень редко оглядывались назад, вспоминая свое прошлое.

Иногда по ночам выходя на балкон где-нибудь в насквозь промерзлом Удачном, либо в шумном и жарком Черноморске или в не совсем зеленом Зеленодольске, мы всматриваемся в это бесконечное звездное небо над головой и ловим себя на мысли, что где-то там вддали, где мы делали свои первые в жизни шаги, небо было таким же бесконечным, и так же ярко све-

тили звезды.

Мы смотрим на звезды, а в ответ – только грустное молчание.

Мы принимаем их приглашение.

Мы возвращаемся домой.

*Родного дома стены,
Как осколки в теле,
Испуганно торчат.
И днем и ночью здесь
Родные ходят тени,
Безропотно молчат.*

*Молчит звезда, – горит,
Молчат закаты странно,
Бурлит чужая жизнь.
Полынь-трава пьянит,
Души лаская раны,
Кольшется во ржи.*

*Родившись, новый день
Исчезнет тихой болью,
Прощаясь холодком.
Мы в прошлое бредем,
Родной услышав голос,
Сквозь вечность и покой.
Вечность и покой...*

ИСТОРИЯ СЕЛА НОВОАЛЕКСАНДРОВКА (воспоминания старожилов и не только)

*Записано учеником 11-го класса
Озеровской ЗОШ I-III ст.
Сердюком Сергеем Виталиевичем,
2005-2006 учебный год.

(Даты и события, изложенные в интерпретации
старожилов, могут не совпадать с подлинными.)

*Родина – это место, где стоит родительский дом, в котором ты родился и вырос, где произнес первое слово, где находится школа, куда каждый день ходил за знаниями.

Все это – незабываемое. Человек всегда должен помнить, откуда он родом, где его корни, глубоко знать историю своего края.

Украина. Родная сторона. Сколько нежных слов придумали люди, чтобы выразить свою горячую любовь к месту, где они родились и жили.

По историческим сведениям наше село Новоалександровка было основано в конце XIX века как хутор при Александровке. Отсюда походит и его название.

Вот что вспоминают старожилы нашего села

*Кравченко Евдокия Софроновна
(07.04.1907-29.01.1999)

1867 год. Царица Екатерина II выслала в наше село немцев-колонистов. У нас очень плодородная почва, и поэтому она хотела заселить эти земли. Вот так образовалось село «Первый номер» (первое народное название деревни).

Хозяином нашего села был немец Вибе Яков Иванович. Он был хорошим хозяином. В каждом доме было радио (в 1930-х годах), поэтому все распоряжения передавались по нему, а также

по громкоговорителях, которые были на улицах.

Немцы очень любили блюда украинской кухни. На праздники они просили украинцев готовить национальные блюда: борщ, вареники. А на ужин колонисты готовили себе кофе.

Немцы очень уважали украинцев, они никогда не обижали их, жили с ними дружно.

А какие порядки были на улицах нашего села! Ни одного сорняка не увидишь. У домов рос спорыш. Каждому хозяину давали распоряжение, чтобы к началу работы убрал во дворе и на улице.

1937 год. Начались репрессии. Хозяина Вибе Якова Ивановича вместе с тремя его братьями репрессировали.

1941 год. Началась война. Хозяйничать в нашем селе начал староста. Украинских людей выселили в село Кущиновку возле Владимировки. Выселенным не позволяли брать свое хозяйство, но немцы-колонисты проявили чуткость и дали подводы с лошадьми, немного имущества.

1943 год. Немцам-колонистам военная администрация приказала переселяться в Германию.

14 марта 1944-го наше село освободили от захватчиков, а в 1945 году Сталин позволил вернуться нам в свои дома.

После войны в нашем селе жили люди разных национальностей: поляки, немцы, украинцы, россияне. Все жили в дружбе и согласии. Создали колхоз имени Тухачевского, а затем он получил название – имени Карла Маркса.

Колхоз был миллионером, занимался выращиванием шелкопрядов. Контора находилась в селе Озеровка.

В апреле 1960 был создан совхоз имени Жданова с центром в селе Сергеевка. В нашем селе была большая мельница, рядом – маслобойня. Был большой клуб, сначала старый, а затем в 1967 году новый, возле которого всегда было весело илюдно.

В селе также был детский сад, в котором долгое время работали Бондаренко Татьяна, Костенко Галина, Зорюкова Мария, которых дети очень любили и уважали.

***Маркуца Лукерья Ивановна.**

«Приехала я в село Новоалександровка 13-летней девочкой. Здесь познакомилась со своим мужем Маркуцей Иваном Филипповичем. Вырастили сына и дочь – Васю и Надю.

Село было большое, красивое, у каждого двора росли цветы. За деревней находился большой сад, виноградник, малинник.

Руководителями совхоза имени Жданова были Малеваный Иван Николаевич, а затем Якименко Александр Иосифович.

Это были хорошие руководители. Всегда интересовались делами людей. Победителям соцсоревнования вручали грамоты, премии, ценные подарки.

Добросовестно работал трактористом Супрун Владимир Афанасьевич, дояркой Кравченко Вера Владимировна. А мой муж был одним из первых трактористов совхоза, его портрет висел на доске почета.

После тяжелого трудового дня мы веселились и отдыхали в клубе. Возле него стоял памятник погибшим воинам, который потом перенесли в село Озеровка».

Семья Маркуцы Ивана Филипповича и Лукерьи Ивановны и их дети Вася и Надя в разные годы. На первых двух фотографиях просматривается часть дома, в котором я родился, наш палисадник, и панорама главной улицы села в сторону Озеровки.

***Кожанова Наталья Яковлевна**

Вспоминает, как она семнадцатилетней девушкой из Донбасса – Ольгинского района Сталинской области – целый месяц на лошадах возвращалась в родные места.

Село только что освободили от захватчиков. Много домов было разрушено. Во время войны земли были заброшены.

Март 1944 года. Не хватало пригодных для работы простейших земледельческих орудий, тягловой силы. В плуг приходилось запрягать коров, волов. Женщины были основной рабочей силой в сельском хозяйстве.

В апреле 1944 года был организован колхоз имени Карла Маркса. Первым руководителем колхоза в послевоенный период был председатель по фамилии Загребайло.

Работы на поле выполняли с раннего утра и до позднего вечера, а оплата труда была мизерной, так называемыми трудоднями. Работали тяжело, на трудодень давали по 200 граммов хлеба.

Люди питались плохо, одевались также не лучшим образом. В селе не хватало рабочих рук. Дороги были в запущенном состоянии. Зерно приходилось возить подводами на станцию Белая Криница. В селе работал только свинарник и птичник.

***Логвинова Александра Александровна**

Недаром говорят, что земля славится хлебом, а человек трудом. Много славных людей жило в нашем селе. Одна из них доярка-передовик Логвинова Александра (Шура).

Она вспоминала: «В нашем селе люди добрые, искренние, трудолюбивые. Да и руководство тогдашнего совхоза имени Жданова ценило их нелегкий труд.

Хотя зарплата доярок была и невысокая, но мы работали охотно. Проводились соцсоревнования, определялись победители. А на праздники руководство совхоза приезжало на ферму, поздравляло, вручало подарки. Мне как победителю соцсо-

ревнования однажды подарили газовую плиту, в последующие годы – часы, скатерть.

А после работы собирались в клубе. Там пели, танцевали, шутили. В нашем селе было два гармониста, поэтому мы, как говорится, и хорошо работали, а также хорошо отдыхали».

Сердце матери

Вера Кучерявенко-Гладковская,
дочь Кучеравенко (Гринь) Ольги Федоровны
с/мт. Березанка
(из письма в газету «Родное Прибужье» за 19.08.2008)

«Немало времени утекло с тех пор (1960-70-е годы), когда мы, как птенцы, поочередно покидали родное гнездышко, улетающая строить свою жизнь и помня наставления родителей. А в родном доме продолжали оставаться отец и мать.

Я хочу отметить, что наше село имеет интересную историю – относится к немецким колониям. Это одно из первых поселений, куда царица Екатерина II переселила из Голландии немцев – трудолюбивых, мирных колонистов.

Село имело свою культуру, к тому же на высоком уровне: лесопарки, спортивные площадки, даже бассейн. Родителей и их детей, которые хорошо учились, поощряли катанием на самолетах сельскохозяйственного назначения.

Среди немецкого населения в с. Новоалександровка (или «Первый номер», как его называли местные) проживало всего три (?) семьи «русских», в том числе и большое семейство (12 душ детей, мама была вторым ребенком) моих бабушки и дедушки.

Там, в родном селе, моя мама, Гринь Ольга Федоровна, после войны встретила и вышла замуж за моего отца, Кучерявенко Алексея Викторовича, с которым и прожили вместе 55 лет. Самоотверженно и тяжело они работали все время в интересах совхоза и села, воспитывая нас в строгости.

Папа – участник войны, мама тоже. Во время оккупации они

пережили тяжелые годы испытаний. Маме пришлось работать в подполье, в тылу врага, переводчиком у немецкого коменданта.

Еще в детстве, помню, сколько разных людей приезжало к нам домой благодарить маму за посильную помощь, которую она им оказывала. К тому времени, в первые годы войны, всю семью переселили в с. Сергеевка. И не так просто было фальсифицировать немецкие документы, информировать «своих» и выручать земляков от эшапа в Германию.

Наша мама и до сих пор настроена патриотически. Вот уже 7 лет как не стало отца, а мама не хочет покидать своих родных мест. Там жили ее родители, все родственники, там они все похоронены. Мама на данный момент самый старый житель с. Новоалександровка, можно сказать, абориген. Жаль, что само село в упадке. Особенно прибавляет жителям хлопот бездорожье, даже магазина нет.

Кстати, каждый год к маме приезжают гости из Германии, Америки, Канады. Они общаются, выражают большую благодарность за то, что мама, зная их родителей, дедушек, бабушек, родных, рассказывает о них молодому поколению, при этом еще сравнительно хорошо владея немецким языком.

Гости с большим уважением относятся к нашему краю, к его истории, считают эти места священными, целуют землю и забирают с собой исторические материалы, как реликвию, чтобы сохранить для будущих поколений».

Последнее интервью Кучерявенко (Гринь) Ольги Федоровны (из видеовоспоминания, записанного Сакарой Ю. К. осенью 2011 г.)

«Родилась я в 1922 году. Хорошо помню, как здесь, в Александровке, еще немцы-колонисты жили, голодомор помню.

В школу ходила уже в селе потом в Озеровке училась. Здесь в школе я училась как переросток, потому что сами мы были из Великой Александровки. Мои родители там и родились, я тоже

там зарегистрирована.

Во времена голода нам тяжело было. И тогда мы переехали в 1933 году сюда. Милиция заставила отца, чтобы дети ходили в школу. Русская школа была в Новопавловке, и чтобы в ней учиться, нам необходимо было на шестерых снимать квартиру. Поэтому нам пришлось учиться в Александровке в немецкой школе.

Я проучилась один год (четвертый класс) в Александровке на немецком языке, а пятый класс уже в Озеровке, позже пришел приказ проводить обучение на русском языке. Мне пришлось снова догонять первые классы русской школы, чтобы научиться русской азбуке.

Потом началась война. Отца забрали на фронт. Я снова начала ходить в Озеровскую школу. Моя мать стала верующей и прихожанкой местной церкви. Мы остались жить среди коренного немецкого населения.

В Александровке в здании школы (?) до революции была церковь (молитвенный дом) и уже только позже начальная школа. В Озеровке тоже было две школы – низкая (начальная) и высокая (средняя). В отдельном здании на территории школы находился дом для учителей и разные хозяйственные постройки для нужд школы.

Во время войны господь нас сохранил, а мне выпала судьба работать переводчиком при немецкой комендатуре у руководителя сельскохозяйственного отдела господина Штицфунклейтера (?) в Сергеевке. Этот отдел занимался заготовкой и отправкой продовольствия для нужд Германии.

Меня принудительно заставили работать переводчиком, потому что нашу семью, как и другие русские семьи, выселили из немецкой колонии, а надо было как-то зарабатывать на жизнь. Это случилось в 1942 году, когда уже нам разрешили поселиться в ближайшем русском селе Сергеевка.

Сначала нам негде было жить, и мы разместились в неотапливаемой школе. Был февраль – зима, вьюга. Так промучились два холодных месяца, пока нам не выделили квартиру. Там

наша семья прожила до прихода советских войск.

В октябре 1943 года вместе с отступлением немецких войск ушло на запад и местное немецкое население. Комендант вместе с обслугой начал эвакуацию где-то в первых числах марта 1944 года. Я находилась на одной из девяти бричек и по приказу коменданта под страхом расстрела должна была также эвакуироваться вместе с ними. На этих повозках было все от меда до ценностей из местных складов и магазинов. За мной постоянно следовали два немецких охранника по указанию коменданта.

И вот, когда стемнело, наша повозка по воле случая оказалась в конце колонны. Мои два охранника были из верующих, и поэтому они предложили мне бежать, зная, какая опасность может меня ожидать впереди. Я воспользовалась случаем и спряталась сначала в камышах, потом переждала облаву коменданта в каком-то сарае. Когда облава закончилась, я перебралась в подвал дома и там дождалась прихода советских войск.

Наша семья снова возвратилась в Александровку. В результате военных действий наш старый дом практически был разрушен. Учитывая, что мама имела звание «Мать-героиня», финотдел нам выделил место в пустом немецком доме. А отца за то, что попал в немецкий плен, мобилизовали в трудовую армию, как и многих других наших земляков, на восстановление народного хозяйства».

На фото слева: Кучерявенко (Гринь) Ольга Федоровна. Стоп-кадр последнего видео-интервью. На фото справа: Кучерявенко Николай (справа) – сын Ольги Федоровны вместе с другом детства Криворученко Виктором, моим двоюродным братом.

Незабываемые мгновения встречи.
(из письма Нели Шаповаловой в газету «Народная
трибуна» от 21 мая 2009 года)

«Цветущий май позвал нас, выпускников 1977 года Озеровской средней школы, в родные стены.

Встреча с детством, со школьными годами, с юностью, с первой любовью – это волнующие и приятные воспоминания о школе, учителях, одноклассниках, друзьях.

Тридцать два года прошло с того момента, когда разлетелись мы в круговороте самостоятельной жизни, разбрелись разными дорогами, но всех нас и сейчас объединяет одно – маленький огонек любви ко всему близкому, родному, святому: дому, селу, школе. Возможно, радостная печаль о том, что уже никогда не возвратится, и в то же время долгожданная мечта болью в сердце отозвалась как огонек надежды на новой встрече, когда мы снова переступили порог родной школы спустя много лет.

Ласковой материнской улыбкой, с любовью и теплом в глазах встретила нас на школьном дворе директор Бронислава Матвеевна Митрофанова. А старый друг – школьный звонок – серебристым голосом в торжественной тишине пригласил всех нас пройти по молчаливым школьным коридорам и заглянуть в каждый класс, в далекие детство и юность.

Переключкой начался необыкновенный наш урок, урок светлых воспоминаний и жизненного испытания. На уроке присутствовали восемь учеников из тринадцати по списку. Каждый отчитался перед своими учителями Брониславой Матвеевной Митрофановой и Людмилой Федоровной Пяленко о том, сбылись ли мечты, с каким жизненным багажом пришли на встречу. А за плечами у всех много прожитого и пережитого, пронесенного и перенесенного, увиденного и услышанного, достигнутого и потерянного.

Например, у Юрия Кожанова – тернистый путь Афганистана, горький дым Чернобыля, сегодняшние трудовые будни. Василий Попович проделал путь от водителя до инженера. Анатолий Бабенко, Stanisлав Попович, Александр Нагаев связали свою жизнь

с техникой, стали водителями, Валентина Стройко освоила рабочую профессию, Лариса Недбайло и Неля Шаповалова работают на образовательном поприще. У каждого из них своя жизненная дорога, свои взлеты и падения, достижения, успехи, своя судьба.

Из вершины 32-летия мы возвратились в свое прошлое, вспомнили школьные будни на уроках, во время перемен, внеклассные события, выразили свою благодарность учителям за любовь и ласку, за тяжелый творческий труд, за поддержку и житейскую науку, за все доброе и вечное, что бескорыстно отдавали своим воспитанникам. Минутой молчания почтили память учителей и учеников, которых уже нет среди нас, положили цветы на их могилы.

Воспоминания о детстве и юности, беззаботной и ответственной, о самых счастливых самых лучших годах нашей жизни сопровождались активными беседами и песнями.

Философы утверждают, что каждая встреча с друзьями дарит радость общения. Эта встреча с одноклассниками подарила нам не только минуты радости, но и целую чашу удовлетворения, эмоций, впечатлений и волнений. И все это останется с нами на всю жизнь. Незабываемая мелодия школьного звонка будет сопровождать нас на протяжении всей жизни. И пусть эта мелодия всегда звучит золотой симфонией в наших сердцах, как звуки из нашего детства и юности, куда невозможно так просто снова возвратиться.

Уходят года, вишневым и калиновым цветом проносятся весны, багряным листопадом осыпаются осени, плетя паутинку бабьего лета, многое губится в глубинах человеческой памяти, но никогда не исчезнут слова благодарности в адрес родной школы.

*Ты стоишь, альма-матер,
Между старых домов,
Незаметна чужим,
Мне родная всегда.
Я иду, где зовут.
Мир и тесен, и смел,
Но тебя никогда
Я забыть не посмел».*

Воспоминания Веры Брезгун (из личной переписки)

«Спасибо за ответ. У меня брат Коля погиб трагически на работе в Комсомольске-на-Амуре. Дети ездят в гости. А Леня со мной рядом, в Марганце. Валечке большой привет, если есть возможность, пусть напишет. А д. Миша и т. Клава (Шкуропаты) старше моих родителей, так что вряд ли они живы, хотя у Нади Маркуцы отцу – 91, он с ней живет на Белой Кринице. Если о ком-то еще знаете, напишите. Всех благ.

У меня два брата – Леня и Коля. Они есть у меня на фото с родителями. А в наших краях жили же колонисты. В тот дом, где я жила в детстве (он был немецкой постройки), помню, приезжала какая-то делегация. И дядечка-немец вспоминал свое детство, нашел на двери отметину своего роста, когда они там жили, и что-то бормотал по-немецки. Это воспоминания из детства. Я не могу найти Лиду Шаманскую, Любу Орехову и Камлык Олю. Лида из Озеровки (2-й номер), а Люба с Олей из Зеленого Гая. Вдруг что-то прояснится.

А наши родители какие-то далекие родственники, через б. Лиду (забыла ее фамилию). Она одна жила в первом номере, одна старшая дочь ее жила в Волгограде (Лиля где-то 1937 г.р., а меньшая т. Зоя на год-два моложе). Это мои троюродные тети по маме. Так вот б. Лида была вашим родителям родня, я помню, т. Зоя рассказывала про семью Казаковых, но их тоже нет в живых.

Шкуропаты через моей мамы бабушку тоже были родней, какой – не помню. По-моему д. Миша...

Да, Игрёвская баба Лида, точно. У т. Зои одна дочь – Елена Добровольская, т.к. ее отец Анатолий был сводным братом по моей бабушке моей маме, и Лена мне двоюродная сестра. У нее две дочери – Алла замужем, есть девочка, т.е. Ленина внучка и меньшая Оля тоже в Киеве, не замужем, это тебе троюродные племянницы. А у б. Лиды еще был сын ВАСЕНЬКА, она его так называла, он был военным летчиком, всегда к ней в форме приезжал, жил в Москве. Вот у него были сын и дочь. А у т. Лили двое девчат, я знаю, они приезжали, и мы ездили с мамой к ним. Надо у Лены спросить точнее. Лена с мужем живут в Зеленодольске, там где Надя Евдокимова. Так что мы с двух сторон родня, хоть и дальняя.

А еще у меня есть двоюродная сестра – Галаган Валентина Анатольевна. Ее мать Ольга была замужем, и еще в детстве ее родители развелись. Она воспитывалась с мамой и бабушкой, 1954 г.р., училась в Озеровской школе. Ее мама – родная сестра моему отцу. То я знаю, что она общалась с тетей Галаган, но с какой, не помню. А по линии моего отца у меня троюродные сестры – Валя и Неля Шаповаловы. Ты их должен помнить, они моложе меня. Так что если собраться всем месте, то много корней сплести можно».

Баба Лида Игревская, дочь Лиля и внучка Наташа (фото слева). Село Новоалександровка. Фотография середины 1950-х годов (фото справа).

В среднем ряду сидят две бабушки – баба Марфа (Казакова) с внуком Васей Галаган. Возле нее по левую руку (в черном) баба Лида (Игревская). Слева от бабы Лиды мои родители с братом Владимиром на руках. Справа от бабы Марфы семья дяди Миши и тети Мариш Казаковых с дочерью Светланой (на руках) и сыном Виктором. В верхнем ряду (слева направо) тетья Вера Яковенко, ВАСЕНЬКА и Зоя (дети бабы Лиды), тетья Зина Галаган. В нижнем ряду (слева направо) (?), Аня и Валя Галаган, моя сестра Валентина.

Воспоминания Галаган Зинаиды Ивановны. (из личной переписки)

В своем письме тете Зине от 13 января 2010 г. меня интересовали вопросы, которые я кратко сформулировал в виде анкеты:

Вопрос: каким было детство моего отца, какую школу он закончил?

Ответ: обыкновенное детство, школа 7 классов, хорошая учеба в деревне Карытня-2 на родине отца в Смоленской области.

Вопрос: какими были мотивы и обстоятельства переезда семьи деда в Украину?

Ответ: желание тепла, сытости, лучшей жизни.

Вопрос: где и как жила семья после переезда в Украину?

Ответ: в Великой Александровке с 1940 по 1945 годы, в 1945-м переехали в Новоалександровку. В В. Александровке жили во временном жилище вблизи церкви.

Вопрос: как семья деда очутилась в Новоалександровке?

Ответ: отсутствие жилья в В.Александровке для многодетной семьи, а в Новоалександровке были свободными дома колонистов.

Вопрос: как жила семья во время немецкой оккупации?

Ответ (в моей интерпретации): дед Иван и тетя Зина были увезены на работу в Германию в город Эссен, отец был на фронте, а бабушка Марфа прятала в земле некоторые документы отца и другие документы от немцев. Остальные дети по малолетству жили с бабушкой и тяжело работали.

Вопрос: помнит ли деда и бабу по линии матери Зорюковых Ивана Ивановича и Пелагею Яковлевну?

Ответ (в моей интерпретации): с дедом и бабушкой по линии матери не успели познакомиться, так как те умерли чуть раньше, чем они переехали в Новоалександровку. Семья Зорюковых (мамина семья) жила во времена оккупации в Новопавловке также вблизи церкви. Дед Иван присматривал за лошадьми немцев и полицаев. Однажды ночью лошадей угнали неизвестные (возможно партизаны), а дед их недоглядел. За это деда Ивана тяжело избили полицаи-калмыки (так рассказывала тетя Мария Зорюкова), и от побоев он вскоре скончался. Бабушка Пелагея, жена деда Ивана, прожила недолго и тоже скончалась, оставив детей круглыми сиротами.

Вопрос: с целью прокомментировать переслал карту-схему расположения домов колонистов по версии Вальтера Эппа.

Ответ: получил карту-схему расположения домов в послевоенный период по версии т. Зины (см. ниже).

*Примечания к карте-схеме.

1. Первый ряд №№1-36 (1 – новопавловское направление, 36 – озеровское направление): в схему не поместились дома семей Гениуш, Добровольского, Кирюхина, Криворученко, Черныш, Федорова, Лысого в сторону Озеровки.

2. Второй ряд №№37-72: в схему не поместились мельница и маслобойка в сторону Озеровки.

3. Третий ряд №№73-106: в схему не поместились дома семей Маркуцы Павла, Кравченко, Андреева, Федчунова, Бондаренко, Сердюк (эти дома были расположены перпендикулярно направлению первых трех рядов от фермы к мельнице) в сторону Озеровки.

4. Ферма находилась за селом в левом верхнем углу за домом Маркуцы Павла, кладбище и за ним новая тракторная бригада находились вверх по схеме слева от дороги за домом семьи Гусарова Егора.

5. В связи с частыми переездами жителей села возможны некоторые неточности при определении мест их проживания. У каждого из нас есть возможность исправить ошибки, допущенные при создании карты-схемы.

Часть фотографий послевоенного периода, размещенных в этом исследовании, сделаны моим дядей Галаганом Иваном Михайловичем. Любые события в нашей сельской жизни не обходились без его участия – школа, семейные фото, незабываемые мгновения детства – это все дело его рук и глаз как профессионального фотографа. На этих фотографиях запечатлены он сам, члены его семьи и многочисленная родня, приезжавшая в летний период на побывку.

Не забыть нам любимые лица (Фотовоспоминания)

Все, о чем не сказано словами, нам расскажут старые семейные фотографии. Их, поблеклых и пожелтевших от времени, полно у каждого из нас.

Как часто их достаем из своего домашнего архива, знаем только мы с вами. Они наша память, наша боль и наше душевное спокойствие. Как молоды мы были...

МУЗЕЙ НА ДОМУ

(Заметка автора)

Наше знакомство с Сакарой Юрием произошло случайно через общих знакомых несколько лет тому назад. Я специально приехал в Кочубеевку, чтобы взглянуть на этого удивительного человека и его не менее удивительный музей на дому.

По его рассказам, собирать экспонаты Юрий начал давно, еще в далекие 1960-е. Сначала это были просто любительские коллекции. Но потом их количество настолько превзошло всякие ожидания, что пришлось для их хранения выделить специальный ангар.

В коллекции можно увидеть не только старые советские телевизоры и радиоприемники, но и вещи, изготовленные руками немецких колонистов. Здесь можно найти детскую подвесную люльку, весы и гири всяких мастей, хозяйственный инвентарь и приспособления для машин и механизмов. Особенно меня поразила значительная коллекция молотильных камней, которые и сегодня еще можно найти в заброшенных усадьбах или просто посреди села.

Только хранитель старины и Сам Господь ведают, какой ценой ему дался этот труд.

Я думаю, что все нынешние странники, путешествующие в поисках Бога и любви, не должны обходить стороной порог его дома. Через его дом Бог проложил путь между прошлым и будущим Заградовской меннонитсткой общины, праведный путь к истине и добру.

Мир Вашему дому, Юрий.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Представим себе, что произошло чудо. Вы в очередной раз приезжаете к себе на родину, а там такое! Что ни в сказке сказать, ни пером описать.

При подъезде к Новоалександровке со стороны Новопавловки (это место мы все называли «ПОВОРОТОМ НА СПАРТАК») стоит современный информационный стенд с надписью:

Через 1 км вы въезжаете на территорию бывшей немецкой колонии №1 Александерфельд. Время основания колонии 1872 год. Колония основана меннонитами - выходцами из материнской колонии Гальбштадт, что на реке Молочная (теперь территория Запорожской области).

Интрига нарастает, особенно после того, когда вы ощутили под колесами вашего автомобиля хорошо укатанную добротную дорогу по направлению к колонии. Оставшееся расстояние к своей исторической родине вы преодолеваете в мгновение ока, как птица, возвращающаяся из дальних странствий к своему гнездовью.

Приближаясь к селу, от напряжения вы закрываете глаза, а водитель, которому вся эта сказка-игра начинает казаться интересной, продолжает рулить главной улицей, комментируя вам все увиденное вокруг приблизительно так:

«Слева дома и справа дома, и палисадники, полные ягод и плодов. И люди в домах и на улице, много людей, как в сказочном сюжете. Во дворах многодетно и многолюдно, полно всякой живности, а дворы все в цветах, словно в коврах. Правда, люди одеты как-то старомодно. Никто не ходит с непокрытой головой, а у женщин головные уборы, как будто чепчики. И все

трудятся с большим усердием, как пчелы, от старого и до малого, а вдоль ухоженных улиц звучат задушевные песни на непонятном языке».

От такой новости вам становится как-то не по себе, но одновременно светло и радостно. И при всем этом вам даже не хочется открывать глаза, чтобы вдруг эта картинка – то ли из прошлого, то ли из будущего – не исчезла, как однажды это уже случилось несколько лет тому назад.

Кульминация нарастает, когда вы подъезжаете к месту, где когда-то стоял дом, в котором вы родились, был двор, в котором прошло ваше детство. Но нет больше уверенности в том, что вся эта сказка будет и дальше продолжаться, если вы все-таки посмеете открыть глаза и выйти из машины.

Так не хочется больше думать о печальном. Есть только огромное желание склеить воедино две совсем разные истории в одну – историю моей и вашей родины. Это одновременно все так просто и так же непросто. Это – как детская игра в пазлы, когда из разных фрагментов складывается целый сюжет, но при этом детское удовольствие превращается во что-то совсем иное – непосильную работу для взрослых под названием поиск истины.

Случилось так, что после долгих лет разлуки с Новоалександровкой однажды я сюда возвратился, но уже совсем другим человеком. Точнее возвращаюсь теперь постоянно в мыслях, снова и снова, и это возвращение, наверное, для меня уже не закончится никогда.

Возвращение в прошлое – это вечный процесс возвращения домой, даже если дом твой и опустел, даже если и стал он пристанищем для других, а ты в нем теперь попросту гость. И не больше.

Как ни странно, но в этот момент тебе в голову неожиданно приходят очень правильные, написанные когда-то поэтом Геннадием Шпаликовым слова, кажется как раз по такому случаю:

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищешь,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратном
Я бы запретил.
И прошу тебя, как брата,
Душу не мутить.
А не то рвану по следу –
Кто меня вернёт?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю
Там, где – божье мое,
Будет мама молодая
И отец живой.*

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Разрешение на использование материалов

Здравствуйте, Александр, извините за поздний ответ. Мы будем рады, если Вы используете наши материалы в Вашем издании, естественно со ссылкой на наш сайт. Мы будем очень благодарны, если вы пришлете нам Ваш справочник.

С уважением,
Ольга Силантьева

--

Dr.Olga Silantieva

Stellvertr. Chefredakteurin
Moskauer Deutsche Zeitung

Redakteurin
Informationsportal RusDeutsch

Malaja Pirogowskaja, 5
119435 Moskau
Tel: 495-5316887
Fax: 499-7664876
www.mdz-moskau.eu
www.rusdeutsch.ru

ПУТЬ НАРОДА

Депортация немецкого населения европейской части СССР в Сибирь и Казахстан

Депортация немецкого населения СССР, осуществлённая в 1941 году, до сих пор в российском обществе оценивается неоднозначно. Спектр мнений чрезвычайно широк: от полного оправдания действий властей как превентивной меры в сложных условиях начала войны, до категорического отрицания какой-либо целесообразности выселения немцев и объявления депортации актом мести, элементом геноцида против советских немцев. По всей видимости, при оценке такого сложного и противоречивого исторического

явления, как депортация, каждое из мнений, в какой-то своей части, имеет объективную основу.

В общем плане депортация немцев СССР вписывалась в историческую и международно-правовую практику начального периода Второй мировой войны. Как известно, с началом гитлеровской агрессии в Европе страх перед немецкой «пятой колонной», имевший определённые основания, принял международный характер. Прогерманский фашистский путч в Австрии, возникновение немецких объединений под знаком свастики практически во всех странах Европы и даже за океаном (особенно в Бразилии), очевидные связи национал-социалистических ассоциаций этнических немцев с Берлином, их агрессивные выступления в Саарской области, Судетах, Мемеле (Клайпеде) – всё это уже задолго до начала войны интенсивно формировало атмосферу недоверия и настороженности по отношению к местным немцам, которых берлинские власти именовали «фольксдойче».

Страх перед «пятой колонной» в ряде стран превращался в антинемецкую истерию. Особенно широкий размах она имела в Польше, Бельгии, Франции. Руководство многих стран принимало огульные репрессивные меры в отношении населения, этнически родственного противнику. Практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. В Соединённых Штатах Америки на весь период войны были интернированы японцы. Подобная практика имела место и в Российской империи в годы первой мировой войны (см.: параграф 5.1. настоящего учебного пособия).

Что касается СССР, то фактов сотрудничества советских немцев с фашистской Германией накануне войны обнаружить так и не удалось. В том, что такое сотрудничество не состоялось, определённую положительную роль сыграли факторы большевистской диктатуры: сильная идеологизированность советского общества; интернационализм как элемент официальной советской политики; тотальный контроль «пролетарского» государства за всеми сторонами жизни каждого отдельного человека; наличие мощного и разветвлённого полицейско-карательного аппарата, непрерывно выискивавшего и жестоко каравшего «врагов народа».

Тем не менее, крайне неудачное начало войны, большие потери и быстрое продвижение войск Германии и её союзников вглубь советской территории в совокупности хотя и с отдельными, но сильно раздражавшими советское руководство фактами «пораженческих» настроений среди советских немцев в тылу и сотрудничества с врагом на оккупированных территориях (как уже отмечалось эти факты постоянно докладывались в Москву) привели И. Сталина, руководство СССР к решению о выселении немцев сначала с территорий, над которыми нависла угроза захвата их противником, а чуть позднее и

вообще со всей территории европейской части СССР.

Первой значительной акцией подобного рода стало выселение 60 тыс. немцев из Крыма. Оно проводилось завуалированно, в форме эвакуации (по постановлению Совета по эвакуации СЭ-75 с от 15 августа 1941 г.). Немецкое население Крымской АССР эвакуировалось в Орджоникидзевский край с расселением в Дивенском, Благодарненском и Будённовском районах. Эвакуация проходила поспешно и непродуманно, в чём признавались сами работники НКВД, проводившие операцию. Как отмечал в письме в вышестоящий орган заместитель начальника 12-го отдела Орджоникидзевского краевого управления НКВД СССР Гусев, в «ряде районов Крыма (Алуштинском, Ялтинском и др.) допускалась совершенно ненужная спешка, эвакуированным, как правило, не говорилось, куда они вывозятся, сколько времени будут в пути, какой запас нужно взять с собой продуктами питания». В результате, через два-три дня большинство эвакуированных из городской местности остались без питания, что, естественно, вызывало недовольство. При отправлении эшелонов начальники эшелонов не назначались. Подчас в одном эшелоне находилось несколько человек, считавших себя старшими. Такое положение создавало обстановку хаоса и вносило сумятицу в работу дежурных по станциям, так как к ним одновременно обращались вместо одного начальника много старших и просто едущих в эшелоне граждан. В Орджоникидзевский край из Крымской АССР прибыло свыше 50 тыс. немцев. Кроме того, 3 тыс. крымских немцев эвакуировали в Ростовскую область. Оставшиеся в Крыму по той или иной причине немцы переселялись позднее, в мае-июне 1944 г. вместе с крымскими татарами, греками, армянами и болгарями.

После эвакуации немцев из Крыма наступил черёд поволжских немцев. Предложение об их выселении и ликвидации АССР немцев Поволжья созрело в недрах НКВД и в оформленном виде было представлено И. Сталину в середине августа. Он дал согласие. 26 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области».

Согласно этому постановлению переселению подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских районов в следующие местности: в Красноярский край – 70 тыс., в Алтайский край – 91 тыс., в Омскую обл. – 80 тыс., в Новосибирскую обл. – 92 тыс., в Казахскую ССР – 100 тыс. человек. В соответствии с Инструкцией по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях переселенцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный инвентарь, продовольствие, всего весом

до 1 тонны на семью. Постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были сдаваться по оценочному акту специальным комиссиям.

Видимость законности готовившемуся гигантскому по масштабам репрессивному мероприятию придал официально опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот документ дал идеологическое и политическое обоснование решения советского руководства о депортации поволжских немцев, безосновательно и абсурдно утверждая, что в районах Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья».

Депортация поволжских немцев была осуществлена в период с 3 по 20 сентября 1941 г. Всего, по данным НКВД, было выселено 438,6 тыс. немцев, в том числе из АССР немцев Поволжья – 365,7 тыс., из Саратовской области – 46,7 тыс., из Сталинградской области – 26,2 тыс. человек. Операцию обеспечивали подразделения войск НКВД и милиции общей численностью 12,3 тыс. человек. В целях «профилактики» органами НКВД было арестовано 349 человек, признанных «антисоветскими элементами».

Ещё в ходе выселения, 6 сентября 1941 г., постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Республика немцев Поволжья была ликвидирована, а её территория поделена между Саратовской и Сталинградской областями. 7 сентября 1941 г. по этому поводу был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. предписывало осуществлять переселение немцев целыми колхозами, однако первые же меры по подготовке и проведению депортации показали нереальность этого замысла и невозможность его практического осуществления. Поэтому 12 сентября 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято ещё одно постановление по немцам Поволжья – «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». В нём местным партийным и советским органам разрешалось вселять немцев «в существующие колхозы не целыми колхозами, а группами хозяйств от 10 и выше», то есть вместо поколхозного был принят посемейный принцип размещения депортированных немцев. Этот принцип стал применяться и при проведении всех последующих операций по депортации немцев, причём он был распространён не только на Казахстан, но и на все другие места вселения немцев.

В дальнейшем сам порядок депортации немцев из европейской части СССР также несколько изменился. Решение о депортации принимал Государственный Комитет Обороны СССР и даже более низкие инстанции: руководство НКВД, Военные советы фронтов.

Механизм депортации, как правило, был следующий. Предварительно органы НКВД проводили учёт всего немецкого населения, проживающего в зоне предстоящего выселения, полученные результаты докладывались в Наркомат. Далее, на имя И. Сталина направлялась докладная записка за подписью Наркома внутренних дел Л. Берии, в которой указывалось общее количество немцев, проживающих в зоне выселения, численность «антисоветского элемента» и предложение об его аресте, порядок переселения немцев на новые места. К записке прилагался проект постановления Государственного Комитета Обороны с конкретными указаниями по проведению переселения. После подписания И. Сталиным постановление приобретало силу закона и подлежало немедленному исполнению. Исполнение постановления ГКО возлагалось на органы НКВД. Следом за постановлением Л. Берия издавал приказ по своему ведомству, в котором определялись конкретные мероприятия, обеспечивавшие претворение в жизнь решения ГКО.

Без специального решения ГКО СССР депортация немцев проводилась из Одесской и Днепропетровской областей Украины, из Горьковской, Куйбышевской, Ленинградской, Калининской областей, города Ленинграда, Калмыцкой АССР. Как правило, она осуществлялась на основе распоряжения Наркома внутренних дел.

Выселение немцев из Ленинграда и Ленинградской области проводилось на основе специального постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 г. Ему предшествовало донесение на имя И. Сталина, подписанное В. Молотовым, Г. Маленковым и А. Косыгиным, в котором они сообщали о том, что ими «принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96000 человек». Предлагалось направить их в Казахстан и Сибирь

О переселении немцев из ряда областей, краёв и республик. Справка

Перевозка выселенных немцев осуществлялась главным образом железнодорожным транспортом, эшелонами, в которых кроме вагонов для перевозки людей имелись вагоны для войскового резерва (сопровождения) и медицинского персонала, вагон – санитарный изолятор и вагон-карцер, где проводили время нарушители требований и порядка, установленных начальником эшелона.

НКВД СССР разработал инструкцию начальникам эшелонов, в которой определялись мероприятия по организации перевозок, порядок приёма и сопровождения переселяемых, устанавливался состав администрации эшелона, финансовое обеспечение и питание в пути следования. В состав администрации эшелона входили начальник эшелона (командир конвойных войск), заместитель начальника эшелона (из оперативного состава органов НКВД), один врач, две медсестры, войсковой резерв (конвой) в составе 21 военнос-

лужащего из состава конвойных войск НКВД. Согласно Инструкции, переселенцам должны были выдавать по 500 г хлеба на человека ежедневно и два раза в сутки обеспечивать горячей пищей.

В большинстве случаев данная инструкция не выполнялась. Эшелоны от представителей железнодорожных станций обычно не принимались, в результате поступавшие вагоны не имели нар и изоляторов для больных. Питание организовывалось с перебоями, часто отсутствовала горячая вода. Имелись случаи, когда вместо продуктов людям выдавались деньги, так называемые суточные, на которые очень трудно было что-то приобрести в пути. Были и такие начальники эшелонов, которые и питание не организовывали, и денег не выдавали.

Эти и подобные им нарушения серьёзно усугубляли и без того тяжёлые условия жизни переселенцев в пути следования. Люди перевозились в крытых товарных вагонах, куда их набивали по 40 и более человек вместе с их имуществом. Спали на нарах, а то и просто на полу, постелив солому. Постоянно существовала проблема с пищей и водой, особенно когда эшелоны шли по центральным и южным областям Казахстана. С наступлением холодов возникла проблема отопления вагонов, которая практически не решалась. Так, в эшелоне № 587, следовавшем из Красноводска в Кустанай в ноябре 1941 г. печек не было даже в детском вагоне. Больные вынуждены были ехать в общем вагоне, так как в санизоляторе было намного холоднее.

Антисанитарные условия вагонов дополнялись плохим качеством воды, что приводило к вспышкам инфекционных заболеваний, особенно желудочно-кишечных. Их жертвами становились, прежде всего, дети. Так, только в эшелонах, перевозивших немцев в Казахстан, умерло свыше 437 человек, в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и другими инфекционными заболеваниями. Например, в эшелоне № 869 от дизентерии умерло 12 детей и один взрослый.

На местах остановок эшелонов и особенно на станциях выгрузки имели место побеги переселенцев. В основном пытались бежать молодые мужчины. Почти все бежавшие были пойманы и осуждены. На запрос начальника Омского УНКВД «какие меры репрессий применять к пойманным беглецам» заместитель наркома внутренних дел В.Чернышов наложил резолюцию: «... дела беглецов оформлять через Особое совещание НКВД», что грозило им как минимум десятилетним сроком заключения.

Подготовку к приёму переселенцев руководители соответствующих краёв и областей Сибири и Казахстана начали после получения во второй половине августа циркулярной телеграммы от Наркома внутренних дел Л. Берии, в которой доводилось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о переселении немцев из Поволжья. В телеграмме указывалось, какое коли-

чество семей должны были принять края и области, ставилась задача подготовить для них жильё. Л. Берия потребовал не позднее утра 31 августа сообщить в НКВД СССР названия станций выгрузки эшелонов с указанием наименований железных дорог. Нарком информировал, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября 1941 года.

Получив телеграмму, партийные и советские руководители краёв и областей создали специальные комиссии, разработавшие планы мероприятий по приёму, размещению и хозяйственному обустройству переселяемого немецкого населения. Органы УНКВД на местах в срочном порядке подготовили планы «агентурного обслуживания» прибывавших немцев. В докладной записке на имя заместителя Наркома внутренних дел В. Чернышова начальник управления НКВД по Красноярскому краю И. Семёнов 15 сентября 1941 г. докладывал, что по линии чекистских мероприятий приняты меры противодиверсионного характера, «насаждена противодиверсионная агентура в местах разгрузки и усилена охрана объектов, опасных по диверсии».

На диспетчерских пунктах железнодорожных станций и узлов, Енисейского водного бассейна вводилось круглосуточное дежурство работников транспортного отдела НКВД для обеспечения продвижения эшелонов и своевременного оповещения районов об их прибытии. «В целях недопущения побегов в пути следования с мест разгрузки к местам поселений» транспортные колонны колхозов «насыщались» агентурой, партийным, советским активом и членами бригад содействия милиции. Все они инструктировались в районных отделах НКВД «о негласном наблюдении за переселенцами в пути следования».

Первые эшелоны с немцами начали поступать в восточные районы страны с середины сентября. 14 сентября в Красноярский край двумя эшелонами были доставлены 4606 немцев, которых разместили в Больше-Муртинском, Шарাপовском и Усть-Абаканском районах. 17 сентября на станцию Ачинск прибыл эшелон с 650 немецкими семьями (2318 человек). Из них 2 тыс. человек погрузили на баржи и по реке Чулым направили в Бирилюсский район, 318 человек расселили в Ачинском районе. Аналогично процесс расселения немцев происходил и в других краях и областях. По состоянию на 18 сентября 1941 г. в места вселения прибыло 33 эшелона с общим количеством переселенцев – 79046 человек. В дальнейшем поток эшелонов и переселённых непрерывно нарастал: 23 сентября 70 эшелонов, 168620 чел.; 29 сентября – 113 эшелонов, 273797 чел. и т.д.

Завершающий этап операции по выселению немцев из Поволжья

По данным НКВД всего переселению в восточные районы СССР подлежало 904255 немцев, учтённых местными органами комиссариата в сентябре-октябре 1941 г. Фактически же к 1 января 1942 г. было переселено 856168 человек. Свыше 48 тыс. по разным причинам остались на прежних местах жительства. Часть из них осталась по ходатайству местных органов власти. В Москве и Московской области, например, таких насчитывалось 1620 человек. Подверглись аресту как «антисоветский и сомнительный элемент» – 10765 человек. Из некоторых областей Украинской ССР просто не успели вывезти всё немецкое население ввиду стремительного наступления германских войск. Так, из Запорожской области удалось к 15 октября 1941 г. отправить только 32162 человека из 53566 подготовленных к отправке.

За период с сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. в Сибирь и Казахстан было отправлено 344 эшелона с переселенцами. Из 856168 погруженных и отправленных немцев к новому месту жительства прибыло 799459 человек. Разница между отправленными и прибывшими составляла 56709 человек. Анализ документов отдела спецпереселений НКВД позволяет сделать некоторые предположения о причинах такого расхождения. Какая-то часть людей погибла от бомбёжек германской авиации, умерла от болезней в пути следования. Имели место отставания от эшелонов, побегии на остановках и в пунктах погрузки и выгрузки. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов погрешности в учёте отправляемого «спецконтингента». Нередкими были случаи, когда начальники эшелонов принимали переселенцев без списков, «на глазок».

К сожалению, в материалах отдела спецпереселений НКВД не имеется обобщающих сведений о смертности, побегах и отставших от эшелонов в ходе проведения операции по депортации немецкого населения. Имеющиеся отдельные справки и отчёты не позволяют составить целостную картину этих явлений, так как составлены с пропуском данных по многим эшелонам, по отдельным районам и областям.

Несмотря на то, что руководители краёв и областей Сибири и Казахстана ещё до прибытия первых эшелонов с переселенцами отработали в центр о своей готовности принять, разместить и трудоустроить высланных немцев, на самом же деле во многих случаях это оказалось не так.

Большая часть переселенцев направлялась в сельскохозяйственные районы и лишь незначительное количество оставалось в городах и районных центрах. В основном это были высококвалифицированные рабочие, инженеры, учителя, учёные.

Отдельное жильё немецким семьям в местах вселения, за редким исклю-

чением, не предоставлялось. Там же, где всё-таки это делалось, качество жилья оказывалось ниже всякой критики. К примеру, в Джамбульской области Казахской ССР более 30 % жилой площади, предоставленной переселенцам, не имело застеклённых окон и исправных дверей. В большинстве случаев немцев расселяли методом «уплотнения» семей местных жителей за счёт вселения в их жильё. Такое сожительство, как правило, негативно отражалось на взаимоотношениях между приезжими и хозяевами, поскольку причиняло последним существенные неудобства и приводило к конфликтам.

В связи с тем, что ни в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, ни в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., на основе которых началось переселение немцев, не был указан срок их проживания на новых местах, отдел спецпереселений направил на места соответствующее разъяснение, где указывалось, что «немцы переселены в места вселения навсегда и на свои старые места жительства они возвращены не будут», а потому их необходимо было трудоустроить на новых местах расселения. Местные органы получили задачу принять переселенцев в члены колхозов и оформить, как и всех прочих граждан, согласно уставу сельхозартели, «нарезать» им приусадебные участки земли, на которых с весны предполагалось разводить огороды и строить жильё.

На новых местах переселенцы столкнулись со многими трудностями. Прежде всего, не хватало продуктов питания. Хлеб могли получить, и то не всегда, только те, кто попал в колхозы. Спасаясь от голода, многие семьи самовольно переезжали из колхоза в колхоз, из района в район в поисках лучших условий жизни, благо что рабочие руки везде были очень нужны и потому самовольных переселенцев практически везде принимали охотно.

Встревоженные создавшимся положением, местные органы НКВД докладывали об этом в центр. Так, из Северо-Казахстанской области сообщали, что в Мамлютском районе в село Щучье было вселено 33 семьи, а по состоянию на 31 декабря 1941 г. осталось лишь 5 семей, остальные переехали в село Бескозубье. В этом же районе из колхоза Кызыл-Байрак самовольно уехало 5 семей в колхоз села Бенжарка. В Советском районе из колхоза им. Куйбышева выехало 4 семьи, из колхоза им. Кагановича – 3. Много таких сообщений поступало и из других областей и краёв.

Несмотря на тяжёлое материальное положение переселенцев, вопросы обеспечения немецких семей необходимым центральными органами государства не решался, хотя в Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. им обещали компенсировать потерю имущества. Более того, 30 октября заготовительное ведомство страны телеграфно распорядилось «выдачу зерна переселенцам-немцам впредь до особого решения прекратить».

В результате немецкие семьи были поставлены на грань вымирания. Вот лишь одно сообщение из Новосибирской области: «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло до истощения. В Чановском районе из числа прибывших немцев, переселённых в количестве 6000 человек, большинство рабочих и служащих своего хлеба не имеют... В колхозах, в которых они расселены, излишков хлеба нет, им выдают по 1 килограмму хлеба только на главу семьи. На детей хлеб не выдаётся. В Тогучинском районе немцы-переселенцы, участвовавшие в общественных колхозных работах, пользовались колхозным общественным питанием. В связи с окончанием сельхозработ, некоторые семьи не работают, правления колхозов, потребкооперация хлебом их не снабжают». Подобные тревожные сообщения поступали из всех краёв и областей, где были расселены депортированные немецкие семьи.

Докладная записка о положении немцев в Новосибирской области

Естественно, что неустроенность быта, существование на грани голодной смерти, откровенный обман переселенцев государством порождали недовольство среди советских немцев, росло их отчаяние, а вместе с тем озлобленность и ненависть к режиму. И хотя, как отмечалось в докладах отделов спецпереселений с мест, настроение у немцев-переселенцев в основном хорошее, всё же росло число тех, кто заявлял, что «их привезли сюда специально, для того, чтобы они здесь подошли сами». Сотрудники НКВД отмечали широкое распространение среди немцев «контрреволюционных», «антисоветских», «фашистских» настроений и высказываний. Но очевидно, было бы просто глупо ожидать от доведённых до отчаяния людей «здорового» настроения и хвалебных высказываний в адрес власти. По результатам работы осведомителей органы НКВД заводили «дела», на основании которых производились аресты. По приблизительным подсчётам только до конца 1941 г. по политическим мотивам было арестовано свыше 600 человек.

После проведения массового переселения немцев из районов европейской части СССР, с января 1942 г. последовал ряд акций по перераспределению этих «трудовых ресурсов» внутри областей и краёв вселения. Так, по постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 19 от 6 января 1942 г. на НКВД было возложено переселение 50 тыс. немцев для работы по лову рыбы и на предприятия рыбообработывающей промышленности. Из этого количества 15 тыс. человек переселялись из центральных районов Новосибирской области на север – в Нарымский округ. Остальные 35 тыс. направлялись в Омский, Якутский, Красноярский госрыбтресты. В октябре

1942 г. вышло ещё одно постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1732 сс, согласно которому в 1943 г. на Сибирский Север было переселено ещё около 30 тыс. человек.

Вопросами обустройства отправленных на север людей в рыбных трестах фактически никто не занимался. По докладам органов НКВД в рыболовецких хозяйствах Красноярского края на одного человека приходился всего 1 кв. м жилой площади, остро ощущался недостаток топлива, продуктов, особенно жира и овощей, отсутствовали медикаменты, прачечные, бани. В Омской области на Надымском рыбозаводе переселенцы спали на нарах, покрытых грязной соломой по 50-60 человек в тёмных сырых землянках, которые не освещались и не отапливались. Следствием этого стало массовое заболевание людей различными болезнями. С июля 1942 г. по январь 1943 г. в Надымском районе умерло 34 человека из находившихся там 1621 немца. Больные в отдельные помещения не изолировались, а находились вместе со здоровыми.

Ужасные условия существования дополнялись ненавистью и бездушным отношением к переселенцам со стороны руководства трестов и бригадиров: «Бригадир Ананьев при отправке заболевшего на работе переселенца Якоб В. снял с него меховую обувь, передел в резиновую, в результате тот по дороге в больницу отморозил себе ноги, которые впоследствии пришлось ампутировать».

В Красноярском крае, в Игарском районе на станции Агапитово дневной улов рыбы в местной бригаде составлял не более 20-30 кг. Сдаваемой рыбы не хватало на то, чтобы обеспечить себя хлебом. Бригада не получала его по 7-8 дней. За зиму 1942-1943 годов на станции умерло 150 немцев, в том числе дети. Немоощные истощённые люди не могли работать в полную силу, что влекло за собой наказание – уменьшение норм обеспечения продовольствием, отчего они слабели ещё больше и ещё меньше выполняли норму выработки. Этот изуверский метод хладнокровно обрекал немцев на голодную смерть.

Таким образом, депортация, ставшая в условиях войны грубой неадекватной перестраховкой сталинского режима, привела к коренному изменению положения немецкого населения в СССР. Кардинально изменилась география расселения немцев. Если до войны подавляющее большинство немцев проживало компактно в ряде мест европейской части страны (Поволжье, Южная Украина, Крым и др.), то после депортации они, в основном, оказались в Западной Сибири и Казахстане. При этом в Алтайском крае и Омской области немцы стали второй по численности национальной группой после русских. Произошло распыление немцев по огромной территории (до 5 млн. кв. км), результатом чего стало быстрое развитие ассимиляционных

процессов. В ходе депортации немцы лишились своего имущества, а зачастую и средств к существованию. Немалое число их погибло, не выдержав тяжёлых условий переезда и жизни на новых местах. Между тем, впереди их ждали новые суровые испытания.

Трудовая армия

К концу 1941 г. в Сибирь и Казахстан из европейской части СССР было переселено свыше 800 тыс. советских немцев. Все они владели жалкое существование и находились на грани жизни и смерти. Отчаяние могло толкнуть их на любой шаг. По мнению центрального руководства НКВД, основанному на докладах с мест, ситуация с немцами-переселенцами достигла такой степени остроты и напряжённости, стала столь взрывоопасной, что обычными превентивными арестами положение спасти было нельзя, необходимы были радикальные меры. Такой мерой стал призыв всего трудоспособного немецкого населения в так называемую «Трудовую армию». Мобилизация советских немцев на «трудовой фронт» решала сразу две проблемы. Ликвидировалась социальная напряжённость в местах скопления депортированных немцев и пополнялся контингент системы принудительного трудового использования.

Сам термин «Трудовая армия» был заимствован у реально существовавших в годы гражданской войны трудовых армий («революционных армий труда»). Ни в одном официальном документе военных лет, служебной переписке, отчётах государственных и хозяйственных органов он не встречается. Трудармейцами стали называть сами себя те, кто был мобилизован и призван военкоматами выполнять принудительную трудовую повинность в составе рабочих отрядов и колонн со строгой централизованной армейской структурой, кто проживал на казарменном положении при лагерях НКВД или на предприятиях и стройках других наркоматов в огороженных и охраняемых «зонах» с воинским внутренним распорядком. Называя себя трудармейцами, эти люди, тем самым, хотели хоть как-то повысить свой социальный статус, заниженный официальными властями до уровня заключённых.

«Трудармия» комплектовалась, прежде всего, из представителей «провинившихся» народов, то есть советских граждан, этнически родственных населению воюющих с СССР стран: немцев, финнов, румын, венгров и болгар, хотя в ней были представлены и некоторые другие народы. Однако, если немцы оказались в «Трудармии» уже с конца 1941 – начала 1942 г., то рабочие отряды и колонны из граждан других отмеченных выше национальностей начали формироваться лишь в конце 1942 г.

В истории существования «Трудовой армии» (1941-1946 гг.) можно вы-

делить несколько этапов. Первый этап – с сентября 1941 года по январь 1942 года. Начало процессу создания трудармейских формирований положило закрытое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». На его основе в Украине происходит трудовая мобилизация мужчин-немцев в возрасте от 16 до 60 лет. Уже отмечалось, что из-за стремительного продвижения германских войск это постановление в значительной мере не было выполнено, тем не менее всё же удалось сформировать 13 строительных батальонов, общей численностью 18600 человек. Одновременно, с сентября начинается отзыв военнопленных немецкой национальности из Красной Армии, из которых также формируют строительные батальоны. Все эти стройбаты направляются на 4 объекта НКВД: Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Кимперсайлаг и Богословстрой. С конца сентября первые из сформированных батальонов уже приступили к работе.

Вскоре, по решению ГКО СССР, строительные батальоны расформировываются, а военнопленные снимаются с интендантского снабжения и получают статус строительных рабочих. Из них создаются рабочие колонны по 1 тыс. человек в каждой. Несколько колонн объединяли в рабочие отряды. Такое положение немцев было недолгим. Уже в ноябре их вновь переводят на казарменное положение и распространяют на них действие воинских уставов.

По состоянию на 1 января 1942 г. на строительствах и в лагерях НКВД работало 20800 мобилизованных немцев. Ещё несколько тысяч немцев трудилось в рабочих колоннах и отрядах приданных другим народным комиссариатам. Таким образом, с самого начала по ведомственной принадлежности трудармейские рабочие колонны и отряды разделились на два типа. Формирования одного типа создавались и размещались при лагерях и стройках ГУЛАГа НКВД, подчинялись лагерному начальству, охранялись и обеспечивались по нормам, установленным для заключённых. Формирования другого типа образовывались при гражданских наркоматах и ведомствах, подчинялись их руководству, но контролировались местными органами НКВД. Административный режим содержания этих формирований был несколько менее строгим, чем колонн и отрядов, функционировавших внутри самого НКВД.

Второй этап функционирования «Трудовой армии» – с января по октябрь 1942 г. На этом этапе происходит массовый призыв в рабочие отряды и колонны немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет.

Начало второму этапу положило постановление Государственного Комитета Обороны № 1123 сс от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». Мобилизации

подлежали депортированные из европейской части СССР немцы-мужчины, годные к физическому труду в количестве 120 тыс. человек «на всё время войны». Проведение мобилизации возлагалось на наркоматы обороны, внутренних дел и путей сообщения в срок до 30 января 1942 года. Постановление предписывало следующее распределение мобилизованных немцев:

- 45 тыс. человек на лесозаготовки в распоряжение НКВД СССР;

- 35 тыс. человек на строительство Бакальского и Богословского заводов на Урале;

- 40 тыс. человек на строительство железных дорог: Сталинск – Абакан, Магнитогорск – Сара, Сталинск – Барнаул, Акмолинск – Карталы, Акмолинск – Павлодар, Сосьва – Алапаевск, Орск – Кандагач в распоряжение Наркома путей сообщения.

Необходимость проведения мобилизации объяснялась нуждами фронта и мотивировалась интересами «рационального трудового использования немцев-переселенцев». За неявку по мобилизации для отправки в рабочие колонны предусматривалась уголовная ответственность с применением «к наиболее злостным» высшей меры наказания.

12 января 1942 г. в развитие постановления ГКО СССР № 1123 сс Нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД». В приказе 80 тыс. мобилизованных, которые должны были поступить в распоряжение наркомата, распределялись по 8 объектам: Ивдельлаг – 12 тыс.; Севураллаг – 12 тыс.; Усольлаг – 5 тыс.; Вятлаг – 7 тыс.; Усть-Вымлаг – 4 тыс.; Краслаг – 5 тыс.; Бакаллаг – 30 тыс.; Богословлаг – 5 тыс. Последние два лагеря образовывались специально для мобилизованных немцев.

Все мобилизованные обязаны были явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия. Безусловно, многие из этих требований были трудновыполнимыми, поскольку в результате переселения немцы лишились своего имущества, многие из них по существу были безработными и все они, как уже отмечалось ранее, владели жалкое существование.

Управление военных сообщений Наркомата обороны и Наркомата путей сообщения обязаны были обеспечить перевозку мобилизованных в течение оставшихся дней января 1942 г. с доставкой к местам работ не позднее 10 февраля. Эти сроки оказались нереальными, точно так же, как не удалось мобилизовать 120 тыс. человек.

О том, как проходила мобилизация немцев-переселенцев и почему не было в полном объёме выполнено требование ГКО СССР, можно судить на примере Новосибирской области. В отчёте местного управления НКВД ука-

зывалось, что по наряду Наркомата обороны Новосибирская область должна была отобилизовать в рабочие колонны 15300 депортированных немцев из 18102 учтённых для отправки. Персональными повестками в военкоматы были вызваны для прохождения медкомиссии 16748 человек, из них явилось 16120 человек, мобилизовано и отправлено 10986 человек, то есть наряд оказался невыполненным на 4314 человек. Не удалось мобилизовать лиц, успевших получить освобождение от мобилизации по причине их «незаменимости» в сельском хозяйстве, угольной и лесной промышленности. Кроме того, на призывные пункты прибыло 2389 человек больных и не имевших тёплой одежды. Освобождение от призыва получили также лица с высшим образованием. Не явилось по повесткам 628 человек.

Мобилизация немцев в Новосибирской области проходила в течение 8 дней с 21 по 28 января 1942 г. Мобилизованным не объявляли, что они будут направлены в «Трудармию», вследствие чего циркулировали различные слухи о причинах и целях мобилизации. В ходе призыва были привлечены к уголовной ответственности за уклонение – 12, за «антисоветскую агитацию» – 11 человек.

В других краях и областях мобилизация немцев проходила в аналогичных условиях. В результате в «Трудармию» вместо 120 тыс. было набрано лишь около 93 тыс. человек, из них Наркому путей сообщения передали 25 тыс. человек, остальных получил НКВД.

Ввиду того, что план, определённый постановлением ГКО СССР № 1123 сс был невыполнен более чем на 27 тыс. человек, а потребности военной экономики в рабочей силе всё росли, руководство СССР решило мобилизовать и тех советских немцев-мужчин, которые не подверглись депортации. 19 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление № 1281 сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

В отличие от первой, вторая массовая мобилизация немцев была подготовлена органами НКВД более тщательно с учётом ошибок и просчётов, допущенных в январе 1942 г. и имела ряд особенностей. Срок её составлял уже не 20 дней, как при первой мобилизации, а растягивался почти на несколько месяцев. Подготовительная работа райвоенкоматов проводилась до 10 марта. За это время мобилизуемые были оповещены, прошли медицинское освидетельствование и зачисление в рабочие колонны. С 10 по 5 марта проходило формирование рабочих отрядов и колонн, они отправлялись к местам своего назначения. Доклады о ходе операции поступали в центр раз в 5 дней.

На сей раз мобилизуемых оповещали о том, что они призываются в ра-

бочие колонны и будут направлены на работу, а не в действующую армию, чего не было при первой мобилизации. Немцы предупреждались, что за неявку на призывные и сборные пункты они будут арестованы и заключены в исправительно-трудовые лагеря. Как и при первой мобилизации, мобилизованные должны были прибыть в исправной зимней одежде с запасом белья, постельных принадлежностей, кружкой, ложкой и запасом продуктов на 10 дней. Поскольку призывавшиеся не подвергались депортации, то обеспеченность их одеждой и продовольствием была несколько лучше, чем у мобилизованных первого массового призыва.

В ходе второй массовой мобилизации вопрос об освобождении от неё каких-либо специалистов ставился весьма жёстко. Он решался только персонально, при крайней необходимости начальником местного управления НКВД совместно с военным комиссаром. При этом каждые область, край, республика направляли в центральный аппарат НКВД списки освобождённых от мобилизации с указанием причин освобождения.

На сборных пунктах и в пути следования органами НКВД проводилась оперативная работа, которая направлялась на пресечение всяких попыток «контрреволюционных» выступлений, на немедленное привлечение к ответственности всех, уклоняющихся от явки на сборные пункты. Все агентурные материалы, имевшиеся в органах на мобилизованных немцев, направлялись через начальников эшелонов оперативным отделам лагерей по месту назначения. Начальники местных управлений НКВД несли персональную ответственность за мобилизованных, вплоть до их передачи на объекты ГУЛАГа.

Заслуживает внимания географический аспект второй массовой мобилизации немцев. Кроме краёв и областей, затронутых первой мобилизацией, вторая мобилизация захватила также Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Чкаловскую, Куйбышевскую, Ярославскую области, Мордовскую, Чувашскую, Марийскую, Удмуртскую, Татарскую АССР. Мобилизованные немцы из этих областей и республик направлялись на строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск. Строительство дороги осуществлялось по постановлению Государственного Комитета Оборона и было возложено на НКВД. В Казани организовывалось управление строительства новой железной дороги и лагеря, получившего название Волжский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Волжлаг). В течение марта – апреля 1942 г. в лагерь предполагалось направить 20 тыс. мобилизованных немцев и 15 тыс. заключённых.

Немцы, проживавшие в Таджикской, Туркменской, Киргизской, Узбекской, Казахской ССР, Башкирской АССР, Челябинской области мобилизовывались на строительство Южно-Уральской железной дороги. Их направляли

на станцию Челябинск. Немцы из Коми АССР, Кировской, Архангельской, Вологодской, Ивановской областей должны были работать в лесотранспортных хозяйствах Севжелдорлага и потому доставлялись на станцию Котлас. Мобилизованные из Свердловской и Молотовской областей оказались на Тагилстрое, Соликамскстрое, в Вятлаге. Краслаг принял немцев из Бурят – Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей. На Умалыстрой, на станцию Ургал Дальневосточной железной дороги, попали немцы из Хабаровского и Приморского краёв. Всего в ходе второго массового призыва немцев в «Трудовую армию» было мобилизовано около 40,9 тыс. человек.

Основная масса мобилизованных немцев (по постановлениям ГКО СССР № 1123 сс и 1281 сс) была направлена на стройки и в лагеря НКВД. Лишь уже отмечавшиеся нами 25 тыс. человек из первой мобилизации находились в распоряжении Наркомата путей сообщения и работали на строительстве железных дорог. Однако и они в октябре 1942 г. были переданы НКВД.

В июне 1942 г. по дополнительной мобилизации в рабочую колонну Волжского лагеря НКВД на строительство железной дороги Свяжск – Ульяновск было отправлено ещё около 4,5 тыс. мобилизованных немцев.

Третий этап функционирования «Трудовой армии» – с октября 1942 г. по декабрь 1943 г. Он характеризуется проведением самой крупной мобилизации советских немцев, проводившейся на основании постановления ГКО СССР № 2383 сс от 7 октября 1942 года «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». По сравнению с двумя предыдущими массовыми мобилизациями третья – имела свои существенные особенности.

Прежде всего, расширился диапазон призывных возрастов: призывались мужчины в возрасте от 15 до 55 лет. Кроме того, мобилизации подверглись и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имевших детей до трёхлетнего возраста. Дети трёх лет и старше должны были передаваться на воспитание остальным членам семьи, а в случае их отсутствия – ближайшим родственникам или колхозам. В обязанности местных советов вменялось принимать меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизованных.

Мужчины-трудармейцы, в основном подростки и пожилые люди, направлялись на предприятия трестов «Челябинскуголь», «Карагандауголь», «Богословскуголь», «Чкаловскуголь» наркомата угольной промышленности. Всего на шахты планировалось направить 20,5 тыс. человек. Женщины составляли основной контингент мобилизованных для Наркомата нефтяной промышленности – 45,6 тыс. человек. Туда же было мобилизовано 5 тыс. мужчин. Все они попали на предприятия Главнефтестроя, Главнефтегаза, на заводы нефтяного машиностроения, на такие крупные нефтекомбинаты, как

Куйбышевский, Молотовский, Башкирский. Трудармейцы третьего массового призыва направлялись и на предприятия некоторых других наркоматов и ведомств. Всего же по этой мобилизации в «Трудармию» было направлено 123,5 тыс. человек, в том числе 70,8 тыс. мужчин и 52,7 тыс. женщин.

Мобилизация проводилась примерно в течение месяца. В ходе проведения мобилизации военкоматы столкнулись с «дефицитом рабочего контингента», поскольку вся дееспособная часть немецкого населения была практически исчерпана. Потому-то среди призванных впоследствии были обнаружены люди, имевшие серьёзные заболевания, инвалиды 2 и 3 групп, беременные женщины, подростки 14 лет и люди старше 55 лет.

И всё же мобилизации советских немцев продолжались и в 1943 году. Постановлениями ГКО СССР № 3095 от 26 апреля, № 3857 от 2 августа и № 3860 от 19 августа 1943 года в «Трудармию» было призвано ещё свыше 30 тыс. немцев: мужчин и женщин. Их направляли на объекты ГУЛАГа НКВД, в гражданские ведомства на добычу угля, нефти, золота, редких металлов, в лесную и целлюлозно-бумажную промышленность, на ремонт дорог и т.п.

По-прежнему большинство немцев находилось на объектах НКВД. Только на семи из них к началу 1944 г. трудилось свыше 50 % всех мобилизованных (Бакалстрой – свыше 20 тыс., Богословлаг – около 9 тыс., Усольлаг – 8,8 тыс., Воркуталлаг – 6,8 тыс., Соликамбумстрой – 6,2 тыс., Ивдельлаг – 5,6 тыс., Востураллаг – 5,2 тыс. В 22 лагерях использовался труд 21,5 тыс. немцев (на 1 января 1944 г.) Практически полностью из мобилизованных немцев состояли рабочие колонны при таких лагерях как Ухтоижемлаг (3,7 тыс.), Унжлаг (3,3 тыс.), Усольлаг (2,8 тыс.), Джидастрой (1,5 тыс.), Понышлаг (0,3 тыс.).

За пределами НКВД 84 % мобилизованных в гражданские ведомства немцев было сосредоточено в четырёх наркоматах: наркомате угольной промышленности (56,4 тыс.), наркомате нефтяной промышленности (29 тыс.); наркомате боеприпасов (8 тыс.); наркомате строительства (свыше 7 тыс.). Небольшие группы немцев трудились в Наркомате пищевой промышленности (106), стройматериалов (271), заготовок (35) и др. Всего – в 22 наркоматах (на начало 1944 г.).

К середине 1944 г. число областей, краёв и республик, в которых дислоцировались рабочие колонны из мобилизованных советских немцев, увеличилось почти в 2 раза по сравнению с августом 1943 г. – с 14 до 27. Колонны были разбросаны на огромной территории от Московской и Тульской областей на западе до Хабаровского и Приморского краёв на востоке, от Архангельской области на севере до Таджикской ССР на юге.

По состоянию на 1 января 1944 г. больше всего немцев-трудармейцев использовалось на предприятиях Кемеровской (15,7 тыс.), Молотовской (14,8

тыс.), Челябинской (13,9 тыс.), Куйбышевской (11,2 тыс.), Свердловской (11 тыс.), Тульской (9,6 тыс.), Московской (7,1 тыс.), Чкаловской (4,7 тыс.) областей, Башкирской АССР (5,5 тыс.).

Размещение рабочих отрядов и колонн из советских немцев

Четвёртый – последний – этап функционирования «Трудовой армии» продолжался с января 1944 г. и до её ликвидации (в основном в 1946 г.). На этом заключительном этапе значительных по количеству призывов немцев уже не проводилось и пополнение рабочих отрядов и колонн шло в основном за счёт немцев – советских граждан, «обнаруженных» на освобождённых от оккупации территориях СССР и репатриированных из стран Восточной Европы и Германии.

По приблизительным подсчётам за период с 1941 по 1945 годы в рабочие колонны было мобилизовано свыше 316 тыс. советских немцев, без учёта репатриированных, мобилизация которых в основном проходила уже после окончания войны.

Из всех наркоматов, использовавших труд мобилизованных немцев, НКВД прочно удерживал лидерство по численности трудармейцев в течение всех военных лет. Это подтверждает таблица 8.4.1

Приведённые данные свидетельствуют, что в рабочие колонны НКВД попало более половины мобилизованных за годы войны в «Трудармию» немцев (на 49 тыс. больше, чем во все другие наркоматы). Тем не менее, как показано в таблице, практически всё время количество трудармейцев в НКВД было несколько меньше, чем во всех наркоматах, вместе взятых. Это объясняется, главным образом, высокой смертностью трудармейцев на объектах НКВД в 1942 году.

На апрель 1945 г. весь трудовой контингент НКВД составлял 1063,8 тыс. человек, в том числе 669,8 тыс. заключённых, 297,4 тыс. вольнонаёмных и 96,6 тыс. немцев-трудармейцев. То есть немцы составляли в конце войны лишь 9 % всего трудового потенциала НКВД. Невелика была доля мобилизованных советских немцев по отношению ко всему трудовому контингенту и в других наркоматах. В угледобывающей промышленности она составляла 6,6 %, в нефtedобывающей – 10,7 % (практически – все женщины), в Наркомате боеприпасов – 1,7 %, в Наркомате строительства – 1,5 %, в Наркомате лесной промышленности – 0,6 %, в других ведомствах и того меньше.

Из приведённых выше данных хорошо видно, что в общем трудовом потенциале страны советские немцы, мобилизованные в трудармейские формирования с лагерным режимом содержания, составляли очень небольшую часть и потому не могли оказывать какого-либо решающего влияния на выполнение производственных задач соответствующими наркоматами и

ведомствами. Поэтому можно говорить об отсутствии острой экономической необходимости использовать принудительный труд советских немцев именно в форме труда заключённых. Однако лагерная форма организации принудительного труда граждан СССР немецкой национальности позволяла держать их под жёстким контролем, использовать на самых тяжёлых физических работах, тратить на их содержание минимум средств.

Трудармейцы, оказавшиеся на объектах НКВД, размещались отдельно от заключённых в специально созданных для них лагерных пунктах. Из них формировались рабочие отряды по производственному принципу численностью 1,5-2 тыс. человек. Отряды подразделялись на колонны по 300-500 человек, колонны – на бригады по 35-100 человек каждая. В наркоматах угольной, нефтяной промышленности и др. формировались рабочие (шахтные) отряды, участковые колонны, сменные отделения и бригады по производственному принципу.

Организационная структура отрядов при лагерях НКВД в общих чертах копировала структуру лагерных подразделений. Во главе отрядов стояли работники НКВД – «чекисты-лагерники», бригадирами, мастерами назначались специалисты вольнонаёмного состава. Однако, в порядке исключения, бригадиром мог стать и немец-трудармеец, если он был соответствующим специалистом и не числился в «чёрных списках» начальства как неблагонадёжный. В каждый отряд назначался политрук для проведения политико-воспитательной работы.

На предприятиях Наркомугля во главе отряда ставились заведующие шахтами. На производстве мобилизованные немцы обязаны были беспрекословно выполнять все распоряжения главного инженера, начальника участка, мастера-десятника. В качестве начальников колонн, горных мастеров и бригадиров разрешалось использование немцев из числа «наиболее подготовленных и проверенных». Для обеспечения режима труда и содержания рабочих колонн, установленного распорядка дня, дисциплины на производстве и в быту на каждую шахту назначался заместитель заведующего шахтой – начальника отряда из работников НКВД. Заведующий шахтой – начальник отряда и его заместитель обязаны были организовывать непрерывное наблюдение за поведением мобилизованных немцев, не допускать и пресекать «в корне всякого рода проявления массового сопротивления установленному режиму, саботажа, диверсий и других антисоветских выступлений, выявлять и разоблачать профашистские элементы, отказчиков, лодырей и дезорганизаторов производства». Схожая система управления трудармейцами применялась и в других гражданских наркоматах.

Приказы и инструкции НКВД, наркоматов угольной, нефтяной промышленности, других наркоматов устанавливали в рабочих отрядах и колоннах

строгий воинский порядок. Жёсткие требования предъявлялись и к выполнению производственных норм и нарядов. Они должны были выполняться строго в установленные сроки и со «сто процентным» качеством.

Документы о порядке содержания, трудового использования и охраны мобилизованных немцев

Инструкции требовали селить трудармейцев в казармах-бараках колоннами. Причём все колонны размещались в одном месте – «зоне», ограждённой забором или колючей проволокой. По всему периметру «зоны» предписывалось круглосуточно выставлять посты военизированной охраны, блок-посты караульных собак и дозоры. Стрелкам охраны ставились задачи пресекать попытки побегов, осуществлять «местный розыск» и задержание дезертиров, не допускать общения немцев с местными жителями и заключёнными. Кроме охраны мест расквартирования («зон»), осуществлялась охрана маршрутов передвижения и места работы мобилизованных. Немцев. По трудармейцам, нарушавшим режим охраны, разрешалось применение оружия.

Наиболее полно и последовательно требования инструкции по размещению и охране рабочих колонн из немецких граждан СССР осуществлялись в системе НКВД. Руководство лагерей и строек состояло из работников лагерной администрации и имело большой опыт в осуществлении лагерного режима содержания заключённых. Несколько в лучшем положении по режиму содержания находились рабочие колонны при предприятиях других наркоматов. Там иногда допускалось нарушение инструкций, выразившееся в том, что «зоны» не создавались и трудармейцы могли жить более свободно (иногда даже на квартирах у местного населения). Интересен приказ Наркома угольной промышленности от 29 апреля 1943 года. В нём отмечаются нарушения режима содержания на ряде шахт Кузбасса. «Так, на шахте имени Ворошилова и имени Калинина бараки, в которых расселены немцы, не ограждены, вооружённая охрана в зонах не организована, на шахте Бабаевская треста «Куйбышевуголь» более 40 человек расселены на частных квартирах». Как отмечалось далее в приказе, на подавляющем большинстве шахт немцы ходили в сопровождении работников управления спецотряда только на работу, обратно возвращались без сопровождения и охраны. Приём и передача трудармейцев под расписку не производились. Приказ требовал от управляющих трестами и заведующих шахтами к 5 мая 1943 года огородить все общежития и бараки, в которых размещались мобилизованные немцы и установить вооружённую охрану, прекратить выдачу увольнительных, переселить всех проживающих на частных квартирах в «зоны».

И всё же, несмотря на требования руководства Наркомата угольной промышленности, даже к концу 1943 года не все шахты выполнили указание о создании «зон» и вооружённой их охране. Схожая ситуация имела место и в некоторых других гражданских наркоматах.

Для профилактики возможных побегов трудармейцев власти ужесточали режим содержания, широко практиковалось проведение обысков. Начальникам лагерей предписывалось не реже двух раз в месяц проводить тщательный осмотр всех помещений лагеря, где содержались мобилизованные немцы. Одновременно с этим проводился осмотр и проверка личных вещей, во время которого изымались запрещённые к пользованию предметы. Запрещалось хранить холодное и огнестрельное оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические вещества, игральные карты, документы, удостоверяющие личность, военно-топографические карты, планы местности, карты районов и областей, фото- и радиоаппаратуру, бинокли, компасы. Виновные в хранении запрещённых предметов привлекались к ответственности. С октября 1942 года периодичность проверок и личного обыска немцев была увеличена до одного раза в месяц. Но теперь при обнаружении запрещённых вещей в казарме, палатке или бараке к ответственности привлекались кроме виновных также дневальные и командиры подразделений, в помещении которых обнаруживали эти вещи.

За нарушение правил внутреннего распорядка, производственной дисциплины, невыполнение поручений или распоряжений администрации и инженерно-технических работников, невыполнение производственных норм и заданий по вине рабочего, нарушение правил безопасности, порчу инвентаря, инструмента и имущества на трудармейцев накладывались дисциплинарные взыскания. За незначительные проступки объявляли личный выговор, предупреждение, выговор перед строем и в приказе, применялись денежный штраф, назначение на более тяжёлую работу до 1 месяца, арест. В лагерях НКВД арест подразделялся на простой (до 20 суток) и строгий (до 10 суток). Строгий арест отличался от простого тем, что арестованного содержали в одиночке без вывода на работу, горячую пищу выдавали через день, выводили на прогулку один раз в день на 30 минут под охраной вооружённого стрелка.

Наиболее «злостные» нарушители направлялись в штрафные шахты и штрафные колонны на срок до трёх месяцев или предавались суду. Приказ Наркома внутренних дел № 0083 от 12 января 1942 года предупреждал мобилизованных немцев, что за нарушение дисциплины, отказ от работы и дезертирство они подлежат уголовной ответственности «с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания».

В конце 1943 – начале 1944 гг. режим содержания мобилизованных в

рабочие колонны немцев был несколько смягчен. Изданные новые приказы наркоматов: угольной промышленности; целлюлозно-бумажной промышленности; инструкции наркоматов черной металлургии и строительства разрешили снять с «зон» вооруженную охрану и заменить её вахтерскими постами на контрольно-пропускных пунктах и подвижными постами на внутренней территории. Стрелки ВОХРа из вольнонаемного состава заменялись мобилизованными из числа комсомольцев и членов ВКП(б). Вывод на работу стал осуществляться без охраны под командой начальника колонны или бригадира.

По новым руководящим документам конца 1943 – начала 1944 г. начальники колонн получили право предоставлять трудармейцам в свободное от работы время отпуск из «зоны» по увольнительным запискам с обязательным возвращением к 22:00. На территории «зоны» разрешалась организация крытых ларьков для продажи молочных и овощных продуктов местным гражданским населением, которое проходило на территорию лагеря по пропускам, выдаваемым дежурным по «зоне». Рабочим разрешалось свободное передвижение внутри территории, получение и отправление всех видов корреспонденции, получение продовольственных и вещевых посылок, пользование книгами, газетами и журналами, игры в шашки, шахматы, домино и бильярд, занятие физкультурой и спортом, художественной самодеятельностью.

После окончания войны началась постепенная ликвидация всех «зон» и перевод трудармейцев на положение спецпоселенцев с закреплением их на предприятиях, где они работали, в качестве рабочих по вольному найму. Немцам по-прежнему запрещалось самостоятельно уходить с предприятий и покидать место жительства без разрешения органов НКВД.

Приказом Наркома угольной промышленности № 305 с от 23 июля 1945 г. всем рабочим-трудармейцам разрешалось вызывать семьи. Исключение составляли те, кто работал на шахтах Московской, Тульской и Ленинградской областей. На объектах НКВД «зоны» и военизированная охрана мобилизованных немцев были ликвидированы директивой наркома внутренних дел № 8 с от 8 января 1946 г. В этом же месяце «зоны» для мобилизованных немцев ликвидировались и в других наркоматах. Немцам разрешалось проживать на квартирах и в общежитиях, переводить к месту работы на постоянное жительство свои семьи.

В течение всего периода войны принудительный труд мобилизованных немцев использовали предприятия и стройки 24 наркоматов. Как уже отмечалось, наибольшее количество рабочих колонн из немцев (25) функционировало при лагерях и стройках НКВД. На 1 января 1945 года в них трудилось свыше 95 тыс. мобилизованных немцев.

Приведённые данные показывают, что основная масса мобилизованных немцев использовалась на строительстве промышленных объектов и на лесоразработках, где они составляли, соответственно, пятую и седьмую части от общего количества трудового контингента этих отраслей.

За годы войны, обладая огромной армией дешёвой рабочей силы, НКВД построил многие промышленные объекты. Рабочие колонны из немцев трудились на строительстве Бакальских металлургического и коксохимического заводов и на создании рудной базы этих предприятий. Сроки первых пяти электропечей этого завода были рекордно короткими. Пуск их был назначен на четвёртый квартал 1942 г., а две доменные печи вводились в эксплуатацию во втором квартале 1943 г. Задачи были выполнены в срок, в чём оказалась немалая заслуга трудившихся там немцев-трудоармейцев.

Трудоармейцы принимали участие в строительстве Новотагильских металлургического и коксохимического заводов, завода № 166 в Омске, Алтайского бромного завода, Богословского алюминиевого завода, Молотовского судостроительного завода и др., возводили плотины гидроэлектростанций на реках Урала: Поньшской на реке Чусовая, Широковской на реке Косьва, Вилухинской на реке Усьва, многие другие объекты народного хозяйства.

Призванные в рабочие колонны советские немцы в большинстве своём были крестьяне и потому почти не имели рабочих специальностей и квалификаций. На 1 января 1944 г. из 111,9 тыс. мобилизованных немцев, трудившихся в лагерях и на стройках, только 33,1 тыс. являлись квалифицированными специалистами (29 %). Но даже эти специалисты не всегда использовались по прямому назначению. 28 % их находились на общих работах, в том числе инженеров – 9,2 %, техников – 21,8 %, медицинских работников – 14,2 %, электриков, специалистов радио и связи – 11,6 %, механизаторов сельского хозяйства (трактористов, комбайнёров, шоферов) – 68,7 %. И это при острой нехватке таких специалистов в лагерях и на стройках, в целом по народному хозяйству страны!

Руководство страны подразделяло находившийся в его распоряжении трудовой контингент на 4 группы: группа «А» – наиболее трудоспособные и физически здоровые люди, использовавшиеся на основных производственных и строительных работах; группа «Б» – обслуживающий персонал; группа «В» – освобождённые от работы амбулаторные и стационарные больные, команды слабосильных, беременные женщины и инвалиды; группа «Г» – вновь прибывшие и убывающие, находящиеся под следствием и в штрафных подразделениях без вывода на работу, отказчики от работы, а также люди, не имевшие одежды и обуви. Соотношение трудоармейцев по рассмотренным группам в среднем за 1943 год приведено в таблице 8.4.3.

Из приведённых в таблице данных видно, что труд основной массы мо-

мобилизованных немцев использовался на производстве (77,1%) и лишь незначительная часть (5,8 %) находилась в составе обслуживающего персонала. Значительное число трудармейцев (15 %) не выходило на работы из-за болезней. Это было связано, прежде всего, с плохим питанием и тяжёлыми условиями труда.

Небольшое количество невыходов на работу по причине плохих погодных условий вовсе не означало, что погода благоприятствовала труду мобилизованных. Большинство лагерей НКВД находилось в местностях с суровыми климатическими условиями на Севере, в Сибири и на Урале, однако лагерное начальство, как правило, пренебрегало этим фактом в погоне за выполнением плановых заданий, боясь срыва сроков пуска строившихся объектов.

При лагерях НКВД находились рабочие колонны не только из мобилизованных немцев, но и из представителей среднеазиатских народов. Для них, в отличие от немцев, при плохой погоде рабочий день сокращался. Так, продолжительность рабочего дня при температуре ниже -20° в тихую погоду и ниже -15° при ветре сокращалась до 4 часов 30 минут, при температуре ниже -15° в тихую погоду и ниже -10° при ветре – до 6 часов 30 минут. Для немцев же при любых погодных условиях продолжительность рабочего дня составляла не менее 8 часов.

Неблагоприятные погодные условия, тяжёлая работа, плохое питание, необеспеченность одеждой, особенно зимой, отсутствие мест обогрева, продолжительный рабочий день, зачастую свыше 12 часов, а то и по 2-3 смены подряд – всё это приводило к ухудшению физического состояния трудармейцев и значительным трудовым потерям. Динамику трудовых потерь на объектах НКВД можно проследить по изменению процентного состава группы «В» (больные, слабосильные, инвалиды) ко всему контингенту трудармейцев:

1.7. 1942 – 11,5 % 1.7. 1943 – 15,0 % 1.6. 1944 – 10,6 %

1.1. 1943 – 25,9 % 1.1. 1944 – 11,6 %

Приведённые данные ещё раз показывают, что самым тяжёлым периодом в существовании рабочих колонн была зима 1942-1943 гг., в течение которой процент трудовых потерь был самый высокий. Прежде всего, речь идёт о больных и немощных. На этот же период приходится самый строгий режим содержания, перебои с питанием и обеспечением обмундированием, тёплой одеждой и обувью, неустроенность жизни и быта трудармейцев. С лета 1943 г. наблюдается тенденция к улучшению физического состояния людей, показатель по группе «В» неуклонно снижается.

Одной из существенных причин невыполнения многими трудармейцами норм выработки являлось, отсутствие у большинства из них навыков работы на производстве. Так, на Актюбинском комбинате НКВД основная масса

трудоармейцев состояла из бывших колхозников южных районов Украины, не имевших даже понятия о работе в горнорудном производстве. Вследствие этого в четвёртом квартале 1942 года средний процент выполнения производственных норм из месяца в месяц снижался, и лишь с января 1943 г. наметился рост производительности труда. Способствовало этому не только приобретение определённых производственных навыков, но и улучшение питания. Кроме того, при лагере были организованы курсы по подготовке квалифицированных кадров без отрыва от производства, на которых ежемесячно обучалось около 140 человек по специальностям, необходимым комбинату: экскаваторщиков, водителей, водопроводчиков, печников и др.

Сходная ситуация имела место в лагерях, производивших лесозаготовки. В Вятском лагере НКВД мобилизованные немцы использовались на лесозаготовительных, лесозакладочных и лесопогрузочных работах. Не имея навыков работы, они не могли выполнять производственные нормы как опытные рабочие. Обстановка осложнялась интенсивной подачей вагонов для отгрузки леса оборонным предприятиям. Бригады трудоармейцев находились на работе по 20 и более часов в сутки. В результате, группа «В» в Вятлаге, составлявшая в марте 1942 года 23 % всего списочного состава трудоармейцев, к декабрю этого же года достигла 40,3 %.

И всё же, несмотря на тяжёлые условия труда, нормы выработки и производительности труда мобилизованных немцев находились на довольно высоком уровне и превышали эти же показатели у заключённых, работавших в тех же условиях. Так, на Челябинском металлургском заводе НКВД не выполняли норму 5,6 % заключённых и 3,7 % трудоармейцев. Выполняли норму на 200 % – 17 % заключённых и 24,5 % трудоармейцев. На 300 % никто из заключённых не выполнял норму, а из трудоармейцев с такими показателями работали 0,3 %.

В целом в большинстве рабочих отрядов и колонн нормы выработки не только выполнялись, но и перевыполнялись. Например, за второй квартал 1943 г. выработка норм трудоармейцами составила: на строительстве богословского алюминиевого завода – 125,7 %; в Соликамском лагере – 115 %; в Умалытском лагере – 132 %. За третий квартал того же года трудоармейцы Востураллага выполнили нормы заготовки леса на 120 %, вывоза леса – на 118 %. Рабочие колонны Интинского лагеря НКВД за этот же квартал выполнили норму на 135 %.

Определённое отличие, от рассмотренных выше, имели характер и условия труда на предприятиях Наркомата угольной промышленности. Как уже отмечалось, это был второй, после НКВД, наркомат, где использование принудительного труда советских немцев носило массовый характер. Инструкция о трудовом использовании мобилизованных немцев на предприятиях Наркомугля устанавливала продолжительность рабочего дня и количество

выходных дней на общем основании с вольнонаёмными, требовала обязательное техническое обучение рабочих, горных мастеров, десятников и бригадиров из числа мобилизованных не менее четырёх часов в неделю. Нормы выработки, ввиду отсутствия навыков работы в шахтах, в первый месяц снижались до 60 %, во второй месяц – до 80 %, а с третьего месяца составляли 100 % от норм, установленных для вольнонаёмных.

В июне 1943 г. нарком угольной промышленности издал приказ, в котором потребовал всех мобилизованных немцев не позднее 1 августа сосредоточить для работы на специально выделенных для этого шахтах и стройках с учётом «группового их размещения вблизи производства». Выделенные шахты и стройки должны были полностью укомплектовываться трудармейцами во главе с вольнонаёмными руководителями и инженерно-техническим персоналом. Допускалось использование на этих шахтах на основных агрегатах вольнонаёмных рабочих по недостающим среди немцев профессиям.

Первые «спецучастки» из мобилизованных немцев были созданы на шахтах трестов «Ленинуголь» и «Молотовуголь». Они успешно справлялись с плановыми заданиями. Так, по тресту «Молотовуголь» на шахте Капитальная спецучасток № 9 план февраля 1944 г. выполнил на 130 %, на шахте № 10 спецучасток № 8 – на 112 %. Но таких участков было мало. Даже к апрелю 1944 г. концентрация немцев на отдельных шахтах не была завершена.

Значительная часть допущенных к подземным работам трудармейцев специального обучения («техминимума») не проходила. Отсутствие знаний по специальности и технике безопасности приводило к несчастным случаям, частым травмам, а следовательно, и к потере трудоспособности. По тресту «Кагановичуголь» только за март 1944 г. была зарегистрирована потеря 765 человекодней из-за травм, полученных на производстве. На шахте им. Сталина комбината «Кузбассуголь» за первый квартал 1944 г. произошло 27 несчастных случаев, из них 3 со смертельными исходами, 7 – с тяжёлыми травмами, приведшими к инвалидности и 17 – с травмами средней тяжести.

На шахте Вождаевка треста «Куйбышевуголь» 16 февраля 1944 г. произошёл взрыв, в результате которого погибло 80 человек, в том числе 13 немцев, один трудармеец пропал без вести. По мнению руководства шахты причинами аварии стали несоблюдение правил безопасности некоторыми рабочими, захламлённость проходов, несвоевременное перекрытие печей, не проведение разбора причин предыдущих происшествий, текучесть кадров, нарушения трудовой дисциплины.

В целом, как постоянно отмечалось в документах руководителей шахт, комбинатов, трестов, несмотря на недостатки в организации труда и слабые навыки работы на шахте, подавляющее большинство трудармейцев работа-

ло добросовестно, добиваясь высоких результатов. Так, по тресту «Анжероуголь» выполнение норм трудармейцами характеризовалось следующими средними показателями: забойщики – 134 %; навалотбойщики – 144 %; установщики – 182 %; лесодоставщики – 208 %.

На предприятиях Наркомугля имело место широкое использование на шахтах труда подростков-немцев, мобилизованных осенью 1942 г. в результате третьего массового призыва немцев. Например, на шахте Северная треста «Кемеровуголь» в рабочей колонне, насчитывавшей 107 человек, работал 31 подросток от 16 лет и младше, в том числе 15-летних – 12, 14-летних – 1. Работали они на всех участках шахты наравне со взрослыми, и никто не пытался облегчить их труд.

На большинстве шахт Наркомата угольной промышленности требование инструкции о предоставлении трудармейцам не менее трёх выходных дней в месяц не соблюдалось. Руководство предприятий требовало, чтобы каждый рабочий-трудмобилизованный принимал так называемую новогоднюю клятву товарищу Сталину, в которой трудармейцы брали обязательство увеличивать угледобычу за счёт выходных дней.

В наркомате нефтяной промышленности рабочие колонны из мобилизованных немцев использовались, главным образом, на строительстве дорог, нефтепроводов, в карьерах, на лесозаготовках, лесовывозе, расчистке дорог и т. п. В Наркомате боеприпасов немцы работали на вспомогательных производствах и в подсобных хозяйствах предприятий, их не допускали к работе в основных и особенно в оборонных цехах. Аналогичный характер трудового использования немцев имел место и в других наркоматах, где они работали.

Условия жизни трудармейцев хотя и отличались друг от друга на различных объектах, где работали мобилизованные немцы, однако в целом были исключительно тяжёлыми.

Жилищные условия характеризовались теснотой, использованием для жилья мало приспособленных или вовсе негодных для проживания помещений. Рабочие колонны при лагерях НКВД размещались, как правило, в бывших лагерных пунктах, а зачастую на пустом месте в наспех вырытых бараках-землянках. Внутри бараков для сна оборудовались двух-, а зачастую и трёхъярусные деревянные нары, которые не могли обеспечить нормальный отдых из-за большой скученности людей, проживавших в одном помещении. На одного человека, как правило, приходилось чуть больше 1 кв. метра полезной площади.

В гражданских наркоматах имели место случаи проживания трудармейцев на частных квартирах. Однако в течение 1943 г. всех мобилизованных немцев переселили в бараки, построенные по типу описанных выше бара-

ков в рабочих колоннах НКВД.

Начиная с 1944 года наметилась общая тенденция к некоторому улучшению жилищных условий трудармейцев, главным образом за счёт труда самих же рабочих. Строились бани, прачечные, столовые, помещения для жилья, однако серьёзных изменений к лучшему не произошло. Продолжали иметь место факты вопиюще пренебрежительного отношения администрации лагерей,строек, предприятий к элементарным человеческим запросам. Так, в июне 1944 г. на комбинат № 179 и завод № 65 Наркомата боеприпасов из Нарымского округа было доставлено 295 семей (768 мужчин, женщин, детей) немцев-спецпереселенцев. Все трудоспособные мобилизовывались в рабочие колонны. Руководство комбината к встрече новой партии трудармейцев не подготовилось. В связи с нехваткой жилья и отсутствием топлива на одном топчане спали по 2-3 человека.

Жилищные трудности мобилизованных усугублялись недостатком постельных принадлежностей, плохим снабжением тёплыми вещами, обмундированием и спецодеждой. Так, в Волжском лагере НКВД одеяла имелись только у 70 %, наволочки и простыни у 80 % трудармейцев. В Интинском исправительно-трудовом лагере на 142 трудармейца имелось всего 10 простыней. Матрацы, как правило, набивались соломой, но и это зачастую не делалось. На ряде предприятий трестов «Кузбассуголь» и «Кемеровуголь» из-за отсутствия соломы мобилизованные спали прямо на голых нарах.

Проблему обеспечения трудармейцев вещевым имуществом и постельными принадлежностями так и не удалось решить до конца войны. Например, весной 1945 г. на марганцевом руднике «Полуночное» Свердловской области из 2534 трудармейцев полностью одетых было всего 797 человек, не имели чего-либо из одежды 990 человек, не имели обуви 537 человек, вообще не имели ни одежды, ни обуви 84 человека.

Не менее драматично складывалась ситуация и с продовольственным обеспечением личного состава рабочих колонн и отрядов. Снабжение мобилизованных немцев осуществлялось едва ли не в последнюю очередь, что и обуславливало затруднения с питанием в рабочих колоннах.

Особенно острая нехватка продовольствия отмечалась зимой 1942-1943 гг. 25 октября 1942 г. заместитель Наркома внутренних дел Круглов дал указание начальникам исправительно-трудовых лагерей запретить выдачу мобилизованным немцам хлеба более 800 г в сутки на человека, независимо от процента выполнения производственного задания. Это делалось «в целях экономии расходования продуктов и хлеба». Были снижены нормы обеспечения и по другим продуктам: рыбы – до 50 г, мяса – до 20 г, жира – до 10 г, овощей и картофеля – до 400 г в сутки. Но даже заниженные нормы питания практически никогда полностью не доводились до рабочих по различным

причинам: от отсутствия продовольствия и до злоупотребления должностных лиц, организовывавших питание.

В зависимости от выполнения планового задания нормы питания разделялись на три вида («котла»). Норма № 1 – уменьшенная – предназначалась для тех, кто не выполнял производственные задания. Норму № 2 получали те, кто выполнял эти задания на 100-150 %. По норме № 3 – увеличенной – питались те, кто перевыполнял производственные задания более чем на 150 %. Количество продуктов по нормам значительно отличалось друг от друга. Так, норма № 1 была ниже нормы № 3 по картофелю и овощам в 2 раза, по мясу и рыбе более чем в 2 раза, по крупе и макаронам в 3 раза. По сути дела, питаясь по первой норме, человек находился на грани истощения и мог только поддерживать свои силы, чтобы не умереть голодной смертью.

Приём пищи трудармейцами осуществлялся в помещениях, большей частью не подходивших для столовых. Малая пропускная способность этих помещений, значительная нехватка посуды усугубляла ситуацию. К примеру, на шахтах Северная и Южная комбината «Кемеровуголь» трудармейцы вынуждены были стоять в очереди по три часа, чтобы получить свою скудную порцию пищи, и всё из-за того, что в столовой шахты Северная было всего 8 столов и 12 мисок, в столовой шахты Южная всего 8 мисок.

Трудности в организации питания вынуждали руководство наркоматов прибегать к неординарным мерам. 7 апреля 1943 года всё тот же Круглов издал директиву, в которой отмечался факт массового ухудшения физического состояния «спецконтингента» лагерей истроек НКВД. Предлагалось принять экстренные меры к «оздоровлению». В качестве одной из таких мер было приказано «организовать сбор щавеля, крапивы, других дикорастущих, могущих быть немедленно использованными в качестве заменителей овощей». Сбором травы предписывалось заниматься ослабленным и инвалидам.

Конечно же, все эти предпринимавшиеся меры не могли кардинально решить продовольственные проблемы «Трудармии».

Тяжёлые условия труда, плохое питание, вещевое снабжение и отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий поставили тысячи мобилизованных немцев на грань выживания. Отсутствие полных статистических данных затрудняет точное определение количества трудармейцев, умерших от голода, холода, болезней и нечеловеческих условий труда за всё время существования рабочих колонн в годы войны. Но и отрывочные сведения позволяют сделать заключение о довольно высоком уровне смертности.

Как видно из таблицы 8.4.4, особенно высоким он был в рабочих рядах и колоннах при лагерях и стройках НКВД. За 1942 год из 115 тыс. трудармейцев там умерло 11874 человека или 10,6 %. В дальнейшем в этом

наркомате наблюдалось снижение смертности мобилизованных немцев и к 1945 г. она составила 2,5 %. Во всех других наркоматах, использовавших труд немцев, абсолютное количество умерших было меньше, чем в НКВД, однако там из года в год смертность росла.

В отдельных рабочих колоннах на объектах НКВД смертность в 1942 году значительно превышала среднюю по наркомату. Особенно «отличились» 4 лагеря НКВД: Севжелдорлаг – 20,8 %; Соликамлаг – 19 %; Тавдинлаг – 17,9 %; Богословлаг – 17,2 %. Наименьшая смертность была в Волжлаге – 1,1 %, Краслаге – 1,2 %, Востураллаге и Умалытлаге – по 1,6 %.

Справка ГУЛАГа НКВД от 31 августа 1942 г.

Основными причинами высокой смертности являлись неполноценное питание, тяжёлые жилищно-бытовые условия, перенапряжение на работах, отсутствие медикаментов и квалифицированной медицинской помощи. В среднем один врач и два средних медицинских работника приходились на тысячу мобилизованных немцев, не считая заключённых и вольнонаёмных рабочих. В докладной записке начальника Вятлага НКВД отмечалась возросшая смертность трудармейцев: с 5 случаев в марте 1942 г. до 229 – в августе этого же года, назывались основные виды заболеваний, которые приводили к смертельным исходам. В основном это были заболевания, связанные с тяжёлым физическим трудом при недостаточном питании – пелагра, сильное истощение, болезни сердца и туберкулёз.

К концу войны началась постепенная демобилизация из рабочих колонн многолетних немцев. По докладу начальника отдела спецпереселений НКВД полковника Кузнецова, в рабочих колоннах находилось 53 тыс. женщин-немцев. Из них у 6436 в местах их мобилизации оставались дети. По одному ребёнку возрастом до 12 лет имели 4304 женщины, по 2 – 1739, по 3 – 357, по 4 – 36 немцев.

На некоторых предприятиях руководство вынуждено было создавать свои интернаты для немецких детей. Например, такой интернат существовал при заводе № 65 Наркомата боеприпасов. В нём проживало 114 детей в возрасте от 3 до 5 лет. Зимняя одежда и обувь у детей полностью отсутствовала и потому они были лишены возможности прогулок на свежем воздухе. Многие дети совершенно босые и голые целыми сутками проводили время в постелях под одеялами. Почти все имели признаки рахита. Изолятор для больных детей в интернате отсутствовал, и заболевшие инфекционными болезнями – корью, свинкой, скарлатиной, чесоткой – находились вместе со здоровыми. В столовой интерната имелось только три кружки и чай дети пили из тарелок, в которых кушали первое и второе блюда.

Положение трудармейцев во многом зависело ещё и от отношения к ним

руководства объектов, на которых они работали. Оно было неодинаковым. Где-то доброжелательным, где-то равнодушным, а где-то неприязненным и жестоким, вплоть до физического оскорбления.

14-летней Роза Штекляйн, работавшая на заводе № 65 Наркомата боеприпасов, одетая только в потрёпанное рваное платье и порванный ватник, с голыми коленками, без белья в мороз и стужу ежедневно ходила на завод туда и обратно по 5 км. Она систематически перевыполняла нормы, тем не менее, за 4 месяца получила за работу только 90 руб. Начальник цеха на её просьбу помочь талонами на дополнительный хлеб ответил грубым окриком: «Ступай к своему Гитлеру за хлебом». На этом же заводе имелись случаи злоупотребления хлебом в цехах, когда мастера незаконно удерживали у себя хлебные карточки, чтобы принудить людей к явке на работу, а затем выдавали не карточки, а талоны на дополнительный хлеб, норма по которым была значительно ниже, чем по карточкам.

В приказе по государственному каменноугольному комбинату «Кузбассуголь» от 5 февраля 1944 года отмечалось, что некоторые заведующие шахт и начальники участков допускают «хулигански грубое отношение к немцам вплоть до нанесения всевозможного рода оскорблений и даже избиений».

На комбинате «Кемеровуголь» начальник шахты Бутовка Харитонов, проводя общее собрание рабочих шахты 23 января 1944 года, на котором присутствовали и мобилизованные немцы, в своём выступлении огульно ругал всех рабочих-немцев, заявляя, что они «являются врагами русского народа» и что их нужно заставлять работать и без наличия у них спецодежды: «Мы их и голыми заставим работать».

Несмотря на приведённые выше факты, всё же многие руководители, вольнонаёмные рабочие, большинство местного населения не только отнормировались к мобилизованным немцам доброжелательно, но нередко даже помогали им, делясь хлебом и другими продуктами. Многие директора заводов и начальники строек охотно брали к себе рабочих-специалистов из рабочих колонн.

По свидетельству многих бывших трудармейцев отношение к немцам со стороны местного населения держалось под пристальным вниманием органов НКВД. Всех, кто хоть раз замолвил за них слово или помог в чём-либо, вызывали в парткомы и органы НКВД, где им втолковывали, что они не патриоты своей Родины, так как связываются с врагами народа. Особенно сильное давление оказывалось на мужчин и женщин любой национальности, если они вступали в брак с немцем или немкой. Для таких людей движение по служебной лестнице было закрыто. И всё же смешанных браков, в которых один из супругов был немец, в годы войны совершалось немало.

В Тагиллаге НКВД в 1942-1945 годах под карцер была приспособлена

старая часовня, обнесённая колючей проволокой. Трудармейцы дали ей название Тамара – по имени русской девушки, на свидание к которой отлучился молодой трудармеец, за что ему и была предоставлена «честь» первым освоить этот карцер.

Многие бывшие трудармейцы-немцы добрым словом вспоминают генерал-майора Царевского, назначенного в начале 1943 года начальником Тагилстроя НКВД. При этом отмечают как его высокая требовательность, так и гуманное отношение к людям. Именно он спас от голода и истощения уцелевших после невыносимо трудной зимы 1942-1943 годов мобилизованных немцев.

В то же время ужас внушал трудармейцам Челябинского металлургстроя его начальник генерал-майор Комаровский. По его злой воле расстрелы трудармейцев за малейшие провинности стали в лагере обыденным явлением.

Сами трудармейцы по-разному оценивали своё положение Старшее поколение воспринимало «Трудармию» как очередное звено в длинной цепи различного рода репрессивных антинемецких кампаний, проводившихся при советской власти. Людей помоложе, воспитанных на социалистической идеологии, больше всего задевало то, что их, советских граждан, коммунистов и комсомольцев, лишили возможности защищать родину с оружием в руках, незаслуженно отождествили с немцами Германии и обвинили в пособничестве агрессору. Эти люди всеми своими поступками, поведением, активным трудом пытались убедить представителей власти в своей лояльности, надеялись, что вот-вот ошибка будет исправлена, справедливость восстановлена.

Справка ГУЛАГа НКВД от 10 марта 1942 г.

По инициативе партийно-комсомольского актива проводился сбор средств в помощь Красной Армии. На строительстве Богословского алюминиевого завода трудармейцы к каждому празднику от своей скудной дневной нормы отдавали по 200 г хлеба, чтобы потом из качественной муки испечь печенье и отправить на фронт в подарок бойцам. Там же рабочими-немцами было собрано свыше двух миллионов рублей на вооружение Красной Армии. Эта инициатива не осталась незамеченной в высшем руководстве страны. В телеграмме, направленной в адрес трудармейцев Богословстроя и подписанной самим Сталиным, говорилось: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353783 рубля на строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолётов, мой братский привет и благодарность Красной Армии». Телеграмма явилась свидетельством невольного признания руководством страны, в том

числе И. Сталиным, высокого патриотического духа значительной части рабочих немецкой национальности, трудившихся в рабочих отрядах и колоннах. Этот дух сохранялся, несмотря на унижения, оскорбления человеческого и гражданского достоинства, чинившиеся официальной властью.

Немало немцев на протяжении всех лет «Трудармии» являлись передовиками производства, участвовали в стахановском движении. Так, например, только в тресте «Кемеровуголь» по результатам социалистического соревнования среди трудармейцев в марте 1944 года имелось 60 стахановцев и 167 ударников. Неоднократно отмечались случаи присвоения трудармейцам звания «Лучший по профессии». В частности, Анжеро-Судженские городские партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные органы в марте 1944 г. присвоили звание лучшего лесодоставщика треста «Анжероуголь» немцу Шлейхеру, выполнявшему норму на 163 %.

Если одна, значительная по численности, часть трудармейцев активным трудом и высокими показателями на производстве пыталась доказать властям свою лояльность и патриотизм, надеясь, что в результате власти изменят своё негативное отношение к советским немцам, то другая, тоже не малая, – свою обиду, протест против допущенной несправедливости, тяжёлых унижительных условий труда и жизни выражали противоположными по характеру действиями: дезертирством, отказом от работ, открытым сопротивлением насилию и т. п.

Директива оперативного отдела ГУЛАГа НКВД начальникам оперативно-чекистских отделений исправительно-трудовых лагерей НКВД. 6.08.1942.

Дезертирство трудармейцев из рабочих колонн имело достаточно широкий размах. По данным НКВД, в 1942 году только из лагерей и состроек этого ведомства было совершено 160 групповых побегов. В частности, в августе 1942 года из Усольского лагеря НКВД дезертировала группа немцев в количестве 4 человек. Подготовка к побегу велась в течение нескольких месяцев. «Организатор побега Лайк приобрёл фиктивные документы, которыми снабдил участников группы». В октябре 1942 года из ремонтно-механического завода Тагильского лагеря НКВД дезертировало на автомашине 6 мобилизованных немцев. Перед побегом дезертиры собирали среди своих товарищей по работе пожертвования на побег, главным образом деньги.

Большую часть беглецов вылавливали и возвращали в лагеря, передавая их дела на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, что влекло за собой, как правило, высшую меру наказания. И всё же за 1942 год 462 дезертировавших трудармейца так и не были пойманы.

При поимке дезертировавших групп трудармейцев имелись отдельные случаи оказания ими вооружённого сопротивления задерживавшим их подразделениям внутренних войск. Так, при задержании группы трудармейцев,

совершивших побег из Богословлага, «таковые оказались вооружёнными финскими ножами и самодельными кинжалами и, оказывая сопротивление... пытались убить пом. командира взвода оперативного дивизиона».

О том, что в ряде рабочих колонн немцы серьёзно готовились к побегам и при необходимости готовы были оказать сопротивление, свидетельствуют вещи, которые находили у них при обысках. В массовом порядке изымались ножи, кинжалы, отточки, топоры, ломы и тому подобные предметы, а в одном из лагерей НКВД у трудармейца был даже обнаружен пистолет системы Нагана с семью патронами к нему. Находили также карты, компасы, бинокли и др.

В 1943 году дезертирство трудармейцев приобрело ещё большие масштабы.

В отличие от лагерей и строек НКВД, на объектах всех других наркоматов очень чётко просматривается зависимость дезертирства от условий труда и жизни трудармейцев. С предприятий наркомата боеприпасов в 1943 году дезертировал едва ли не каждый четвёртый трудармеец. Уже отмечалось, что на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов, находившемся в Новосибирской области, рабочий отряд располагался в бывшем лагерном пункте Сиблага НКВД, колонны трудармейцев охранялись во время следования на комбинат и назад. Тем не менее, за 1943 год оттуда сбежал 931 человек – больше половины общего количества немцев, трудившихся на этом комбинате. Аналогичная ситуация имела место на заводах № 65 и 556, где по результатам инспектирования предприятий Наркомата боеприпасов отмечались «совершенно неудовлетворительные бытовые условия и плохая организация трудового использования». В то же время на заводах № 62, 63, 68, 76, 260, при более или менее сносных условиях жизни трудармейцев, дезертирство отсутствовало.

Расширению масштабов дезертирства способствовали имевшие место факты, когда руководители предприятий, колхозов, МТС принимали на работу дезертировавших из рабочих отрядов и колонн мобилизованных немцев, не спрашивая у них документов.

Власти умело противодействовали «негативным проявлениям» со стороны трудармейцев, применяя суровые меры наказания, фабрикуя на них «контрреволюционные» дела, формируя и используя широкую агентурно-осведомительскую сеть в трудармейской среде.

О надуманности и сфабрикованности дел красноречиво свидетельствует следующий пример. В Бакальском лагере НКВД доблестные чекисты ликвидировали «повстанческую организацию, именовавшую себя «Боевой отряд». Были арестованы бригадир Дизер, бывший капитан дальнего плавания, бригадир механических мастерских Вайнгуш, бывший инструктор Союза

виноградских хозяйств, Франк, бывший агроном, и другие. «Участники организации подготавливали вооружённый побег из лагеря с целью перехода на сторону немецких оккупационных войск. В пути следования к фронту организация готовилась взрывать мосты на железнодорожных магистралях с тем, чтобы затормозить подвоз снабжения для Красной Армии».

«Повстанческую организацию» вскрыли также и в Волжлаге НКВД. «Для получения оружия участники этой организации намеревались установить связь с немецкими оккупационными войсками. С этой целью подготавливался побег из лагеря 2-3 участников группы, которые должны были пробраться через линию фронта к фашистам».

«Повстанческие» и «диверсионные» группы из трудармейцев были «обнаружены» и «ликвидированы» также в Ивдельлаге, Тагиллаге, Вятлаге, на других объектах НКВД, а также на ряде шахт и предприятий гражданских наркоматов. Так, новосибирские чекисты, опираясь на агентурную сеть, настряпали кучу дел: «Гунны» – о «профашистской повстанческой организации»; «Термисты» – о шпионаже в пользу германии; «Фрицы» – о «фашистской агитации», а также «Гансы», «Алтайцы», «Геррика», «Кроус» и многие другие.

Привлекались к ответственности и бывшие фронтовики, которые позволяли себе рассказывать людям правду о реальном положении на фронтах в начальный период войны. Над трудармейцем 2-го рабочего отряда Челябинского металлургского НКВД Кремером летом 1942 года был устроен показательный суд за то, что он рассказывал своим товарищам о кровопролитных боях и больших потерях при отступлении нашей армии летом 1941 года, о том, что враг был вооружён до зубов, а у наших солдат не было даже патронов. Кремера обвинили в распространении ложных сведений о ходе войны, в саботаже и приговорили к расстрелу.

В целом о количестве и характере «преступлений», совершённых трудармейцами, можно судить на примере привлечённых в лагерях НКВД к уголовной ответственности немцев. Так, только в четвёртом квартале 1942 года в Вятлаге к уголовной ответственности был привлечён 121 немец, в том числе за «контрреволюционные преступления» – 35, хищения – 13, «контрреволюционный саботаж» (отказ от работы, членовредительство, сознательное доведение себя до истощения) – 32, дезертирство – 8 трудармейцев.

Как видим, трудармейцы были очень разными и не похожими друг на друга людьми по своим взглядам и убеждениям, по отношению к той ситуации, в которой они оказались. И в этом, как представляется, нет ничего удивительного. Ведь в рабочих отрядах и колоннах встретились и работали бок о бок люди, у которых общим были национальность, язык, чувство обиды и горечи за своё унижительное положение, однако до войны они проживали в

разных регионах, принадлежали к различным социальным, профессиональным и демографическим группам, исповедовали разную религию либо были атеистами, по-разному относились к советской власти, неоднозначно оценивали режим в Германии. Пытаясь найти из невыносимо тяжёлого положения, в котором оказались, свой, как представлялось каждому, единственно правильный выход и определяя таким образом свою судьбу, все они жили надеждой на удачу, на то, что судьба окажется к ним благосклонной, что кошмар войны, лагерной рабской жизни рано или поздно кончится.

Политико-правовое признание «Трудармии» как формы участия советских граждан в обеспечении победы над агрессором, произошло лишь на рубеже 1980-1990 гг., то есть спустя четыре с лишним десятилетия после окончания войны. Многие трудармейцы не дожили до этой поры.

ВСЕ О МЕННОНИТАХ

Возникновение и развитие меннонитства

(Энциклопедическая справка)

Меннонитство возникло в начале 30-х годов XVI века в Нидерландах, которые в это время находились под властью Габсбургов. Нидерланды вносили в казну Испании много миллионов гульденов в счет налогов. Также это был важнейший военный плацдарм для ведения операций против Франции и некоторых немецких князей.

В этот период в Нидерландах шло быстрое разложение феодальных отношений, развертывался процесс первоначального накопления капитала и зарождались капиталистические формы хозяйства, развивались города. В связи с этим политическая и экономическая почва «уплывала» из под ног дворянства; бюргерство и феодальное крестьянство разлагались; ремесленники и крестьяне нищали, превращались в пауперов и бродяг. С 1521 года стали издаваться особые законы – «плакаты» – против еретиков, был учрежден трибунал инквизиции. В 1534-1535 годах происходят массовые народные выступления. В Европе в эту эпоху появилось множество течений, оппозиционных феодализму и его церкви, которые вошли в историю под названием протестантизма. Он связан с реформацией церковью в западноевропейских странах. В этом движении против косервативно-католического лагеря четко выделились два основных направления: бюргерско-умеренное и революционное, крестьянско-плебейское. Оба направления выражали свой протест языком религии.

Народная реформация получила свое выражение в анабаптизме. Анабаптисты активно участвовали в крестьянской войне в Германии в 1524-1525 годах. Поражение в войне наложило отпечаток на взгляды общества, появи-

лись настроения деморализации и замешательства, политической пассивности и неверия в возможность свергнуть существующий строй. Все это достаточно ярко проявилось на анабаптистском конгрессе в Бокгольте в августе 1536 года. Он показал, что революционная направленность среди нидерландских перекрещенцев (анабаптистов) исчезла совсем. Первыми проводниками «мирного» течения были оббониты – «крестьящиеся по вере» (названы по имени Филиппа Оббе). Они учили, что нужно примириться с действительностью, что лучшего состояния мира не будет.

Основателем меннонитства стал Менно Симонс. Он родился во фризской деревне Витмарсюм, получил богословское образование и принял сан католического священника. Его внимание к учению анабаптистов привлекли репрессии против них. Он стал сомневаться в католических догматах крещения и евхаристии. По стечению жизненных обстоятельств Менно Симонс сложил с себя священнический сан и полностью порвал с католической церковью, а в 1537 году возглавил движение «мирных», принял от Филиппа Оббе перекрещение и рукоположение в духовные старшины. Позже он выступает в качестве странствующего проповедника, организовывая общины по всей Европе. В 1543 году он принял сан епископа всех меннонитов.

Первоначально меннонитство возникло как организация угнетенных масс и прежде всего крестьянства. Поражение народных восстаний в прошлом всегда вызывало повышенную религиозность у угнетенных. Тогда терялся всякий интерес к миру, в котором они живут, терялась надежда на обустройство в жизни. Поэтому много лозунгов, призывающих к внутреннему самосовершенствованию, к готовности прибыть в мир Христа, где, несомненно, будет лучше, чем здесь на земле. Владениями Христа объявлялись «духовный мир людей и потусторонние сферы».

Позже меннонитство эту социальную окраску утратило. Теперь стало заметно присутствие буржуазных элементов. Объединяясь таким образом буржуазия наносила большие удары устоям абсолютизма. Кроме того, меннонитство было той «уздой», которой можно сдерживать революционные выступления. Наличие буржуазии в секте доказывается их отношением к собственности, которая не считалась грехом.

По причине жестоких гонений, которые продолжались вплоть до 1578 года, с 40-х годов XVI века меннониты начинают переселяться в Северную Германию и Польшу. В Польше они поселились колониями на землях возле городов Эльбинга, Данцига, в Мариенвердской низменности, а также в устье реки Вислы. Польское правительство (как и позже русское) предоставило переселенцам религиозную свободу, освободило от воинской повинности, наделило различными вольностями, видя в них один из рычагов развития производственных сил страны.

К концу XVIII века положение меннонитов на территории Пруссии стало ухудшаться. Стали резко обостряться противоречия между зажиточной частью меннонитских крестьян и юнкерами. Камнем преткновения были земельные отношения. Видя эти противоречия, прусские короли перешли к отмене привилегий и к репрессиям. Все меры были направлены на ограничение меннонитского землевладения. А в 1774 году Фридрих издал указ по Мариенбургскому управлению. В соответствии с ним меннонитское землевладение ликвидировалось. В это время снова встает вопрос переселения. Создавшимся положением воспользовалась Россия.

В этот период Россия активизировала свою колонизационную политику. После войн с Турцией она получила ряд владений, на которых ей требовалось закрепиться. Программа заселения южных земель иностранными колонистами была рассчитана на создание из них социального слоя «природно-верноподданных», на которых царская власть могла бы твердо опираться в своей внутренней политике. Вместе с тем иностранные колонисты представлялись и как определенная экономическая сила, которая могла способствовать хозяйственному освоению южно-степных районов и проникновению в них торгового капитала. В этом смысле внимание уделялось именно меннонитам, так как среди них было немало зажиточных сельских хозяев, наживших капитал путем применения наемного труда. Капиталы, привезенные меннонитами в Россию, являлись главным фактором в наделении их привилегиями, которыми другие переселенцы не наделялись.

В 1763 году Екатерина II издала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться, в которых губерниях они пожелают». По этому манифесту всем переселенцам предоставлялись широкие льготы и свободное исповедание своей религии. Меннонитам для заселения отводились земли на юге Украины (в Екатеринославской, Таврической, Самарской и Саратовской губерниях). Переселение шло с 1789 по 1870 годы.

До сих пор остается неизвестным вопрос об этнической принадлежности переселенцев-меннонитов. Между учеными нет единой точки зрения. Так Крестьянинов В.Ф. считает, что за 200 лет с четвертью эмигранты-меннониты почти целиком смешались с немецким населением Польши и Пруссии, они усвоили его культуру, быт, традиции, а также нижненемецкое наречие – платтдейч. Из этого он делает вывод, что все меннониты, переселившиеся в Россию являются немцами. Сходные точки зрения есть и у других ученых. Так, например, Писаревский Г.Г. считает, что меннониты, переселившись в Пруссию из Голландии в XVI веке, онемечились. Унру Б.П. также считает меннонитов несомненно немцами. Он обосновывает свою точку зрения тремя основными фактами: 1) Менно Симонс организовал общину в Восточной Фрисландии, а она является составной частью Германии;

2) большую часть нидерландских анабаптистов составляют швейцарские и немецкие беженцы; 3) все меннониты говорят на немецком языке. Существуют и другие точки зрения, в которых меннонитов считают голландцами, обосновывая это местом их первоначального возникновения. Ипатова А.Н. считает, что «онемечиванию подверглись меннониты, оставшиеся в прусском государстве, а не те, которых угроза насильственного онемечивания заставила решиться на очередную миграцию». Меннониты принадлежат к голландцам, живя в различных странах, они приобретают новые черты в своей культуре, не смотря на замкнутость своих общин. Именно поэтому немцы считали их голландцами, а русские – немцами. Вероятно, что сейчас меннонитов в России считают русскими. Видимо, это объясняется особенностями мышления людей.

Переселившись в Россию, меннониты получили от царских властей большие привилегии. Каждую семью наделили землей в 65 десятин, освободили на 10 лет от всяких податей, «на вечные времена» освободили от военной службы, разрешили заниматься не только земледелием, но и «заводить» фабрики, заниматься торговлей и т.д. Колониям меннонитов было предоставлено право свободного отправления религий и обрядов, самоуправление и собственная юрисдикция. А меннониты, в свою очередь, дали обязательство не допускать действий, направленных против господствующей православной церкви и против самодержавия. Все это способствовало быстрому росту меннонитских колоний. Этому также способствовала установленная система землевладения. Оно было неделимым. Земля находилась в единоличном потомственном пользовании, однако собственником земли выступала колония. Право наследования земли имел, как правило, старший сын. Другие сыновья были вынуждены наниматься в батраки или арендовать землю у своих имущих братьев по вере. Такой порядок к середине XIX века породил в колониях меннонитов класс крупных землевладельцев и класс безземельных людей. Последние были бесправны, так как правами колонистов пользовались те, которые владели более чем 65 десятин земли. Малоземельные и безземельные составляли около двух третей населения колоний. Недовольство этих людей не вызвало революционной ситуации, дело ограничилось лишь появлением новых толков религии. Все это объясняет религиозные взгляды меннонитов. Все духовные запросы удовлетворились одной лишь религией. На проповедях постоянно говорилось о том, что их община – это общность, непосредственно связанная с богом, все члены ее являются «рожденными во Христе». Помимо проповедей проводились мероприятия по доказательству равенства меннонитов: выборное начало церковного руководства, отсутствие у проповедников жалованья и т.д. Все это влияло на людей, они видели в помещике, кулаке, промышленнике, торговце своего брата во Христе.

Именно поэтому недовольство выражалось в религиозной форме. В конце 40-х – начале 50-х годов XIX века среди меннонитов возникает религиозное течение, начало которому положил вюстизм (назван по имени Эдуарда Вюста – лютеранского пастора). Главным взглядом вюстизма было отрицание богатства. Вюстовцы считали себя прощенными грешниками, святыми, которым уготован небесный рай. Неудивительно, что вюстизм объединил бедняков и безземельных. В 1855 году в одной из колоний Мариупольского округа оформляется секта прыгунов или гюпферов. Ее организатор Каппес – сторонник вюстизма. Возникновение этого учения – следствие безвыходного материального положения крестьянства. Оно впало в самый беспросветный мистицизм: моления они заканчивали шумными скаканиями, плясками, взаимными поцелуями, хлопками в ладоши. Они требовали для себя «евангельской свободы».

Одновременно с гюпферами возникают общины «иерусалимских друзей». Они включали в себя и безземельных, и малоземельных крестьян. Выдвинули идею децентрализации «церковного конвента», стоявшего во главе меннонитов. Они отрицали божественность Христа, считая его идеальным человеком, религии придавали этическое, нравственное значение.

К 1860 году относят появление «меннонитской братской общины», или новоменнонитов. Начало ей положили гюпферы из колоний на реке Молочной. Вероучение новоменнонитов в молочанских колониях изменилось в сторону баптизма. Крещение через обливание было отброшено и заменено погружением в воду. Меннонитство оказало сильное влияние на баптизм в момент его формирования. Также и баптизм оказал значительное влияние на развитие меннонитства. Богатая верхушка вместе с проповедниками староменнонитской церкви подвергла жесткому преследованию приверженцев новых сект. Против еретиков принимались жесткие меры: конфискация имущества, массовые порки и т.д.

Усиление религиозных течений обеспокоило не только имущих меннонитов, но и царское правительство. Опасаясь, что движение перекинется на соседние русские или украинские деревни, правительство предлагает переселить малоземельных и безземельных крестьян в другие губернии. Переселение началось с 1860 года и продолжалось до начала первой мировой войны. В результате этой второй волны переселения на Кубани, Урале (Оренбургская губерния), в Западной Сибири и Туркестане возникли группы дочерних меннонитских поселков. Большая часть переселенцев оседала преимущественно в степной и лесостепной части Западной Сибири: около Омска, в Славгородском и Павлодарском уездах.

Выселение малоземельных и безземельных меннонитов лишь отчасти ослабило борьбу. В новых поселениях вновь возникают религиозные на-

правления. Появляются «братья меннонитов». Их религиозные воззрения включали ряд идей адвентизма: наступление тысячелетнего царства, вера в близость второго пришествия Христа, которое произойдет в Туркестане. В начале 80-х годов несколько сот фанатично настроенных меннонитов двинулись в Туркестан. Часть их остановилась близ города Аулиэ-Ата (ныне – Джамбул), где на участках плодородной земли основали свои колонии. Самые выносливые добрались до Киргизии. Так произошло переселение меннонитов в Среднюю Азию.

Интересен вопрос об отношениях меннонитов с царизмом. Меннониты прямо или косвенно поддерживали политические акты царского правительства. Политика царизма нашла твердую поддержку со стороны меннонитов в период войн, когда последние преподносили огромные денежные и натуральные пожертвования. И царское правительство охраняло интересы меннонитов, заботясь прежде всего о сохранении исключительного значения религии и проповедников в жизни меннонитских колоний, оно не возражало против многих требований их церкви. Далее в истории меннонитства последовал третий миграционный поток 1927-1929 годов, что было связано с известным насаждением атеизма на всю страну. При этом отвергалось всякое представление о том, что вера в бога связана с естественными потребностями человеческой души. Вовсе не считали религию универсальным мировоззрением и отрицали, что духовная жизнь людей лучшим образом проявляется в религии. Все подобные взгляды, как правило, приписывали буржуазным авторам, пережиткам прошлого. Меннониты эмигрировали в страны Европы, США, Канаду и др.

Мировоззрение меннонитов

Главенствующими взглядами меннонитов являются представление об индивидуальной вере как исключительного средства спасения и почитание Библии как единственного источника вероучения.

Согласно воззрениям меннонитов, откровение, данное богом, находится только в Библии, именно поэтому все остальное не может служить источником веры. Из всех текстов Библии основной упор делают на Новый Завет. Проповедники толкуют отдельные места «священного писания», стремятся доказать, что все в мире предопределено божественными библейскими положениями и только они могут служить основанием человеческого опыта. Объективные закономерности в мире отсутствуют. Существует дуалистическое представление о мире. Он, по их представлениям, состоит из двух независимых и противостоящих друг другу сущностей из мира духовного, вечного (где обитают сверхъестественные силы) и мира земного, матери-

ального, переходящего (где идет недолгая жизнь человека). В центре этого двойственного мира находится человек. Он является венцом божественного творения и тоже состоит из двух противоположных начал: духовного (бессмертного) и физического (смертного). Душа есть источник высших человеческих помыслов, которые направлены служению богу, плотское тянет к мирской, низменной жизни. Мирская жизнь считается сплошь греховной, человек должен порвать с реальной жизнью, с окружающими его людьми и полностью сосредоточиться на внутренней, духовной жизни, которая приближит его к богу и к небесному блаженству.

Принципы спасения личной верой занимает также центральное место в воззрениях меннонитов. По учению меннонитов единственным активным началом является бог, а человек – существо пассивное, ничтожное. Он живет и действует благодаря воле бога. И все же у человека есть немного самостоятельности, хотя он и находится в зависимости от бога. Человек имеет лишь некоторую свободу воли: он может избрать два пути – свой или божественный. Путь свой, или человеческий, который может вести лишь к греху, а под влиянием греха природа человека изменяется так, что становится врагом бога, образом дьявола. Из-за такой сильной роли греха люди сами не могут избавиться от его тяжести. Их спасение в этом случае зависит от воли бога. Человек своей деятельностью может только доказать, что он предопределен богом к спасению. Это он может сделать через слово божье, через безоговорочную и абсолютную веру в то, что Христос искупил своей смертью грехи всех людей.

Именно через это верующий пробуждается от греховного сна, приходит к сознанию своей виновности и сердечно раскаивается. Уверовав в спасительную миссию Христа, грешник получает прощение своих грехов и свидетельство в душе своей, что он становится наследником вечной жизни. Именно поэтому меннониты признают крещение взрослых людей, осознавших свое греховное состояние и вставших на путь истинный. При этом вера не зависит от человека и его деяний, а дается свыше. Вера это внутреннее состояние, она не может быть воспринята и понята разумом.

Вероятно, что из этих воззрений исходит то, что меннониты не являются яркими сторонниками борьбы за мир, судьба человечества их мало интересует, они «ушли в себя», всегда думают только о спасении личной верой.

Христология связана с центральными догматами их воззрений о первородном грехе и спасении человека личной верой в искупительную жертву Иисуса Христа. Вера в искупительную силу Христа и в его воскресение – это основной принцип всего христианского комплекса. Но в христианском учении важна троица, а у протестантов главное место отводится Иисусу Христу. Он своим воскресением из мертвых обновил природу человека, по-

врежденную грехом Адама и Евы. До его воскресения в мире господствовала смерть, именно она лишала смысла все желания и стремления людей к нравственному совершенствованию. С момента же воскресения верующему человеку не страшна смерть, так как он получает надежду на вечно блаженную жизнь в потустороннем божьем царстве. Поэтому во всех проповедях славится Христос, говорится о его деяниях и содеянных им чудесах. Много места занимает Иисус в духовных песнях и стихах. Очень много говорится о втором пришествии Христа, страшном суде и конце мира. Каждый верующий должен быть готов предстать перед судом бога всегда, потому что время страшного суда, как и время второго пришествия Христа, никому не известно. Когда придет Иисус, то воскреснут все мертвые для страшного суда. Праведные, к которым меннониты относят всех своих приверженцев, воскреснут для вечной жизни в раю, а нечестивые – для вечных мучений в аду.

Вера в ад и рай является неотъемлемой частью религиозных воззрений меннонитов. Кроме того, существуют много понятий о кознях дьявола и бесов, которые вселяются в людей и животных.

Все это закрепляет веру в то, что меннониты стоят на истинном пути к загробной жизни в раю.

Отличительной чертой воззрений меннонитов является догма о том, что государство и религия не имеют ничего общего. Поэтому верующие не могут занимать государственные должности. Государственная служба связана с принятием присяги, а бог говорит: «...не клянись вовсе». Вместе с тем существует главенствующая истина: «Всякая власть от бога и каждый должен власти подчиняться». Важным положением является следующее: «Христос запретил своим последователям применять физическую силу в борьбе со злом и месть за зло». И еще один важный момент: меннониты подчиняются государственным властям в той мере, в какой это не противоречит воле, закону и заповедям бога. Отсюда их бегство от мира, самоотречение, непротавление злу насилием и т. д. Они отказываются носить оружие и служить в армии, противопоставляют себя обществу и светской власти.

Глубоко верующие меннониты убеждены, что их дела и нравственное поведение всецело зависят от уровня веры и любви к богу. В основе религиозной этики меннонитов лежит христианская заповедь любви. Бог и Христос являются воплощением любви. Очень важна заповедь любить ближнего как самого себя. Очень часто можно увидеть вышитые на различных изделиях лозунги любви к ближнему в квартирах меннонитов. Нужно отметить, что любовь к ближнему трактуется как любовь к единоверным братьям и сестрам.

Отношение меннонитов к женщинам очень интересно. Считается, что

они должны постоянно помнить первородный грех Евы. Весь удел женщины сводится к покорности мужу, молитве и воспитанию детей в религиозном духе, то есть над воспитанием женщин царит принцип четырех «К» – Kirche, Kinder, Küche, Kleider (церковь, дети, кухня и одежда).

Кроме всего этого меннониты претендуют на исключительность веры: запрещают браки с инаковерцами. Считается, что меннониты-родители дадут общине глубоко религиозное потомство. Вообще воспитанию детей отводится большое значение. Меннонитами разработана целая система религиозного воспитания. Ребенок с детского возраста воспитывается в духе евангельского вероучения. Ежедневно утром, вечером и перед каждым приемом пищи совершают молитву, посещают вместе со взрослыми богослужения. Причем дети делают это тщательно, так как ослушания не допускаются. Дети беспрекословно подчиняются родителям. Ежедневно формируется религиозное мировоззрение. Свободное время посвящают переписке изречений из Библии, псалмов и религиозных стихов. Поощряют любовь к рисованию, считая это одним из подсознательных средств познания жизни. В воспитательных целях пороки отдельных людей приписывают всему обществу атеистов. Очень тонко используют психологические особенности мышления детей, у которых рано или поздно возникает вопрос: «Кто-то все сделал». Именно в этот момент прививается любовь к богу и убеждение в его всемогуществе. Особое внимание уделяют чтению и изучению Библии. Разрабатываются календарные планы по чтению. Молитвенный дом и школа – вот два основных учреждения для детей. Все это подпитывается родителями-меннонитами. Таким образом воспитываются поколение за поколением.

Меннониты не принадлежат к тем сектам, которые открыто объявляют труд проклятием божьим за грехи людей. Молитва и работа – во все времена были лозунгами меннонитов. Кроме того, люди живут по принципу «работай и надейся». Сохраняют интерпретацию труда во имя служения богу и в целях получения места в загробном мире. Из этого видно, что не труд человека, а религиозная направленность имеет ценность.

Обряды меннонитов

Обрядам меннониты не придают большой роли. У всех сект богослужения проходят в молитвах, в пении духовных гимнов, чтении слова божьего и в проповедях. Основными обрядами являются крещение, преломление хлеба и омовение ног.

Меннониты выступают против крещения младенцев, поскольку они не могут осмыслить свое отношение к религии. Люди крестятся, начиная с 16-

18 лет и старше. Существуют различия между крещением старо- и новоменнонитов.

Водное крещение у староменнонитов совершается один раз в году (чаще в праздник Святой Троицы), через обливание. Крестящийся стоит на коленях, духовный старшина три раза из кувшина поливает (кропит) его голову водой: во имя Отца, Сына и Святого духа. После проповедник подает крестящемуся руку, поднимает его на ноги и тут же после причащения поздравляет его с приемом в общину. За неделю до крещения на воскресных молениях у кандидатов в члены «братства» проверяют знания основных правил меннонитского вероучения.

Крещение у новоменнонитов совершается через погружение в воду по пояс в водоеме, реке, озере. При этом проповедник идет с крестящимся в воду, кладет на спину и погружает в воду три раза. Такое крещение обосновывают тем, что при жизни Христа на земле крещение осуществлялось в прудах, озерах и реках. А обряд крещения староменнонитов считают лишь взаимностью. Проповедники учат, что продолжать жить так, как человек жил раньше нельзя и человек должен сам прийти до этого убеждения, иначе его ожидает личное мучение в аду. Он должен отказаться от светской жизни, должен покаяться в своих грехах, вымолить у бога прощение до тех пор, пока не обретет внутреннюю уверенность в своем перерождении. В этом и заключается процесс обращения, испытав который, человек допускается к крещению.

Покаяние рассматривается меннонитами как верный способ сближения с богом. Покаяние есть своеобразное душевное состояние, которое вызывается внушениями и самовнушениями, после чего человек обычно впадает в отчаяние, неверие в себя и свои силы. После этого человек находит утешение в религии.

Другим наиболее распространенным у меннонитов обрядом является причащение, или хлебопреломление. У староменнонитов преломление чаще всего совершается два раза в год: в первые воскресные дни после Троицы и после первого октября. У новоменнонитов – в первое воскресенье каждого месяца. Этот обряд совершается во время молений. Заранее приготовленный хлеб разламывается на мелкие кусочки. Они съедаются сектантами как будто бы частицы тела Иисуса Христа и запиваются глотком вина, символизирующего его кровь. После этого сектанты целуются друг с другом, подчеркивая тем самым свое братство во Христе. Все это делается в память о тайной вечере Христа.

Ссылаясь на евангельскую историю о том, что Христос однажды собственноручно вымыл ноги своим ученикам и повелел им делать это друг другу, обосновывают свой обряд омовения ног. В древности омовение ног

служило проявлением внимания и уважения к гостю. Этот обряд практикуется у всех меннонитов, если для этого имеются подходящие условия.

Все обряды являются символами: крещение напоминает о духовном рождении человека через Христа, причащение напоминает о жертве Иисуса на кресте, омовение ног – знак истинного унижения и очищения души от гордыни, самоотречение человека.

Богослужения – это собрание равноправных членов общины перед лицом бога. Собрания включают в себя молитвы, пение духовных гимнов, чтение слова божьего и проповедей. Их стараются проводить регулярно. Большую роль придают молитве, рассматривают ее как некую форму духовного общения с богом. Обычно сектанты молятся ежедневно утром, вечером и перед принятием пищи.

Краткая историческая справка (Из меннонитской энциклопедии)

1. Предыстория исторических событий (по книге Герхарда Лоренца «Заградовка»)

Поздняя осень 1871 года. В дождь и в глубокую грязь по бездорожью на протяжении 7 дней медленно передвигалась колонна, состоящая из конных подвод и фазтонов. Ее путь пролегал через Каховку, Берислав, Давыдов Брод и село Ново-Павловка, что в 5 верстах от их конечного пути. Так на свои новые земельные участки возле поселения Заградовка Херсонской губернии прибывали колонисты из материнской колонии Молочная (сейчас территория Запорожской области).

Когда в материнской колонии стало тесно, и земли всем не хватало, многие уезжали в города в поисках работы, чтобы собрать средства для покупки земли. Совет материнской колонии в свою очередь пробовал искать выход, подыскивая новые земли для безземельных колонистов.

Эту проблему удалось разрешить только в 1871 году. Именно тогда в большом русском поселении Заградовка у помещика Леонида Викторовича Кочубея был выкуплен подходящий участок плодородной земли размером 21276 десятин по цене 23,50 руб. за десятину общей стоимостью 500003 руб. С этой целью в Херсонском Земельном Банке была оформлена ссуда размером 205700 руб.

Однако поселенцами была заплачена выше цена, чем в материнской колонии – 25 руб. за десятину. Она учитывала расходы на покупку и измерение земельных участков, которые обмерялись уже поздней осенью 1871 года и которые были удалены на 240 верст от материнской колонии.

2. Поселения колонии «Заградовка», Херсонская область, Украина (из

Всемирной Меннонитской Энциклопедии)

Заградовка, в прошлом поселение меннонитов в Южной России, расположено на реке Ингулец в 60 милях (100 км) на северо-восток от г. Херсон, состоящее из 60000 акр. плодородной земли. Было выкуплено у Леонида Викторовича Кочубея в 1871 г. для безземельных меннонитских переселенцев из колонии Молочная. В конце концов 16 поселений было обустроено на этой земле в 1872-1883 г.г. из расчета 182 акр. на каждую семью.

Поселения именовались (русское название после 1914 г.):

№1 *Alexanderfeld* (Александрфельд, Александровка, Ново-Александровка);

№2 *Neu-Schönsee* (Ней-Шензее, Озерово, Озеровка);

№3 *Friedensfeld* (Фриденсфельд, Мировка);

№4 *Neu-Halbstadt* (Ней-Гальбштадт, Равнополе);

№5 *Nikolaifeld* (Николайфельд, Никольское);

№6 *Orloff* (Орлоф, Орлово);

№7 *Blumenort* (Блюменорт, Светловка);

№8 *Tiege* (Тиге, Кочубеевка);

№9 *Altonau* (Альтонау, Пригорье);

№10 *Rosenort* (Розенорт, Розовка);

№11 *Münsterberg* (Мюнстерберг, Долиновка);

№12 *Gnadenfeld* (Гнаденфельд, Благодатное);

№13 *Schönau* (Шенау, Красновка);

№14 *Steinfeld* (Штейнфельд, Каменка);

№15 *Reinfeld* (Рейнфельд, Софиевка);

№16 *Alexanderkrone* (Александркронэ, Луговка).

№17 *Nikolaidorf*, которое было обустроено вблизи, но приобреталось за собственные средства, в 1908 году было продано русским.

Большинство из первопоселенцев Заградовки были незажиточными. Первые годы были тяжелыми, но к 1900 году многие из них стали умеренно зажиточными и владели просторными и добротными домами, окруженными красивыми деревьями и садами, с ухоженными полями и зелеными лугами, на которых выпасались породистый рогатый скот и кони.

В первые годы поселенцам приходилось доставлять свое зерно фургонами по очень плохим дорогам в Берислав на Днепре на расстояние около 50 миль (80 км). В 1890 году первая железная дорога (ст. Николо-Козельск) была проложена на расстоянии 13 миль (20 км.) от центра поселения, а в 1916 году другая железная дорога (ст. Белая Криница) на расстоянии 6 миль (10 км).

До 1914 года сельское хозяйство процветало, промышленное производство развивалось:

- семейство Siemens (Сименс) в Blumenort (Блюменорт) и Wiebe (Вебе) в Orloff (Орлоф) производили оборудование для ферм;

- большая и современная мельница была введена в действие в Tiede (Тиге);

- в Alexanderfeld (Александрфельд) и Neu-Schönsee (Ней-шензее) были мельницы поменьше;

- были также в действии несколько других производств поменьше.

Почтовое отделение Tiede, позднее переименованное в Kochubeyevka, а также банк были открыты в селе Tiede (Тиге).

Каждое село имело свою собственную народную (начальную) школу. В 1895 году поселение начало строительство Zentralschule (центральной школы) с тремя классными комнатами в Neu-Schönsee (Ней-Шензее), которое было закончено в 1912 году, включая строительство трех домов для учителей и один дом для опекуна.

В поселении Заградовка было назначено независимую администрацию со штаб-квартирой в Tiede (Тиге).

В 1877 году волость построила в Tiede (Тиге) два поразительных здания – аптеку и медицинский центр (больницу).

На территории поселения Заградовка было три меннонитских церкви:

- Меннонитская Церковь в Nikolaifeld (Николайфельд), открытая в 1891 г., численностью 1241 чел. (по сост. на 1922 г.); – Братская Меннонитская Церковь в Tiede (Тиге), открытая в 1888 г., численностью 427 чел. (по сост. на 1922 г.);

- Евангелистская Меннонитская Церковь в Orloff (Орлоф), открытая в 1907 г. численностью 63 чел., построенная в 1914 г.; численность (по сост. на 1922 г.) составила 214 чел.

Дочерними поселениями колонии Заградовка на новых арендованных землях были Suvorovka (Суворовка) на Кавказе (1897 г.), Piessarev (Писарев) возле Берислава (1903 г.), Trubetskoye (Трубецкое) возле Берислава (1904 г.). Сотни семей выехали в Сибирь, где правительство выделило им 605060 акров земель.

Первая Мировая война остановила весь прогресс. Революция принесла крах. В 1919 г. многотысячные нерегулярные бандформирования Нестора Махно осуществляли ужасные зверства в семи селах поселения «Заградовка». Большое количество имущества было изъято либо уничтожено, множество домов сгорели до фундамента. 206 человек было убито и многих искалечено. От голода умерло около 329 человек.

В 1921-1941 г.г. Советы сослали в незаселенные регионы на востоке или концлагеря 448 чел. С началом Второй Мировой войны мужчины также были эвакуированы на восток, большинство из которых потом могли воз-

вернуться, но судьба около 301 из них не была известна до 1959 г. К 1941 г. 720 семей, или 54,1 процента всех меннонитских семей поселения, были лишены своих глав.

С отступлением Немецкой армии все поселенцы, оставшиеся на оккупированной территории, т.е. около 3500 чел. были эвакуированы на Запад. Большинство из них, в конце концов, были достигнуты Красной армией и высланы в Северные районы преимущественно Азиатской России.

Меннонитское поселение Заградовка прекратило свое существование. Последний ее старейшина из Меннонитской Церкви Heinrich Voth (Генрих Вот), выдержав лишения и страдания, возобновил ее деятельность. Он ее возглавлял и был одним из активных меннонитских старейшин в России до 1953 г.

3. Александрфельд (Alexanderfeld, в прошлом меннонитское поселение в колонии Заградовка, Херсонская область, Украина) (из Всемирной Меннонитской Энциклопедии)

Alexanderfeld (Александрфельд), село в меннонитском поселении Заградовка в Херсонской губернии в 70 милях (115 км) на север от города Херсон, вблизи р. Ингулец, притока Днепра, было основано в 1872 г. меннонитами из колонии Молочная.

Железнодорожная станция Nikolo-Kozelsk (Николо-Козельск) в 17 милях (28 км) и почтовая станция в Tiede (Тиге). Население уменьшилось в 1909 через эмиграцию 100 человек в Сибирь (Томская губерния, Барнаульский район), а к 1913 г. село насчитывало 220 чел. Половина из них принадлежала к Меннонитской Церкви (совместно с Меннонитской Церковью Nikolaielfeld), половина к Братской Меннонитской Церкви (совместно с Братской Меннонитской Церковью в Tiede).

Жители исключительно занимались сельским хозяйством и выращиванием рогатого скота. В селе было две паровые мельницы, территория охватывала 3500 акров земли. В 1908 г. население составило 411 чел. Во время Революции 1917 г., а особенно после захвата поселения «Заградовка» Н. Махно, меннониты очень серьезно пострадали, некоторые из жителей были уничтожены.

Коллективизация в Alexanderfeld (Александрфельд) была начата в 1930 г. и приводилась до изгнания многих кулаков. Высылка повторилась в 1937-1938 г.г., когда на протяжении только одной ночи были высланы 62 мужчины и 3 женщины из общей численности населения 350 чел.

Во время немецкого вторжения в Украину в начале Второй Мировой Войны Советы впервые эвакуировали всех мужчин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет. Большинство из них, однако, сдались в плен Немецкой армии и были возвращено в их прежние дома.

В октябре 1943 г. население Alexanderfeld (Александрфельд) покинуло свое село вместе с немецкой армией и было размещено в лагере беженцев в Warthegau (Вартегау, Германия). Когда Германия капитулировала, Красная армия возвратила многих из них назад в Россию в концлагеря, оставшиеся нашли новые места обитания в Канаде и Парагвае.

4. Меннонитская Церковь в Николайфельд (Nikolaifeld, в прошлом меннонитское поселение в колонии Заградовка, Херсонская Область, Украина) (из Всемирной Меннонитской Энциклопедии)

Меннонитские поселения колонии Заградовка были обустроены в 1872-1879 г.г., сюда входило сначала 17 сел. Поселенцы прибыли из различных мест. В этой разнородной массе не было ни одного проповедника. Первые выборы проповедников состоялись 22 октября 1872 г. Трое мужчин были избраны для проповедования; в следующем году их численность возросла. 2 июня 1874 г. паства была организована в Меннонитскую Церковь в Tiege (Тиге), а Wilhelm Voth (Вильгельм Вот) был избран старейшиной паствы.

Проповеди вначале проводились в школах и больших ангарах, но в 1888 г. началось строительство большой церкви в селе Nikolaifeld (Николайфельд). Первая проповедь в новой церкви состоялась 5 мая 1891 г., после которой паства была переименована в Меннонитскую Церковь в Nikolaifeld (Николайфельд).

Среди первых проповедников были способные мужчины, некоторые из них принадлежали к братскому кругу из Gnadenfeld (Гнаденфельд). На большинство из них воздействовала волна реформации, которая прокатилась через меннонитские села России в 1860-х г.г. и которые должны были солидаризироваться с такими именами как Eduard Wüst (Эдуард Вюст) и Bernhard Harder (Бернгард Гардер).

Проповедники из Nikolaifeld (Николайфельд) проповедовали потребность возрождения и освящение жизни; они не читали свои проповеди, что было обычным делом в то время, а говорили от себя, своими словами. Вводились новые формы работы с прихожанами – библейные конференции, молитвенные собрания, официальное посещение членов церкви на дому, миссионерские мероприятия и т.п.

Старейшинами этой церкви были Wilhelm Voth (Вильгельм Вот) 1874-1895 г.г., Gerhard Warkentin (Герхард Варкентин) 1895-1902 г.г., Franz Martens (Франц Мартенс) 1902-1907 г.г., Johann W. Voth (Йоганн В. Вот) 1908-1921 г.г., Franz Wiens (Франц Вьенс) 1921-1924 г.г., Heinrich Voth (Генрих Вот) 1925-? г.г. Martens, Wiens, и H. Voth были кроме того преподавателями по профессии.

В 1907 г. Martens и большинство из проповедников оставили церковь и организовали Евангелистскую Меннонитскую Церковь в Orloff. Причиной

для этой акции было их желание образовать «чистую» церковь. Допущение к крещению и вероисповеданию, также как и церковная дисциплина, вообще, были проблемами.

После Martens (Мертенса) проповедником был Johann W. Voth (Йоганн В. Вот), сын старшего Wilhelm Voth (Вильгельма Вота). Voth (Вот) ушел в отставку в 1921. Его преемником стал Franz Wiens (Франц Вьенс), который потом отказался и присоединился к Евангелистской Церкви.

Затем был избран старейшиной Heinrich Voth (Генрих Вот), не родственник вышеназванных Voths (Вот). Он был молод, энергичен и способен. Его выслали в изгнание в 1931 г., а церковное здание было превращено Советами в зернохранилище. Все проповедники со временем были сосланы в изгнание или убиты.

Под безжалостным давлением Советов вся организованная религиозная жизнь прекратила свое существование. В 1922 г. паства насчитывала 1241 человек.

В ходе существования церкви были организованы паствы в дочерних поселениях колонии Заградовка: (1) возле станции Zuvogovskaya (Суворовская) на Кавказе, (2) Pissarev (Писарев), (3) Trubetzkoj (Трубецкой), и (4) Durilino (Дурилино).

Миссионерами от паствы за рубежом были Johann Wiebe (Йоганн Вебе), Немецкая Восточная Африка; Peter J. Wiens (Питер Й. Вьенс), Чампа (Чампа), Индия; Suse Richert (Сюзи Рихерт), Ява; Helena Goossen (Хелена Госен), Ява.

5. Братская Меннонитская Церковь в Тиге (Tiege, в прошлом меннонитское поселение в колонии «Заградовка», Херсонская область, Украина) (из Всемирной Меннонитской Энциклопедии)

Среди первых поселенцев было шесть семей, которые принадлежали к Братской Меннонитской Церкви и в 1873 г. избрали Jakob Richert (Якоба Рихерта) своим первым проповедником. Проповеди проводились в частном доме, пока в 1881 г. с этой целью в Altonau (Альтенау) не было куплено соответствующее здание.

Численность церкви росла быстро и к 1885 г. она имела уже 100 чел. В 1888 г. церковь построили в Tiege (Тиге). Когда в 1892 г. Richert (Рихерт) уехал, Isaak Regehr (Исаак Регер) стал ее ведущим проповедником. Он уволился в 1902 г. Затем старейшиной церкви стал Johann Nikkel (Йоганн Никкель). С этого времени церковь стала независимой единицей, будучи когда-то ветвью Братской Меннонитской Церкви в Friedensfeld (Фриденсфельд).

В 1922 г. церковь в Tiege имела 427 крещеных членов, двое которых были миссионерами за рубежом: госпожа Abraham Hübert (Абрахам Хюберт) в Индии и Heinrich Reimer (Генрих Реймер) в Камеруне, Африка.

В 1929 Elder Nikkel был арестован и умер от голода в тюрьме. Другие проповедники испытали подобную судьбу. Церковное здание отобрали Советы и превратили в клуб. Вся организованная церковная жизнь прекратила свое существование.

6. Евангелистская Меннонитская Церковь в Орлоф (Orloff, в прошлом меннонитское поселение колонии «Заградвка», Херсонская область, Украина) (из Всемирной Меннонитской Энциклопедии)

Евангелистская Меннонитская Церковь в Orloff (Орлоф), известная также как Евангелистская Меннонитская Церковь в Altonau, начала существование с 14 мая 1907 г., когда Franz Martens, старейшина Меннонитской Церкви в Nikolaifeld, отошел от паствы с 11 проповедниками и 2 дьяконами. Они полагали, что в практике крещения, вероисповедования и дисциплины вообще церковь очень отклонилась от ее понимания веры и Слова Божьего. Полагая, что большинство членов были нерасположены, чтобы вернуться к церковной практике, как отчетливо это представляет себе Menno Simons (Менно Симонс) и ранние отцы Меннонитской Церкви, они оставили Меннонитскую Церковь в Nikolaifeld (Николайфельд) и организовали Евангелистскую Меннонитскую Церковь в Altonau (Альтенау) с пятьюдесятью семью членами.

Эта группа придерживалась признания веры Меннонитской Церкви, но имела следующие характерные особенности:

- 1) они допускали в члены только тех, кто открыто признавал, что принимает Христа как своего Спасителя;
- 2) они крестили только погружением, но не настаивали на отречении тех, кто желал присоединиться;
- 3) они допускали нечленов в вероисповедание, обеспечивая таким образом посетителям открыто признать свое перерождение;
- 4) они благословляли бракосочетание для некрещеных особ, когда не было никаких других причин против такого акта;
- 5) члены, женатые на некрещеных партнерах, отлучались от церкви.

Через семь лет паства собралась в новом здании, когда в 1914 г. современная церковь с количеством сидячих мест около 450 была возведена в селе Orloff.

В 1922 г. паства имела уже 214 членов. Первым ее старейшиной был Martins Franz (1907-24); его преемником – Jakob Janzen (1924-?).

Краткая историческая справка о колониях № 1, 2, 3 (Энциклопедическая справка)

АЛЕКСАНДЕРФЕЛЬД/ALEXANDERFELD (Александровка; также № 1), до 1917 – Херсонская губ., Херсонский уезд, Орлофская (Кочубеевская) вол.; в сов. период – Николаевская/Днепропетровская обл., Владимировский/им. Фрица Геккерта (Высокопольский, Кронауский, Петровский) нем./Больше-Александровский р-н (в наст. время – с. Новоалександровка, Николаевская обл., Березнеговатский р-н). Менн. село, осн. в 1872. В 95 км к сев.-вост. от Херсона. Основатели из молочанских колоний. Менн. общины Николайфельд и Орлов. Земли 1430 га (1918). Мех. мельница И. Кена (1880), пар. мельница. Нач. школа (1926), клуб, биб-ка. Умерли от голода 2 чел. (1921-22), 13 чел. (1932-33); в 1929-41 депортированы 49 чел. Жит. выселены в Вартегау в октябре 1943. Жит.: 265 (1887), 312 (1896), 259 (1906), 249 (1912), 225 (1916), 207 (1919), 431 (1926), 550/509 нем. (1941), 572/555 нем. (1942; 69 нем. сем. или 50% без главы семьи).

НЕЙ-ШЕНЗЕЕ/NEU-SCHONSEE (Озеровка; также Ново-Шензе, № 2), до 1917 – Херсонская губ., Херсонский уезд, Орлофская (Кочубеевская) вол.; в сов. период – Николаевская/Днепропетровская обл., Владимировский/им. Фрица Геккерта (Высокопольский, Кронауский, Петровский) нем./Больше-Александровский р-н (в наст. время – Николаевская обл., Березнеговатский р-н). Менн. село, осн. в 1872. В 95 км к сев.-вост. от Херсона. Назв. по молочанской кол. Шензее. Основатели из молочанских колоний. Менн. общины Николайфельд и Орлов. Земли 1417 га (1918). Центр. училище (1895). Коопер. лавка, нач. и семилетн. школа, изба-читальня, сельсовет (1926), клуб. Умерли от голода 13 чел. (1932-33), в 1929-41 депортированы 35 чел. Жит.: 196 (1887), 201 (1896), 271 (1906), 244 (1912), 261 (1916), 232 (1918), 421 (1926), 550/534 нем. (1941), 546/537 нем. (1942; 50 нем. сем. или 38% без главы семьи).

ФРИДЕНФЕЛЬД/FRIEDENFELD (Мировка; также № 3), до 1917 – Херсонская губ., Херсонский уезд, Орлофская (Кочубеевская) вол.; в сов. период – Николаевская/Днепропетровская обл., Владимировский/им. Фрица Геккерта (Высокопольский, Кронауский, Петровский) нем./Больше-Александровский р-н. Менн. село, осн. в 1872. В 100 км к сев.-вост. от Херсона. Основатели из молочанских колоний. Менн. общины Николайфельд и Орлов. Земли 1343 га (1918). Умерли от голода 1 чел. (1921-22), 9 чел. (1932-33); в 1929-41 депортирован 31 муж. Нач. школа (1926). Жит.: 270 (1887), 350 (1896), 353 (1906), 331 (1912), 329 (1916), 418 (1919), 536 (1926), 636/633 нем. (1941), 568/565 нем. (1942; 97 нем. сем. или 76% без главы семьи).

НЕМЦЫ ХЕРСОНЩИНЫ

Немцы Херсонщины /

Аннотированный перечень дел Государственного архива Херсонской области (1919-1930) / Государственный архив Херсонской области; Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы, Люнебург-Геттинген. – Одесса: «Астропринт», 2002. –

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная Херсонская область расположена на землях, вошедших в состав России после русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Интенсивное заселение обширных степных территорий края началось во второй половине XVIII в. и происходило путем народной, помещичьей, а также правительственной, в т.ч. иноземной колонизации. По указу Новороссийской губернской канцелярии в 1781 г. 11799 дес. городских земель древнего Кызыкермена (с 1784 г. переименованного в город Берислав) были выделены для поселения шведам, проживавшим на острове Даго (Эстляндия) и являвшимся подданными Российской империи 1 904 поселенца, выехавшие на Херсонщину в 1787 г., были первыми переселенцами, получившими здесь статус иностранных колонистов. Несмотря на льготы, предоставленные правительством, и подготовительную работу, проведенную местным населением, целый ряд трудностей климатического, а также экономического и социального характера, привел к гибели большинства поселенцев. В 1800 г. в колонии, получившей название Шведской (Шведен-дорф) насчитывалось всего 150 человек. Среди них проживали 14 семей, выходцев из Данцига, – это были первые немецкие колонисты на территории нынешней Херсонщины.

На второй эмиграционной волне в начале XIX в. немцы-колонисты основали в окрестностях г. Берислава три колонии: Мюльгаузендорф, Клостердорф и Шлангендорф. Здесь возник колонистский округ, получивший название Шведский, с центром в одноименной колонии. В 1821 г. в населенных пунктах округа насчитывалось 439 жителей, в пользовании которых находилось 12069 десятин земли, в том числе 9129 – пригодной для земледелия. Более поздние документы не фиксируют заметных изменений границ этой земельной дачи. По 9-й ревизии (1850 г.) в Шведском округе числилось уже 1219 жителей, из которых шведов было 231 человек.

Возрастающее количество населения в колониях и прекращение (с 1842 г.) выделения льготных земельных наделов для иностранных поселенцев привели к возникновению, в т.ч. на Херсонщине, новых «дочерних» колоний, куда переселялись колонисты из «материнских» колоний и земли для которых приобретались путем покупки их у крупных землевладельцев на част-

ные или общественные средства. Так, на протяжении 1869-1882 гг. в северо-западной части Херсонского уезда, на землях, купленных преимущественно у князя А.В.Кочубея, возник целый ряд колониетских поселений, основанных немцами-колонистами и меннонитами, проживавшими ранее на реке Молочной в Таврической губернии.

24 марта 1875 г. была оформлена купчая крепость на покупку 13500 десятин земли в Днепровском уезде Таврической губернии (ныне Горностаевский район Херсонской области) для размещения трех немецких колоний: Мариенфельд, Ней-Карлсруэ и Ней-Крон.

На протяжении XVIII – начала XX вв. территория края подвергалась неоднократным административным преобразованиям. Возникший в 1778 г. по указу Екатерины II город Херсон был включен в Новороссийскую губернию. Позднее в составе Екатеринославского (1784 г.), а затем Вознесенского (1795 г.) наместничеств, существовал Херсонский уезд, куда вошла большая часть земель правобережной Херсонщины.

Левобережная ее часть с 1784 г. находилась в Таврической области.

Вновь созданная в 1796 г. Новороссийская губерния включила в себя всю территорию, занимаемую в настоящее время Херсонской областью. В 1802 г. эта губерния была разделена на три: Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую. Левобережная часть Херсонщины в составе Днепровского и частично Мелитопольского уездов вошла в состав Таврической, а правобережная часть (в т.ч. Херсонский уезд) – в состав Николаевской губернии. В 1803 г. ее центр был перемещен в Херсон, а губерния получила название Херсонской и просуществовала до 1920 г. Херсонская губерния включала в себя в разное время уезды: Одесский, Тираспольский, Херсонский, Ананьевский, Ольвиопольский, Бобринецкий, Елисаветградский и Александрийский.

Управление иностранными колониями Херсонского уезда начиная с 1800 г. осуществлялось Конторой опекунства новороссийских иностранных поселенцев через канцелярию Екатеринославского водворения по «Инструкции для внутреннего распорядка и управления новороссийских колоний». С 1818 г. управление осуществлялось Екатеринославской Конторой иностранных поселенцев. После ее ликвидации в январе 1834 г. колонии отошли в непосредственное управление к созданному ранее Попечительному Комитету об иностранных поселенцах Южного края России. На местах они управлялись смотрителями, состоявшими в штате Конторы, позднее Попечительного Комитета, а также избираемыми обер-шульцами, шульцами и бейзицерами, составлявшими окружные и сельские приказы.

Реформы 1871 г. привели к упразднению колониальных округов и созданию новых волостей. На территории Херсонского уезда были основаны 3 волости, вобравшие в себя бывшие колонии: Старошведская, Кронауская и Орлофская.

По данным Херсонского губернского статистического комитета, на 1895 г. в трех названных волостях насчитывалось 34 немецких колоний и хуторов с населением в 9 927 человек. Всего же в Херсонском уезде значилось 48 немецких колоний (без хуторов). По данным на 1912 г., в этих волостях насчитывалось 22 бывшие колонии и 5 хуторов с числом жителей 10 849 человек. Колонистам принадлежало более 57 тыс. десятин земли. Немецкие колонии левобережной Херсонщины входили в Мариенфельдскую волость Днепровского уезда Таврической губернии. На 1885 г. здесь насчитывалось 756 человек, владевших 11 548 десятинами, в том числе 9516 десятинами удобной земли.

Иностранные колонии и после упразднения колониального управления вплоть до 30-х гг. XX в. как в обиходе, так и в официальных документах, часто назывались колониями, хотя официально являлись селами.

Управление ими осуществлялось на основании действующего законодательства. Не теряли своего значения и органы самоуправления. По некоторым вопросам их деятельности (например, обеспечение безземельных молодых колонистов землей) поддерживалась связь «дочерних» колоний с «материнскими». Так, колонисты Кронауской волости, составляя собственные общества и имея управления, одновременно числились в составе прежних своих сельских обществ Пришибской и Эйгенфельдской волостей Мелитопольского уезда Таврической губернии для учета по налогообложению, воинской повинности и т.д.

Кроме колоний, немцы на территории Херсонщины проживали на правах частных владельцев в селах, деревнях и на хуторах, в том числе в еврейских земледельческих колониях, а также в городах. Архивные документы отражают многообразие форм хозяйственной деятельности немцев, их значительный вклад в экономическое развитие региона.

Антинемецкие кампании конца XIX – начала XX вв., достигшие своего апогея в годы первой мировой войны, привели к широкомасштабным дискриминационным мерам в отношении и немцев Херсонщины. В документах нотариального архива Херсонского окружного суда отложились сведения по применению узаконений от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. в отношении ликвидации немецких обществ, конфискации земель и имущества колонистов Херсонского и Днепровского уездов. В это же время произошли коренные изменения в топонимии немецких волостей, когда всем населенным пунктам с немецкими названиями были присвоены русские.

Архивные документы свидетельствуют, что немцы Херсонщины, несмотря на длительность своего проживания в местах поселения, в полной мере сохранили свою самобытность. Они отличались от жителей других национальностей своим языком, более высоким экономическим и образовательным уровнем, организацией быта, формами самоуправления, отношением к рели-

гии. Немцы, принадлежавшие к разным религиозным конфессиям, сохраняли приверженность своему вероисповеданию даже в местах совместного проживания. Тенденции к обособленности имели наибольшее проявление среди меннонитов, сумевших создать целый ряд хозяйственно-культурных организаций, способствовавших их развитию. Примером может служить «Союз обществ и групп меннонитов Юга России», после революции трансформировавшийся в «Сельскохозяйственный союз потомков голландских выходцев на Украине».

События 1917-1921 гг. превратили Херсонщину в арену непрекращающихся боевых сражений. На протяжении 1917-1921 гг. власть на местах в разное время контролировалась Центральной Радой, Директорией, большевиками, австро-немецкими войсками, франко-греческими силами Антанты, белогвардейскими армиями Деникина и Врангеля, повстанческими отрядами Махно, военными формированиями атамана Григорьева и генерала М. Дроздовского.

Зажиточные немецкие колонии, не принимавшие участие в гражданской войне, служили для всех воюющих источниками пополнения запасов продовольствия и фуража, нередко становясь объектами откровенных грабежей. Это в значительной степени послужило причиной тому, что к концу гражданской войны политические симпатии немецких колонистов, крайне невосприимчивых к марксистской идеологии, склонялись в сторону большевиков, которые декларировали стабильность, выступая под популярными лозунгами борьбы с бандитизмом. В степных колониях Херсонщины порой находили пристанище беглецы из окрестностей г. Одессы, где установление Советской власти встречало резкий, в т.ч. и вооруженный отпор, а также из екатеринославских колоний, в начале 20-х гг. охваченных голодом.

Советская власть на Херсонщине, как и во всей Украине, устанавливалась трижды. На протяжении 1917 г. в г. Херсоне, наряду с органами Временного правительства – городской думой и земской управой, функционировал Совет рабочих и солдатских депутатов. Двоевластие имело место и на местах, где кроме земских управ существовали новые органы власти – Советы, а также сельские и волостные комитеты для решения земельных вопросов.

20 февраля 1918 г. уездный съезд Советов крестьянских депутатов принял решение об установлении в уезде Советской власти. На местах началась ликвидация земских управ, продовольственных и земельных комитетов. Вместо них избирались Советы, при которых создавались отделы, ведавшие сельскохозяйственными вопросами.

С марта 1919 г., после победы Красной армии над деникинцами, функции управления в значительной степени перешли к другим органам власти – революционным комитетам. Они создавались по решению ВЦИКа в прифронтовых районах, каковым являлась и Херсонщина. Уездные, волостные, городские, и сельские ревкомы как самостоятельные властные органы действовали парал-

тельно или вместо Советов и в отличие от них не избирались, а назначались вышестоящими ревкомками, партийными организациями или политотделами Красной Армии.

Окончательное утверждение Советской власти происходило в течение 1920 г. В освобожденных от врангелевцев районах возобновлялась деятельность ревкомов, которые просуществовали до 1922 г. В мае прошел Днепровский, а в июле 1920 г. – Херсонский уездные съезды Советов. 20-23 мая первый губернский съезд Советов избрал губисполком.

На местах создавались исполкомы Советов и новые выборные органы – комитеты незаможных селян (КНС), которые были призваны проводить в жизнь земельную и продовольственную политику новой власти.

Вопросы национальной политики, которая в первые годы Советской власти была довольно либеральной, решались с помощью специальных органов: Центральной комиссии нацменьшинств при ВУЦИКе, соответствующих бюро окрисполкомов и уполномоченных райисполкомов по данным вопросам.

Последствия гражданской войны для сельскохозяйственной Херсонщины были крайне тяжелыми. В 1921-22 гг. площади в Херсонском и Днепровском уездах составляли 35 % довоенных, поголовье скота уменьшилось на 65 %.

В административно-территориальном делении Херсонщины после октября 1917 г., как и во всей Украине, происходили значительные изменения. В марте 1918 г. были отделены от Таврической губернии и присоединены к Украине три северных уезда, в том числе Днепровский, вошедший в состав Херсонской губернии. С 1 июня 1919 г. декретом ВУЦИКа Высокопольская волость, населенная преимущественно немцами, передавалась новообразованному Криворожскому уезду. 28 января 1920 г. Всеукраинский ревком принял постановление о разделе губернии на Херсонскую с центром в Николаеве и Одесскую губернии. В составе Херсонской остались уезды: Александрийский, Больше-Александровский, Елисаветградский, Херсонский и Днепровский. По постановлению президиума ВУЦИКа от 25 декабря 1920 г. Херсонская губерния была переименована в Николаевскую. Херсон стал уездным центром.

Постановлением ВУЦИК'а от 21 октября 1922 г. «О административно-территориальном делении УССР» Одесская и Николаевская губернии были объединены в Одесскую губернию, куда вошли Днепровский и Херсонский уезды.

До 1920 г. Херсонский уезд состоял из 66 волостей. После создания Николаевского уезда (18 февраля 1920 г.) и передачи части волостей Криворожскому уезду (в течение 1919-1920 гг.) в составе Херсонского уезда остались 34 волости. В результате укрупнения волостей в 1922 г. в уезде из 34 было создано 18. Территории бывших немецких колоний вошли в состав

Архангельской, Бериславской и Больше-Александровской волостей. Распоряжением Одесского губисполкома от 17 февраля 1923 г. был ликвидирован Днепровский уезд, его территория в составе 17 волостей, в том числе Горностаевской, с расположенными в ней немецкими колониями вошла в состав Херсонского уезда.

В 1923 г. была проведена первая реформа административно-территориального деления УССР по единому плану. Постановлением ВУЦИКа от 7 марта 1923 г. уезды и волости были ликвидированы и введена четырехстепенная система управления – район-округ-губерния-центр. Одесская губерния при этом была разделена на шесть округов, в том числе Херсонский. Он состоял из 12 районов, немецкое население проживало на территории Бериславского, Больше-Александровского, Каховского и Горностаевского районов. Немецкие населенные пункты Высокопольской волости в составе Апостоловского района вошли в Криворожский округ.

На основании решения IX Всеукраинского съезда Советов о переходе на трехступенную систему управления: район-округ-центр, постановлением ВУЦИКа от 3 июля 1925 г. было ликвидировано губернское деление, а округа подчинены непосредственно центру. Национальная политика нашла свое отражение в постановлении СНК УССР «О выделении национальных районов и советов» от 29 августа 1924 г., подтвержденном решением 4-й сессии ВУЦИКа VIII созыва «О низовом районировании» от 19 февраля 1925 г. Минимальная норма для образования национального района при этом снижалась до 10 тыс. человек, а для сельсовета – до 500.

На основании этих постановлений из населенных пунктов двух сельских советов – Высокопольского и Ивановского Апостоловского района Криворожского округа, а также пяти сельсоветов Больше-Александровского района Херсонского округа: Натальинского, Озеровского, Пригорьевского, Заградовского и Кочубеевского, был создан национальный Высокопольский район с преимущественно немецким населением. В нем проживало 14 000 человек, в т.ч. 12410 (89 %) немецкой национальности.

На территории Херсонского округа, в местах компактного проживания национальных меньшинств, начинают создаваться национальные сельсоветы, число которых на протяжении 1925-1928 гг. увеличивается. Так, если в 1925 г. в Херсонском округе было 6 национальных сельсоветов с преимущественно немецким населением, то в 1928 г. их насчитывалось 10: Змеевский и Костырский Бериславского района; Высокопольский, Кочубеевский, Орловский, Пригорьевский и Озеровский – Высокопольского района; Марьинский и Ольгинский Горностаевского района и Первофедоровский Каховского района. Функционировали и сельсоветы со смешанным населением нескольких национальностей: с украинско-немецким населением – Новони-

колаевский Бериславского района и Ивановский Высокопольского района; с русско-немецко-французским – Основский Каховского района.

Получило государственную поддержку национально-культурное развитие. Вопросами образования занималась инспектура нацменьшинств при окружном отделе народного образования. Во второй половине 20-х гг. в округе работала 41 национальная и 24 трудовые школы с немецким языком преподавания, в которых обучалось 84 % немецких детей школьного возраста. Это был самый высокий процент охвата обучением на родном языке среди нацменьшинств в округе. Успешному функционированию школ мешало отсутствие необходимого количества квалифицированных преподавателей, учебников на национальных языках, а также недостаточное материальное обеспечение, т.к. большинство школ финансировались из весьма скудных местных бюджетов.

Началась подготовка кадров для советских государственных и хозяйственных органов. Так, для немецких сельскохозяйственных кооперативных и кредитных товариществ были открыты курсы в г. Одессе. Существовали также профессиональные учебные заведения смешанного типа. В немецких селах активно происходил процесс открытия сельских клубов, к работе в которых привлекались учителя; здесь появились радиоприемники и киноустановки.

Особое место в жизни сельского населения занимал земельный вопрос. Первыми законодательными актами были декрет СНКУССР «О национализации всех бывших казенных, удельных, монастырских, городских и помещичьих земель» от 3 апреля 1920 г., резолюция 4-го Всеукраинского съезда Советов «О земельном вопросе» от 25 мая 1920 г. и постановление «О немедленной передаче незасеянных земель, находящихся в пользовании отдельных лиц, в распределение между незаможными селянами» от 20 июля 1920 г. Победный лозунг большевиков «Земля – крестьянам» нашел, впоследствии, своеобразное воплощение, в том числе для жителей национальных районов. 29 ноября 1922 г. ВУЦИК утвердил Земельный кодекс УССР.

В 1925 г. прошла регистрация безземельных и малоземельных крестьян округа. Было установлено, что в Херсонском округе 21 немецкая семья не имеет земли, а 2 302 семьи имели ее недостаточно. В соответствии с мероприятиями Наркомата земледелия Украины за 10 лет на коллективных земельных фондах Херсонщины должны были расселиться 2 676 представителей немецкого населения.

В эти же годы правительство организовало добровольное переселение немецких семей на свободные земли Дальнего Востока, Казахстана и других территорий. Также имели место случаи самостоятельного переселения на Херсонщину лиц немецкой национальности из других регионов страны.

В 1928-1929 гг. в округе начали создаваться коллективные хозяйства. Пик коллективизации в немецких населенных пунктах пришелся на 1930 г. К немецкому населению, крайне отрицательно относившемуся к коллективизации, начали активно применять насильственные, и даже репрессивные меры. Об этом свидетельствуют списки лиц, лишенных избирательных прав и выселенных за пределы Украины.

Аграрные преобразования в округе, как и во всей стране, происходили в условиях грубого нарушения законности, насилия и самоуправства. Нерешенность земельного вопроса, притеснения и преследования за религиозные убеждения, ограничение прав и свобод вызвали в немецкой среде эмигрантские настроения. Особенно сильными они были среди меннонитов, что привело в 20-е гг. к выезду значительного их числа в Канаду, Соединенные Штаты и Парагвай. Однако возможности выезда немцев за рубеж были весьма ограничены. Архивные документы свидетельствуют о запретительных мерах, предпринимавшихся НКВД, милицией и другими органами, препятствовавшими массовой немецкой эмиграции.

В 1930 г. в результате очередной административной реформы округа были ликвидированы, и районы перешли в непосредственное подчинение центру, в том числе Высокопольский немецкий район. Постановлением ВУЦИЗСа от 3 февраля 1931 г. «О реорганизации районов» часть районов была расформирована и присоединена к другим. На территории бывшего Херсонского округа из районов, где существовали немецкие сельсоветы, Горностаевский район был включен в состав Каховского.

Очередные изменения в административно-территориальное деление Украины были внесены 9 февраля 1932 г. постановлением IV сессии ВУЦИЮСа XII созыва, когда было введено областное деление и создано 5 областей, в том числе Винницкая, Днепропетровская, Киевская, Одесская, Харьковская. Таким образом, снова была введена трехступенная система управления, но теперь район-область-центр. Немецкие национальные сельсоветы, входившие в Бериславский и Каховский районы были включены в Одесскую область, а Высокопольский вошел в состав Днепропетровской области. В 1935 г. он был переименован во Фриц-Геккертовский, с 1937 г. входил в Николаевскую область, а в 1939 г. ликвидирован.

Позднее административные преобразования в Украине происходили без учета национального состава населения.

Государственная политика постепенно изменялась в сторону нивелирования национальных интересов. Среди прочих мотивов, использовавшихся в период репрессий 30-х гг., нередкими были обвинения «за национализм».

*Антонина Карпова
Александр Шинкаренко*

KARL STUMPP

Born in 1899, Alexanderhilf, Odessa

Died in 1982, Stuttgart, [Germany]

Historian, Geographer, Researcher

«Stumpp's book is an inexhaustible storehouse, a true monument of the German Russians.»

(Prof. Dr. Klaus Mehnert, journalist and political scientist)

Holiday: Herbstanfang, Beginning of fall

KARL STUMPP – GEOGRAPHER, NATURAL SCIENTIST AND HISTORIAN

Stump was a historian who experienced more recognition by his countrymen, the federal government and the international public in East and West than has been experienced by any other person before and since. In the field of historical research in the Federal Republic of Germany his name is – unjustly – given a negative overtone today because the beginnings of his educational mission were during the period of National Socialism. His life's work, *Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862* (Emigration from Germany to Russia in the Years 1763 to 1862), which he dedicated to his family members and to all other German-Russians surviving in deportation in Siberia and Central Asia, achieved recognition as the standard work in historiography and it has also garnered respect in modern post-Soviet historiography. The book is especially popular among Aussiedler and Spätaussiedler (repatriates to Germany) who pursue genealogical and family research. To them, Stumpp's work is a true fountainhead from which all groups of Black Sea Germans, Volga Germans and those from other settlement areas can draw information. Who was this man?

Karl Stumpp was born in a German farming family on 12 May 1896, in Alexanderhilf near Odessa. Little has been passed down to us of his childhood and of his youth. One report is that he went to Germany in 1918 with other young compatriots to serve voluntarily in the military. That did not come to pass because shortly after his arrival everything collapsed in Germany with the November Revolution. Karl Stumpp studied geography and natural history in Tübingen, along with 15 other Black Sea Germans,

and earned his master's and doctoral degree in 1922 with his dissertation entitled, *Die Deutschen Kolonien am Schwarzen Meer* (The German Colonies on the Black Sea). That same year he married Martha Prinz, who accompanied him his entire life and served as his secretary. From 1922 until 1933, Stumpp worked as a teacher at the girls' high school in Tarutino, Bessarabia, he headed several youth groups and two choirs there, was involved in family research, gave lectures about the German-Russians, and was involved in various other activities. Due to his refusal to accept Rumanian citizenship, he was deported and returned to Germany. In Stuttgart, Stumpp took over the directorship of the VDA, gave more than 400 lectures on the history of the German-Russians, drew up maps of German-Russian settlement areas (37 are preserved), wrote several articles for the paper *Deutsche Post aus dem Osten* (German Post from the East), and participated in the first assembly of German-Russians in 1939.

After war broke out, between July 1941 and October 1942, he and his 50 member «Stumpp Kommando» group recorded the German population in some 100 villages in the Ukraine, gave numerous speeches to Ukrainian residents, discovered and photographed the grave of Samuel Contenius in Josephstal (destroyed in 1944), but he was eventually fired and sent back to Germany in October 1942 because of his «too humane treatment of the Ukrainian population.» He had done intensive research in the archives of Dnjepropetrovsk, and as a result of this work he wrote his new book in 1944, *Die Kolonien Chortitza* (The Chortitza colonies), which he supposedly sent by post to the regional archives at the end of the war. After the war he also wrote his greatest work, the *Auswanderung*, based on these documents located at Dnjepropetrovsk. At the end of the war Karl Stumpp relocated his bombed-out family in Tübingen and received a position as a secondary teacher at the Uhland High School. Together with Heinrich Roemmich, he was active in the establishment of the *Arbeitsgemeinschaft der Ostumsiedler*, published *Volk auf dem Weg* between 1951 and 1963, and after the *Landsmannschaft* was established, he published 12 *Heimatbücher* from 1955 until 1966. He held various positions in the *Landsmannschaft*: head of cultural affairs (1957-1968), national chairman (1963-1968) and speaker (1968-1975). Between 1951 and 1975, Stumpp gave more than 300 speeches about the fate of the Germans Russians during the deportation, he traveled three times to the USA between 1971 and 1978, gave 19 speeches there and was appointed honorary president of a museum of German-Russian immigrants in Rugby, North Dakota. He drew his current information on the circumstances of his countrymen from numerous private letters, which he edited and provided

in reports to the federal government and to the public. His life's work finally climaxed in the process of family reunification and the later mass emigration of his countrymen. Stumpp did not distinguish himself through his ambitions or the pursuit of financial advantages, but rather through his inner drive for a cause, through humane compassion for his disadvantaged countrymen, including his mother and his sisters. He received numerous acknowledgments and honors for his achievements, among these the Order of Merit First Class. When he died on 20 October 1982, in Stuttgart, his name had already become a legend.

German text by Anton Bosch

Source: Heimatbücher der Deutschen aus
Russland, Volk auf dem Weg, and others

Our appreciation is extended to Alex Herzog, Boulder, Colorado, for translation of this article.

СПИСКИ КОЛОНИСТОВ

(По материалам Карла Штумпа по состоянию на 1942 г.)

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung

Alexanderfeld, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Alexanderfeld, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mann ¹	Alter ²	Frau	Alter ²	Heir. ⁴	Kinder insg. ⁵ gest. ⁶	
Bemerkungen						
Baerg, Jakob	25	Harms, Suse	22	1934	3	1
Benk, Emil	19	Sliptschenko, Nina		1931	4	1
Benk, Emil	25	Sheged, Marie	25	1937	4	1
Boldt, Abram	20	Regehr, Lene	19	1925	4	2
Boldt, David	31	Baerg, Anna	22	1918	2	1
Boldt, Dietrich	24	Buller, Agathe	22	1934	2	
Boldt, Heinrich	30	Bergen, Liese	25	1897	10	1
Boldt, Heinrich	55	Rempel, Anna	38	1922	2	
Boldt, Johann	23	Enns, Tine	24	1935	1	
Buller, Abram	23	Enns, Lene	19	1916	9	2
Buller, Jakob	21	Giesbrecht, Lene	20	1909	6	
Dargel, Peter	25	Stein, Olga	20	1925	7	1
De Jager, Abram	28	Wolf, Marie	26	1902	6	3
De Jager, Nikolai	21	Giesbrecht, Anna	20	1925	7	4
Doerksen, Heinrich	24	Fast, Sara	24	1918	6	4
Doerksen, Heinrich	39	Gossen, Justine	31	1933	3	
Dueck, Heinrich	44	Braun, Anna	37	1921		
Enns, Abram	20	Buller, Lene	20	1929	4	1
Enns, Franz	24	Federan?, Tine	18	1909	12	4
Enns, Franz	29	Giesbrecht, Gertrude	25	1918	5	
Enns, Franz	43	Giesbrecht, Liese	44	1928		
Enns, Franz	54	Abrams, Margarete	49	1939		
Enns, Johann	23	Peters, Suse	20	1933	4	
Fast, Abram	21	Hamm, Anna	22	1926	5	1
Fast, Heinrich	28	Langemann, Katarine	19	1914	2	1
Fast, Heinrich	34	Kuehn, Auguste	27	1920	7	3
Flaeschner, Franz	23	Loewen, Marie	21	1937	2	
Friesen, Johann	23	Rempel, Anna	23	1934	4	3
Friesen, Johann	24	Warkentin, Marie	24	1928	1	
Friesen, Peter	33	Voth, Marie	30	1934	3	
Froese, Daniel	24	Penner, Justine	20	1939	1	
Froese, David	26	Enns, Liese	22	1915	4	1
Funk, Hans	2x	Giesbrecht, Anna	17	1937	1	1
Gas, Gottlieb	22	Rose, Karoline	20	1863	4	4
Gas, Gottlieb	30	Arnd, Karoline	19	1875	1	1
Gas, Gottlieb	53	Schmelter, Auguste	20	1898	3	
Gass, Jonathan	32	Bladow, Anna	22	1936	3	
Geddert, Jakob	25	Quiring, Katarine	23	1936	2	1
Giesbrecht, Abram	21	Rempel, Katharine	20	1891	5	1
Giesbrecht, Gerhard	23	Koehn, Liese	19	1926	6	1

Giesbrecht, Johann	25	Janzen, Anna	23	1935	3	
Gronau, Daniel	27	Regehr, Lene	20	1932	1	
Gronau, Daniel	29	Klein, Anna	27	1935	2	
Gut, Ernfried	26	Kugele, Alide	24	1918	9	5
Hamm, August	23	Koehn, Liese	19	1937	2	
Hamm, Bernhard	21	Janzen, Sara	19	1919	8	4
Hamm, Bernhard	26	Regehr, Sara	19	1897	7	2
Hamm, Heinrich	25	Spenst, Justine	21	1934		
Hamm, Peter	26	Janzen, Grete	24	1933	1	
Harms, Wilhelm	21	Janzen, Anna	21	1936	3	
Harras, Hans	21	Schellenberg, Anna	21	1921	2	
Heinrichs, Isaak	27	Isaak, Marie	22	1922	8	1
Huebner, Peter	22	Friesen, Marie	19	1900	9	3
Huebner, Peter	23	Warkentin, Marie	20	1926	4	
Isaak, Isbrand	23	Baerg, Anna	22	1936	2	
Isaak, Jakob	22	Loewen, Grete	22	1934	4	
Isaak, Jakob	24	Penner, Anna	21	1940	1	
Isaak, Jakob	27	Wiens, Anna	24	1900	7	3
Isaak, Johann	23	Klassen, Liese	22	1933	4	
Isaak, Johann	23	Koehn, Tine	20	1926	5	1
Isaak, Johann	25	Rempel, Aganete	19	1906	5	
Janzen, Aron	26	Pankraz, Marie	23	1901	9	1
Janzen, Johann	27	Koehn, Sara	23	1930	2	
Janzen, Kornelius	26	Fast, Liese	25	1921	7	1
Janzen, Peter	27	Koehn, Lene	27	1935	2	1
Klassen, Heinrich	25	Isaak, Neta	23	1938	1	
Klassen, Wilhelm	21	Martens, Magarete	20	1936	3	
Klassen, Wilhelm	25	Rogalsky, Katarine	21	1904	10	3
Klein, Friedrich	30	Bergen, Anna	27	1909	4	
Klein, Gottlieb	24	Pastian, Katarine	22	1891	9	3
Klein, Heinrich	24	Zimmermann, Luise	24	1926	7	1
Koehn, David	20	Fast, Lene	20	1902	9	2
Koehn, David	22	Giesbrecht, Lene	21	1936	2	
Koehn, David	24	Huebner, Anna	20	1926	3	1
Koehn, David	34	Siemens, Aganete	30	1936		
Koehn, Heinrich	22	Huebner, Liese	18	1931	3	1
Koehn, Heinrich	23	Klassen, Tine	20	1929	4	
Koehn, Heinrich	28	Fast, Marie	23	1921	8	2
Koehn, Heinrich	30	Koehn, Sara	29	1936	2	
Koehn, Jakob	20	Wiens, Lene	20	1941	1	
Koehn, Johann	20	Dueck, Marie	20	1917	5	2
Koehn, Johann	21	Giesbrecht, Katarine	22	1895	11	5
Koehn, Peter	22	Enns, Grete	18	1939	1	1
Koehn, Peter	22	Janzen, Gertrude	19	1922	4	
Kroeker, Klaas	22	Friesen, Marie	20	1894	11	2
Kuehn, Benjamin	26	Janzen, Lene	27	1923	8	
Kuehn, Ernst	21	Plett, Margarete	22	1932	3	1
Kuehn, Peter	21	Leichniz, Emilie	22	1908	2	1
Kugele, Friedrich	26	Wettstein, Marie	18	1894	6	1
Loetkemann, Heinrich	23	Harder, Suse	21	1917	7	
Loewen, Bernhard	22	Koehn, Liese	19	1927	3	1
Loewen, Bernhard	24	Regehr, Tine	18	1901	11	1
Loewen, Bernhard	29	Peters, Liese	23	1933	5	1
Loewen, Heinrich	24	Regehr, Tine	22	1934	2	
Loewen, Wilhelm	20	Rogalsky, Marie	21	1911	9	3
Loewen, Wilhelm	48	Baerg, Lene	41	1940		
Logwinow, Konstantin	47	Wiebe, Lene	36	1936	1	
Masnuke, Alexander	27	Sudermann, Liese	22	1941		
Neufeld, Abram	23	Penner, Lene	25	1923	5	

Neustaedter, Franz	20	Voth, Gertrude	23	1913	4	2
Neustaedter, Franz	22	Buller, Tine	20	1914	8	2
Neustaedter, Franz	29	Dueck, Margarete	19	1922	2	
Neustaedter, Gerhard	20	Pankraz, Anna	19	1922	11	1
Neustaedter, Johann	28	Neufeld, Liese	21	1928	5	2
Ott, Kornelius	29	Wolf, Aganete	30	1918	2	1
Pauls, Abram	26	Bargen, Tine	17	1912	11	6
Penner, Bernhard	21	Giesbrecht, Aganete	21	1934	3	
Penner, Bernhard	25	Heinrich, Anna	25	1911	6	
Penner, Franz	20	Doerksen, Liese	23	1923	9	4
Penner, Peter	26	Janzen, Katarine	25	1918	6	1
Penner, Wilhelm	27	Fast, Grete	27	1919	7	3
Penner, Willy	22	Peters, Anna	21	1942		
Peters, Bernhard	23	Huebner, Lene	20	1937	2	
Peters, Bernhard	25	Kliewer, Liese	20	1906	6	1
Peters, Bernhard	38	Rempel, Aganete	32	1919	4	2
Peters, Peter	26	Koehn, Tine	23	1934	1	1
Peters, Peter	27	Warkentin, Lene	29	1935	2	
Regehr, Jakob	22	Epp, Justine	19	1911	8	1
Regehr, Jakob	23	Pauls, Marie	19	1941		
Regehr, Peter	22	Klassen, Anna	20	1922	6	1
Rempel, Johann	21	Loewen, Tine	19	1939	1	
Rempel, Johann	22	Wiens, Marie	22	1927		
Renk, Jakob	22	Mueller, rose	27	1923	6	4
Riesen, Johann	23	Koehn, Suse	19	1937	2	1
Schellenberg, David	21	Isaak, Justine	20	1928	4	2
Schmiedt, Robert	25	Siewert, Emma	25	1920	6	4
Siemens, Johann	20	Fast, Aganete	18	1902	3	1
Sparwasser, Friedrich	35	Sparwasser, Karoline	35	1918	1	
Sparwasser, Oskar	24	Stein, Marie	22	1924	7	3
Sudermann, Johann	25	Penner, Justine	21	1933	4	
Teichrieb, David	28	Wiebe, Tine	28	1938	2	
Teichrieb, Johann	21	Buller, Marie	19	1934	3	
Teichrieb, Johann	26	Block, Aganete	23	1908	5	1
Tiessen, David	18	Regehr, Justine	23	1938	1	
Tiessen, David	31	Rempel, Anna	33	1917	2	1
Tomm, Reinhold	24	Eckstein, Ernestine	27	1923	5	
Tomm, Rudolf	22	Mueller, Pauline	23	1918	7	2
Tschawine, Nester	19	Wolf, Olga	19	1938	1	
Unger, David	23	Loewen, Tine	21	1930	3	1
Voth, Heinrich	29	Penner, Anna	22	1936	1	
Voth, Johann	28	Boldt, Lene	19	1889	10	2
Voth, Peter	28	Harms, Marie	23	1930	4	2
Warkentin, Dietrich	26	Penner, Lene	18	1940	1	
Warkentin, Heinrich	25	Voth, Aganete	29	1919	6	2
Warkentin, Jakob	22	Koehn, Lene	23	1934	4	1
Warkentin, Jakob	22	Rempel, Elise	23	1901	4	
Warkentin, Jakob	48	Wiebe, Marie	38	1928		
Warkentin, Johann	25	Franz, Suse	27	1901	8	4
Warkentin, Peter	24	Friesen, Tine	23	1926	5	
Warkentin, Peter	40	Spentst, Justine	28	1941		
Weiss, Gerhard	52	Leichniz, Emilie	32	1921	1	
Weiss, Peter	22	Sudermann, Marie	24	1939	1	
Wiebe, Daniel	23	Wolf, Tine	18	1924	8	5
Wiebe, Dietrich	28	Rempening, Lene	21	1926	3	1
Wiebe, Heinrich	22	Peters, Tine	22	1938		
Wiebe, Isbrand	22	Klassen, Tine	22	1925	3	1
Wiebe, Jakob	20	Braun, Anna	20	1904	5	
Wiebe, Jakob	28	Kroeker, Marie	25	1920	7	2

Wiebe, Jakob	30	Doerksen, Tine	20	1939	2	1
Wiebe, Johann	21	Kroeker, Anna	19	1876	12	2
Wiebe, Johann	31	Rosenfeld, Emilie	29	1916	2	
Wiebe, Johann	48	Wall, Anna	44	1933		
Wiebe, Kornelius	23	Enns, Gertrude	23	1940	1	
Wiebe, Peter	27	Penner, Anna	22	1914	6	3
Wiens, Heinrich	21	Rogalsky, Aganete	20	1918	2	
Wiens, Isbrand	24	Giesbrecht, Lene	20	1902	7	5
Wilwand, Alexander	28	Martin, Adolfine	17	1921	6	5
Wolf, Gustav	25	Neufeld, Katharine	22	1897		
Wolf, Peter	35	Fast, Aganete	33	1917	4	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung

Neu Schoensee, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpff 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Neu Schoensee, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpff 1942

Mann ¹	Alter ²	Frau	Alter ²	Heir. ⁴	Kinder insg. ⁵ gest. ⁶
Bemerkungen					
Berg, Abram	20	Reimer, Maria	19	1883	7 2
Berg, Abram	66	Zacharias, Justine	27	1929	
Berg, Bernhard	21	Boldt, Agate	24	1919	7 3
Berg, Bernhard	39	Spent, Maria	29	1937	1
Berg, Hans	25	Wiebe, Maria	23	1904	13 3
Berg, Jakob	26	Wiebe, Anna	23	1936	2
Bergen, Gerhard	26	Redekop, Aganete	19	1915	2
Block, Johann	28	Friesen, Margarete	28	1933	2
Boldt, Hans	25	Frischbutter, Matild	22	1914	3 1
Boschmann, David	23	Warkentin, Agathe	25	1919	1
Boschmann, Heinrich	19	Janzen, Justine	18	1929	3
Dueck, Hans	24	Richert, Liese	21	1014	7 3
Dueck, Jakob	25	Hamm, Tina	22	1934	1
Dueck, Jakob	25	Regehr, Anna	32	1925	4
Dueck, Peter	26	Klassen, Elisabeth	18	1922	3
Duerksen, Gerhard	21	Friesen, Maria	27	1928	4 2
Embrecht, Hans	25	Ewert, Anna	23	1935	2 1
Enns, Abram	20	Plett, Lena	22	1940	1
Enns, Abram	23	Teske, Liese	19	1928	3
Enns, Abram	27	Schmidt, Aganete	24	1918	2
Enns, Jakob	24	Wiebe, Anna	21	1928	6 2
Enns, Peter	20	Reimer, Liese	19	1919	5

Enns, Peter	22	Rempel, Maria	22	1925	7	1
Epp, Bernhard	22	Dueck, Anna	21	1914	5	3
Epp, Bernhard	27	Dueck, Greta	21	1923	3	1
Epp, Bernhard	43	Epp, Eva	37	1935	2	
Epp, Jakob	26	Siemens, Katarina	21	1900	9	2
Epp, Johann	21	Wiebe, Maria	20	1932	5	
Epp, Johann	24	Peters, Liese	27	1922	6	
Ewert, Hans	26	Loewen, Tina	22	1910	5	1
Ewert, Heinrich	19	Koehn, Maria	20	1933	2	
Ewert, Peter	24	Warkentin, Helene	18	1910	9	2
Fast, Jakob	19	Berg, Liese	20	1935	2	
Fast, Johann	30	Janzen, Tina	24	1930	1	
Fast, Peter	24	Epp, Tina	23	1938	2	
Franz, David	20	Klassen, Helene	18	1919	7	4
Friesen, Bernhard	26	Loewen, Maria	27	1914	10	4
Friesen, Heinrich	22	Djerdew, Matrona	22	1935	3	
Giesbrecht, Gerhard	26	Neufeld, Katarina	18	1907	11	5
Giesbrecht, Hans	32	Koop, Lena	19	1932	6	4
Giesbrecht, Heinrich	26	Hooge, Aganete	20	1928	7	1
Gras, Hans	38	Deer, Mathilde	19	1918	2	
Hamm, August	26	Reimer, Liese	23	1912	5	2
Hamm, Jakob	26	Janzen, Katarine	23	1925	2	
Hamm, Peter	21	Koehn, Tina	20	1933	4	
Hamm, Wilhelm	23	Reimer, Helene	20	1908	7	1
Harder, Bernhard	22	Martens, Suse	26	1897	12	5
Harder, Gerhard	23	Plett, Lena	19	1938	2	1
Isaak, Abram	20	Lorenz, Tina	19	1930	2	
Isaak, Gerhard	24	Schroeder, Katharine	22	1912	8	1
Isaak, Gerhard	26	Ens, Anna	20	1939	2	
Isaak, Gerhard	52	Martens, Lena	43	1939		
Isaak, Heinrich	23	Janzen, Tina	19	1925	2	
Isaak, Peter	24	Boerg, Susane	19	1931	4	1
Janzen, Abram	19	Harms, Anna	20	1931	3	2
Janzen, David	25	Fast, Gertrude	23	1912	9	5
Janzen, David	46	Wiebe, Suse	44	1933		
Janzen, Hans	19	Enns, Liese	19	1939	2	
Janzen, Hans	24	Loewen, Lena	23	1925	8	1
Janzen, Heinrich	19	Epp, Maria	19	1934	1	1
Janzen, Heinrich	23	Loewen, Lene	20	1929	4	2
Janzen, Isaak	24	Martens, Tina	23	1934	4	2
Janzen, Jakob	20	Enns, Tina	18	1940		
Janzen, Jakob	23	Reimer, Tina	20	1901	12	5
Janzen, Jakob	24	Zacharias, Maria	19	1932	3	1
Janzen, Kornelius	19	Dridiger, Maria	22	1941	1	2
Janzen, Kornelius	26	Goossen, Sara	23	1904	5	1
Janzen, Peter	20	Wiebe, Tina	19	1924	4	
Klassen, Jakob	30	Harder, Olga	22	1922	3	
Klassen, Johann	38	Warkentin, Agathe	28	1922	1	
Klein, Johannes	29	Polak, Alwiene	23	1926	5	2
Koehn, Hans	27	Wiebe, Anna	21	1903	14	3
Koehn, Heinrich	25	Hamm, Tina	22	1938	2	1
Krakowsky, Adolf	21	Holz, Wilhelmine	18	1901	6	4
Krakowsky, Reinhold	22	Hude, Jakobina	16	1928	4	3
Krakowsky, Reinhold	29	Holz, Wilhelmine	26	1918	4	1
Krampert, Arnold	24	Krakowsky, Martha	21	1930	4	2
Krebs, Wilhelm	23	Plett, Tina	24	1926	4	
Kroeker, Gerhard	26	Plett, Helene	21	1919	8	3
Lammert, Jakob	37	Dueck, Margarethe	24	1920	7	3
Ledwez, Daniel	28	Jelenz, Pauline	17	1906	8	5

Ledwez, Herbert	27	Krakowsky, Antonie	17	1938	1	
Loewen, Abram	23	Peters, Aganete	23	1929	2	1
Loewen, Abram	30	Harder, Anna	30	1931	3	1
Loewen, David	25	Siemens, Lena	20	1924	8	1
Loewen, Heinrich	22	Berg, Lena	20	1928	4	1
Loewen, Jakob	20	Tomm, Marie	23	1940	1	
Loewen, Jakob	21	Bammen?, Lene	22	1907	9	
Loewen, Jakob	22	Loewen, Greta	22	1935	4	1
Loewen, Jakob	22	Reimer, Katharine	27	1884	9	1
Loewen, Jakob	23	Wiens, Anna	25	1918	2	1
Loewen, Jakob	26	Loewen, Agathe	20	1912	5	1
Loewen, Jakob	26	Redekop, Aganete	26	1922	4	1
Loewen, Peter	27	Schroeder, Aganete	19	1917	9	2
Loewen, Peter	29	Lorenz, Sara	19	1887	15	5
Loewen, Wilhelm	23	Friesen, Sara	18	1905		
Loewen, Wilhelm	25	Regalski, Anna	25	1910	8	
Loewen, Wilhelm	41	Regalski, Agathe	40	1926	2	2
Loewen, Wilhelm	52	Reimer, Susane	58	1937		
Lorenz, Heinrich	23	Bergen, Lene	20	1933	4	
Lorenz, Jakob	20	Bergen, Tina	18	1926	3	
Neufeld, Jakob	22	Boldt, Tina	19	1933	3	12?
Neustaedter, Hans	25	Hamm, Liese	19	1938	2	
Ott, Isaak	26	Peters, Helene	24	1922	7	2
Peters, Franz	20	Kuhn, Katharine	20	1893	8	
Peters, Hans	21	Isaak, Tina	21	1939		
Plett, Abram	20	Buller, Sara	22	1931	3	
Plett, Abram	33	Teichrieb, Suse	25	1920	11	8
Plett, Abram		Peters, Maria	26	1911	4	
Plett, Hans	20	Ledwez, Erna	20	1942		
Plett, Hans	27	Groewe, Anna	23	1918	9	1
Plett, Johann	23	Dueck, Maria	24	1920	6	1
Plett, Peter	44	Loewen, Agathe	45	1937	2	
Quiering, Johann	28	Enns, Justina	23	1918	5	1
Reimer, Abram	23	Reimer, Gredel	21	1932	3	
Reimer, Jakob	22	Janzen, Tina	19	1931	2	
Reimer, Jakob	24	Siemens, Maria	22	1926	3	1
Rempel, David	22	Peters, Greta	20	1937		
Rempel, David	25	Loewen, Neta	21	1940		
Rink, Jakob	21	Mueller, Rose	24	1921	5	3
Rink, Jakob	39	Epp, Lena	30	1938	2	
Schitikow, Dietrich	34	Epp, Martha	21	1939	1	
Schroeder, Franz	24	Martens, Lena	24	1920	3	
Schroeder, Heinrich	23	Janzen, Grete	21	1932	1	1
Schroeder, Jakob	28	Loewen, Sara	23	1906	5	1
Siemens, Jakob	21	Regehr, Anna	19	1912	5	
Siemens, Jakob	23	Fols, Frieda	18	1922	4	
Tiessen, Abram	27	Pankraz, Aganete	19	1919	6	
Tomm, Jakob	25	Wins, Lydia	25	1898	8	1
Voth, Peter	25	Teichrieb, Tina	20	1908	10	6
Warkentin, Gerhard	27	Zacharias, Anna	23	1890		
Warkentin, Hans	23	Ewert, Tina	21	1932	2	
Warkentin, Heinrich	27	Voth, Elisabetha	22	1903		
Warkentin, Johann	19	Hoffmann, Else	29	1929		
Wiebe, Hans	25	Dueck, Maria	23	1938	3	
Wiebe, Aron	24	Gossen, Maria	29	1901	5	1
Wiebe, Aron	25	Janzen, Tina	23	1924	7	2
Wiebe, Hans	24	Wiebe, Anna	20	1903	11	6
Wiebe, Hans	58	Warkentin, Agathe	42	1936		
Wiebe, Jakob	25	Wiebe, Lena	21	1932	4	1

Wiebe, Johann	28	Loewen, Liese	25	1936		
Wiebe, Kornelius	22	Hamm, Maria	20	1931	2	
Wiebe, Peter	20	Friesen, Margarete	19	1899	13	6
Wiebe, Peter	25	Isaak, Anna	26	1923	1	
Wiebe, Peter	25	Neufeld, Maria	20	1925	6	3
Wiebe, Peter	27	Janzen, Aganete	27	1925	6	2
Wiederkehr, Heinrich	18	Herrmann, Maria	22	1893	4	
Wiederkehr, Jakob	22	Harras, Anna	28		5	1
Wiens, Gerhard	21	Bergen, Anna	19	1911	5	
Wiens, Gerhard	24	Wieb, Maria	19	1928	5	
Wolf, Gottfried	27	Ikkert, Herta	20	1919	8	2
Wolf, Gustav	20	Schroeder, Maria	24	1939	2	1
Zacharias, Heinrich	27	Epp, Anna	28	1930	2	
Zuzol, Gerhard	20	Dueck, Liese	20	1939	1	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung

Friedensfeld, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veroeffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Friedensfeld, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mann1	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
_____, Peter	23	Goerzen, Maria	28	1893	2	1
Baerg, Isaak	20	Lepp, Aganete	21	1927	4	
Berg, Abram	24	Friesen, Anna	19	1937	2	
Berg, Heinrich	22	Regehr, Katharine	22	1903	11	1
Berg, Heinrich	40	Ott, Anna	41	1920	1	
Berg, Johann	26	Pankratz, Marie	23	1935	3	
Berg, Kornelius	25	Ott, Grete	23	1927	2	1
Berg, Nikolaus	24	Geddert, Helene	20	1902	6	1
Bergmann, Peter	33	Janzen, Helene	22	1924	1	
Block, David	23	Hooge, Anna	24	1936	3	1
Block, Johann	21	Janzen, Aganete	20	1926	4	1
Block, Peter	20	Esau, Anna	23	1924	6	2
Born, Franz	26	Huebner, Suse	18	1912	8	3
Born, Franz	44	Martens, Margarete	19	1930		
Born, Heinrich	22	Friesen, Marie	24	1939		
Born, Isaak	27	Regehr, Marie	24	1918		
Born, Isaak	32	Loewen, Suse	31	1921	7	3
Born, Wilhelm	21	Hooge, Helene	17	1936	3	1
Born, Wilhelm	23	Giesbrecht, Marie	19	1912	8	3
Boschmann, Johann	25	Wiens, Elisabeth	20	1922	5	2

Boschmann, Peter	28	Huebert, Marie	23	1897	4	2
Boschmann, Peter	46	Warkentin, Suse	40	1914	1	1
Boschmann, Peter	48	Ketler, Katharina	46	1916	1	1
Buhler, Isaak	23	Boerg, Suse	21	1934	2	
Buhler, Nikolaus	22	Friesen, Suse	19	1936	3	1
Buhler, Peter	20	Graewe, Margarete	19	1929	4	1
Doerksen, Abram	20	Froese, Margarete	22	1929	6	2
Doerksen, Didrich	22	Doerksen, Lena	19	1924	6	
Doerksen, Dietrich	39	Wall, Elisabeth	44	1902	5	1
Doerksen, Heinrich	25	Groewe, Katharine	22	1934	4	1
Doerksen, Jakob	24	Born, Marie	20	1923	7	
Doerksen, Johann	24	Boldt, Aganete	20	1895	10	1
Dorksen, Dietrich	29	Enns, Helene	20	1892	4	4
Dueck, Gerhard	25	Harms, Marie	40	1920	8	
Duerksen, Abram	24	Block, Katharina	22	1918	5	
Duerksen, Jakob	20	Born, Anna	22	1942		
Fast, Aron	22	Baerg, Katharine	20	1925	7	2
Fast, Jakob	26	Wiens, Anna	23	1893	9	3
Fast, Jakob	57	Geddert, Helene	43	1924		
Fast, Johann	28	Reimer, Aganete	20	1941	1	
Flaeschner, Jakob	20	Reimer, Sara	19	1934	4	
Flaeschner, Peter	22	Pauls, Anna	23	1931	4	1
Friesen, Abram	24	Loewen, Katharina	20	1933	5	
Friesen, Heinrich	20	Graewe, Marie	19	1926	5	2
Friesen, Heinrich	29	Friesen, Marie	28	1908	5	2
Friesen, Isaak	33	Block, Liese	26	1933	4	1
Friesen, Peter	22	Zacharias, Aganete	20	1898	11	3
Friesen, Peter	34	Boldt, Katharina	24	1912	8	3
Friesen, Peter	51	Friesen, Katharina	41	1932		
Froese, Heinrich	26	Hamm, Emilie	25	1926	6	1
Froese, Peter	24	Janzen, Maria	23	1934	3	
Geddert, David	23	Reimer, Marie	20	1942		
Geddert, David	27	Block, Marie	23	1918	1	
Geddert, David	31	Ott, Maria	25	1922	5	
Geddert, David	51	Ott, Katharina	51	1942		
Geddert, Heinrich	24	Wiens, Lene	23	1935		
Geddert, Heinrich	25	Janzen, Gertrude	26	1910	8	2
Geddert, Peter	27	Giesbrecht, Elisabet	26	1922	4	
Giesbrecht, Kornelius	23	Regehr, Helene	24	1928	5	1
Giesbrecht, Peter	25	Doerksen, Katharina	23	1926	4	
Graewe, Isaak	23	Richard, Marie	23	1920	9	3
Graewe, Isaak	61	Plett, Marie	44	1930		
Harder, Peter	27	Klippenstein, Anna	22	1919	1	
Heinrichs, Abram	26	Friesen, Aganete	24	1926	7	
Heinrichs, Nikolaus	24	Loewen, Suse	20	1926	7	2
Hooge, Abram	21	Wiens, Sara	20	1939	2	
Hooge, Bernhard	23	Berg, Marie	21	1937	2	1
Hooge, Bernhard	26	Reimer, Marie	20	1913	14	3
Hooge, Heinrich	23	Duerksen, Justine	19	1919	8	3
Hooge, Heinrich	24	Reimer, Neta	21	1937	2	
Hooge, Jakob	21	Buller, Agatha	18	1924	9	1
Hooge, Jakob	22	Friesen, Anna	20	1895	8	3
Hooge, Jakob	22	Wiebe, Helene	21	1941		
Hooge, Jakob	26	Boschmann, Justine	24	1898	8	4
Hooge, Jakob	39	Pankratz, Justine	28	1911	3	1
Hooge, Jakob	46	Bestvater, Lene	32	1918	1	
Hooge, Peter	24	Friesen, Justine	25	1936	3	
Huebner, Isbrand	22	Regehr, Suse	22	1925	9	6
Huebner, Johann	25	Hooge, Justine	20	1920	6	2

Janzen, Franz	25	Wallmann, Marie	22	1929	4	
Janzen, Jakob	22	Martens, Liese	19	1922	6	1
Janzen, Jakob	22	Plett, Marie	22	1936	3	
Janzen, Johann	22	Giesbrecht, Marie	19	1930	4	
Janzen, Kornelius	23	Wiens, Katharina	18	1936	2	1
Janzen, Paul	28	Boschmann, Justine	25	1913	8	3
Klassen, Abram	29	Pankratz, Katharina	32	1937	2	1
Klassen, Franz	24	Graewe, Aganete	24	1918		
Klippenstein, Franz	23	Pankratz, Helene	24	1932	2	
Klippenstein, Franz	25	Wiens, Justine	20	1909	13	8
Koop, Abram	23	Born, Anna	19	1919	8	2
Koop, Heinrich	25	Janzen, Gertrude	25	1934	1	1
Koop, Heinrich	27	Schroeder, Maria	26	1902	3	3
Kroeker, Heinrich	23	Epp, Helene	18	1890	2	2
Kroeker, Heinrich	26	Pankratz, Margarete	19	1894	8	2
Kroeker, Nikolaus	33	Klassen, Grete	28	1937	2	1
Langemann, Aron	24	Heinrichs, Suse	21	1925	8	3
Langemann, Bernhard	20	Warkentin, Margarete	20	1923	8	2
Langemann, Heinrich	21	Klippenstein, Marie	20	1926	6	2
Langemann, Jakob	28	Voth, Anna	26	1922	6	1
Langemann, Johann	23	Doerksen, Anna	24	1921	3	1
Langemann, Johann	44	Pankratz, Sara	31	1935	1	
Langemann, Johann	46	Graewe, Aganete	43	1937		
Lepp, August	28	Voth, Anna	22	1918	3	1
Lepp, Heinrich	25	Pankratz, Sara	20	1923	5	
Lepp, Johann	24	Warkentin, Aganete	25	1926	5	
Loewen, Jakob	28	Ketler, Katharina	19	1891	13	9
Martens, Abram	32	Balzer, Aganete	22	1904	8	2
Martens, Franz	27	Loewen, Suse	23	1917	1	
Martens, Heinrich	24	Buhler, Katharina	24	1929	5	1
Martens, Johann	21	Fast, Liese	21	1929	8	2
Martens, Wilhelm	21	Ott, Anna	21	1900	12	8
Martens, Wilhelm	24	Voth, Marie	19	1925	8	1
Pankratz, Heinrich	19	Friesen, Lene	19	1925	5	
Pankratz, Heinrich	27	Bestvater, Barbara	22	1900	10	1
Pankratz, Peter	21	Martens, Liese	20	1936	2	
Plett, Johann	27	Regehr, Tina	20	1938	2	
Plett, Peter	27	Graewe, Aganete	18	1912	1	
Pritzkau, August	28	Buhler, Helene	23	1937	2	1
Quiering, Jakob	35	Kroeker, Aganete	29	1937	1	1
Quiering, Kornelius	24	Martens, Aganete	20	1926	2	
Quiering, Kornelius	27	Berg, Margarete	25	1887	7	3
Regehr, Aron	42	Friesen, Anna	40	1915		
Regehr, David	22	Wiens, Katharina	20	1934	5	2
Regehr, Johann	25	Hooge, Helene	21	1924	4	
Reimer, David	22	Wiens, Liese	21	1941		
Reimer, David	25	Reimer, Lene	18	1918	9	1
Reimer, Isaak	22	Enns, Maria	21	1926	3	2
Reimer, Jakob	20	Wiens, Agathe	20	1939	2	
Reimer, Jakob	23	Doerksen, Elisabeth	20	1892	2	
Reimer, Jakob	25	Janzen, Sara	25	1914	8	1
Reimer, Jakob	49	Schroeder, Maria	43	1920	1	
Reimer, Johann	29	Loewen, Margarete	26	1919	2	1
Richert, Franz	22	Wallmann, Liese	21	1925	5	1
Riesen, David	23	Giesbrecht, Justine	19	1934	3	1
Riesen, Franz	20	Doerksen, Margarete	21	1934	5	
Siemens, Jakob	26	Wiens, Gertrude	23	1905		
Siemens, Jakob	46	Loewen, Margarete	32	1924		
Teske, Johann	25	Rechert, Eva	26	1919	5	1

Teske, Johann	41	Ott, Helene	32	1934	1	1
Teske, Johann	43	Schwarz, Helene	35	1936	2	2
Tschetter, Kornelius	24	Buhler, Anna	20	1928	5	
Unger, Abram	26	Penner, Marie	24	1931	2	
Unruh, David	32	Boschmann, Lene	26	1912	5	2
Unruh, David	55	Ott, Maria	35	1929	1	
Voth, Jakob	23	Loewen, Anna	21	1919	5	2
Voth, Johann	25	Dorksens, Aganete	18	1925	6	
Voth, Peter	24	Doerksens, Suse	23	1918	6	2
Voth, Peter	26	Braun, Marie	19	1892	10	2
Wallmann, Kornelius	29	Teichreb, Justine	26	1901	3	1
Wiebe, Gerhard	29	Wiebe, Justine	23	1919	1	
Wiens, Abram	22	Loewen, Anna	22	1929	5	3
Wiens, Dietrich	20	Block, Anna	20	1918	8	
Wiens, Heinrich	25	Wiens, Katharina	18	1912	6	
Wiens, Heinrich	26	Hooge, Marie	25	1939	2	
Wiens, Isaak	21	Janzen, Martha	20	1937	1	
Wiens, Isaak	22	Block, Aganete	21	1932	3	3
Wiens, Isaak	22	Lepp, Lene	21	1909	13	1
Wiens, Jakob	22	Wiens, Suse	19	1937	3	
Wiens, Jakob	26	Rempel, Marie	28	1919	7	2
Wiens, Jakob		Doerksens, Anna	21	1916	2	
Wiens, Johann	21	Pankratz, Liese	19	1937	3	1
Wiens, Johann	23	Plett, Anna	20	1912	4	
Wiens, Johann	36	Wiebe, Justine	30	1925	2	
Wiens, Peter	23	Langemann, Anna	19	1919	9	3
Zacharias, Gerhard	20	Boldt, Maria	19	1937	2	
Zacharias, Johann	23	Isaak, Katharina	25	1937	2	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung

Neu-Halbtadt, Sagraodvka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Neu-Halbtadt, Sagraodvka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mann1	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6
Bemerkungen					
Bergen, Heinrich	23	Redekop, Helene	20	1889	11 3
Bergen, Heinrich	23	Warkentin, Marie	21	1914	7 2
Bergen, Heinrich	39	Braun, Helene	29	1905	7 1
Boldt, Peter	27	Hooge, Tina	20	1918	9 3
Buller, Gerhard	23	Janzen, Marie	22	1940	1 1
Buller, Johann	25	Giesbrecht, Agate	20	1905	13 4

Buller, Johann	25	Rausch, Agate	21	1936	1	
Derksen, Bernhard	20	Esau, Margarete	19	1922	10	8
Derksen, Paul	22	Wiens, Tine	26	1895	5	2
Derksen, Paul	27	Janzen, Suse	39	1927		
Dickau, Peter	27	Schoen, Anna	21	1879	8	2
Dirks, Gerhard	21	Klassen, Katharine	21	1922	2	1
Doerksen, Abram	27	Schneider, Ida	26	1936	1	1
Doerksen, Abram	34	Richert, Katharine	33	1914	6	3
Doerksen, Heinrich	22	Kroeker, Katharina	20	1885	15	5
Doerksen, Jakob	23	Delesky, Helene	20	1855	13	4
Doerksen, Peter	22	Friesen, Liese	22	1920	5	3
Dueck, Bernhard	26	Driediger, Anna	23	1910	9	3
Dueck, Jakob	21	Klassen, Anna	21	1896	4	
Dueck, Jakob	33	Tiessen, Helene	35	1908	4	1
Dueck, Jakob	46	Braun, Helene	45	1921		
Dueck, Peter	28	Koop, Elisabeth	25	1909	7	2
Duerksen, Abram	21	Zacharias, Elisabeth	20	1925	5	1
Duerksen, Jakob	27	Dueck, Katharine	21	1900	10	
Dyck, Abram	22	Goossen, Aganete	21	1936	3	1
Dyck, Johann	21	Dyck, Tina	22	1933	3	
Esau, Aron	25	Martens, Helene	23	1905		
Ewert, Abram	26	Duecks, Marie	20	1909	6	1
Ewert, Abram	40	Martens, Helene	41	1924		
Ewert, Arbram	22	Neufeld, Tina	20	1939	2	1
Ewert, Heinrich	22	Duerksen, Anna	23	1917	4	
Ewert, Heinrich	29	Peters, Tina	23	1939	1	
Fast, Abraham	21	Klassen, Suse	22	1914	10	8
Fast, Johann	27	Dueck, Tina	22	1926	2	
Friesen, Bernhardt	22	Isaak, Justine	21	1887	7	
Funk, Heinrich	21	Duerksen, Aganete	20	1928	5	2
Funk, Peter	22	Swatsky, Agate	22	1926	3	
Goossen, Jakob	29	Martens, Lene	19	1920	7	3
Hein, Emil	21	Ewert, Gertrude	20	1936	2	
Hein, Karl	27	Rade, Pauline	20	1913	6	1
Hein, Otto	19	Bergen, Helene	18	1938	3	2
Hooge, Abram	24	Wall, Lene	18	1924	3	
Isaak, Franz	21	Braun, Helene	21	1897	3	
Janzen, Abram	20	Koehn, Elisabeth	23	1877	4	
Janzen, Abram	24	Teichrueb, Liese	26	1902	8	4
Janzen, Abram	27	Zacharias, Margarete	26	1930	6	
Janzen, Abram	28	Reimer, Eva	23	1885	10	4
Janzen, Aron	24	Doerksen, Margarete	23	1868	5	2
Janzen, Aron	38	Wiebe, Aganete	18	1880	10	3
Janzen, Franz	25	Schellenberg, Anna	18	1918	3	1
Janzen, Franz	25	Warkentin, Anna	22	1918	6	3
Janzen, Franz	32	Ennz, Lene	26	1926	5	1
Janzen, Franz	41	Quiering, Liese	36	1933		
Janzen, Jakob	21	Tielmann, Marie	19	1926	5	1
Janzen, Jakob	22	Banmann?, Lene	21	1891	15	4
Janzen, Jakob	24	Duerksen, Liese	22	1918	7	4
Janzen, Jakob	53	Warkentin, Margarete	44	1922		
Janzen, Johann	29	Wolf, Sara	26	1919	3	
Janzen, Johann	38	Doerksen, Margarethe	38	1923	2	
Johann's Alter 33?						
Janzen, Nikolai	21	Voth, Margarete	20	1921	4	1
Janzen, Nikolai	31	Esau, Margarete	23	1930		
Janzen, Peter	21	Wiebe, Suse	19	1883	8	2
Janzen, Peter	23	Duerksen, Tina	22	1923	5	1
Klassen, Franz	38	Klassen, Anna	35	1925	4	2

Klassen, Johann	27	Wiebe, Katharine	19	1888	10	4
Koop, Abram	22	Martens, Marie	22	1936	2	
Koop, Jakob	22	Ewert, Gertrude	23	1911	8	1
Koop, Johann	24	Teichrieb, Anna	20	1868	11	5
Koop, Johann	34	Peters, Justine	24	1913	8	1
Kroeker, Heinrich	27	Enns, Suse	26	1911	7	3
Kroeker, Johann	25	Duerksen, Elisabeth	23	1938	2	
Kroeker, Nikolai	19	Zacharias, Liese	19	1939	2	1
Kurz, Friedrich	30	Batzwalt, Mathilde	28	1932		
Kurz, Friedrich	34	Bueller, Lydia	27	1936	3	
Kurz, Julius	22	Fieleich, Rosalie	20	1901	12	3
Loewen, Bernhard	20	Reimer, Margarete	20	1893	7	
Loewen, Bernhard	28	Nickel, Marie	24	1924	8	2
Loewen, Bernhardt	27	Derksen, Helene	22	1921	7	1
Loewen, Bernhardt	40	Derksen, Anna	41	1934		
Loewen, Peter	26	Wiens, Helene	24	1868	6	4
Loewen, Peter	39	Lorenz, Sara	19	1882	15	4
Lorenz, Peter	21	Esau, Margarete	19	1926	1	1
Martens, Abram	24	Doerksen, Margarethe	21	1905	8	2
Martens, Jakob	21	Neufeld, Marie	20	1939	1	
Martens, Jakob	24	Pankratz, Aganete	24	1937	1	
Neufeld, Abram	21	Parschauer, Marie	19	1941	1	
Neufeld, Aron	24	Tielmann, Sara	19	1929	8	4
Neufeld, David	30	Reimer, Justine	33	1936	2	1
Neufeld, David	31	Loepp, Elisabeth	26	1904	13	8
Neufeld, Jakob	20	Zacharias, Katharine	20	1928	5	1
Neufeld, Jakob	24	Janzen, Helene	19	1905	2	
Neufeld, Jakob	29	Janzen, Aganete	19	1910	7	1
Neufeld, Johann	29	Janzen, Sara	23	1918	10	1
Neufeld, Peter	21	Ewert, Anna	20	1938	2	1
Pankratz, Franz	26	Penner, Katharina	22	1918	1	1
Pankratz, Franz	28	Huebert, Helene	24	1920	1	
Pankratz, Franz	31	Reimer, Marie	21	1923	8	4
Pankratz, Kornelius	24	Doerksen, Aganete	21	1909	3	1
Pankratz, Kornelius	28	Koop, Anna	22	1913	8	4
Penner, Abram	24	Wieler, Katharine	17	1903	6	1
Penner, Heinrich	26	Rempel, Marie	25	1870	12	2
Penner, Jakob	23	Zacharias, Katharine	20	1935	3	
Penner, Jakob	26	Neufeld, Aganete	19	1930	4	
Penner, Jakob	30	Goossen, Katharine	29	1905	4	
Quiering, Abram	26	Koop, Elisabeth	31	1890	8	4
Ratzlaff, Franz	23	Pankratz, Margarete	19	1921	8	5
Rausch, Otto	23	Janzen, Anna	20	1936	2	
Regehr, Abram	22	Zacharias, Anna	20	1931	3	
Regehr, Abram	24	Boldt, Marie	21	1894	10	3
Regehr, Aron	22	Koop, Marie	20	1939	1	
Regehr, Aron	24	Pauls, Anna	22	1872	4	
Regehr, Heinrich	22	Penner, Sara	23	1933	3	
Regehr, Heinrich	23	Wolf, Lene	21	1910	6	1
Regehr, Jakob	22	Klassen, Katharine	24	1924	6	1
Regehr, Jakob	24	Wiebe, Helene	24	1901	10	4
Regehr, Johann	27	Reimer, Neta	22	1935	3	1
Regehr, Kornelius	21	Koop, Anna	18	1909	1	
Regehr, Nikolai	28	Tiessen, Marie	24	1923	4	
Regehr, Peter	21	Bartel, Olga	21	1933	2	
Regehr, Peter	21	Koop, Suse	20	1936	2	
Regehr, Peter	27	Driediger, Tina	26	1939		
Reimer, David	20	Penner, Marie	20	1928	4	
Reimer, David	26	Reimer, Marie	27	1935	3	

Reimer, Heinrich	23	Janzen, Marie	22	1911	9	5
Reimer, Heinrich	28	Flaming, Katharine	33	1929	6	1
Reimer, Isaak	22	Friesen, Marie	19	1903	11	2
Reimer, Isaak	25	Neufeld, Lene	21	1936	2	
Reimer, Isaak	30	Loewen, Marie	19	1892	11	3
Reimer, Johann	20	Reimer, Lene	19	1937	1	
Reimer, Peter	21	Schneider, Ottilie	24	1936	2	
1931?						
Rempel, Klaas	31	Wiens, Tina	24	1912	2	
Rempel, Klaas	37	Janzen, Liese	38	1918	4	2
Rode, Theodor	20	Bauer, Pauline	16	1880	10	2
Schneider, Ewald	21	Penner, Katharine	19	1935	1	
Schneider, Heinrich	27	Dickau, Ottilie	21	1907	7	1
Siemens, Franz	26	Dyck, Anna	20	1922	1	1
Siemens, Franz	29	Wall, Lena	29	1936	3	
Tielmann, Jakob	21	Janzen, Helene	21	1926	4	
Tielmann, Kornelius	21	Regehr, Aganete	19	1934	4	1
Tielmann, Peter	27	Wiebe, Tina	23	1903	6	
Tiessen, Heinrich	24	Huebert, Margarete	22	1882	8	4
Tiessen, Heinrich	35	Fast, Katharine	25	1920	3	3
Tiessen, Johann	24	Derksen, Grete	20	1926	8	3
Wall, Abram	21	Buller, Suse	27	1926	4	2
Wall, Abram	22	Richert, Tina	22	1901	8	1
Wall, Heinrich	24	Regehr, Rina	24	1932	5	3
Warkentin, Isaak	22	Harder, Katharine	21	1887	12	5
Warkentin, Isaak	56	Redekop, Margarete	50	1921		
Wiebe, Heinrich	24	Wolf, Sara	22	1923	7	
Wiebe, Kornelius	22	Fast, Tina	20	1874	5	3
Wiebe, Peter	40	Dirksen, Katharine	27	1924	9	3
Wiens, Abram	47	Toews, Justine	23	1875	12	7
Wiens, Aron	25	Regehr, Helene	21	1917	8	2
Wiens, Hermann	19	Janzen, Tina	19	1921	7	2
Wiens, Hermann	21	Duerksen, Anna	18	1930	3	1
Wiens, Jakob	22	Neufeld, Anna	21	1942		
Wiens, Johann	19	Buller, Lene	19	1942		
Wiens, Johann	22	Driediger, Tina	18	1932	2	1
Wiens, Johann	22	Steingart, Sara	18	1899	12	4
Wiens, Julius		Harder, Suse	19	1937	2	1
Wolf, Abram	26	Nickel, Katharine	26	1892	8	2
Zacharias, David	27	Doerksen, Katharine	25	1915		
Zacharias, Jakob	24	Wall, Anna	18	1928	5	
Zacharias, Johann	23	Giesbrecht, Aganete	23	1921	9	1
Zacharias, Johann	24	Klassen, Anna	19	1908	6	3
Zacharias, Nikolai	20	Janzen, Liese	20	1899	7	1
Zacharias, Peter	20	Tielmann, Anna	19	1928	2	
Zacharias, Peter	25	Janzen, Anna	23	1924	4	2
Zacharias, Peter	26	Zacharias, Aganete	21	1922	9	1
Zacharias, Peter	27	Fast, Aganete	22	1898	11	3
Zacharias, Peter	53	Bestrater, Anna	48	1925		

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
 Nikolaifeld, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stump
 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Nikolaifeld, Sagradovka Kolonie

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Bargen, Gerhard	26	Koop, Anna	24	1892	7	5
Bargen, Gerhard	52	Hooge, Trude	48	1919		
Bargen, Peter	26	Tiessen, Grete	23	1923	7	3
Bartel, David	22	Tiessen, Liese	22	1936	2	
Bergen, Johann	40	Reimer, Marie	39	1926	4	
Buller, Johann	25	Friesen, Aganete	25	1923	6	2
Dick, Johann	27	Esau, Suse	30	1901	2	2
Dick, Johann	27	Janzen, Sara	25	1935	2	1
Driediger, Abram	28	Tiessen, Lene	29	1939	8	1
Driediger, Jakob	21	Loewen, Sara	22	1929	3	1
Driediger, Jakob	32	Regier, Liese	24	1907	12	4
Driediger, Johann	29	Loewen, Neta	19	1917	2	
Dueck, Jakob	22	Friesen, Justine	22	1898	2	2
Ens, Franz	18	Wiens, Liese	21	1936	2	
Epp, Franz	25	Goerzen, Grete	20	1907	10	5
Epp, Heinrich	21	Lorenz, Trudel	20	1930	4	
Epp, Heinrich	25	Knels, Sara	26	1897	4	
Epp, Klaas	25	Goerzen, Justine	22	1933	3	
Friesen, Isbrand	22	Klassen, Justine	20	1898	4	3
Friesen, Isbrand	28	Loewen, Marie	26	1937	3	1
Friesen, Isbrand	29	Ens, Lene	24	1907	8	2
Friesen, Jakob	21	Loewen, Maria	18	1930	5	1
Friesen, Jakob	23	Epp, Liese	20	1907	8	4
Friesen, Jakob	27	Loewen, Aganete	23	1906	4	
Friesen, Thomas	21	Goerzen, Justine	20	1941		
Froese, Jakob	40	Epp, Liese	37	1924	4	3
Froese, jk	39	Reimer, Marie	36	1923		
Goerzen, Diedrich	21	Loewen, Liese	18	1911	7	2
Goerzen, Diedrich	25	Isaak, Liese	23	1937	3	1
Goerzen, Heinrich	26	Wall, Justine	29	1910	3	
Goerzen, Heinrich	63	Wiens, Tina	46	1926		
Hooge, Abram	23	Langemann, Agate	19	1902	6	4
Hooge, Abram	60	Wiens, Tina	59	1941		
Hooge, David	26	Wiens, Tina	23	1904	8	1
Huebert, Jakob	22	Janzen, Anna	19	1937	2	
Isaak, Abram	26	Goerzen, Lene	18	1938	2	
Isaak, Franz	25	Friesen, Liese	21	1908	7	1
Isaak, Franz	30	Voth, Marie	26	1919	10	6
Isaak, Johann	26	Janzen, Grete	22	1936	1	
Isaak, Johann	26	Penner, Marie	26	1940	1	
Isaak, Johann	31	Goerzen, Anna	21	1940	2	
Isaak, Johann	37	Loewen, Neta	23	1922	4	1
Isaak, Kornelius	25	Friesen, Liese	23	1933	3	1
Isaak, Kornelius	25	Voth, Anna	20	1896	16	4
Isaak, Kornelius	29	Langemann, Justine	21	1918	6	

Isaak, Peter	29	Loewen, Agate	22	1934	4	
Isaak, Peter	31	Tiessen, Marie	29	1939	1	1
Janzen, Diedrich	22	Friesen, Anna	20	1906	14	4
Janzen, Dietrich	25	Epp, Grete	22	1937	1	
Janzen, Heinrich	21	Janzen, Margarete	20	1934	3	
Janzen, Isbrand	22	Epp, Margarete	18	1902	7	4
Janzen, Isbrand	23	Friesen, Helene	26	1938	2	
Janzen, Johann	21	Reimer, Margarete	19	1904	11	5
Janzen, Johann	57	Wiebe, Ida	41	1940		
Klassen, Abram	21	Friesen, Grete	20	1934	1	
Klassen, Heinrich	21	Hooge, Anna	21	1925	5	
Klassen, Jakob	22	Driediger, Liese	21	1931	3	1
Klassen, Johann	25	Langemann, Marie	23	1924	8	1
Klassen, Johann	26	Goerzen, Anna	23	1900	9	1
Knels, David	20	Martins, Tine	18	1883	5	3
Knels, David	25	Plett, Helene	19	1918	8	2
Knels, David	29	Giesbrecht, Tine	27	1890	8	5
Koehn, David	29	Loewen, Justine	29	1941		
Koehn, Heinrich	20	Janzen, Tine	21	1940	1	
Koehn, Jakob	20	Langemann, Agate	20	1919	5	
Koehn, Peter	27	Wedel, Lene	20	1935	2	
Langemann, Aron	26	Hooge, Trude	20	1891		
Langemann, Johann	20	Friesen, Anna	19	1890	11	4
Loewen, Heinrich	23	Friesen, Marie	20	1905	14	5
Loewen, Heinrich	25	Harder, Tine	25	1931	4	
Loewen, Isaak	21	Tiessen, Anna	18	1937		
Loewen, Jakob	19	Hooge, Agate	19	1938	1	
1939?						
Loewen, Jakob	21	Koehn, Anna	19	1941	1	
Loewen, Jakob	22	Regier, Marie	20	1911	7	1
Loewen, Wilhelm	25	Friesen, Justine	27	1903	8	4
Lorenz, Gerhard	20	Koop, Trude	20	1893	3	1
Lorenz, Gerhard	38	Esau, Suse	38	1911		
Nickel, Peter	19	Wiens, Liese	21	1924	6	1
Penner, Gerhard	23	Giesbrecht, Lene	19	1933	5	1
Penner, Heinrich	21	Peters, anna	21	1919	9	3
Penner, Jakob	23	Schielke, Emilie	22	1922	5	2
Peters, Gerhard	24	Driediger, Anna	23	1937	2	1
Peters, Jakob	24	Voth, Grete	20	1927	3	
Peters, Johann	26	Lamert, Grete	22	1897	7	
Peters, Johann	49	Lamert, Anna	46	1924		
Peters, Peter	24	Klassen, Aganete	26	1931	4	1
Plett, Bernhard	24	Janzen, Sara	20	1926	6	
Plett, Heinrich	19	Teske, Tine	17	1874	10	1
Plett, Heinrich	64	Friesen, Justine	60	1918		
Plett, Heinrich	72	Friesen, Lene	52	1927		
Schielke, Leonard	27	Plett, Lene	26	1930	5	1
Schindler, Klemens	25	Tiessen, Lene	22	1936	2	
Schroeder, Peter	21	Klassen, Justine	23	1924	2	
Schroeder, Walter	23	Dejager, Marie	28	1921		
Teichrueb, Johann	23	Giesbrecht, Marie	23	1915	4	3
Tiessen, Abram	29	Schellenberg, Margarete	22	1918	6	2
Tiessen, David	25	Hooge, Agate	26	1937	2	
Tiessen, Johann	27	Tiessen, Anna	23	1884	4	3
Tiessen, Johann	33	Vogt, Tina	29	1890	5	1
Tiessen, Johann	41	Lamert, Anna	21	1899	11	3
Tiessen, Peter	20	Rogalsky, Liese	17	1898	9	1
Wall, Jakob	22	Loewen, Tine	22	1931	3	
Wall, Peter	26	Friesen, Anna	19	1909	10	3

Wallmann, Heinrich	20	Buller, Tine	20	1933	1	
Warkentin, David	23	Wiebe, Suse	25	1928	3	
Wedell, Siegesmund	22	Dick, Anna	17	1939	1	
Wiebe, Peter	28	Klassen, Marie	28	1888	9	2
Wiens, Abram	21	Fast, Suse	20	1932	2	
Wiens, Franz	19	Gossen, Tine	24	1877	1	
Wiens, Franz	28	Gossen, Anna	17	1886	4	1
Wiens, Franz	38	Friesen, Lene	21	1896	8	5
Zacharias, Peter	23	Hooge, Margarete	20	1936	2	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung Orloff, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veroeffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Neu Orloff, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Adrian, Aron	32	Bauer, Bertha	23	1922	1	
Adrian, Aron	50	Huebert, Susanne	34	1940	1	
Adrian, Jakob	23	Hamm, Katharine	23	1878	7	
Adrian, Jakob	32	Isaak, Helene	26	1939	1	
Albek?, Johann	23	Sparwasser, Lilie	22	1925	2	
Algeier, Otto	23	Keller, Olga	20	1927	5	1
Baerg, Abram	26	Wall, Marie	23	1907	8	1
Baerg, Johann	27	Funk, Trude	23	1932	3	1
Bargen, Peter	27	Dueck, Helene	20	1859	15	5
Bartels, Jakob	23	Felke?, Hulde	21	1919	10	2
Bayer, Oswald	29	Stebner, Olga	22	1920	8	2
Bergen, Bernhard	25	Regehr, Anna	20	1881	8	3
Besler, Gottlieb		Schmidt, Elwine			2	
Block, Heinrich	25	Plett, Lena	21	1942		
Block, Heinrich	36	Regehr, Margarete	26	1916	3	
Bold, Heinrich		Frischbutter, Susan.			3	1
Bold, Heinrich		Unger, Eva			5	
Boldt, Wilhelm	22	Warkentin, Tina	20	1938	1	
Bredo, Otto	19	Brosowsky, Eugene	28	1932	3	1
Buehler, Otto	21	Ballmann, Margarete	19	1915	4	2
Derksen, Abram	26	Poess, Hilda	23	1935	4	
Dick, Nikolai	26	Tiessen, Katharine	22	1908	1	
Dueck, Jakob	22	Neustaedter, Anna	22	1888	8	1

Dueck, Jakob	36	Harder, Anna	25	1902	4	
Dueck, Peter	23	Siemens, Katharine	22	1937	2	
Dueck, Peter	25	Plett, Tina	20	1928	5	
Engel, Friedrich	21	Sparwasser, Olga	20	1936	1	
Epp, Johann	22	Wieb, Sara	24	1920	6	1
Epp, Klass	24	Penner, Anna	19	1899	5	1
Epp, Nikolai	27	Schmidt, Marie	24	1941	1	1
Fast, Abraham	29	Klassen, Katharine	29	1936	1	
Fast, Aron	22	Friesen, Elisabeth	21	1900	9	3
Fast, Jakob	26	Plett, Maria	27	1931	5	
Friesen, Heinrich	25	Friesen, Liese	21	1924	7	1
Friesen, Isbrand	25	Martens, Anna	20	1909	10	2
Friesen, Isbrand	28	Pobedra, Polja	28	1938	2	1
Friesen, Jakob	21	Fast, Margarete	19	1883	18	11
Friesen, Jakob	22	Polock, Marie	20	1898	6	
Funk, Aron	19	Plett, Grete	22	1938	1	
Funk, Jakob	24	Brosowsky, Selma	31	1936	3	2
Funk, Johann	26	Adrian, Gertrude	25	1903	8	1
Galjan, Reinhold	20	Fahr, Augustine	20	1920	6	
Geng, Andreas	26	Fritz, Ottilie	19	1911	11	3
Geng, Eugen	28	Isaak, Agathe	24	1940	1	
Giesbrecht, August	23	Kretschmann, Wanda	23	1898	12	11
Giesbrecht, Ewald	24	Bradasch, Olga	18	1927	2	
Goerzen, Abram	24	Klassen, Aganete	19	1915	5	
Goerzen, Heinrich	18	Reimer, Lene	19	1939	2	
Goerzen, Jakob	20	Orlenko, Wera	20	1938	2	
Goossen, Heinrich	27	Dueckmann, Elisabeth	19	1922	7	1
Goossen, Peter	19	Lupp, Adeliene	22	1924	9	3
Harder, Klass	33	Peters, Elisabeth	29	1879	6	2
Hein, Heinrich	27	Kessler, Eugene	19	1920	9	1
Heinrichs, Wilhelm	23	Piede, Marie	23	1891	1	
Huebert, Gerhard	23	Boldt, Marie	18	1933		
Huebert, Isaak	23	Epp, Margarete	19	1922	7	
Huebert, Peter	22	Baerg, Marie	22	1898	9	6
Huebert, Peter	26	Koop, Gertrude	21	1937	2	
Isaak, Franz	27	Neufeld, Helene	21	1911	8	
Isaak, Heinrich	23	Schmidt, Justine	18	1937	1	
Isaak, Heinrich	26	Bargen, Agathe	29	1908	3	1
Isaak, Jakob	21	Reimer, Marie	25	1920	5	1
Isaak, Peter	25	Klassen, Sara	18	1866	11	4
Janzen, Johann	19	Schmidt, Agnes	21	1938	1	
Janzen, Kornelius	30	Klassen, Anna	22	1919	8	
Keller, Heinrich	23	Ruf, Susanne	22	1891	10	3
Kelm, Wilhelm	24	Krishil, Olga	20	1936	4	2
Klassen, Abram	22	Siemens, Marie	20	1926	5	2
Klassen, Jakob	19	Bargen, Marie	19	1918	1	1
Klassen, Jakob	22	Unruh, Katharine	20	1921	3	
Klassen, Jakob	29	Reimer, Liese	24	1937	2	
Klassen, Johann	23	Janzen, Aganete	21	1918	7	2
Klassen, Johann	38	Friesen, Liese	28	1933	2	
Klassen, Peter	24	Janzen, Maria	22	1934	1	
Klassen, Peter	58	Tiessen, Margarete	38	1916		
Klassen, Peter		Gedert, Marie			10	7
Klassen, Peter		Koop, Katharine			3	1
Klaus, Adolf	25	Lenhardt, Anna	19	1929	3	
Klaus, Friedrich	24	Weihkam?, Magdalene	21	1861	1	0
Koehn, David	24	Wiebe, Tina	21	1899	9	
Koehn, David	29	Friesen, Katharine	24	1937	3	
Koehn, Heinrich	28	Schellenberg, Marie	19	1896	12	1

Koehn, Jakob	23	Reimer, Marie	20	1933	2	
Koehn, Jakob	26	Voth, Susanne	18	1866	12	5
Koehn, Peter	22	Lenhardt, Martha	21	1941	1	
Koop, Dietrich	20	Galjan, Herta	18	1940	1	
Koop, Dietrich	28	Tiessen, Marie	26	1919	4	
Lammert, David	19	Loewen, Justine	20	1919	2	
Lammert, David	25	Dueck, Lena	22	1925	3	1
Lammert, Franz	27	Wiebe, Marie	25	1940		
Lammert, Heinrich	25	Adrian, Marie	21	1938	2	
Lammert, Nikolai	20	Friesen, Agnes	21	1941	1	
Lenhard, Adolf	21	Klaus, Emilie	22	1902	9	
Lenhard, Ewald	24	Sparwasser, Emma	22	1936	2	1
Martens, Heinrich	25	Kroeker, Anna	22	1934	4	
Martens, Jakob	26	Heinrich, Lydia	20	1912	10	7
Martens, Johann	22	Koehn, Tina	22	1926	3	1
Martens, Julius	29	Sawadsky, Tina	27	1902	8	5
Martens, Julius	47	Sawadsky, Tina	43	1920	4	2
Neufeld, Bernhard	19	Wiebe, Suse	19	1926	6	2
Neufeld, Isaak	23	Unger, Susanne	20	1920	1	
Neufeld, Isaak	26	Frischbutter, Susann	26	1920	6	1
Neufeld, Isaak	37	Wiebe, Katharina	33	1933		
Neufeld, Johann	21	Banmann, Anna	24	1928	3	
Neufeld, Johann	24	Janzen, Marie	23	1918	2	1
Neufeld, Johann	25	Klassen, Margarete	23	1903	3	1
Neufeld, Kornelius	22	Goerzen, Elisabeth	23	1870	9	3
Nickel, Jakob	20	Koehn, Anna	23	1932	5	1
Penner, Bernhard	26	Quiering, Sara	26	1918	3	
Penner, Bernhard	32	Regehr, Marie	34	1926	2	
Penner, Heinrich	28	Koehn, Lene	28	1934	4	1
Plett, Abraham	24	Wiebe, Tina	19	1934	4	1
Poess, Gustav	23	Graeber, Rosine	23	1910	10	4
Quiering, Franz	32	Penner, Liese	25	1928	2	
Radezki, Daniel	29	Bandewky?, Margarete	19	1895	8	2
Reimer, Bernhard	26	Peters, Sara	19	1912	3	11?
Reimer, Franz	26	Koehn, Anna	26	1931	5	
Reimer, Jakob	25	Unruh, Katharine	22	1901	4	1
Reimer, Johann	24	Huebner, Katharine	20	1935	2	
Reimer, Johann	26	Ragalsky, Marie	26	1904	10	3
Reimer, Kornelius	23	Giesbrecht, Liese	19	1938	3	
Reimer, Kornelius	25	Beck, Berta	25	1919	2	1
Reimer, Kornelius	25	Niessen, Lena	21	1895	8	1
Reimer, Kornelius	28	Wall, Tina	26	1923	5	1
Reimer, Peter	22	Voth, Aganete	23	1896	7	3
Rempel, Gerhard	22	Wiebe, Tina	21	1940	1	
Rempel, Gerhard	23	Warkentin, Anna	20	1909		
Rempel, Gerhard	25	Warkentin, Katharine	21	1912	9	
Rempel, Isaak	26	Baerg, Tina	25	1939	1	
Riedueger, Dietrich	20	Nickel, Lise	18	1922	8	4
Rode, Eduard	26	Hein, Emilie	24	1908		
Rode, Emil	26	Yedig, Henriette	23	1911	10	7
Rode, Reinhold	19	Siemens, Berta	19	1939	1	
Rudkowsky, Arnold	22	Krebs, Olga	21	1927	3	1
Schierling, David	22	Funk, Tina	27	1941		
Schierling, Franz	22	Siemens, Marie	20	1934	3	1
Schierling, Franz	24	Flamming, Liese	22	1917	7	3
Schierling, Jakob	23	Siemens, Margarete	22	1934	2	
Schierling, Martin	22	Ediger, Susanne	20	1910	8	4
Schmidt, Abram	25	Wieb, Justine	19	1911	9	3
Schmidt, David	32	Bergen, Anna	26	1922	5	1

Schmidt, Nikolai	22	Regehr, Marie	18	1883	9	2
Schmidt, Nikolai	31	Regehr, Helene	26	1902	2	1
Seiler, Artur	22	Bradasch, Sara	17	1927	2	
Serafin, Ewald	23	Fahr, Ernstine	25	1923	2	
Serafin, Ewald	29	Radezki, Lydia	19	1929		
Shidak, Woldamar	22	Brosowsky, Selma	20	1925	2	
Siemens, Bernhard	25	Friesen, Anna	29	1918	6	
Siemens, Gerhard	22	Regehr, Lena	21	1918	3	
Siemens, Gerhard	39	Koehn, Anna	35	1935	2	1
Siemens, Heinrich	23	Zacharias, Lene	21	1941		
Siemens, Heinrich	24	Sudemann, Tina	20	1908	5	1
Siemens, Peter	20	Friesen, Katharine	19	1901	12	2
Siemens, Peter	25	Isaak, Lena	21	1929		
Sparwasser, Heinrich	26	Bloch, Alma	23	1930	3	1
Sparwasser, Jakob	23	Warkentin, Anna	20	1934	3	
Stobbe, Heinrich	30	Sawadsky, Tina	33	1912	4	
Sudermann, Kornelius	28	Martens, Anna	20	1936	2	
Tiessen, Gerhard	30	Ens, Lene	22	1868	9	1
Tiessen, Johann	32	Peters, Sara	26	1920	3	1
Voth, Jakob	29	Janzen, Marie	26	1921	5	1
Wall, Abram	25	Dueck, Katharine	19	1934	1	
Illegitim						
Wall, Heinrich	20	Koehn, Lena	22	1925	4	
Warkentin, Gerhard	25	Wieb, Sara	23	1911	5	
Warkentin, Gerhard	26	Neufeld, Neta	20	1938	2	1
Warkentin, Gerhard	36	Bartel, Marie	36	1922	3	
Weber, Christoph	27	Elser, Christiene	27	1883	7	2
Wetzel, Emanuel	31	Sparwasser, Rose	29	1934	4	2
Wiebe, David	23	Walde, Sara	19	1921	5	
Wiebe, Dietrich	24	Fast, Anna	23	1924	9	1
Wiebe, Dietrich	25	Unruh, Eva	21	1895	1	
Wiebe, Gerhard	24	Siemens, Tina	22	1941		
Wiebe, Gerhard	25	Friesen, Anna	19	1905	7	1
Wiebe, Gerhard	26	Rempel, Marie	22	1937	3	1
Wiebe, Heinrich	26	Boschmann, Lene	19	1938	1	
Wiebe, Isaak	25	Bergen, Anna	20	1910	10	3
Wiebe, Jakob	26	Block, Elisabeth	19	1896	11	2
Wiebe, Johann	27	Janzen, Tina	19	1941	1	
Wiebe, Peter	24	Koehn, Marie	20	1933	3	1
Wiens, Abram	21	Wiebe, Lene	18	1913	9	2
Wiens, Gerhard	20	Friesen, Marie	20	1917	8	5
Wiens, Heinrich	20	Regehr, Marie	20	1940	1	
Wiens, Heinrich	26	Rieduenger, Marie	22	1885	12	2
Wolf, Abram	23	Regehr, Marie	21	1925	5	
Wolf, Nikolai	26	Klassen, Margarete	19	1931	3	1
Wolf, Peter	20	Penner, Liese	21	1940	1	
Wolf, Peter	27	Janzen, Maria	26	1916	10	3
Zacharias, David	29	Wolf, Katherine	29	1918	6	
Zacharias, Gerhard	26	Goossen, Katharine	22	1922	4	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Blumenort, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf
Odessa Digital Library veröffentlicht.
Familienverzeichnis des Dorfes Blumenort, Sagradovka Kolonie
Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Alkeier, Georg	20	Hermann, Mine	22	1921	5	
Baerg, Abram	23	Doerksen, Tine	19	1938		
Baerg, Jakob	24	Koehn, Helene	24	1896	11	5
Baerg, Jakob	25	Giesbrecht, Gertrude	21	1934	4	
Bestvater, David	19	Gossen, Tine	19	1934	4	1
Bestvater, David	23	Penner, Marie	29	1918	4	
Bestvater, Johann	19	Doerksen, Anna	17	1937	1	
Braun, Jakob	23	Warkentin, Helene	21	1919	7	2
Buchholz, Johann	22	Wiebe, Marie	23	1931	4	
Doerksen, Hans	22	Volz, Olga	22	1933	3	1
Doerksen, Heinrich	22	Duerksen, Tine	21	1924	5	
Doerksen, Helmut	20	Fast, Marie	19	1936	3	
Doerksen, Jakob	23	Warkentin, Lene	20	1933	3	
Doerksen, Jakob	24	Reimer, Anna	21	1925	1	
Domke, Jonat	26	Stobe, Emma	18	1935	1	
Dueck, Heinrich	24	Baerg, Marie	21	1933	2	
Dueck, Peter	32	Voth, Liese	20	1913	6	
Duerksen, David	22	Reimer, Tine	20	1918	2	1
Duerksen, David	25	Doerksen, Liese	27	1902		
Duerksen, David	27	Reimer, Marie	20	1922	3	
Duerksen, Jakob	23	Doerksen, Justine	23	1895	6	2
Enns, Martin	25	Giesbrecht, Tine	21	1906	11	5
Fast, Johann	36	Koehn, Tine	37	1924	1	
Folz, Friedrich	21	Koehler, Liese	19	1906	7	5
Friesen, Jakob	43	Ott, Anna	29	1920	1	
Giesbrecht, Hans	22	Huebert, Grete	19	1937	3	
Giesbrecht, Hans	22	Wiebe, Tine	19	1911	7	2
Giesbrecht, Heinrich	21	Doerksen, Marie	19	1934	5	2
Giesbrecht, Heinrich	23	Siemens, Tine	17	1925	3	
Giesbrecht, Jakob	20	Schwarz, Tine	22	1930	1	
Giesbrecht, Jakob	24	Enns, Trude	23	1923	5	1
Goerzen, Johann	24	Koehn, Tine	22	1909	7	2
Grohn, August	22	Will, Paule	21	1870	1	1
Grohn, August	24	Will, Matilde	17	1873		
Grohn, Eduard	25	Katka, Marta	23	1914	2	1
Grohn, Eduard	35	Katka, Berta	27	1924	3	
Grohn, Eduard	48	Ganzke, Berta	48	1935		
Huebert, Abram	25	Warkentin, Anna	32	1918	2	
Huebert, Heinrich	18	Alkeier, Emilie	18	1924	4	
Huebert, Peter	21	Siemens, Lene	20	1929	6	1
Huebert, Peter	22	Schapan, Margarete	18	1897	12	3
Huebner, Isaak	21	Nickel, Anna	21	1921	6	1

Janzen, Isaak	24	Plett, Susane	24	1919	6	
Kelenka, Girgorij	27	Gossen, Marie	20	1928	2	
Klund, Alexander	29	Pritzky?, Lydia	22	1924	5	
Klund, Georg	23	Mai, Katharine	19	1884	10	2
Koehn, Heinrich	21	Huebner, Justine	21	1926		
Kroecker, Isaak	21	Goerzen, Liese	17	1937	2	
Kroeker, Emil	29	Dueck, Susane	18	1914	10	2
Kroeker, Emil	34	Doerksen, Susane	18	1919	10	2
Loewen, Heinrich	28	Hooge, Margarete	25	1907	5	
Loewen, Heinrich	41	Ott, Marie	32	1920	4	
Loewen, Johann	24	Grohn, Anna	18	1938	2	
Lottes, Albert	20	Bradack, Emma	19	1932	3	
Lottes, Ewald	24	Erle, Marta	19	1936	2	1
Lowen, Peter	32	Enns, Gertrude	18	1927	5	1
Maier, Friedrich	38	Will, Matilde	44	1916		
Martens, Johann	21	Huebert, Marie	20	1930	4	
Martens, Johann	21	Warkentin, Anna	20	1901	7	4
Neufeld, Jakob	25	Baerg, Liese	25	1938		
Neufeld, Wilhelm	22	Alleier, Tine	22	1939	2	
Neufeld, Wilhelm	25	Reimer, Tine	19	1912	8	1
Penner, Franz	37	Warkentin, Anna	20	1906	1	1
Pitelko, Marko	20	Algeier, Olga	20	1924	2	
Regehr, Kornelius	24	Reger, Margarete	24	1918	2	1
Reimer, Abram	22	Reimer, Aganete	21	1926	7	2
Reimer, Abram	23	Penner, Liese	23	1897	5	1
Reimer, David	23	Wallmann, Agathe	20	1927	5	
Reimer, Johann	22	Doerksen, Tine	23	1931	3	
Reimer, Peter	32	Wiebe, Lene	26	1926	4	1
Reiser, Hubert	20	Stobe, Anelia	17	1925	8	
Schmiedt, Hans	36	Ott, Anna	40	1931		
Schmiedt, Helmut	23	Hussar, Irma	22	1936	3	
Schmiedt, Johann	22	Loewen, Margarete	21	1939	3	
Schwarz, Heinrich	32	Reger, Margarete	30	1924	6	2
Wall, Heinrich	30	Stobe, Emma	24	1940	1	
Warkentin, Heinrich	27	Fast, Neta	24	1926	3	2
Warkentin, Heinrich	30	Warkentin, Neta	21	1930	4	1
Warkentin, Jakob	21	Goerzen, Tine	20	1930	3	
Wiens, Johann	20	Wiebe, Tine	19	1925	4	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Tiege, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht. Familienverzeichnis des Dorfes Tiege, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Bargen, Heinrich	25	Giesbrecht, Tina	23	1937	3	
Bargen, Wilhelm	23	Wiebe, Margarete	20	1910	9	1
Bauer, Christian	18	Freund, Elisabeth	21	1916	6	2
Bauer, Oskar	19	Hock, Lydia	18	1937	3	
Block, Heinrich	24	Merkl. Magdalene	28	1939		
Merklinger?						
Block, Jakob	55	Wiebe, Helene	29	1905	6	
Block, Peter	21	Penner, Tiena	24	1939	1	
Born, Jakob	22	Dueck, Maria	23	1936	2	
Boschmann, Jakob	26	Klassen, Sara	19	1912	5	1
Bradasch, Artur	22	Giesbrecht, Olga	23	1928	1	
Bradasch, Artur	27	Stobbe, Ida	21	1933	1	
Brosowsky, Jakob	22	Hein, Eugina	21	1904	14	7
Buller, Isaak	25	Kroecker, Helene	22	1922	6	
Buller, Peter	37	Kroecker, Anna	24	1930	9	1
Driediger, Jakob	27	Klaassen, Helene	23	1917	6	1
Dueck, Abram	26	Reimer, Anna	21	1930	2	
Dueck, Artur	23	Harms, Lene	18	1936	2	
Dueck, Artur	28	Dueck, Tine	28	1939	1	
Dueck, Jakob	21	Giesbrecht, Gertrude	23	1940	1	
Dueck, Jakob	27	Reimer, Anna	27	1903	11	2
Dueck, Jakob	30	Goerzen, Aganete	21	1911	7	4
Dueckmann, David	23	Reger, Margarete	22	1897	3	2
Dueckmann, Martin	26	Kasdorf, Gertrude	19	1901	5	3
Dueckmann, Peter	23	Dueckmann, anna	28	1935	1	
Dyck, Heinrich	24	Driediger, Anna	25	1919	3	
Dyck, Peter	26	Klassen, Maria	20	1910	9	5
Epp, Isaak	24	Penner, Marie	25	1929	5	1
Epp, Peter	21	Wallmann, Lene	19	1918	8	2
Fast, Jakob	49	Wiens, Katharina	46	1934	8	
Fast, Peter	26	Loewen, Katharina	26	1920		
Fetter, Robert	22	Kelm, Lydia	31	1927	1	
Fredekind, Ewald	20	Stobbe, Erna	22	1923	7	1
Friesen, Aron	26	Pankraz, Maria	24	1922	6	
Friesen, Heinrich	25	Woelk, Anna	19	1902	7	2
Friesen, Heinrich	30	Klassen, Marie	23	1921	3	
Friesen, Jakob	20	Kopp, Liese	18	1939	2	1
Friesen, Johann	29	Dueckmann, Marie	19	1908	4	
Fuchs, Andreas						
Fuchs, Johannes	21	Seifried, Benikna	19	1927	7	1
Ganderer, August	31	Catche, Helene	19	1891	3	
Ganske, Oskar	24	Krueger, Melita	21	1918	8	4
Giesbrecht, Johann	23	Martens, Maria	20	1941		
Goerzen, Franz	25	Friesen, Anna	18	1924	4	1
Goerzen, Johann	24	Gossen, Liesa	20	1921	7	2
Goerzen, Johann	24	Hardl, Adele	22	1933	1	
Haller, Helmut	23	Bauer, Frieda	18	1936	2	
Harms, Isaak	22	Reimer, Justina	37	1916	10	1
Harms, Isaak	25	Teske, Justine	21	1928	5	2
Harms, Jakob	23	Reimer, Aganete	27	1934	4	1
Harms, Johann	22	Wallmann, Maria	21	1936	3	
Hoch, Jakob	21	Reimer, Lene	18	1934	3	
Hoch, Jakob	25	Granzen?, Christina	20	1907	8	1
Huebert, Heinrich		Friesen, Aganeta	34	1928	5	2
Huebert, Isaak	27	Epp, Liese	28	1918	5	1
Jabs, Gottfried	25	Wagner, Emma	23	1918	6	

Jesser, Christian	30	Jenner, Emma	28	1912		
Jeswein, Edmund	20	Mueller, Elsa	27	1932	2	
Kalimin, Alexander	21	Teske, Elisabeth	19	1937	2	
Kalinin, Alexander	21	Teske, Elisabeth	19	1937	2	
Kelm, August	24	Frank, Berta	18	1923	6	
Kirchmeier, August	23	Frei, Berta	17	1912	6	2
Kirchmeier, August	26	Brosowsky, Emilie	26	1941	3	
Klassen, Abram	23	Peters, Tina	20	1922	8	2
Klassen, Peter	19	Kasdorf, Sara	19	1925	3	
Kolke, Emundt	24	Buller, Maria	28	1934	1	1
Kolke, Leo	27	Block, Marie	28	1940	1	
Konrad, Wilhelm	25	Dueck, Tine	24	1938	1	
Koop, Johann	22	Muetzel, Emilie	20	1914	10	2
Koop, Peter	21	Wallmann, Justina	18	1936	1	
Kremser, Jakob	23	Rausch, Sara	18	1932		
Lammert, Abram	29	Stobbe, Anna	25	1925	3	
Lammert, Abram	29	Stobbe, Anna	25	1925	3	
Lammert, Heinrich	23	Reimer, Aganete	17	1921	6	
Lenzmann, Heinrich	23	Isaak, Henene	24	1934	2	1
Martens, Abram	22	Dueck, Justine	20	1930	3	
Martens, Abram	23	Klassen, Katharine	21	1921	6	1
Martens, Franz	22	Reimer, Liese	22	1934	3	
Martens, Heinrich	20	Wallmann, Leise	21	1931	6	5
Martens, Johann	25	De-Jager?, Katharina	21	1920	5	1
Martens, Wilhelm	35	Huebert, Lena	31	1920	1	
Martin, Adolf	24	Wagner, Johanna	21	1925	7	2
Morgenstern, Gerhard	31	Schmidt, Maria	29	1903	5	1
Nehring, Friedrich	29	Mueller, Elsa	27	1940	1	
Neufeld, Jakob	25	Reimer, Grete	24	1935	4	
Neumann, Emil	26	Kolke, Caecilie	19	1938	2	
Neumann, Ewald	27	Mundt, Erna	19	1930	4	
Pankratz, Johann	27	Reimer, Sara	19	1923	4	
Parschauer, Heinrich	24	Reimer, Marie	26	1921	4	1
Penner, Jakob	24	Buller, Grete	20	1920	6	1
Penner, Johann	22	Wiens, Elisabeth	18	1903	11	1
Pritzkau, Ferdinand	29	Epp, Suse	24	1934	4	2
Rausch, Georg	30	Erdstein, Rosa	20	1938	3	
Rausch, Georg	33	Lerch, Lydia	21	1903	9	3
Reger, Heinrich	29	Reger, Margarete	32	1907	3	2
Reimer, Abram	21	Ragaly?, Margarete	22	1895	12	3
Reimer, Bernhard	20	Wiens, Sara	24	1900	10	1
Reimer, Heinrich	27	Buller, Katharine	23	1940	2	
Reimer, Peter	29	Ens, Katherina	24	1919	4	
Reiser, Bernhard	21	Stobbe, Therese	20	1924	4	2
Rempel, Peter	21	Artes, Olga	24	1926	3	1
Sailer, Peter	23	Harwardt, Irma	21	1939	1	
Schiwustky, Jaroslaw	23	Melnik, Olga	20	1928	2	
Schiwustky, Jaroslaw	23	Melnik, Olga	20	1928	2	
Schroeder, Gerhard	27	De-fer, Marie	26	1920	4	2
Schroeder, Gerhard						
Schroeder, Johann	22	Wiens, Maria	24	1927	2	
Seifried, Lorenz	20	Penner, Frieda	17	1938	1	
Seiler, Adolf	21	Stobbe, Irene	20	1929	3	1
Seiler, Eduard	24	Bradassch, Marie	20	1893	9	3
Stahl, Paul	24	Reimer, Helene	18	1917	6	2
Stensky, Wilhelm	22	Schlink, Erna	19	1926	3	1
Stobbe, Adolf	20	Hahn, Auguste	18	1893	14	5
Stobbe, Friedrich	30	Seiler, Berta	23	1927	4	
Stobbe, Reinhold	25	Sailer, Ida	20	1924	5	1

Tast, Heinrich Fast?	20	Born, Katja	18	1935	2	
Teske, Johann	18	Dueck, Katherina	17	1917	8	2
Teske, Peter	23	Janzen, Helene	19	1924	4	
Trojanowsky, Robert	24	Pite, Alise	25	1936	3	1
Voth, Abram	21	Schweizer, Hilda	21	1936	3	
Voth, Abram	24	Reimer, Marie	19	1914	3	1
Wallmann, Abram	21	Friesen, Anna	23	1934	2	
Wallmann, Jakob	23	Derksen, Aganete	20	1924	2	1
Warkentin, Jakob	20	Dueck, Maria	26	1938	1	
Warkentin, Jakob	37	Wiebe, Aganeta	23	1907	2	
Warwardt, Jakob	28	Ganderer, Charlotte	21	1913	5	1
Wiebe, Abram	24	Wiens, Agate	20	1916	10	4
Wiebe, Jakob	21	De-Fehr, Gertrude	21	1936	3	1
Wiens, Peter	29	Loewen, Marie	28	1923	3	
Willms, Kornelius	28	Huebert, Lena	22	1911	2	1
Wunsch, Johann	24	Steinhauer, Rosa	23	1922	8	3

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Altonau, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Altonau, Sagradovka Kolonie
Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter ²	Frau	Alter ²	Heir. ⁴	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Adrian, Gerhard	20	Reimer, Sara	20	1926	5	1
Bargen, Jakob	25	Boschmann, Marie	24	1918	5	
Bargen, Johann	31	Walde, Liese	19	1906	12	5
Bargen, Peter	23	Martens, Marie	25	1884	6	1
Berg, Fritz	23	Wiebe, Agnes	17	1931	3	
Berg, Jakob	26	Friesen, Sara	23	1930	3	
Boschmann, Jakob	21	Warkentin, Sara	22	1933	3	
Braun, Benjamin	35	Koop, Agnes	26	1923	3	
Braun, David	23	Tielmann, Tine	23	1928	3	
Braun, David	23	Warkentin, Lene	20	1903	6	3
Braun, Jakob	37	Friesen, Suse	25	1931	3	
Braun, Martin	61	Warkentin, Anne	48	1933		
Defehr, Heinrich	25	Reimer, Marie	19	1939	1	
Dyck, Jakob	21	Woelk, Anne	21	1931	2	
Ens, Martin	24	Loewen, Marie	24	1934	3	1
Ens, Peter	27	Penner, Suse	31	1924		

Epp, Benjamin	22	Berg, Suse	20	1906	4	
Epp, Jakob	26	Reimer, Liese	24	1934	2	
Friesen, Abram	26	Martens, Marie	22	1903	8	1
Friesen, Bernhard	23	Warkentin, Grete	20	1904	9	1
Friesen, Bernhard 1931?	24	Klassen, Lene	20	1921	3	1
Friesen, Franz	27	Klassen, Suse	21	1922	5	2
Friesen, Franz	37	Fast, Agnes	30	1933	4	
Friesen, Jakob	22	Koop, Sara	19	1926	2	
Friesen, Jakob	25	Goerzen, Justine	26	1920	6	4
Friesen, Johann	29	Bergen, Tine	24	1918	9	2
Friesen, Peter	22	Voth, Tine	23	1934	5	
Frischbutter, Friedr.	26	Rempel, Marie	28	1919	8	3
Frischbutter, Peter	26	Buller, Tine	20	1929	5	1
Frischbutter, Wilhelm	28	Friesen, Gertrude	29	1924	6	1
Froese, Heinrich	32	Penner, Suse	20	1913	4	2
Giesbrecht, Jakob	23	Block, Marie	25	1901	10	
Goerzen, Jakob	21	Voth, Suse	20	1926	3	
Goerzen, Jakob	26	Loewen, Marie	20	1930	1	1
Goossen, Jakob	19	Wiebe, Marie	21	1937	2	1
Huebert, Abram	21	Loewen, Lene	16	1924	11	4
Isaak, Abram	25	Friesen, Marie	22	1933		
Isaak, Abram	28	Pankratz, Agnes	21	1903	9	2
Isaak, Gerhard	25	Hooge, Tine	26	1935	2	
Isaak, Jakob	27	Klassen, Anna	25	1938	2	
Isaak, Kornelius	25	Friesen, Tine	24	1939	1	
Isaak, Peter	22	Koehn, Lene	23	1927	4	1
Jeswein, Adolf	20	Mueller, Anne	20	1929	3	1
Kasdorf, Heinrich	20	Reimer, Liese	21	1940	1	
Kasdorf, Heinrich	21	Adrian, Justine	21	1919	5	3
Kasdorf, Heinrich	27	Dyck, Grete	28	1932	2	
Kasdorf, Isaak	25	Kroeker, Grete	18	1913	8	2
Kasdorf, Johann	21	Wolf, Melita	22	1937	2	
Kasdorf, Wilhelm	26	Richert, Marie	23	1896	5	3
Kasdorf, Wilhelm	39	Dyck, Helene	22	1910	7	1
Klassen, Abram	22	Neufeld, Marie	19	1892		
Klassen, Aron	25	Regehr, Grete	20	1940	1	
Klassen, Bernhard	21	Martens, Marie	19	1941		
Klassen, David	21	Hooge, Marie	20	1934	3	
Klassen, Franz	23	Voth, Liese	22	1897	4	1
Klassen, Franz	32	Martens, Kornelia	28	1906	7	3
Klassen, Heinrich	25	Koehn, Tina	24	1935	3	
Klassen, Kornelius	23	Regehr, Neta	21	1924		
Klassen, Kornelius	27	Unger, Tina	23	1898	4	1
Klassen, Peter	24	Frischbutter, Liese	21	1929	5	1
Koehn, David	24	Koop, Amalie	22	1923	4	1
Koehn, Jakob	22	Kasdorf, Gertrude	19	1940		
Koehn, Jakob	23	Warkentin, Marie	20	1921	10	
Koehn, Johann	22	Regehr, Anne	20	1931	3	
Koehn, Peter	23	Pankratz, Marie	20	1937	2	1
Koehn, Peter	27	Bargen, Tina	20	1909	6	
Koehn, Peter	27	Regehr, Liese	24	1937	2	
Koop, Franz	28	Regehr, Agnes	24	1921	4	
Koop, Gerhard	21	Woelk, Lene	18	1924	6	2
Koop, Heinrich	22	Isaak, Lene	21	1926	4	
Koop, Heinrich	26	Koop, Liese	22	1921	5	
Koop, Johann	22	Voth, Suse	19	1934	2	
Koop, Johann	24	Regehr, Marie	20	1930		
Koop, Johann	31	Kasdorf, Marie	21	1923	7	

Koop, Paul	22	Tielmann, Marie	21	1931	2	
Koop, Peter	23	Warkentin, Anne	20	1889	11	3
Koop, Peter	25	Friesen, Agnes	22	1922	4	1
Koop, Wilhelm	27	Voth, Gertrude	28	1929	7	2
Kunke, Ewald	21	Jaeger, Olga	26	1927	1	
Kunke, Ewald	27	Neumann, Frieda	26	1934	1	
Lehn, Arnold	23	Harwardt, Line?	23	1936	3	
Loewen, Jakob	23	Rempel, Lene	21	1919	9	3
Mantler, Abram	24	Quiering, Tina	20	1924	7	1
Martens, Abram	21	Janzen, Marie	18	1911	11	2
Martens, Abram	23	Regehr, Tina	26	1940		
Martens, Franz	26	Peters, Agathe	20	1918	9	1
Martens, Heinrich	21	Koehn, Marie	19	1930	3	
Martens, Jakob	22	Wiens, Tine	20	1907	9	1
Martens, Jakob	26	Rempel, Liese	26	1937		
Neufeld, Alexander	21	Friesen, Tine	17	1932	1	
Penner, Bernhard	25	Harder, Marie	21	1904	8	1
Penner, Bernhard	26	Schierling, Marie	23	1937	1	
1927?						
Penner, Franz	25	Loewen, Anna	19	1924	3	
Penner, Johann	24	Quiering, Tine	19	1931	5	
Peters, Gerhard	22	Warkentin, Marie	20	1912	10	3
Peters, Paul	26	Sommerfeld, Marie	18	1898	12	5
Plett, Abram	23	Goerzen, Justine	18	1912	3	2
Plett, Jakob	65	Koop, Agnes	41	1938		
Regehr, Abram	21	Goossen, Anne	20	1935	4	
Regehr, Aron	22	Boschmann, anna	21	1901	9	2
Regehr, Aron	22	Boschmann, Anna	21	1901	9	2
Regehr, Aron	23	Peters, Sara	22	1941	1	
Regehr, Aron	40	Boschmann, Agnes	43	1920		
Regehr, Aron	44	Bargen, Tina	35	1924	3	
Regehr, Gerhard	21	Regehr, Agnes	21	1918	1	
Regehr, Jakob	24	Neufeld, Gertrude	23	1933	2	
Regehr, Johann	20	Goossen, Suse	20	1922	3	
Reimer, Abram	22	Richert, Justine	18	1930	5	1
Reimer, Isaak	26	Rempel, Suse	19	1938	2	
Reimer, Jakob	27	Harms, Liese	21	1910	11	3
Reimer, Johann	22	Toews, Suse	24	1904	3	1
Reimer, Johann	26	Ens, Sara	20	1908	15	8
Reimer, Nikolai	23	Steinhauer, Pauline	21	1928	1	
Reimer, Nikolai	33	Betinsky, Lene	33	1939		
Rempel, Aron	26	Zacharias, Marie	19	1919	4	1
Rempel, Aron	40	Isaak, Agnes	29	1934	2	
Rempel, David	25	Goossen, Suse	18	1930	2	
Rempel, Gerhard	22	Friesen, Anne	24	1922	4	1
Rempel, Gerhard	36	Rempel, Grete	29	1936	2	1
Rempel, Isaak	25	Giesbrecht, Liese	24	1910	2	1
Rempel, Jakob	26	Schwarz, Emilie	20	1921	9	
Rempel, Johann	21	Reimer, Lene	20	1924	6	1
Richert, Heinrich	25	Reimer, Lene	23	1929	5	3
Schellenberg, Gerhard	40	Warkentin, Lene	37	1920		
Schuhmann, Christian	28	Artas, Tine	24	1924	6	2
Schwitzgibel, Heinrich	22	Burgart, Berta	25	1927	4	
Tiessen, Peter	24	Reimer, Tine	21	1926	6	2
Unger, David	42	Giesbrecht, Liese	28	1914	4	3
Unger, Heinrich	23	Penner, Marie	23	1937	1	1
Unruh, Tobius	62	Penner, Suse	38	1931		
1939?						
Voth, Abram	22	Klassen, Marie	26	1933	3	

Voth, Franz	20	Reimer, Tine	20	1923	4	
Voth, Franz	24	Regehr, Suse	18	1902	12	2
Voth, Heinrich	22	Hooge, Gertrude	21	1933	3	
Voth, Jakob	24	Warkentin, Marie	18	1937	2	1
Voth, Johann	22	Boldt, Marie	24	1927	4	
Voth, Johann	23	Friesen, Marie	21	1930	3	
Warkentin, Aron	21	Wiebe, Liese	21	1929	2	1
Warkentin, Gerhard	23	Koehn, Marie	22	1937	1	
Warkentin, Heinrich	19	Boschmann, Marie	18	1917	7	3
Warkentin, Heinrich	23	Heidebrecht, Luise	24	1941	1	
Warkentin, Heinrich	36	Giesbrecht, Marie	28	1934		
Warkentin, Jakob	22	Schierling, Sara	18	1911	11	2
Warkentin, Johann	20	Kasdorf, Lene	21	1933	1	
Warkentin, Johann	26	Harder, Marie	23	1920	8	2
Warkentin, Peter	26	Epp, Lene	28	1935	3	
Wiens, Abram	34	Berg, Suse	34	1919	5	1
Wiens, Jakob	24	Kasdorf, Grete	19	1897		
Woelk, Jakob	23	Kroeker, Grete	21	1914	6	1
Woelk, Peter	20	Wiebe, Suse	20	1924	2	
Woelk, Peter	23	Friesen, Lene	19	1903	10	1
Woelk, Wilhelm	21	Wiebe, Anne	20	1930	4	1
Wolf, Alexander	23	Koop, Olga	20	1929	3	1
Wolf, Jakob	23	Martens, Marie	22	1935	1	
Wolf, Otto	23	Peters, Anne	21	1934	3	1
Wolf, Peter	23	Pankratz, Tine	21	1931	3	
Wolf, Peter	24	Husser, Ruse?	17	1903	7	
Suse?						
Wolf, Peter	27	Gugenheimer, Eugene	27	1918	7	2
Wolf, Richard	23	Braun, Tine	28	1941	1	
Richard?						
Wolf, Wilhelm	21	Regehr, Anne	18	1931		

Notizen: 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.

- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Rosenort, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veroeffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Rosenort, Sagradovka

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Duerks, Johann	25	Ewert, Marie	23	1913	5	3
Ewert, Heinrich	25	Toews, Gertrude	26	1882	12	4
Ewert, Peter	22	Epp, Maria	19	1920	5	
Flaming, Peter	27	Ewert, Anna	19	1920	4	1

Loewen, Abraham	24	Epp, Anna	19	1925	5	
Loewen, Jakob	23	Kroker, Marie	22	1869	5	4
Loewen, Jakob	45	Rempel, Anna	27	1892	9	5
Penner, Heinrich	26	Rempel, Maria	23	1870	13	3
Peters, Franz	24	Thilmann, Anna	21	1929	3	
Peters, Heinrich	24	Wiebe, Sara	28	1934	4	
Peters, Peter	26	Penner, Katharine	19	1903	10	5
Quiering, Abraham	27	Koop, Elysabett	32	1891	8	4
Reimer, Abraham	28	Quiering, Maria	23	1926	6	1
Reimer, Jakob	21	Isaak, Sara	20	1924	4	1
Thielmann, Jakob	27	Wiebe, Justine	27	1940	1	
Thielmann, Jakob	30	Friesen, Anna	24	1904	9	4
Wiebe, David	25	Ewert, Justine	24	1910	5	1
Wiebe, Isbrand	21	Neufeld, Sara	30	1896	7	1
Wiebe, Jakob	23	Friesen, Margarete	22	1873	10	1

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Muensterberg, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf
Odessa Digital Library veroeffentlicht.
Familienverzeichnis des Dorfes Muensterberg, Sagradovka Kolonie
Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mann1	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6
Bemerkungen					
Berg, Gerhardt aus Friedensfeld	24	Friesen, Anna	19	1937	2
Berg, Johann aus Friedensfeld	26	Pankratz, Marie	23	1935	3
Braun, Jakob aus Blumenort	24	Warkentin, Helene	22	1919	7 2
Friesen, Johann aus Tiege	29	Dueckmann, Marie	19	1908	4
Giesbrecht, Jakob aus Blumenort	19	Schwarz, Tine	22	1930	1
Martens, Willhelm aus Friedensfeld	24	Voth, Marie	19	1925	9 1
Neufeld, Jakob aus Tiege	25	Reimer, Margarete	22	1934	4
Reimer, Hans	21	Doerksen, Tine	23	1931	3

aus Blumenort Schwarz, Heinrich	31	Regehr, Marie	29	1924	6	2
aus Blumenort Teske, Johann	25	Richert, Eva	26	1919	9	4
aus Friedensfeld Voth, Franz	20	Reimer, Tine	20	1923	4	
aus Altonau Wallmann, Abram	21	Friesen, Anna	23	1934	2	
aus Tiege Wiebe, Heinrich	24	Wolf, Anna	22	1923	7	
aus Neuhalbstadt Baerg, Gerhard	19	Boschmann, Agathe	18	1937	1	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Mennoniten in den Akten der Einwanderungszentrale
(nach Geburtsorte sortiert)

G

Diese Liste wurde aus den umfangreichen Listen auf der «Odessa Seite» entnommen. In diesen Listen sind 330.194 Deutsche aus Russland (Stand August 2008), ich habe nur versucht aus diesen Listen Mennoniten herauszufinden. In meiner Liste sind 11.631 Personen, was 3,5% von den auf «Odessa Seite» sind. Es kann sein dass in dieser meiner Liste auch nicht Mennoniten sind, die aber uebliche mennonitische Namen hatten, und kann auch sein, dass ich nicht alle Mennoniten aus den Listen der «Odessa Seite» gefunden haben (besonders Personen mit Namen die selten bei Mennoniten und oft bei Nichtmennoniten vorkommen).

Die Einwanderungszentralstelle (EWZ) bearbeitete in den Jahren 1939-45 ca. 110.000 Antraege von Deutschen aus Russland die sich um die deutsche Staatsangehoerigkeit beworben haben.

Name/ Bemerkungen	Geburtsdatum	Geburtsort	Mikrofilm	Seite
Arndt, Anna 0340 geb. Froese	1862	Gnadenfeld	A3342EWZ50-A016	
Arndt, Heinrich 2436	24 Jun 1865	Gnadenfeld	A3342EWZ50-A015	
Arndt, Helene	11 Feb 1887	Gnadenfeld	A3342EWZ50-A015	

2436	geb. Voth			
Berg, Heinrich		13 Apr 1880	Gnadenfeld	A3342EWZ50-D021
1250				
Dosso, Katharine		29 Aug 1909	Gnadenfeld	A3342EWZ50-B018
0850	geb. Pankratz			
Dosso, Sara		31 Aug 1889	Gnadenfeld	A3342EWZ50-B018
0918	geb. Toews			
Dueck, Elisabeth		10 Feb 1926	Gnadenfeld	A3342EWZ50-K001
0630				
Dueck, Jakob		10 May 1922	Gnadenfeld	A3342EWZ50-K001
0630				
Dueck, Kornelius		3 Aug 1920	Gnadenfeld	A3342EWZ50-K001
0630				
Epp, Gerhard		31 Mar 1916	Gnadenfeld	A3342EWZ50-K001
0756				
Franz, Elisabeth		1851	Gnadenfeld	A3342EWZ50-D058
1434	geb. Rempel			
Friesen, Elisabeth		1878	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-G039
1618	geb. Flammig			
Funk, Heinrich		1896	Gnadenfeld	A3342EWZ50E016 0844
Halblaub, Maria		1 Aug 1881	Gnadenfeld	A3342EWZ50-C045
1122	geb. Voth			
Hildebrandt, Rosa		24 Aug 1890	Gnadenfeld	A3342EWZ50-G084
0422	geb. Hildebrandt			
Janzen, Anna		1888	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-I006
3002	geb. Voht			
Janzen, Peter		1888	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-I006
3002				
Kaethler, Abram		3 Apr 1880	Gnadenfeld	A3342EWZ50-D058
1468				
Kasdorf, Heinrich		7 Feb 1904	Gnadenfeld	A3342EWZ50D066 1208
Kasper, Maria		1 Sep 1856	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-E012
1570	geb. Penner			
Klatt, Anna		20 Oct 1862	Gnadenfeld	A3342EWZ50-E010
0766	geb. Rempel			
Klein, Helene		1859	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-E013
1658	geb. Unruh			
Klein, Helene		21 Jan 1858	Gnadenfeld	A3342EWZ50-F052
2162	geb. Unruh			
Klein, Helene		21 Jan 1859	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-E012
1570	geb. Unruh			
Kliewer, Heinrich		1896	Gnadenfeld	A3342EWZ50E016 0862
Kliewer, Johann		11 Jun 1914	Gnadenfeld	A3342EWZ50E016 0844
Kliewer, Johann		28 Jan 1882	Gnadenfeld	A3342EWZ50E016 0844
Kliewer, Susanna		28 Nov 1919	Gnadenfeld	A3342EWZ50E016 1340
Koehn, Gerhard		27 Jan 1908	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0116
Koehn, Gerhard		27 Jan 1908	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0594
Koehn, Jakob		11 May 1910	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0702
Koehn, Maria		12 Feb 1916	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0714
geb. Pankratz				
Koehn, Marie		30 Jul 1882	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0726
geb. Voth				
Koehn, Peter		13 Nov 1917	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0770
Kroeker, Johann		1 Oct 1869	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-J028
0108				
Mirau, Katharina		27 Apr 1873	Gnadenfeld	A3342EWZ50-F054
1996	geb. Friesen			
Mironenko, Malwine		28 Feb 1877	Gnadenfeld	A3342EWZ50-F054
2290	geb. Past			

Pankratz, Benjamin	22 Aug 1845	Gnadenfeld	A3342EWZ50G016 2844
Pankratz, Benjamin	24 Aug 1845	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0914
Pankratz, David	10 Jan 1877	Gnadenfeld	A3342EWZ50G016 2910
Pankratz, David 0850	28 Dec 1876	Gnadenfeld	A3342EWZ50-B018
Pankratz, Eleonore	12 Mar 1926	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0895
Pankratz, Frieda	15 May 1924	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0895
Pankratz, Heinrich	13 Jul 1916	Gnadenfeld	A3342EWZ50G016 2663
Pankratz, Jakob	5 Dec 1911	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0756
Pankratz, Johann	25 Apr 1906	Gnadenfeld	A3342EWZ50G016 2910
Pankratz, Katharina geb. Rempel	10 Jun 1893	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0894
Pankratz, Kornelius	9 Feb 1914	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0964
Pankratz, Maria geb. Friesen	1 Jan 1911	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 1244
Plett, Maria 1464 geb. Peters	8 Mar 1885	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-G039
Plett, Sara 1464 geb. Buller	12 Sep 1909	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-G039
Reimer, Helene	22 Jun 1904	Gnadenfeld	A3342EWZ50G063 1652
Reimer, Johann	23 Jan 1845	Gnadenfeld	A3342EWZ50G063 1500
Rempel, Anna geb. Rempel	28 Nov 1857	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0894
Rempel, dietrich 2764	2 Apr 1857	Gnadenfeld	A3442-EWZ50-J027
Rempel, Elisabeth 2764 geb. Becker	4 Apr 1859	Gnadenfeld	A3442-EWZ50-J027
Rempel, Gustav 2934	1 Dec 1872	Gnadenfeld	A3342EWZ50-A016
Rempel, Johannes	27 Dec 1856	Gnadenfeld	A3342EWZ50G017 0894
Scheibe, Luise 0078 geb. Ewert	12 Jan 1888	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I005
Schlecht, Helga 1046 geb. Wiebe	13 Jun 1910	Gnadenfeld	A3342EWZ50-H038
Schwartz, Sarah 1570 geb. Rempel	3 Aug 1858	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-I017
Siemens, Alice 3002	29 Feb 1932	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-I006
Siemens, Selma 3002	21 Oct 1936	Gnadenfeld	A3342-EWZ50-I006
Sperling, Anna 2288 geb. Unruh	13 Dec 1901	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I016
Sperling, Caecilie 2212	7 Jul 1915	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I016
Thiesen, Boris	1893	Gnadenfeld	A3342EWZ50F027 1588
Unruh, Anna 2288 geb. Wedel	9 Dec 1868	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I016
Unruh, Heinrich 2288	26 Jul 1868	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I016
Ussenko, Irene 0302 geb. Wiens	16 Mar 1919	Gnadenfeld	A3342EWZ50-I071
Vogt, Mathilde 1724 geb. Schneider	30 Aug 1887	Gnadenfeld	A3342EWZ51-E098
Voll, Jakob 2612	1879	Gnadenfeld	A3342EWZ50-C063
Voth, Andreas 2436	8 Feb 1851	Gnadenfeld	A3342EWZ50-A015
Voth, Johann	31 Mar 1833	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0726
Voth, Maria	29 Feb 1856	Gnadenfeld	A3342EWZ50E025 0726

geb. Dirks				
Voth, Susanne	30 Aug 1857	Gnadenfeld		A3342EWZ50-A015
2436				
Warkentin, Agnethe	3 Apr 1877	Gnadenfeld		A3342-EWZ50-J028
0366 geb. Martens				
Woelk, Elisabeth	6 Nov 1891	Gnadenfeld		A3342-EWZ50-J028
0102 geb. Rempel				
Woelk, Elisabeth	7 Nov 1892	Gnadenfeld		A3342-EWZ50-J028
0396 geb. Rempel				
Zimmermann, Jakob	11 Apr 1913	Gnadenfeld		A3342-EWZ57-U146
0602 Sohn von Jakob & Katharine Wall				
Vogt, David	22 Jan 1841	Gnadenfeld	A3	342EWZ50-D062 1942
Vogt, Elisabeth	1850	Gnadenfeld	A3	342EWZ50-D062 1942
geb. Unruh				
Ewert, Isak	1889	Gnadenfeld, Geb. Saporoshje		A3342-EWZ50-F029
2174 verschleppt 1937, menn.				
Maron, Hilde	25 Mar 1922	Gnadenfeld, Geb. Saporoshje		A3342-EWZ50-F029
2174 geb. Ewert, menn.				
Nedwischenko, Susanna	31 May 1890	Gnadenfeld, Geb. Saporoshje		A3342-EWZ50-F073
2710 geb. Voth				
Scheibe, Luise	24 Jan 1888	Gnadenfeld, Geb. Saporoshje		A3342-EWZ50-H026
2886 geb. Ewert				
Voth, Susanna	1866	Gnadenfeld, Geb. Saporoshje		A3342-EWZ50-F073
2710 geb. Schmidt				
Siemens, Anna	29 Nov 1900	Gnadenfeld, Nataljinow, Nikola	A3342-EWZ50-I006	
1030 geb. Koehn				
Nikkel, Gerhard	6 Dec 1862	Gnadenfeld, Nikolajew		A3342-EWZ50-A024
0908				
Sparwasser, Anna	18 Mar 1914	Gnadenfeld, Nikolajew		A3342EWZ50-I015
2534 geb. Warkentin				
Sparwasser, Anna	18 Mar 1914	Gnadenfeld, Nikolajew		A3342EWZ50-I015
2732 geb. Warkentin				
Steingardt, Helga	13 Jun 1910	Gnadenfeld, Nikolajew		A3342-EWZ50-I026
1218 geb. Wiebe, div. Schlecht				
Schwartz, Sara	3 Aug 1858	Gnadenfeld, Odessa		A3342-EWZ50-I062
0286 geb. Rempel				
Wall, Rosa	27 Sep 1879	Gnadenfeld, Odessa		A3342EWZ50-J047
1400 geb. Fried				
Schmidt, Justine	31 Aug 1879	Gnadenfeld, Rostow		A3342EWZ50-I021
1324 geb. Janzen				
Schmidt, Peter	14 Apr 1879	Gnadenfeld, Rostow		A3342EWZ50-I021
1324				
Jansen, Anna	16 Aug 1888	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-C068
1206 geb. Voth				
Klein, Helene	21 Jan 1859	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-E013
0516 geb. Unruh				
Klein, Katharina	21 Aug 1903	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-E013
0516 geb. Unruh				
Klein, Susanne	23 Jun 1919	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-E014
0846 geb. Pankratz				
Pankratz, David	28 Dec 1876	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-E014
0846				
Tjahr, Eleonore	3 Oct 1927	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-I054
0870				
Tjahr, Jakob	1 Jun 1925	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-I054
0870				
Tjahr, Jakob	11 Nov 1892	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-I054
0870				
Tjahr, Waldemar	11 Jun 1923	Gnadenfeld, Saporoshje		A3342-EWZ50-I054

0870 Ullrich, Marie 2640 geb. Siemens	19 Sep 1915	Gnadenfeld, Saporoshje	A3342-EWZ50-I066
Unruh, Benjamin 0516	18 Nov 1866	Gnadenfeld, Saporoshje	A3342-EWZ50-E013
Unruh, Katharina 0516 geb. Unruh	11 Nov 1875	Gnadenfeld, Saporoshje	A3342-EWZ50-E013
Wahl, Jakob 2790	30 Mar 1842	Gnadenfeld, Saporoshje	A3342EWZ50-I080
Wahl, Katharina 2790	30 Mar 1869	Gnadenfeld, Saporoshje	A3342EWZ50-I080
Klein, Helene 2558 geb. Unruh, gest. 1944 Exin	3 Feb 1858	Gnadenfeld, Tschernigow, Gebie	A3342EWZ50-C071
Neufeld, Helene 2464	24 Oct 1938	Gnadenfeld, Tschernigow, Gebie	A3342EWZ50-C071
Neufeld, Katharina 2464 geb. Neufeld, gest. 1939 Saporoshje	1915	Gnadenfeld, Tschernigow, Gebie	A3342EWZ50-C071
Isaak, Maria 0488 ledig	1 Mar 1928	Gnadenfeld, Tschernigowka, Sap	A3342-EWZ50-D034
Isaak, Maria 0450 geb. Dosse	10 May 1906	Gnadenfeld, Tschernigowka, Sap	A3342-EWZ50-D034
Isaak, Maria 0488 geb. Dosse	10 May 1906	Gnadenfeld, Tschernigowka, Sap	A3342-EWZ50-D034
Woelk, Elisabeth 2764 geb. Rempel	6 Nov 1891	Gnadenfeld, Tschernigowka, Sap	A3442-EWZ50-J027
Siemens, Suta 3002 geb. Janzen	21 May 1910	Gnadenfeld, Tschernigowska	A3342-EWZ50-I006
Isaak, Hedwig 0450	29 Jul 1932	Gnadenfeld, UsSSR	A3342-EWZ50-D034
Isaak, Lilly 0450	8 Feb 1941	Gnadenfeld, UsSSR	A3342-EWZ50-D034
Isaak, Maria 0450	1 Mar 1928	Gnadenfeld, UsSSR	A3342-EWZ50-D034
Isaak, Nelda 0450	29 Jul 1932	Gnadenfeld, UsSSR	A3342-EWZ50-D034

1 - Name, Vorname. Fuer manche Orte (z. B. aus Chortitza Kolonie) sind alle Personen aus diesem Dorf
(auch Nichtmennoniten) aufgelistet.

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung

Schoenau, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpff 1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veroeffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Schoenau, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpff 1942

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Adrian, Franz	21	Zacharias, Margarete	20	1893	12	4
Braun, Isaak	22	Wiens, Maria	18	1930	4	1
Burgardt, Johann	29	Friesen, Helene	27	1927	2	1
Doerksen, Kornelius		Wallmann, Katharina	19	1920	1	1
Dueck, Franz	21	Quiering, Katharina	21	1933	2	1

Dueck, Gerhard	26	Reimer, Katharina	26	1895	10	7
Dueck, Jakob	23	Friesen, Liese	27	1919	8	5
Dueck, Jakob	23	Wiebe, Sara	19	1934	2	
Dueck, Johann	32	Wiebe, Maria	23	1933	1	
Dueck, Johann	24	Baier, Anna	23	1925	3	1
Duester, Isaak	21	Penner, Justine	21	1928	4	1
Duester, Jakob	22	Reimer, Anna	23	1931	2	
Duester, Johann	33	Harms, Maria	20	1905	5	1
Duester, Wilhelm	25	Wiens, Anna	23	1937	1	
Enns, Bernhard	47	Unger, Katharine	42	1935		
Enns, Bernhard	53	Bartel, Liese	42	1941	1	
Enns, Peter	22	Penner, Helene	21	1924	1	
Fast, Abram	22	Friesen, Helene	20	1919	1	
Fast, Isaak	26	Reimer, Maria	20	1935	2	1
Flaming, Jakob	23	Langmann, Helene	16	1926	5	2
Fransen, Jakob	26	Weiss, Anna	19	1929	6	1
Friesen, Abram	29	Wiebe, Katharina	24	1920	8	2
Frischbutter, Heinrich	20	Loewen, Anna	19	1934	4	1
Funk, Heinrich	23	Harms, Maria	33	1919	4	1
Goerzen, Heinrich	21	Wiebe, Liese	21	1938	2	
Hamm, Franz	21	Warkentin, Maria	18	1923	5	1
Hamm, Kornelius	21	Loewen, Katharina	22	1930	5	1
Harder, Jakob	26	Fast, Anna	32	1920	4	
Harm, Abram	19	Wiebe, Katharina	19	1938	1	
Harms, Johann	22	Saglaj, Natalja	20	1940	1	
Janzen, Johann	22	Warkentin, Agatha	21	1904	8	4
Janzen, Julius	48	Reimer, Aganetha	42	1924	2	
Klassen, Abram	22	Driediger, Anna	21	1922	5	
Kliewer, Johann	24	Funk, Maria	19	1939		
Kliewer, Johann	25	Fast, Anna	19	1907	5	3
Langemann, Bernhard	25	Warkentin, Margarete	25	1909	2	
Loewen, Dietrich	23	Wiebe, Margarete	25	1924	2	1
Loewen, Heinrich	24	Voth, Helene	20	1917	7	2
Loewen, Heinrich	25	Siemens, Maria	24	1937	2	
Loewen, Jakob	33	Schmiedt, Maria	18	1922	10	4
Loewen, Johann	21	Siemens, Maria	21	1928	7	1
Loewen, Johann	23	Harder, Maria	22	1904	10	3
Loewen, Salomo	22	Sawatzky, Katharina	20	1909	8	5
Loewen, Wilhelm	26	Wiebe, Anna	24	1938	1	
Lowen, Salomo	21	Wiebe, Helene	21	1935	1	
Nikke , Jakob	21	Peett?, Margarete	30	1875	5	4
Nikkel, Gerhard	22	Bergmann, Anna	21	1924	5	1
Nikkel, Jakob	33	Lorenz, Margarete	20	1887	11	4
Nikkel, Johann	22	Koop, Helene	23	1922	3	
Nikkel, Peter	20	Hamm, Margarete	21	1925	4	1
Peimer, Peter	24	Mantler, Helena	33	1924	4	1
Penner, Abram	21	Nikkel, Sarah	20	1931	2	
Penner, Abram	26	Fast, Maria	20	1895	10	3
Penner, Isaak	26	Quiering, Margarete	23	1941		
Penner, Jakob	23	Hamm, Helene	20	1923	4	
Penner, Peter	24	Wiebe, Suse	24	1936	2	1
Penner?						
Quiering, Abram	23	Reimer, Margarete	24	1938	1	
Quiering, Franz	22	Loewen, Maria	21	1932	2	
Quiering, Gerhard	30	Loewen, Katharina	25	1939	1	
Quiering, Heinrich	19	Unger, Liese	18	1940	1	
Quiering, Isaak	22	Reimer, Aganetha	25	1907	8	2
Quiering, Jakob	25	Esau, Katharina	25	1920	7	1
Quiering, Johann	29	Wieler, Agnes	21	1927	2	

Quiering, Kornelius	31	Duerksen, Margarete	26	1911	5	1
Quiering, Wilhelm	25	Wiebe, Liese	28	1939	2	
Reimer, Abram	21	Reimer, Gertruda	23	1932	2	
Reimer, Abram	23	Neufeld, Anna	23	1902	10	6
Reimer, Bernhard	20	Dueck, Margarete	18	1940	2	1
Reimer, Franz	26	Wallmann, Katharina	23	1924	3	1
Reimer, Gerhard	20	Harms, Agatha	20	1923	4	1
Reimer, Isaak	22	Fast, Maria	21	1898	9	4
Reimer, Isaak	29	Adrian, Liese	21	1926	3	
Reimer, Isaak	39	Richert, Katharina	23	1915	9	2
Reimer, Jakob	22	Siemens, Katharina	23	1926	4	1
Reimer, Johann	23	Janzen, Maria	22	1931	1	
Reimer, Johann	23	Siemens, Margarete	20	1925	4	1
Reimer, Peter	20	Doerksen, Helene	20	1920	9	
Reimer, Peter	21	Wieler, Manja	21	1936	4	1
Reimer, Peter	22	Thielmann, Katharina	19	1923	4	
Reimer, Peter	26	Fast, Anna	22	1902	7	1
Reissweg, Johann	22	Langmann, Helene	26	1936	3	
Rempel, Aron	22	Quiering, Aganeta	18	1933	4	2
Rempel, Hermann	22	Isaak, Helene	25	1924	4	
Rempel, Peter	24	Wiebe, Maria	18	1938	2	1
Richert, Abram	23	Isaak, Justine	24	1931	4	1
Richert, Gerhard	21	Martens, Margarete	20	1926	6	3
Richert, Heinrich	22	Dueck, Liese	21	1921	8	1
Richert, Jakob	20	Friesen, Anna	21	1918	7	2
Richert, Johann	24	Dueck, Anna	19	1924	6	1
Richert, Peter	23	Dueck, Katharina	29	1925	5	
Sagljaj, Alexander	23	Loewen, Anna	18	1938	1	
Schellenberg, Gerhard	19	Adrian, Magarete	27	1923	2	
Schmiedt, Heinrich	23	Wiebe, Katharina	21	1925	6	2
Siemens, Johann	28	Loewen, Katharina	21	1919	6	
Unger, Jakob	25	Penner, Liese	19	1921	7	5
Unrau, David	69	Retzlaff, Anna	45	1920		
Unruh, Heinrich	22	Koop, Katharina	19	1912	10	9
Voth, Wilhelm	27	Unger, Helene	25	1921	5	3
Warkentin, Johann	39	Adrian, Liese	34	1938	1	
Wiebe, Heinrich	25	Ewert, Liese	19	1912	9	5
Wiebe, Isbrandt	23	Reimer, Katharina	22	1925	4	
Wiebe, Jakob	21	Richert, Maria	20	1929	7	2
Wiebe, Jakob	26	Penner, Katharina	26	1899	10	3
Wiebe, Johann	24	Harms, Katharina	23	1917	5	
Wiebe, Johann	27	Reimer, Liese	32	1941		
Wiebe, Johann	29	Kasdorf, Maria	26	1918	1	
Wiebe, Kornelius	22	Baerg, Katharina	21	1939	1	
Wiebe, Peter	31	Kasdorf, Maria	30	1923	1	1
Wiens, Dietrich	28	Schmiedt, Helene	18	1908	5	1
Wiens, Jakob	22	Reimer, Helene	19	1937	2	1
Wolf, Jakob	36	Voth, Helene	33	1930	1	

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Steinfeld, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.
Familienverzeichnis des Dorfes Steinfeld, Sagradovka Kolonie

Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942.

wie man es im «Eheregister des Dorfes Steinfeld» sieht, ist nur ein kleiner
Teil davon(WV).

Mann1	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder insg.5 gest.6	
Bemerkungen						
Bargen, Jakob	20	Huebert, Lene	18	1931	4	
Bargen, Nikolai	21	Petrenko, Wera	23	1936	4	3
Dejager, Isaak	38	Duck, Marie	28	1921	8	4
Frischbutter, Eduart	25	Wiebe, Justine	24	1931	4	
Giesbrecht, Peter	23	Propst, Maria	17	1931	6	1
Petjkau, Heinrich	19	Skoworotka, Neta	17	1938	2	
Propst, Christian	22	Richert, Pauline	22	1934	5	2
Propst, Friedrich	25	Schumacher, Hilda	17	1928	5	3
Propst, Jakob	26	Ruff, Rosa	25	1929	4	
Richert, Johann	21	Skoworotka, Katerine	17	1938	2	
Richert, Johann	22	Fast, Soline	22	1910	10	3
Feist?						
Ruff, Robert	29	Popp, Liese	29	1929	6	2
Tiessen, Heinrich	25	Bargen, Helene	23	1932	2	
Tiessen, Isaak	24	Burgard, Irma	19	1933	3	1
Wiebe, Aron	27	Wolkow, Alexandra	19	1937	1	
Wiebe, Franz	37	Bargen, Sara	28	1935	3	1
Wiebe, Johann	23	Friesen, Maria	21	1899	12	6
Wiebe, Johann	28	Wtscheraschnjaja, An	28	1938		

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Reinfeld, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stumpp
1942 abgeschrieben und auf

Odessa Digital Library veröffentlicht.
Familienverzeichniss des Dorfes Reinfeld, Sagradovka Kolonie

Mannl	Alter2	Frau	Alter2	Heir.4	Kinder	
					insg.5	gest.6
Adler, Gustav	25	Haupt, Irma	18	1926	5	2
Bergen, David	27	Schelien, Alma	16	1936	2	
Bloch, Adolf	22	Krause, Erna	19	1925	6	1
Bloch, Ewald	25	Haupt, Lydia	22	1938	1	1
Bloch, Jakob	28	Klaus, Rosine	21	1895	9	1
Buss, Heinrich	20	Farr, Marie	28	1923	8	1
Friesen, Gerhardt	26	Block, Beate	17	1937	1	
Friesen, Heinrich	31	Friesen, Anna	25	1892	3	3
Friesen, Heinrich	35	Schroeder, Anna	27	1896	10	2
Friesen, Peter	28	Friesen, Marie	27	1941	1	
Hank, Albert	24	Krause, Wanda	19	1931	3	1
Haupt, Julius	33	Handwerker, Marie	18	1905	14	6
Kossmann, Wilhelm	21	Titz, Matilde	17	1938	1	
Kunke, Emil	20	Mielke, Herta	19	1922	6	2
Lange, Samuel	24	Wagner, Emilie	20	1920	6	2
Mieske, Reimund	22	Herschel, Ida	24	1931	3	2
Mund, Gottfried	25	Mattes, Ernestine	17	1908	8	3
Petrowsky, Adolf	25	Krause, Hedwigg	24	1921	3	
Petrowsky, Deonise	25	Hang, Katharine	22	1888	7	1
Phillipp, August	23	Korschenkowa, Alexandra	17	1925	3	
Phillipp, Gustav	29	Eisbrenner, Juliane	20	1899	12	5
Phillipp, Wilhelm	21	Mund, Elsa	19	1940	1	
Popek, Wladimir	20	Farr, Anna	19	1924	6	1
Renn, Ludwig	26	Schlink, Frieda	16	1933	3	
Schechinger, Wilhelm	30	Wegner, Hulda	24	1920	7	1
Schelien, August	20	Klatt, Alwine	20	1911	12	7
Schelien, Friedebert	18	Buhs, Anna	16	1941	1	
Schlink, Karl	27	Maerz, Katarine	25	1902	10	5
Skarupke, Albert	19	Korschenkowa, Alexandra	25	1934	1	
Staub, Joseph	25	Schornowskaja, Eugenia	18	1896	12	9
Staub, Joseph	56	Bobb, Katarine	37	1922	2	2
Staub, Konstantin	25	Mundt, Selma	17	1936	1	
Titz, Reinhold	28	Mundt, Matilde	21	1906	7	1
Wegner, Gottlieb	24	Wegner, Ida	20	1922	6	2
Wegner, Reinhold	25	Bloch, Rosine	25	1922	5	1
Wegner, Rudolf	25	Bloch, Rosine		1920	1	
Zimmer, Friedrich	23	Rundt, Natalie	28	1928	4	1

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschließung
- 4) Jahr der Eheschließung
- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Alexanderkrone, Sagradovka Kolonie

Diese Information wurde von Elli Wise aus dem Dorfbericht von K. Stump
1942 beschrieben und auf
Odessa Digital Library veröffentlicht.

Familienverzeichnis des Dorfes Alexanderkrone, Sagradovka Kolonie Aus dem Dorfbericht von K. Stumpp 1942

Mannl	Alter ²	Frau	Alter ²	Heir. 4	Kinder insg. 5 gest. 6	
Bemerkungen						
Fast, Johann	42	Janzen, Marie	24	1912	8	1
Fast, Peter	22	Friesen, Marie	22	1936	3	
Flamming, Abram	25	Loewen, Tine	21	1921	7	1
Flamming, Franz	38	Enns, Gertrude	36	1928	2	2
Flamming, Heinrich	29	Baerg, Marie	26	1930	5	2
Flamming, Johann	26	Penner, Tine	20	1921	7	3
Flamming, Nikolai	22	Penner, Liese	26	1921	7	4
Flamming, Peter	20	Janzen, Anna	21	1935	4	
Flamming, Peter	24	Enns, Liese	26	1917	6	1
Franz, Heinrich	24	Flamming, Lene	32	1938	2	1
Friesen, David	21	Janzen, Sara	21	1931	4	
Friesen, Helmut	21	Janzen, Tine	19	1942		
Friesen, Peter	25	Koehn, Anna	23	1897	4	1
Friesen, Peter	38	Peters, Margarete	23	1908	10	3
Hag, Alexander	18	Wiens, Marie	18	1936	1	
Hag, Alexander	23	Flamming, Lene	18	1941	1	
Hogge, Jakob	22	Doerksen, Marie	20	1928	1	
Isaak, Gerhard	23	Peters, Margarete	20	1905	2	
Isaak, Gerhard	24	Penner, Lene	21	1931	3	
Isaak, Jakob	24	Wiebe, Marie	22	1913	2	
Janzen, Jakob	21	Isaak, Marie	25	1938	2	
Janzen, Jakob	26	Langemann, Anna	21	1911	9	4
Janzen, Johann	31	Wiebe, Marie	27	1919	4	1
Janzen, Johann	46	Fast, Marie	40	1934	1	
Klassen, Heinrich	21	Seiler, Marta	20	1940	1	
Kugel, Alexander	24	Lichtenfeld, Elfried	22	1929	3	1
Martens, Peter	28	Langemann, Anna	19	1931	3	1
Peess, Alexander	26	Harward, Milita	23	1917	6	
Penner, Abram	25	Friesen, Marie	19	1890	4	1
Penner, Abram	28	Friesen, Margarete	31	1932	4	1
Penner, Abram	34	Rempel, Tine	24	1899	8	3
Penner, Peter	25	Buchholz, Marta	18	1932	5	2
Regehr, Nikolai	27	Nickel?, Marie	20	1918	6	3
unlesbar						
Rempel, Heinrich	25	Peters, Anna	25	1928	3	
Rempel, Hermann	23	Friesen, Katarine	24	1901	8	2
Schellenberg, Gerhard	26	Schroeder, Lydia	19	1919	6	3
Schmiedt, Michail	28	Weis, Lene	23	1925	5	1
Seiler, Friedrich	25	Bradarb?, Ottilie	17	1902	12	6
Tepper, Johann	24	Nitz, Alvine	18	1910	10	3
Weis, Abram	32	Ott, Anna	25	1925	2	
Weis, Abram	48	Doerksen, Marie	32	1939	1	
Weis, Johann	37	Razlaf, Anna	24	1883	14	9
Weis, Peter	27	Penner, Aganeta	29	1923	5	
Wiens, Jakob	23	Flamming, Neta	18	1926	6	1

Notizen:

- 1) Nur deutsche und gemischte Familien wurden erfasst.
- 2) Alter zum Moment der Eheschliessung
- 4) Jahr der Eheschliessung

- 5) Alle je geborene Kinder
- 6) davon im Kindesalter gestorben

Willi Vogt. Mennonitische Ahnenforschung
Mennoniten in den Akten der Einwanderungszentrale
(nach Geburtsorte sortiert)

N

Diese Liste wurde aus den umfangreichen Listen auf der «Odessa Seite» entnommen. In diesen Listen sind 330.194 Deutsche aus Russland (Stand August 2008), ich habe nur versucht aus diesen Listen Mennoniten herauszufinden. In meiner Liste sind 11.631 Personen, was 3,5% von den auf «Odessa Seite» sind. Es kann sein dass in dieser meiner Liste auch nicht Mennoniten sind, die aber uebliche mennonitische Namen hatten, und kann auch sein, dass ich nicht alle Mennoniten aus den Listen der «Odessa Seite» gefunden haben (besonders Personen mit Namen die selten bei Mennoniten und oft bei Nichtmennoniten vorkommen).

Die Einwanderungszentralstelle (EWZ) bearbeitete in den Jahren 1939-45 ca. 110.000 Antraege von Deutschen aus Russland die sich um die deutsche Staatsangehoerigkeit beworben haben.

NameI	Geburtsdatum	Geburtsort	Mikrofilm	Seite	Bemerkungen
Bargen, Margarethe	4 May 1890	Nikolaidorf	A3342EWZ50-I084	1424	geb. Wiebe
Ewert, Anna	15 May 1868	Nikolaidorf	A3342-EWZ50-I054	0870	geb. Thiessen
Goerzen, Aron	1885	Nikolaidorf	A3342EWZ58-H006	0932	
Goerzen, David	24 Feb 1862	Nikolaidorf	A3342EWZ50-K001	0630	
Goerzen, Elisabeth	18 Mar 1859	Nikolaidorf	A3342EWZ50-K001	0630	geb. Toews
Goerzen, Justine	1889	Nikolaidorf	A3342EWZ58-H006	0932	geb. Harms
Janzen, Anna	1887	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0500	geb. Friesen
Kasper, Abram	22 Apr 1916	Nikolaidorf	A3342EWZ50D067	0046	
Kasper, Hein	2 Jul 1889	Nikolaidorf	A3342EWZ50D066	2528	
Kasper, Martha	19 Jun 1941	Nikolaidorf	A3342EWZ50D067	0046	
Klassen, Agnethe	13 Apr 1874	Nikolaidorf	A3342EWZ50G063	0770	geb. Willms
Klassen, Maria	1870	Nikolaidorf	A3342EWZ50E016	0880	geb. Janzen
Koehn, Anna	10 Nov 1881	Nikolaidorf	A3342EWZ50E024	2958	geb. Wiebe
Koehn, Anna	10 Nov 1881	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0362	geb. Wiebe
Koehn, Anna	29 Oct 1881	Nikolaidorf	A3342-EWZ50-G077	1192	geb. Wiebe
Koehn, Anna	29 Oct 1881	Nikolaidorf	A3342EWZ50E024	2876	geb. Wiebe
Koehn, Anna	29 Oct 1881	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0230	geb. Wiebe
Koehn, Katharina	29 Nov 1878	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0116	geb. Wiebe
Koehn, Katharina	29 Nov 1878	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0594	geb. Wiebe
Koehn, Katharina	29 Nov 1878	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0770	geb. Wiebe
Loewen, Maria	1884	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0440	geb. Friesen
Mierau, Helene	25 Oct 1919	Nikolaidorf	A3342EWZ50-F052	2163	
Mierau, Jakob	30 Aug 1926	Nikolaidorf	A3342EWZ50-F052	2163	Waffen-SS - 7-7-1944
Mierau, Johann	13 Dec 1921	Nikolaidorf	A3342EWZ50-F052	2163	
Pankratz, Anna	20 Sep 1890	Nikolaidorf	A3342EWZ50E025	0714	geb. Koop
Peters, Maria	11 Mar 1860	Nikolaidorf	A3342EWZ50F039	1464	geb. Sawatzki
Plett, Katharine	15 Jan 1869	Nikolaidorf	A3342EWZ50-D058	1356	geb. Willems

Raiser, Nelly	1 Apr 1943	Nikolaidorf		A3342EWZ50G053 1044	
Regehr, Anna	20 Sep 1890	Nikolaidorf		A3342EWZ50E025 0010	geb. Kopp
Warkentin, Kornelius	2 Oct 1875	Nikolaidorf		A3342-EWZ50-C076 1834	
Heinrichs, Anna	16 Apr 1912	Nikolaidorf	A3	342EWZ50-C064 1520	
Heinrichs, Anna	16 Apr 1912	Nikolaidorf	A3	342EWZ50-C064 2253	
Heinrichs, Katharina	8 Aug 1908	Nikolaidorf	A3	342EWZ50-C064 2253	
Heinrichs, Katharina	8 Aug 1908	Nikolaidorf	A3	342EWZ50-C064 2402	
Woelk, Susanne	3 Feb 1904	Nikolaidorf,	Bolschoj Alexandr	A3342-EWZ50-J028 0346	geb. Wiebe
Plett, Anna	25 Mar 1931	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 1709	
Plett, Elisabeth	2 Feb 1893	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 1708	geb. Kroecker
Plett, Elisabeth	21 Jan 1893	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 2156	geb. Kroecker
Plett, Katharine	27 Jan 1869	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 2068	geb. Willms
Plett, Katharine	27 Jan 1869	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 2140	geb. Willms
Plett, Kornelius	29 Sep 1918	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 2156	
Plett, Maria	25 Jun 1940	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 2157	
Plett, Susanne	6 Jul 1927	Nikolaidorf,	Geb. Saporoshje	A3342-EWZ50-G039 1709	
Woelk, Wilhelm	28 Jun 1908	Nikolaidorf,	Nikolajew	A3442-EWZ50-J027 2732	verschl. 1938
Klein, Helene	19 Aug 1902	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E012 1570	geb. Kasper
Klein, Jakob	20 Jan 1932	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E012 1570	
Klein, Lina	24 Mar 1939	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E012 1570	
Kleinschek, Anna	21 Sep 1897	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E014 2588	geb. Bergmann
Kleinschek, Anna	4 May 1936	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E014 2588	
Kleinschek, Jakob	8 Mar 1924	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E014 2588	
Kleinschek, Rudolf	15 Oct 1926	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E014 2588	
Kleinschek, Selma	19 Jul 1921	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-E014 2588	
Tus, Agathe	18 Feb 1918	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-I065 1004	geb. Toews
Tus, Johann	1 May 1941	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-I065 1002	
Tus, Maria	29 Nov 1938	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-I065 1002	
Tus, Nikolaus	19 Dec 1911	Nikolaidorf,	Saporoshje	A3342-EWZ50-I065 1002	

1 - Name, Vorname. Fuer manche Orte (z. B. aus Chortitza Kolonie) sind alle Personen aus diesem Dorf

(auch Nichtmennoniten) aufgelistet.

1 - Name, Vorname. Fuer manche Orte (z. B. aus Chortitza Kolonie) sind alle Personen aus diesem Dorf
(auch Nichtmennoniten) aufgelistet.

ДОВІДКА З ІСТОРІЇ АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНИХ ЗМІН НА МИКОЛАЇВЩИНІ

*М.О.Мельник,
начальник відділу інформації
та використання документів
держархіву Миколаївської області*

22 вересня 1937 р. ЦВК СРСР прийняв постанову про розукрупнення Харківської, Київської, Вінницької й Одеської областей [1]. Одеська область була поділена на Одеську і Миколаївську.

До складу Миколаївської області увійшли три міста обласного підпорядкування – Миколаїв, Херсон і Кірово, а також 38 районів, у тому числі 29 районів зі складу Одеської області і 9 – зі складу Дніпропетровської. Складовою частиною Миколаївської області стали такі райони: Аджамський, Баштанський, Березнегуватський, Бериславський, Бобринецький, Варварівський, Великоолександрівський, Великопетиський, Витязівський, Володимирівський, Голопристанський, Горностаївський, Долинський, Єланецький, Єлисаветградківський, Знам'янський, ім. Фріца Геккерта, Казанківський, Калініндорфський, Компаніївський, Каховський, Новгородківський, Новобузький, Нововоронцовський, Новоодеський, Новопразький, Новотроїцький, Олександрійський, Очаківський, Петрівський, Привільнянський, Скадовський, Снігурівський, Тилігуло-Березанський, Устинівський, Хорлівський, Цюрупинський і Чаплинський.

10 січня 1939 р. Указом Президії Верховної Ради СРСР була створена Кіровоградська область, а м. Кірово перейменовано на м. Кіровоград [2]. З Миколаївської області до складу Кіровоградської області відійшли м. Кіровоград і 13 районів: Аджамський, Бобринецький, Витязівський, Долинський, Єлисаветградківський, Знам'янський, Кіровоградський сільський, Компаніївський, Новгородківський, Новопразький, Олександрійський, Петрівський, Устинівський.

У 1939 р. були створені Білозерський, Херсонський і Миколаївський сільський райони, а район ім. Фріца Геккерта ліквідований.

Напередодні Великої Вітчизняної війни до складу Миколаївської області входили такі райони: Баштанський, Білозерський, Березнегуватський, Бериславський, Варварівський, Великоолександрівський, Голопристанський, Горностаївський, Єланецький, Каланчацький, Каховський, Калініндорфський, Казанківський, Миколаївський, Новоодеський, Новобузький, Нововоронцовський, Очаківський, Привільнянський, Скадовський, Снігурівський, Тилігуло-Березанський, Херсонський, Цюрупинський та Чаплинський. Арбузинський, Благодатнівський, Братський, Великоврадівський, Веселинів-

ський, Вознесенський, Доманівський, Кривоозерський, Мостівський і Первомайський райони входили до складу Одеської області.

В період тимчасової нацистської окупації територія Миколаївської області в її нинішніх межах була поділена між Німеччиною і Румунією. Західні райони були включені у Голтянський та Очаківський повіти румунського губернаторства Трансністрії, а райони, розташовані до сходу від р. Буг, увійшли до генеральних округів «Миколаїв» і «Таврія».

Після визволення області від нацистської окупації в її адміністративно-територіальному поділі сталися такі зміни:

згідно з Указом Президії Верховної Ради УРСР від 30 березня 1944 р. була створена Херсонська область [3], у зв'язку з чим зі складу Миколаївської області відійшли м. Херсон і райони: Білозерський, Бериславський, Великоолександрівський, Голопристанський, Горностаївський, Каланчацький, Калініндорфський, Каховський, Нововоронцовський, Скадовський, Херсонський, Цюрупинський, Чаплинський. Цим же указом Миколаївській області були передані Арбузинський, Благодатнівський, Братський, Веселинівський і Вознесенський райони Одеської області;

відповідно до Указу Президії Верховної Ради УРСР від 12 вересня 1944 р. центр Миколаївського району був перенесений з м. Миколаїв до с. Жовтневе, а Миколаївський район перейменований у Жовтневий [4]. Згідно з Указом Президії Верховної Ради УРСР від 5 грудня 1944 р. центр Благодатнівського району був перенесений з с. Благодатне до с. Лиса Гора, а Благодатнівський район перейменований у Лисогірський [5];

Указом Президії Верховної Ради УРСР від 8 серпня 1945 р. проведено розукрупнення Варварівського і Тилігуло-Березанського районів і створений Широколанівський район з центром у с. Широколанівка [6].

На підставі Указу Президії Верховної Ради УРСР від 17 лютого 1954 р. до складу Миколаївської області ввійшли 5 районів Одеської області: Великоградівський, Доманівський, Кривоозерський, Мостівський, Первомайський [7].

У 1957 р. згідно з Указом Президії Верховної Ради УРСР від 7 червня 1957 р. був ліквідований Широколанівський район, а його сільради передані Варварівському і Веселинівському районам [8].

Указом Президії Верховної Ради УРСР від 21 січня 1959 р. ліквідовано такі райони: Володимирівський – з переходом його сільрад до Березнегуватського і Казанківського районів, Лисогірський – з переходом сільрад до Арбузинського і Первомайського районів, Мостівський – з переходом сільрад до Веселинівського і Доманівського районів, Привільнянський – з переходом сільрад до Баштанського, Єланецького і Новобузького районів [9].

Рішенням виконкому Миколаївської обласної Ради депутатів трудящих

від 20 січня 1961 р. смт Варварівка Варварівського району включена в смугу м. Миколаїв з підпорядкуванням території селища Центральної районній Раді депутатів трудящих [10]. Тим же рішенням с. Балабанівка Жовтневого району включено в смугу смт. Жовтневе того ж району; а також віднесено до категорії міст районного підпорядкування смт. Жовтневе Жовтневого району, смт. Новий Буг Новобузького району, смт. Снігурівка Снігурівського району.

Указом Президії Верховної Ради УРСР від 30 грудня 1963 р. віднесені у підпорядкування Миколаївської обласної (промислової) Ради депутатів трудящих м. Миколаїв – з м. Жовтневе, а також м. Вознесенськ та м. Первомайськ – з смт. Підгородна [11].

У січні 1963 р. на підставі Указу Президії Верховної Ради УРСР від 30 грудня 1962 р. проведено укрупнення сільських районів Миколаївської області. Були створені райони: Баштанський, Братський, Вознесенський, Доманівський, Миколаївський, Новобузький, Новоодеський, Первомайський, Снігурівський [12].

Президія Верховної Ради УРСР Указом від 4 січня 1965 р. внесла нові зміни в адміністративне районування УРСР, затвердивши 394 райони республіки [16]. До складу Миколаївської області увійшли 16 районів:

Баштанський – (центр – смт. Баштанка) у складі Баштанської селищної ради і сільрад Баштанського району: Добренської, Єрмолівської, Інгульської, Кашперо-Миколаївської, Костичівської, Ленінської, Мар'ївської, Новоіванівської, Новоолександрівської, Новопавлівської, Пісківської, Привільнянської, Христофорівської та Явкінської;

Березнегуватський – (центр – смт. Березнегувате) у складі Березнегуватської селищної Ради і Білокриницької, Висунської, Калузької, Лепетиської, Маліївської, Мурахівської, Новоочаківської, Новосевастопольської, Новоукраїнської та Сергіївської сільрад Баштанського району, Любомирівської сільради Снігурівського району;

Братський – (центр – смт. Братське) у складі Братської селищної ради і сільрад Братського району: Арбузинської, Ганнівської, Григорівської, Іванівської, Кам'яно-Костуватської, Костуватської, Костянтинівської, Кривопустоської, Миколаївської, Новомар'ївської, Новоолександрівської, Новоселівської, Садівської, Сергіївської та Шевченківської;

Веселинівський – (центр – смт. Веселинове) у складі Веселинівської селищної ради і Катеринівської, Миколаївської, Новосвітлівської, Петрівської, Подільської, Покровської та Ставківської сільрад Вознесенського району; Колосівської, Кудрявцівської та Порічанської сільрад Доманівського району; Кубряцької та Широколанівської сільрад Миколаївського району;

Вознесенський – (центр – м. Вознесенськ) у складі м. Вознесенськ і сіль-

рад Вознесенського району: Білоусівської, Бузької, Воронівської, Григорівської, Дмитрівської, Дорошівської, Малосолоненської, Новогригорівської, Олександрівської, Прибужанівської, Таборівської, Трикратської, Щербанівської та Яструбинівської;

Доманівський – (центр – смт. Доманівка) у складі Доманівської селищної ради та сільрад Доманівського району: Богданівської, Володимирівської, Зеленоярської, Козубівської, Лідіївської, Маринівської, Миколаївської, Мостівської, Новокантакузівської, Олександрівської, Олександродарської, Прибужкої та Царедарівської;

Сланецький – (центр – с. Сланець) у складі Великосербулівської, Водяно-Лоринської, Возсіятської, Сланецької, Калинівської, Куйбишевської, Малоукраїнської, Нововасилівської та Ясногородської сільрад Новоодеського району; Новокосянтинівської сільради Братського району;

Жовтневий – (центр – м. Жовтневе) у складі м. Жовтневе Миколаївської міськради; Тернівської селищної ради і Пересадівської сільради Новоодеського району; Воскресенської селищної ради і Бармашівської, Грейгівської, Засільської, Калинівської, Котлярівської, Лиманівської, Мішково-Погорілівської, Прибужкої та Шевченківської сільрад Снігурівського району;

Казанківський – (центр – с. Казанка) у складі Великоолександрівської, Веселобалківської, Володимирівської, Дмитро-Білівської, Казанківської, Каширівської, Лагодівської, Миколаївської, Микола-Гулаківської, Михайлівської, Новолазарівської, Новофедорівської, Олександрівської, Скобелевської, Троїцько-Сафонівської та Червонознам'янської сільрад Новобузького району;

Кривоозерський – (центр – с. Криве Озеро) у складі Богачівської, Бурилівської, Врадіївської, Доброжанівської, Жовтневої, Краснопільської, Кривоозерської, Кривоозерської Другої, Кумарівської, Куряче-Лозівської, Луканівської, Маломечетнянської, Новопавлівської, Секретарської, Сирівської, Тридубівської та Филімонівської сільрад Первомайського району; Великовеселівської та Іванівської сільрад Доманівського району;

Миколаївський – (центр – м. Миколаїв) у складі Великокорениської селищної Ради і сільрад Миколаївського району: Анатолівської, Березанської, Данилівської, Дмитрівської, Кир'яківської, Кімівської, Ковалівської, Кривобалківської, Криничанської, Нечаянської, Новобогданівської, Петрівської, Ташинської, Тернуватської та Улянівської;

Новобузький – (центр – м. Новий Буг) у складі м. Новий Буг і Баратівської, Березнегуватської, Вільнозапорізької, Кам'янської, Новомиколаївської, Новомихайлівської, Новополтавської, Новоюр'ївської, Ольгопільської, Софіївської та Улянівської сільрад Новобузького району; Новохристофорівської

сільради Баштанського району;

Новоодеський – (центр – смт. Нова Одеса) у складі Новоодеської селищної ради і сільрад Новоодеського району: Баловненської, Бузької, Веселівської, Воронцівської, Гур'ївської, Димівської, Кандибинської, Кашперівської, Малинівської, Новопетрівської, Новосафронівської, Сухоеланецької та Троїцької;

Очаківський – (центр – м. Очаків) у складі м. Очаків і сільрад Миколаївського району: Василівської, Дмитрівської, Кам'янської, Коблівської, Козирської, Куцурубської, Лиманівської, Матіясівської, Парутинської, Покровської, Рибаківської, Рівненської, Тузлівської та Чорноморської;

Первомайський – (центр – м. Первомайськ) у складі Підгороднянської селищної ради Первомайської міськради; Благодатненської, Воеводської, Любоіванівської, Новокрасненської, Рябокониївської та Семенівської сільрад Братського району; Болеславчицької, Великометнянської, Грушівської, Довгопристанської, Кам'янобалківської, Кам'яномостівської, Кінецьпільської, Кримської, Кумарівської, Лисогірської, Лукашівської, Мигіївської, Романово-Балківської, Синюхино-Брідської, Софіївської, Степківської, Тарасівської та Чаусівської сільрад Первомайського району;

Снігурівський – (центр – м. Снігурівка) у складі м. Снігурівка і сільрад Снігурівського району: Баратівської, Василівської, Єлизаветівської, Киселівської, Краснознам'янської, Новопетрівської, Олександрівської та Першотравневої.

На підставі Указу Президії Верховної Ради УРСР від 8 грудня 1966 р. було проведено розукрупнення Братського, Кривоозерського, Миколаївського, Очаківського та Первомайського районів [18], в результаті чого були утворені:

Арбузинський район – (центр – с. Арбузинка) у складі Арбузинської, Костянтинівської, Новоселівської та Садівської сільрад Братського району; Благодатненської, Воеводської, Любоіванівської, Новокрасненської, Рябокониївської та Семенівської сільрад Первомайського району;

Березанський район – (центр - смт. Березанка) у складі Березанської селищної Ради, Анатолівської, Данилівської, Дмитрівської, Кімівської та Ташинської сільрад Миколаївського району; Василівської, Коблівської, Лиманівської, Матіясівської, Рибаківської та Тузлівської сільрад Очаківського району;

Врадіївський район – (центр – с. Владіївка) у складі сільрад Кривоозерського району: Великовеселівської, Владіївської, Гуляницької, Доброжанівської, Жовтневої, Іванівської, Краснопільської, Кумарівської, Новопавлівської та Сирівської.

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СССР

(Энциклопедическая справка)

Гиберт Абрам Исакович

Родился в 1920 г., Николаевская обл., Владимировский р-н, с. Александровка.

Приговорен: 7 января 1944 г.

Приговор: мобилизован в трудовую армию, Н-Таг. (07.01.44, из Каменск-Уральской ИТК №12), убитие Тагиллаг

Источник: Центр «Возвращенные имена», Нижний Тагил

Гиберт Анна Давыдовна

Родилась в 1924 г., Николаевская обл.; немка; проживала: Германия.

Приговорена: НКВД СССР в 1945 г., обв.: директива НКВД СССР № 181 от 11.10.1945.

Приговор: спецпоселение. Реабилитирована 29 августа 2002 г. УВД Вологодской обл.

Источник: УВД Вологодской обл.

Гиберт Генрих Генрихович

Родился в 1944 г., с. Светловка, Высокопольский р-н, Херсонская обл.; немец; проживал: Германия.

Приговорен: НКВД СССР в 1945 г., обв.: директива НКВД СССР № 181 от 11.10.1945.

Приговор: спецпоселение. Реабилитирован 29 августа 2002 г. УВД Вологодской обл.

Источник: УВД Вологодской обл.

Левен Борис Яковлевич

1908 г.р., урож. д. Александровка Николаевской обл., немец, образование начальное. Проживал в г. Новосибирске, трудармеец стройколонны 1454. Арестован 27.11.1943 по обвинен. в а/с агитации, ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР. Приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 18.03.1944 к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 13.06.1964.

Источник: Книга памяти Новосибирской области.

Левен Иван Иванович

(варианты фамилии: Левин) Родился в 1898 г., Таврическая губ.; немец; секретарь РИКа. Проживал: Немецкий р-н, с. Гальбштадт.

Арестован 9 января 1938 г.

Приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 19 февраля 1938 г., обв. по ст. 58-2, 7, 10, 11.

Приговор: ВМН. Расстрелян 4 апреля 1938 г. Место захоронения - г. Славгород. Реабилитирован 24 декабря 1957 г. военным трибуналом СибВО дело прекращено за отсутствием состава преступления

Источник: Книга памяти Алтайского края.

Левен Петр Генрихович

Родился в 1914 г., Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Николаевское (пр.: Никольское);

Приговорен: 22 июня 1941 г.

Приговор: мобилизован в трудовую армию, Б.-Александровский РВК, убытие 17.03.43, по инв.

Источник: Центр «Возвращенные имена», Нижний Тагил.

Левен Яков Иванович

Родился в 1902 г., Таврическая губ.; немец; электромонтер. Проживал: Немецкий р-н, с. Гальштадт.

Арестован 21 декабря 1937 г.

Приговорен: тройка при УНКВД по АК 29 декабря 1937 г., обв. по ст. 58-2, 9, 11.

Приговор: ВМН. Расстрелян 22 января 1938 г. Место захоронения - г. Славгород. Реабилитирован 11 апреля 1958 г. военным трибуналом СибВО дело прекращено за отсутствием состава преступления

Источник: Книга памяти Алтайского края

Левен Яков Яковлевич

Родился в 1919 г., Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Никольское;

Приговорен: 22 июня 1941 г.

Приговор: мобилизован в трудовую армию, Б.-Александровский РВК, убытие 25.06.46, осужден

Источник: Центр «Возвращенные имена», Нижний Тагил

МЕННОНИТЫ В ТАГИЛЛАГЕ (ТРУДОВАЯ АРМИЯ) 1941-1946 ГГ.

(Энциклопедическая справка)

1. Барген Франц Вильгельмович, 1918

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Пригорье

22.06.41, Ново-Бугский РВК

01.01.46, Т/строй

2. Вельк Александр Яковлевич, 1917

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Пригорье

22.06.41, Б.-Александровский РВК

25.05.46, Т/строй

3. Вибе Иван Яковлевич, 1914

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Орлово

22.06.41, Б.-Александровский РВК

25.02.44, Т/строй

4. Гиберт Абрам Исакович, 1920

Николаевская обл., Владимировский р-н, с. Александровка

07.01.44, Н-Таг. (07.01.44, из Каменск-Уральской ИТК №12)

Т/лаг

5. Гиберт Корней Николаевич, 1920

Николаевская обл., Нововоронцовский р-н,

с. Александровка (возм. пр.: Новоалександровка)

04.07.42, Свердлов.

[04.46, в Т/строй]

6. Дик Генрих Иванович, 1917

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Заградовка

22.06.41, Б.-Александровский РВК

27.05.46, Т/строй

7. Дридигер Яков Яковлевич, 1918

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Кочубеевка

22.06.41, Б.-Александровский РВК

8. Изаак Дитрих Францевич, 1919

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Орлово

22.06.41, Б.-Александровский РВК

25.05.43, умер

9. Классен Гергард Иванович, 1917

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Никольское

21.06.41, Б.-Александровский РВК

01.03.46, Т/строй

10. Левен Петр Генрихович, 1914

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Николаевское (пр.: Никольское)

22.06.41, Б.-Александровский РВК

17.03.43, по инв.

11. Левен Яков Яковлевич, 1919

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Никольское

22.06.41, Б.-Александровский РВК

25.06.46, осужден

12. Мартенс Яков Францевич, 1919

Николаевская обл., Николаевский (пр. Б.-Александровский) р-н, с. Б. Александровка 22.06.41, Б.-Александровский РВК

26.05.43, умер

13. Пеннер Исак Абрамович, 1915

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Молотов

22.06.41, Б.-Александровский РВК

01.01.46, Т/строй

14. Рeger Петр Яковлевич, 1915

Одесская обл. (пр.: Николаевск обл.), Бериславский р-н, с. Володевка

22.06.41, Б.-Александровский РВК

01.01.46, Т/строй

15. Реймер Борис Борисович, 1917

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Орлово

20.08.41, Мелитопольский РВК

01.01.46, Т/строй

16. Фаст Борис Аронович, 1913

Николаевская обл., Б.-Александровский р-н, с. Орлово

22.06.41, Б.-Александровский РВК

01.01.46, Т/строй

17. Фризен Гергард Петрович, 1892

Херсонская губ. 1

(пр.: Николаевская обл.), Б.-Александровский р-н, с. Мюнстерберг

22.01.42, Цюр.

04.05.43, умер

18. Фризен Давид Петрович, 1894

Херсонская губ. 1

(пр.: Николаевская обл.), [Б.-Александровский р-н], с. Мюнстерберг

22.02.42, Цюр.

17.03.43, по инв.

19. Эпп Андрей Петрович, 1912

Николаевская обл., Бериславский р-н, с. Ново-Николаевка

22.06.41, Б.-Александровский РВК

01.01.46, Т/строй

ИСТОРИЯ ИМЕНИЯ «ЗАГРАДОВКА»

(Энциклопедическая справка)

Князю Станиславу Понятовскому (будущему польскому королю) в 1780 году было отведено «при речке Ингульце под поселение слободы девять тысяч десятин земли [4]. Восемнадцать тысяч десятин получили камергер Загряжский и его супруга Наталья Кирилловна, урожденная Разумовская; впоследствии их имение Заградовка было продано князю В. Н. Кочубею. Двенадцать тысяч десятин получил «по отводу» сенатор Заводовский, шесть тысяч – князь Голицын и многие другие.

МОЛОЧАНСК

(Энциклопедическая справка)

Молочанск (укр. Молочанськ) – город, Молочанский городской совет, Токмакский район, Запорожская область, Украина.

Является административным центром Молочанского городского совета, в который не входят другие населённые пункты.

Географическое положение

Город Молочанск находится в месте слияния рек Токмачка и Чингул в реку Молочная, выше по течению на расстоянии в 1,5 км расположено село Кутузовка, ниже по течению на расстоянии в 0,5 км расположено село Виноградное. Реки в этом месте извилистые, образуют лиманы, старицы и

заболоченные озёра. Через город проходят автомобильная дорога Т-0401 и железная дорога, станция Молочанск (до 1974 – Полугород) на линии Фёдоровка – Верхний Токмак.

История

Близ города раскопаны 42 кургана с 434 погребениями: эпохи бронзы (III–I тысячелетия до н. э.), скифские (IV–III вв. до н. э.), сарматские (II в. до н. э.– II в. н. э.) и кочевников XI–XIII веков.

Земли, на которых расположен город Молочанск, длительное время использовались татарами и ногайцами.

Немецкие колонии в Запорожской области

Правительство Российской империи в 1803 году пригласило в эти места на постоянное жительство из Германии немцев-меннонитов, которые назвали свое поселение Гальбштадт (нем. Halbstadt – полугород). Переселенцам выделили лучшие земли (по 60 десятин земли на двор) и предоставили льготы: освобождение от налогов на 10 лет и ссуда до 300 руб. (с возвратом через 10 лет).

До 1871 года Гальбштадт был центром Молочанского меннонитского округа. [3]

В 1915 году в связи с Первой мировой войной Гальбштадт был переименован в Молочанск. [4]

В 1938 году присвоен статус города.

Во время Второй мировой войны город был захвачен немцами, в нём был развёрнута деятельность подразделения немецкой администрации под названием «фольксдойче миттельштелле»; VM организовала центральное регистрационное бюро, названное «Список германских граждан» (нем. «Deutsche Volksliste», сокр. DVL), где проходила регистрация немцев с гражданством оккупированных стран как фольксдойче.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕРЕЗНЕГОВАТСКОГО РАЙОНА НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

(Энциклопедическая справка)

На землях района в августе 1941 года сражались войска 18-й армии Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта А.К.Смирнова. Вырвавшись из окружения в междуречье Ингула и Южного Буга, его войска, оказывая сопротивление противнику, отступали к Днепру. 18 августа гитлеровцы оккупировали Березнеговатое и прилегающие к нему села.

...В марте 1944 г. в результате Березнеговато-Снигиревской операции развернулись бои по освобождению этих земель. Начав наступление в центре оперативного построения 3-го Украинского фронта 6 марта войска 8-й гвардейской и 46-й армий генералов В.И.Чуйкова и В.В.Глаголева двигались на запад. Южнее сражались 6-я и 5-я ударная армии генералов И.Т.Шлемина и В.Д.Цветаева. Дивизии этих армий и освобождали территорию района.

В ходе наступательных боев Советской Армии немецкая 6-я армия «мстителей» была рассечена на две части. Ее северная группа откатывалась на г. Вознесенск. Южная группа (13 дивизий), попав в окружение, стала прорываться в сторону Привольного. Им удалось вырваться из «котла» у с. Новополтавка, а затем у Малеевки и Новосергеевки. Здесь в полосе шириной 3–4 километра пять лучших вражеских дивизий ударили по нашим позициям. На короткое время они смяли порядки 39-й Гвардейской стрелковой дивизии 8-й Гвардейской армии и попытались вырваться через образовавшийся «коридор». Но танкисты 23-го танкового корпуса сдержали этот прорыв гитлеровцев. «Коридор» был закрыт, и 11–12 марта эти села были очищены от фашистской нечисти воинами 39-й Гвардейской стрелковой дивизии. Гвардейцы 35-й и 82-й стрелковых дивизий этой же армии освободили села Новоочаков, Петропавловку, Новогригорьевку, Новоукраинку, Новосевастополь, Доброе, Висунск. Соединения 6-й армии теснили гитлеровцев с востока. 10–11 марта ее 60-я Гвардейская стрелковая дивизия освободила Зеленый Гай и Новомировку.

12 марта воинами 61-й и 59-й Гвардейских стрелковых дивизий были освобождены села Петровское, Веселый Кут и Пришиб. В боях за с. Веселый Кут уроженец Березнеговатого рядовой В.Н.Борисенко определил заминированные места, был ранен, но с поля боя не ушел.

На подступах к Березнеговатому противник создал, казалось бы, неприступные рубежи. Один из них проходил по западному (правому) берегу р. Висунь. Генерал-лейтенант И.Т.Шлемин, используя удар с фланга и ночные атаки, 13 марта направил свои дивизии на форсирование реки. Гитлеровцы оказали сильное сопротивление, взорвали бетонный мост через Висунь в с. Калуга. С помощью местных жителей саперы 244-й стрелковой дивизии создали передвижной настил из нескольких лестниц и перебросили его через реку. К утру 13 марта, захватив плацдарм и очистив от врага с. Калугу, вместе с воинами 203-й стрелковой дивизии освободили с. Романовку. 14 марта бои велись уже под пгт. Березнеговатое, где 61-я Гвардейская стрелковая дивизия наносила удар с северо-востока, а 59-я – с юга. Противник был разгромлен. И все это под проливным дождем, который не прекращался три дня. В грязи отстала артиллерия, боеприпасы вместе с местными жителями воины несли в мешках на плечах, в лучшем случае – на коровах. Так сооб-

щает в своих оперативных сводках 203-я стрелковая дивизия. 14 марта части 195-й и 353-й стрелковых дивизий 46-й армии освободили села Соколовку и Отрадное. В этот день танкисты 4-го Гвардейского механизированного корпуса и воины 5-й ударной армии встретились на станции Снигиревка. Замкнув кольцо вражеского окружения в Березнеговато-Снигиревской операции, войска 5-й ударной армии приступили к дальнейшему освобождению земель Березнеговатского района. 13–14 марта ее 50, 54 и 108-я Гвардейские стрелковые дивизии очистили от фашистов села Великое Артаково, Червону Криницу, Яковлевку, Мураховку, Костомаровку, Новогригорьевку, Отрадное, форсировали р. Висунь по мосту, захваченному группой бойцов во главе со ст. сержантом А.Г.Богатенко из 108-й Гвардейской стрелковой дивизии. Во время захвата моста А.Г.Богатенко проявил героизм: он оборвал бикфордов шнур и ценой своей жизни сохранил мост. В с. Любимовка воины этой дивизии захватили на месте преступления немецких факельщиков.

16 марта гвардейцы В.И.Чуйкова добивали окруженные фашистские дивизии южнее с. Владимировка Новобугского района. Более мощную фашистскую группировку в районе Березнеговатого и с. Новосевастиполь уничтожали воины 6-й и 5-й ударных армий. 17 марта в ходе сокрушительных ударов советских войск окруженная группировка 6-й немецкой армии была разгромлена. Здесь армия «мстителей» потеряла более 50000 солдат и офицеров. Прорвавшиеся из котла пять фашистских дивизий из тринадцати надолго потеряли свою боеспособность.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕЛА ОЗЕРОВКА

266-я АРТЕМОВСКО-БЕРЛИНСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ, ОРДЕНА СУВОРОВА II СТЕПЕНИ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

В составе 6-й и 46-й армий 3-го Украинского фронта с марта 1944 г.

Командир дивизии – полковник Фомиченко С.М.

Боевой состав:

1006 сп, 1008 сп, 1010 сп, 832 ап, 360 отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 575 саперный батальон, 295 медико-санитарный батальон и др.

10.-11.03.1944 г. части дивизии освобождали села Мировка, Озеровка Березнеговатского р-на; прошли маршем через г. Новый Буг, села Ульяновка Новобугского; Дымовка Новоодесского районов и вышли к с. Белоусовка Вознесенского р-на. Форсировали р. Южный Буг (25.03.) и освободили села Рюминское, Новобелоусовка (28.03.) Вознесенского р-на и пгт. Веселиново (29.03.).

60-я ГВАРДЕЙСКАЯ ПАВЛОГРАДСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

В составе 6-й и 46-й армий 3-го Украинского фронта с марта 1944 г.

Командир дивизии – генерал-майор Соколов В. П.

Полковой состав:

178 гв. сп, 180 гв. сп, 185 гв. сп.

Дивизия освобождала села Зеленый Гай, Новомировка Березнеговатского р-на; 13.03.-14.03.1944 г. – Новоселовка, Рогозино, Бурячки, Скобелево, Лагодовка Казанковского р-на; Антоновка, Майоровка Новобугского р-на; Новобратское Баштанского р-на. 19.03. совершила марш через села Добрая Воля, Антоновка, Майоровка Новобугского р-на; освобождала села Семеновка, Воссиатское, Новониколаевка (19.03.), Водяно-Лорино (21.03.) Еланецкого р-на. 23.03. освободила села Арнаутовка (Дорошовка), Белоусовка, Новоукраинка, Дмитровка, Новопристань Вознесенского р-на.

ПОЕЗДКАВ ЮЖНУЮ РОССИЮ

Афанасьев-Чужбинский А.С.

С А Н К Т П Е Т Е Р Ь У Р Г Ъ . 1861.

Колония Кичкас или Эйнлаге поселена у древнего Крарийского мыса, о котором упоминают греческие историки. Боплан тоже говорит о нем, показывая впрочем здесь неверно ширину Днепра в 150 шагов, которая не могла измениться, потому что река течет здесь в гранитных берегах и имеет ширины 150 сажен. Колония эта, состоящая из меннонитов, поселена после падения Запорожья.

Служа главною пристанью и стоя на важном чумацком тракте и на большой дороге из Екатеринослава в Керчь и Феодосию, красивая деревня эта летом набита всякого рода проезжими и прохожими. Она расположена по правому берегу Днепра и тянется далеко по гранитным скалам до того места, где, как сказал я выше, Днепр круто поворачивает и где немцы насыпали высокую и крепкую плотину, во избежание наводнения, разорившего их в 1845 г.

Чистенькие и опрятные домики стоят на порядочном расстоянии один от другого, и это пространство между домами непременно засажено деревьями, преимущественно белою акацией, так что в мае месяце, когда деревья в цвету, колония словно принаряживается в праздничную одежду. Постройки меннонитов все однообразны, и расположение домов одинаково; некоторые разнятся только внутренним убранством, да и то количеством и качеством вещей, а самые вещи расположены в домах одним и тем же порядком.

Под одной связью помещаются: конюшня, коровник, сеновал и дом колониста. Из сеней, где отгорожена кухня и расположена разная необходимая

утварь в порядке и возможной опрятности, вы войдете в чистую светлую горницу, в углу которой стоит кровать с горой тюфяков и подушек, сложенных друг на друге необыкновенно тщательно. Возле двери в стене вделан шкаф, в котором разставлена посуда с невозмутимой симметрией. У стен диванчик, стулья, один или два стола, и – необходимая принадлежность – красивый и прочный сундук. На стене висят деревянные часы, нередко еще вывезенные из Пруссии в конце прошлого столетия; чисто вымытый пол посыпан песком. Далее следует спальня, а там, смотря по величине дома, иногда идет еще комната. Через сени тоже горница, где хозяин занимается каким-нибудь ремеслом, потому что меннонит любит чем-нибудь заниматься. Во всех комнатах опрятность и чистота поразительная, а медь, где только она есть, выполирована до возможной степени совершенства.

Глядя на жилище меннонита, можно подумать, что там больше ничего и не делают как только моют, скоблят, чистят и полируют. Образ жизни колонистов патриархальный, и они как-то редко предаются веселости: сколько я заметил, в воскресенье даже не слышно, чтобы молодежь собиралась для развлечений своего возраста; даже школьники смиренно идут в училище и обратно, не шалят, не дерутся и чинно разговаривают, словно взрослые.

Прожив раз целую неделю в Кичкасе, я так утомился этим невозмутимым однообразием, что как ни приятно мне было сидеть в светлой, опрятной комнате, однако я поспешил в малорусскую деревню, где жизнь хоть и грубее, где встретили меня лишения, но в которой люди и плачут и смеются, и поют и пляшут, и, пожалуй, подерутся для разнообразия. А между тем я по берегам Днепра нигде не видел такого довольства и трудолюбия, как у колонистов Хортицкогг округа.

Я посещал не один Кичкас и не раз живал у меннонитов, но мне никогда не удавалось заметить, когда хозяйка успевала доводить дом свой до этой, почти голландской чистоты. Я следил за дневными занятиями колонистов. Утром очень рано, после завтрака, состоящего из кофе с молоком, немец выезжает в поле на работу и, смотря по надобности, берет работника и работницу. Дышловые их фургоны, можно сказать изящной работы, устроены таким образом, что служат и обыкновенной телегой, и могут превратиться в повозку, на которой помещается три копны хлеба. Земледельческие орудия, более или менее усовершенствованные, содержатся в необыкновенной исправности; а лошади (меннониты работают с лошадьми) обладают завидною полнотою и пользуются любовью своего хозяина.

Отправляясь в поле, немец не позабудет взять на телегу кадушки с дою, необходимой как для него, так и для животных. Хозяйка в это время не только сама занимается каким-нибудь делом, но и задает работу всем домашним от мала до велика. Обмыв и причесав малых детей и отправив

некоторых в школу, немки преимущественно занимаются сбором молока, которое сберегают они не в кувшинах, а в мисках, пахтаньем отличного масла, выделкою сыру, роятся в огороде и потом принимаются варить обед, аккуратно посматривая на часы, обладающие иногда таким громозвучным колоколом, что терпеть их звон нет никакой возможности. Молоко всегда в изобилии; кроме того, что из него выделяются сыр и масло, хозяйка поит им даже свиней, не говоря, что наливает полную миску кошкам, которых в ином доме собирается несколько штук.

У немцев мне нравится обыкновение, что они не забрасывают бедных котят и кормят их постоянно. Это противоположность с евреями, которые тоже не забрасывают котят, из скупости потерять что бы то ни было им принадлежащее, но и не кормят их, в силу той же добродетели. Колонисты с любовью и успехом занимаются шелководством, а потому разводят много тутовых деревьев. Между колонистами есть разного рода ремесленники, и произведения их рук, несмотря иногда на свою грубость, не могут быть заподозрены в недобросовестности. Меннонит говорит, что даже если бы я и не хотел быть честным, то надобно быть честным, и вследствие этого правила редко встречаются примеры мошенничества и плутовства качества, так тесно связанные с нашими ремесленниками, конечно не без исключений.

В Кичкасе есть лесная пристань, принадлежащая колонисту Генрихсону, известному в окрестности под именем Корнея Корнеича, который снабжает лесом не только меннонитов своего округа и соседние селения, но и колонистов Таврической губерний, поселенных по реке Молочной. Пристань Генрихсона в большом порядке и отличается доброкачественным лесом: купец этот ездит сам в Екатеринослав и дальше вверх для закупки барок и плотов, и честностью своею берет перевес над многими лесными торговцами, которые гораздо богаче его, но пускают в ход различные проделки, недостойные порядочного человека. Корней Корнеич большой оригинал и необыкновенно интересно рассказывает о лесной торговле и о лицах, ведущих ее по известной ему местности. Он порядочно разбогател и купил много земли, на которой успешно занимается скотоводством, овцеводством и хлебопашеством.

В Кичкасе есть также две лавочки, в которых местные покупатели находят все для удовлетворения своих местных потребностей, начиная от кофе и сахару до ситцу и каленкору, от ножа и замка до детской игрушки. Разницы в ценах я не заметил с ценою этих же товаров в окрестных городках. Зажиточные немцы получают Рижскую газету (*Rigasche Zeitung*) и кроме того, что непременно толкуют между собою о политике за кружкою пива, но считают обязанностью поговорить и с каждым приезжим о современных событиях. При совершенном неведении статистики и при самых темных понятиях о

географии, иной толстый колонист рассказывает уморительные вещи, и в жару беседы, за неимением более убедительных доказательств, чертит по столу пивом положение местности, о которой идет речь. Смотря на эти мокрые дорожки, не имеющие никакого смысла, другой немец торжественно опровергает своего соседа и старается перечертить по своему. Из этого выходят незанимательные споры о том, где какая страна света.

Однажды я присутствовал при подобной беседе, возникшей по поводу минувшей кампании. Колонисты рассказывали мне, как они доставляли, кажется, провиант в действующую армию, сообщая при этом интересные подробности о провиантских чиновниках. Один колонист начертил на столе часть Крымского полуострова таким образом, что Керчь приходилась на одном меридиане с Севастополем, только гораздо южнее, а Симферополь стоял между этими городами, подаваясь на запад. Но гораздо интереснее был рассказ о том как прусский король (все меннониты отзываются о прусском короле с особенным уважением, потому что предки их вышли из Пруссии; есть еще старики, которые помнят свою родину), встретив однажды императора французов на гулянье в Берлине, остановился и в присутствии всех гуляющих произнес ему энергическую речь, порицая нападение на Россию.

Колонист вдохновился, и если действительно нелепость эта занесена была в колонии, то я уверен, что собеседник мой присочинил большую половину в жару своего красноречия. Никогда не забуду я последней фразы: «Ты думаешь, что не допустишь кофе в Россию, говорил будто бы прусский король, ошибаешься – я пропущу его через свои границы». После такой речи Наполеон начал оправдываться, обвинял Англию и уверял, что больше никогда не будет. Впрочем политик этот был какой-то приезжий молочанец и говорил более чистым немецким языком, нежели прочие колонисты, употребляющие обыкновенно платдейч. Все они, однако же, за исключением женщин, хорошо говорят по-малорусски.

Но я никогда не мог помириться с ними относительно пищи, потому что поплатился за нее страшной лихорадкой. Поселясь в Кичкасе летом прошлого года, для изучения окрестностей, я просил свою хозяйку приготовить мне обед за условленную плату. Она изъявила свое согласие и спросила, в котором часу я обедаю. Отправляясь из дому с утра и позавтракав где-нибудь в окрестности одним хлебом без всякой примеси, я возвращался домой часам к пяти, с запасом большого аппетита. В первый день, в назначенный час и минуту, не успел я снять дорожной сумки, как уже на столе у меня стояла миска и был приготовлен довольно приличный прибор. Меня изумило, однако же, что вместо обыкновенного супу в миске было молоко. Голодному, впрочем, рассуждать нечего. Пробую, непротивно, но со дна миски вытаскиваю ложку вишен.

- Что это? – спрашиваю.

- Киршен-зуппе, – отвечает хозяйка.

Сочетание вишен с молоком показалось мне немного странным, но я, утолив первоначальный голод, спросил себе пить. Мне подали стакан густых сливок. Я подумал, что может быть действительно после киршен-зуппе не следует употреблять другого питья и опорожнил стакан. Второе блюдо было жирнейшая и превкусная ветчина, вроде вестфальской, которую колонисты готовят с необыкновенным искусством. После ветчины следовало жаркое с каким-то сладким соусом.

- Герр доволен обедом? – спросила хозяйка.

- Очень, только нельзя ли готовить другой суп, и вместо сливок подавать для питья воду?

На другой день снова был подан молочный суп, но уже не с вишнями, а с каким-то другим плодом, изрезанным в мелкие кусочки.

- Что это? – спрашиваю.

- Бирне-зуппе.

Это значит – молоко сварено с незрелыми грушами, упавшими с дерева, но похлебка показалась мне с голоду по крайней мере не противна. Потом по обычаю следовали ветчина и жаркое. Я снова просил переменить суп и пояснил, что желал бы с картофелем; на следующий день суп был точно с картофелем, но сваренным на молоке, и который прежде, чем попасть в суп, был предварительно сжарен в масле.

Одним словом, за эту пищу я поплатился жестокой крымской лихорадкой, и уже после того, бывая в колониях, сам тщательно определяю материалы для своего обеда, и даже купил себе в Одессе поваренную книгу, хотя она оказывается для меня совершенно бесполезною. В Кичкасе существует род обжорного ряда возле кабака, где можно, конечно, утолить голод, но пища, продаваемая на этом базаре, состоящая из жареной рыбы или мяса, не привлекает своей наружностью. Вечером это место интересно по случаю большого стечения народа и там можно видеть иногда разгулявшихся чумаков, которые с необыкновенным искусством исполняют малорусские танцы.

Колонисты курят табак и страстные до него охотники. Как мужчины, так и женщины, одеваются весьма некрасиво. Мужская одежда состоит из куртки, жилета и штанов неуклюжего покроя; летом мужчины ходят в туфлях с деревянными подошвами, но во время грязи и зимою обуваются в сапоги. Женщины носят общипанные платья ситцевые или из крашенины, а выходя на улицу, надевают соломенные шляпки допотопного покроя. Я посещал пять колоний и в том числе самую знаменитую – Нижнюю Хортицу, в которой находится обершульц, где живет отличный часовой мастер, поставляющий часы во все колонии, и где можно найти превосходного каретника,

но не встречал не только ни одной хорошенькой, а даже сносной женщины, между тем как мужчины попадаются очень красивые. Выходит не всегда справедливо поверье, что на больших реках встречаются красавицы преимущественно пред прочими местностями.

В этих колониях удивительный порядок. Шульц (наш старшина), избираемый из числа порядочных хозяев, пользуется уважением, и распоряжения его исполняются безпрекословно. Лошади доставляются чрезвычайно скоро, даже и при немецкой неповоротливости, лишь бы только случился писарь прочесть открытый лист; но путешествующему в своем тарантасе может встретиться важное неудобство. Во-первых, немцы не умеют запрягать в оглобли, а во-вторых у них во всей колонии не отыщется дуги, так что за этой штукой приходится посылать в соседнюю малорусскую деревню.

Жители Кичкаса не занимаются судоходством, да и рыболовство у них в совершенном пренебрежении: во всей колонии один порядочный рыбац, он же и лоцман, Якубенко. Этот колонист, усвоивший немецко-малорусскую фамилию, умный и интересный человек, который превосходно знает местность и обладает обширными сведениями касательно первоначальной колонизации. Его отец был первым поселенцем на острове Хортица. В Кичкас приходят снизу на своих лодках Никопольские вольные матросы, о быте которых, также как и об их судоходстве, я представлю в свое время подробное описание.

ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ НЕМЦЫ

(Энциклопедическая справка)

ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ НЕМЦЫ, немцы-колонисты Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний; в широком смысле слова к П.н. причисляют также немцев Бессарабии и Донской обл.

Иммиграция и основание колоний. В 1786 и 1789 гг. ок. 1,4 тыс. лютеранских иммигрантов из Данцига, попавшего в сложную экономическую ситуацию после аннексии внутренних польских территорий Пруссией в 1772 г., поселились в Новороссии по приглашению имп. Екатерины II. Некоторые обосновались в городах, другие вблизи городов Елизаветград и Екатеринослав, где они основали т. н. Немецкое село, позднее переименованное в Альт-Данциг (Старый Данциг), колонии Иозефсталь (Иосифовка) и Фишердорф (Рыбальск). К югу от Екатеринослава ок. 300 католических переселенцев из немецких колоний близ города Ямбург (С.-Петербургская губ.) в 1793 г. основали село с тем же названием. Ок. 2 тыс. меннонитов из Данцига и Западной Пруссии в 1788-96 гг. переселились в Новороссию, где они обосновались в 10 колониях. 7 сел находились к западу от Днепра, на-

против г. Александровск, по одному – на противоположном берегу [Шёнвице (Московка), Хортица на днепровском острове и Кронсгартен (Половица) к северу от Екатеринослава]. В правление Александра I большие группы болгар, гагаузов и немцев устремились в Новороссию и Бессарабию. Среди них было ок. 1,6 тыс. меннонитов, прибывших в основном в 1803–06 гг.; в 1808, 1813, 1819 и 1820 гг. прибывали довольно крупные, а в остальные годы (до 1836 г.) более мелкие партии – общей численностью ок. 3,5 тыс. чел. Большинство меннонитов было направлено в Таврию, где они к востоку от р. Молочные Воды (Молочная) основали Молочанский меннонитский округ (19 колоний в 1811, 39 в 1826 г.). Другие меннониты обосновались в Хортицком меннонитском округе (17 колоний в 1826 г.). На территорию Молочанского меннонитского округа [центр – Гальбштадт (Молочанск)] переселилась и часть гуттеров из Радичева, основавших в 1842 и 1857 гг. колонии Гуттерталь (Старо-Бородатый) и Иоганнесру (Ташенак). В 1803-04 гг. в Новороссию прибыло ок. 6,8 тыс. т. н. рейнских колонистов, гл. обр. из Вюртемберга, Бадена и Эльзаса, а также ок. 250 немецких швейцарцев. Большинство из них погружались на суда в Ульме, плыли вниз по Дунаю до Дунайских княжеств или покидали суда у Будапешта и следовали по суше через Галицию. По пути к ним присоединялись немцы, которые в течение нескольких десятилетий проживали в Венгрии. Швейцарские немцы отправились в Крым, назвав свое тамошнее село Цюрихталь (Цюрихсталь, Джейлав). Лютеране и католики основали колонии за Одессой, вблизи существовавшей шведской колонии, на западном берегу р. Молочной и в Крыму. Так возникли новые колонистские районы – Либентальский колонистский округ [центр – Гросслибенталь (Мариинское)], Шведский округ [центр – Альт-Шведендорф (Старо-Шведское)], Молочанский колонистский округ (центр – Пришиб), а также несколько колоний в Крыму (прежде всего, Нейзац). В последующие годы поток иммигрантов также не иссякал. Российский генеральный консул во Франкфурте в 1808-09 гг. выдал паспорта для почти 11 тыс. т. н. франконских колонистов, которые приезжали по суше через Польшу. Они расширили существовавшие колонистские округа и основали новые: Березанский колонистский округ (центр – Ландау), Кучурганский колонистский округ (центр – Зельц), Глюкстальский колонистский округ (центр – Глюксталь), а также несколько отдельных колоний в Крыму. Более 90 семей, встреченных имп. Александром I в 1813 г. в Герцогстве Варшавском, поселились в некоторых колониях Либентальского, Глюкстальского и Березанского округов, а большинство варшавских колонистов были отправлены в Бессарабию. Часть жителей Вюртемберга, привлеченная хилиастами, отмежевавшимися от лютеранской церкви, в 1816–19 гг. основала колонию Гофнунгсталь (Цебриково) в Ти-

распольском у. и 4 колонии Бердянского колонистского округа к северу от Бердянска. Хотя в 1819 г. российское правительство решило больше не принимать иностранных колонистов, в 1823–42 гг. оно заселило немецкими колонистами территорию к северу от Мариуполя, первоначально выделенную крымским грекам. Там ок. 500 семей из Западной Пруссии основали в 1823–24 гг. 17 колоний. В прусских поселениях в 1825–42 гг. смогли обосноваться также 100 семей из Бадена и Рейн Тессена. Туда направлялось и избыточное население из Ямбурга (С.-Петербургская губ.), старых колоний у Беловежа (Черниговская губ.) и из Хортицкого меннонитского округа, объединенное в Мариупольский колонистский округ [центр – Грунау (Александровск)] и Мариупольский меннонитский округ [центр – Бергталь (Петропавловка)].

В северном Причерноморье предоставлялись привилегии переселенцам, прежде всего, свобода вероисповедания и освобождение от рекрутского набора. Отдельные группы смогли обеспечить себе дополнительные права и льготы. В меннонитских колониях на 1 семью было выделено по 65 дес. земли. Шведы, а также лютеранские и католические иммигранты при имп. Александре I получили по 60 дес. на семью, данцигские лютеране – 32,5 дес, а ямбуржцы – 30 дес. В отличие от немцев Поволжья немцам Новороссии было предоставлено освобождение от налогов и податей лишь на 10 лет, однако, некоторым группам – на 15–20 лет. Различались и финансовые льготы: хотя средства на пропитание в пути и до первого урожая были приблизительно равны, меннониты получили кредит в 500 руб. на семью, тогда как лютеранам Иозефсталя предоставлялась лишь очень незначительная стартовая помощь под тем предлогом, что они могут с выгодой реализовать свою продукцию в близлежащем Екатеринославе. Поскольку среди иммигрантов 1803 г. оказалось много плохих и по большей части бедных хозяев и убиточных ремесленников, 20 февраля 1804 г. были приняты директивы по приему иностранных колонистов: в год в страну должны были допускаться лишь 150 хороших и достаточных с семьями и имуществом не менее 300 гульденов. Однако эти правила не соблюдались ни в 1804 г., ни в последующие годы.

Управление колониями и их налогообложение. В марте 1797 г. имп. Павел I поручил опеку колонистов новому ведомству – Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, которую он подчинил непосредственно генеральному прокурору. Император направил С. Х. Контениуса в инспекционную поездку по колониям Новороссии, в апреле 1800 г. передал управление ими Новороссийской конторе иностранных поселенцев (находилась в Екатеринославе) и поставил Контениуса во главе Конторы в качестве главного судьи. Когда в Одессе ожидалась первая крупная волна немецких колонистов, граф Арман Жан Ришелье

дю Плесси (с 1803 г. – градоначальник Одессы) добился от Александра I, чтобы управление поселением колонистов в Одессе и ее окрестностях было передано ему самому, и в Одессе была образована с этой целью Особая Канцелярия Одесского водворения. Ришелье, ставший с марта 1805 г. также Херсонским военным губернатором, и в последующие годы контролировал процесс колонизации.

Немецкие колонии были подразделены на несколько округов, но имелись и отдельные колонии. Каждые 3 года собрания хозяев сел (округов) избирали шульца (соответственно окружного шульца) с двумя бейзицерами. Шульцы и бейзицеры должны были заботиться о том, чтобы все трудоспособные колонисты упражнялись в сельском хозяйстве и прилежно занимались своим хозяйством, вели трезвую, спокойную и трудолюбивую жизнь. Ленивые, развратные и непослушные хозяева должны были подвергаться денежным штрафам и легким телесным наказаниям. Контениус без особого успеха приобщал колонистов к шелководству, с небольшим успехом – к разведению фруктовых садов и виноградников, посадкам лесных плантаций, с большим успехом – к тонкорунному овцеводству. Для всех этих задач были подготовлены детальные предписания. Другие правила требовали введения трех- или многопольного хозяйства, образования запасов для собственных нужд и посева. Колонисты должны были пахать достаточно глубоко, содержать дом, гумно, хлева, ограждения и сельскохозяйственные орудия в хорошем состоянии и чистоте. Соблюдение всех этих предписаний контролировалось государственными смотрителями, отвечавшими за один или несколько колонистских округов.

Вследствие роста численности иностранных поселенцев, причем не только немецких, но и болгарских, в 1818 г. реорганизованы ведомства по делам иностранцев. Непосредственно министру внутренних дел был подчинен новый Попечительный комитет о колонистах южного края России, который находился в Екатеринославе, возглавлялся главным попечителем генералом И.Н. Инзовым, имел Конторы опекунов иностранных в самом Екатеринославе, в Одессе и Бессарабии. После того, как правительство решило в 1819 г. больше не принимать иностранных колонистов и колонии укрепились в экономическом отношении, в 1833 г. Конторы были упразднены, а колонии подчинены непосредственно Попечительному комитету, который был переведен в Одессу, на его содержание колонисты должны были уплачивать особый налог. В ходе реформ имп. Александра II колонисты по закону от 4 июня 1871 г. были подчинены в качестве поселян-собственников общегосударственной администрации, а Попечительный комитет в Одессе, как и Контора в Саратове, упразднены. В результате этой реформы округа, зачастую очень крупные, были разделены на более мелкие волости.

По истечении срока освобождения от налогов меннониты уплачивали по 15 коп. поземельного налога с десятины, о чем они договорились с Г. А. Потемкиным в 1787 г., и небольшой подушный налог, тогда как налоги остальных немецких колонистов были приравнены к налогам государственных крестьян. Подушный налог исчислялся по числу ревизских душ, поземельный – по размеру земельного надела соответствующей общины. В результате колонисты платили в 1812 г. вдвое, в 1840 г. – в 11 раз, а в 1868 г. – впятеро больше налогов, чем меннониты. Поэтому меннониты смогли быстрее, чем колонисты, возратить затраты на свое поселение. Правительство требовало возратить примерно 4/5 фактических затрат на поселение – расходы казны на обеспечение продовольствием по месту поселения, на строительство домов, наделение скотом и орудиями труда, а также на стартовую финансовую помощь.

Закладка сел и строений. В большинстве немецких сел было поселено лишь по 20–40 семей, что укорачивало путь к полям. Дома располагались в основном вдоль очень широкой улицы, на таком расстоянии друг от друга, чтобы огонь не мог легко перекинуться с одного дома на другой. С 1840-х гг. молочанские меннониты строили новые дома из обожженного кирпича. Наружные стены они красили масляной краской под цвет кирпича и, как на родине, украшали их белыми полосами. Жилой дом располагался за забором, а также цветником и овощными посадками, как правило, перпендикулярно улице и состоял из передней и задней части с 3–6 помещениями. Из задней части дома можно было попасть в хлев, к которому примыкал сарай, продолжая хлев либо располагаясь перпендикулярно ему. В сарае меннониты хранили орудия труда и повозки, его чердак служил зернохранилищем. Во дворе чаще всего имелись также погреб для хранения овощей и молока, и хлев для свиней. С 1860-х гг. кирпичные дома появились и в селах с жителями, происходившими преимущественно из юго-западной Германии, но их жилые и хозяйственные помещения располагались во дворе отдельно друг от друга. Меннониты покрывали свои дома черепицей, колонисты долгое время (в Херсонской губ. еще в 1880-х гг.) – камышом.

Землевладение и дочерние колонии. По пути в Новороссию, на карантинных пунктах, и в первые годы после поселения иммигранты в результате недостаточного питания и потребления некачественной воды несли большие человеческие потери, но они быстро компенсировались за счет рождаемости. В 1830 г. в Новороссии и Бессарабии проживали 56 478 колонистов, в 1844 г. – уже 87 304, в т.ч. 21 411 меннонитов, причем на бессарабских немцев приходилось ок. 10–15 тыс. чел. К 1890 г. число немецких колонистов Новороссии (без Бессарабии) возросло до 226 146 чел. Ко времени переписи населения 1897 в Новороссии за пределами городов проживали 298 209

немцев.

Поскольку в марте 1764 г. колонистов обязали целиком передавать свой надел по наследству младшему сыну, вскоре за счет вновь рождавшихся сыновей возник слой безземельных. В 1858 г. в Новороссии было 6 910 семей с землей и 3 413 безземельных. В Либентальском округе и в Крымских колониях, а также у хортицких меннонитов число безземельных превысило численность землевладельцев, хотя меннонитам Хортицкого округа в 1830-х гг. вновь были предоставлены казенные земли для поселения избыточного населения. Колонистам на обеих берегах р. Молочной повезло – при поселении им были выделены обширные резервные земли, на которых они до 1863 г. смогли создать множество дочерних колоний, в результате чего число молочанских меннонитских сел возросло до 55. Часть безземельных довольствовалась тем, что арендовала земельный участок у более удачливых собратьев и оказывала помощь при уборке. Другие освоили ремесло и занимались им в родном селе либо в одном из городов Новороссии, не отказываясь от статуса колонистов. Все больше колонистов арендовали землю за пределами своих сел. Из 260 меннонитов, покинувших в 1852–53 гг. два своих округа, 25% стали мельниками и 9% ремесленниками в окрестных городах и селах, 3% продолжали заниматься сельским хозяйством, будучи земельными собственниками, а 44% – арендаторами. Колонисты арендовали землю в материковых уездах Таврии у своих мусульманских соседей – ногайцев. Поскольку последние после Крымской войны 1853–56 гг. эмигрировали в Анатолию и были заменены болгарами и украинцами, этот источник дешевой арендной земли иссяк. Когда окружное управление молочанских меннонитов хотело использовать последние свободные площади для создания новых колоний, где могла быть размещена лишь малая часть безземельных, тогда как остальные должны были зарабатывать на жизнь батрачеством, безземельные запротестовали и потребовали равномерного распределения остатка резервной земли. Когда соседний колонистский округ приобрел для своих безземельных участок в Екатеринославском уезде, меннонитские зажиточные крестьяне, ссылаясь на свою роль образцовых хозяев, остались неумолимы. После этого на стороне безземельных выступило правительство. Они впервые получили право голоса на сельских собраниях. Оставшаяся казенная земля, а также земли бывшей окружной овчарни были разделены на участки по 12 дес. и распределены между безземельными домохозяевами. Два колонистских округа последовали рекомендации Министерства государственных имуществ и наделили своих безземельных участками в 12 дес. за счет земли бывших окружных овчарен. Молочанский колонистский округ избрал иное решение, которому последовали и в др. округах. Здесь сдавали в аренду землю бывших овчарен участками по 4–5 дес. тем, кто предлагал наивысшую

плату, и использовали выручку для приобретения земли, на которой создавались дочерние колонии для безземельных. После высвобождения земли в результате сужения торговых путей (вели через Молочанский меннонитский округ), по которым из Крыма на север перевозилась соль, меннониты последовали примеру своих соседей и также стали получать доходы от аренды, за счет которых они могли приобретать землю.

Кроме того, для покупки земли в распоряжении колонистов имелись кредиты сиротских касс. Если колонист умирал и оставлял несовершеннолетних сирот, его надел сдавался в аренду, а движимое имущество продавалось с аукциона. Возникшим в результате сиротским капиталом управляли избираемые сиротские старосты, отдавая его в кредит под 5% годовых и возвращая сиротам, достигшим совершеннолетия, вместе с поступившими процентами. Либентальский округ уже в 1830 г. поручил управление сиротским капиталом сиротской и сберегательной кассе. В 1869 г. министр государственных имуществ принял предложение конференции колонистов Новороссии о создании соответствующих сиротских, заемных и сберегательных касс в каждом округе. С помощью их кредитов общины, поселенческие товарищества и отдельные колонисты могли предварительно вносить часть суммы при покупке земли. 7 сиротских касс Херсонской губ. в 1890 г. имели в своем распоряжении 1 млн руб., соответствующие кассы лютеран и католиков в Таврии – по 0,5 млн руб. Так как меннониты продавали с аукциона и земельные наделы умерших, в их двух кассах накапливались более значительные средства:

Хортицкая касса имела в том же году 1,2 млн руб., а Молочанская – 0,8 млн руб. Поскольку новороссийские колонисты сразу же после покупки земельного участка получали в банке ипотечный кредит в размере половины покупной цены, переселенцам из материнских колоний обычно приходилось вносить лишь 1/10 покупной суммы. Жители дочерних колоний должны были ежегодно возвращать часть кредитов банков, сиротских или овчарных касс. Некоторые из них были не в состоянии вернуть свои долги. Другие, напр., жители Николайфельдской (Николайпольской) меннонитской волости, погасили свою задолженность за 18 лет, получив возможность найти капитал для дальнейшей покупки земли. Кроме того, немецкие крестьяне Новороссии были готовы ручаться перед банками друг за друга, и колонисты могли получать кредиты у зажиточных земляков под 10–12% годовых, тогда как посторонние требовали вдвое больше.

В 1812 г. и 1813 г. Контора опекунов впервые сдала в аренду крупные земельные участки из своего резерва за низкую плату меннонитам И.И. Корнису и К. Винсу, которые могли вести овцеводство в крупных масштабах и тем самым рационально. Корнис по собственным данным получил от своих

овец за первые 20 лет чистую прибыль более 422 тыс. руб. К 1868 г. животноводство в хозяйствах крупных землевладельцев и арендаторов из числа колонистов процветало, тогда как остальные немецкие поселенцы получали за счет этого лишь 8,5% своих доходов. Однако самым удачливым овцеводом, имевшим 300 тыс. овец (1858 г.), а вскоре и крупнейшим землевладельцем Новороссии стал лютеранин Фридрих Фейн.

После того, как по завершении Крымской войны 1853–56 гг. многие мусульмане-татары и ногайцы эмигрировали, а значительная часть болгарских колонистов после освобождения Болгарии от турецкого владычества вернулась на свою прежнюю родину, некоторые немецкие колонисты, поселенческие товарищества и общины воспользовались возможностью купить по низкой цене землю покинутых аулов и деревень. Однако в большинстве случаев они приобретали землю у дворян-помещиков, которые потеряли с отменой крепостного права дешевую рабочую силу и сами не занимались хозяйством.

В 1848 немецкие колонии Новороссии (199 сел) были сконцентрированы близ Одессы, у Днепра, на обоих берегах р. Молочной, к северу от Мариуполя, а также дисперсно расположены в Крыму. В 1890 г. в Новороссии было 735 колоний (см. таблицу 1). В 1914 они были распространены по всем уездам трех новороссийских губерний, появились новые волости, особенно в Крыму.

Колонисты Новороссии заложили на казенной земле 194 села, тогда как число немецких сел, возникших в результате создания дочерних колоний на приобретенной и арендованной земле, было почти в 3 раза больше. Наряду с многочисленными отдельными колониями, вошедшими в существовавшие немецкие, а также ненемецкие волости, возникли и новые волости. Меннонитскими были волости: Николайфельдская (Николайпольская) (Екатеринославский уезд), Шёнфельдская (Краснопольская) (Александровский уезд), Мемрикская (Бахмутский уезд), Орловская (Херсонская губ.) и Заградовская (Херсонский уезд). Меннонитско-лютеранско-католической являлась Николайтальская (Новософиевская) волость (Екатеринославский уезд). Лютеране и католики жили в новых волостях: Александерфельдской (Адамовской) и Нейзацкой (обе в Одесском уезде), Кронауской (Высокопольской) (Херсонский уезд), Табулдинской (Симферопольский уезд), Александровской, Бютенской и Тотанайской (все в Перекопском уезде).

Землевладение причерноморских немцев после последнего выделения им казенной земли увеличилось вчетверо (см. таблицу 2). В новороссийских колониях земля была распределена очень неравномерно. В Екатеринославской и Таврической губерниях насчитывалось 455 немцев со 100 и более десятинами собственной земли, из которых 156 имели более 1 тыс. дес, а

26 – более 5 тыс. дес. В колониях, особенно в заложенных еще на казенной земле материнских колониях, зажиточным крестьянам или полным хозяевам с их первоначальным наделом в 60–65 дес. противостояли т.н. полу- или четверть-хозяева, а также класс приживал, имевших лишь двор и огород, безземельных без собственного двора. Численность малоземельных и безземельных уменьшилась в результате крупномасштабных покупок земли в 1840–90-е гг., а также за счет эмиграции, особенно меннонитов, в Америку (с 1871 г.), но они все еще составляли в Таврической губ. 16%, в Екатеринославской – 25%, а в Херсонской – даже 67% населения (1890 г.). Для крестьян имело большое значение вели они хозяйство на казенной ли, собственной или арендованной земле. Чтобы продать или сдать казенную землю, им нужно было сначала оплатить свой надел в размере 20-кратного поземельного налога. Арендаторы могли потерять землю при появлении более платежеспособных арендаторов или покупателей.

Бывшие колонисты составляли 89% немецких земельных собственников Новороссии. Кроме того, отдельные лица, поселенческие товарищества и колонии в 1890 г. арендовали у земельных собственников более 400 тыс. дес. Большинство участков находились по соседству с материнскими колониями и на территориях, покинутых татарами и ногайцами. Поскольку земля в Таврической губ. всегда была дешевле, чем в Екатеринославской губ., колонисты Таврии могли приобретать и большие имения. Хотя в этих двух губерниях на 5 меннонитов приходилось примерно 8 лютеран и 3 католика, меннонитам принадлежало 177, лютеранам 182, а католикам – лишь 28 имений площадью более 200 дес. В 1890-х гг. прирост немецкого землевладения в Новороссии замедлился, т. к. колонисты начали приобретать землю в других районах империи. И все же землевладение немцев в Новороссии (без арендованной земли) увеличилось к 1914 г. как минимум до 2119 тыс. дес. (по данным Д. Брандеса) и как максимум до 2440 тыс. (по данным Д. Нейтатца).

Новороссийские колонисты с 1860-х гг. создавали села также на земле донских казаков, в Ставропольской губ., Кубанской и Терской областях, где земля была еще намного дешевле, чем в их родных уездах. С 1890-х гг. возникли дочерние меннонитские колонии Ной-Самара и Деевка в Самарской и Оренбургской губерниях, а также лютеранско-католические села в Полтавской и Уфимской губерниях. В азиатскую часть империи меннониты впервые направились под руководством двух проповедников хилиастского толка. Им были выделены места для поселения в Таласской долине (нынешняя Киргизия), где они zaloжили сначала 4 колонии. В начале 20 в. крупные партии переселенцев с юга России, Северного Кавказа и Поволжья основали села в степи между Омском и Томском,

Земледелие. В колониях Причерноморья каждый хозяин получал участок в селе для сооружения дома и хозяйственных построек, а также огород. Вблизи села размещалось общественное пастбище, для которого каждый хозяин должен был вносить часть полагавшейся ему земли. Напротив, пахотная земля и сенокосы делились на ряд участков, где каждый хозяин получал по жребью определенную полосу. Жеребьевка проводилась регулярно, во всяком случае тогда, когда пахотные земли увеличивались. Тем самым колонисты достигали справедливого распределения земли, расположенной на различном удалении от села и обладавшей разным плодородием, но вынуждены были считаться и с чересполосицей: их надел складывался из 10–40 полос.

Более половины лютеранских и католических колонистов были на родине виноградарями, ремесленниками, поденщиками и даже солдатами. Лишь немцы, прожившие около 25 лет в Венгрии и присоединившиеся к проходившим колонистским транспортам, быстро приспособились к новой обстановке. У колонистов было так мало скота, что чаще всего 2–4 хозяина должны были объединять свой рабочий скот при пахоте. Полевые работы шли медленно и из-за недостатка орудий труда. При обмолоте зерновых лошадьми и быками терялось много зерна. Меннониты у Днепра и особенно у р. Молочной быстрее достигли хозяйственного прогресса, чем остальные колонисты, поскольку многие иммигранты из их числа были опытными земледельцами, которые отчасти приезжали с собственными повозками и сельскохозяйственными орудиями. Тем не менее, меннониты далее в 1825 г. занимались земледелием лишь на 6–10% площади своих наделов. Однако они уже тогда могли работать быстрее своих украинских и русских соседей, т.к. запрягали лошадей в свои немецкие плуги и большие повозки и использовали косы. В 1830 г. в Молочанском меннонитском округе было создано Общество для содействия распространению лесонасаждений, садоводства, шелководства и виноградарства, пожизненным председателем которого стал землевладелец И. Корнис. Это объединение, переименованное в 1836 г. в Общество по развитию сельского хозяйства и ремесел, побуждало всех хозяев вводить 4-польную систему с регулярным севооборотом и черными парами. Общество заботилось также об улучшении животноводства, модернизации общинных строений, особенно школ, и помогало реализовать строгие предписания, изданные Контениусом. За исключением периода сразу же после Наполеоновских войн цена пшеницы в 1810-20-х гг. была низкой. Кроме того, южнорусская степь подверглась в 1820-х гг. мощному нашествию саранчи, уничтожившей часть урожая. В 1833 г. Новороссия испытала всеобщий неурожай, за которым вновь последовал плохой урожай. Многих коров и овец пришлось забить, а лоша-

дей отправить на отдаленные пастбища. Хорошие урожаи последующих лет способствовали экономическому подъему колоний от Одессы до Мариуполя, тем более, что русская пшеница нашла к этому времени стабильные рынки сбыта в Западной Европе. Поэтому немецкие крестьяне все больше превращали луга в пашню. Так, в колониях Либентальского округа в 1848 г. использовалось под зерновые 30% земельных наделов, а через 10 лет – уже 38%. Расширение посевов стало возможным также в связи с появлением улучшенных плугов и борон. Урожайность резко колебалась и в 1850-60-е гг. Великолепный урожай 1852 г. в среднем принес, например, в Мариупольском колонистском округе в 19,5 раз больше посеянного. С другой стороны, в 1855 г. саранча уничтожила значительную часть урожая в Новороссии. Жуки и суслики довершили остальное. После Крымской войны цены на пшеницу поднялись и до 1861 г. находились на высоком уровне, но упали в последующие годы. Неурожаи 1862–1864 ослабили экономическую мощь колоний и ввергли в долги многих поселенцев. В 1869 цена пшеницы вновь возросла, несколько лет находилась на неизменном уровне, после чего непрерывно повышалась в 1876–81. В 1880-х гг. немецкие колонисты у р. Молочной использовали для посева уже 2/3 своих наделов и лишь 1/3 – под луга и пастбища.

Шаг за шагом колонисты вводили современные орудия труда: вместо однолемешного плуга они пахали многолемешным буккером, вместо косы пользовались косилками, чаще всего типа лобогрейка, а некоторые незадолго до Первой мировой войны – также сноповязалками. Они больше не обмолачивали зерно при помощи лошадей, а использовали каменные валки и, наконец, молотилки. Лучше других были оснащены техникой молочанские меннониты: в 1914 каждый из 2 694 дворов имел в среднем по 6,3 лошади и по 5 коров (то и другое с учетом молодняка), 2,5 рабочие повозки с покрытием или без, а также 0,6 дрозжек, 0,7 одно- и 1,4-многолемешных плугов, 1,6 сеялки, 0,8 веялки, 0,5 косилки, по 0,4 конных молотилки и молочных сепаратора, 0,3 соломорезки; плюс к этому – в целом 336 рядовых сеялок, 198 посевных валков, 606 сноповязалок, 7 паровых и 257 механических молотилок. Это наличие техники тем более удивительно, что лишь менее половины крестьян еще обладали первоначальным наделом в 65 дес., тогда как остальные имели лишь половинные или четвертные хозяйства.

Четырехпольную систему с парами позаимствовали у молочанских меннонитов их собратья по вере в Хортицком и Мариупольском округах, а также лютеранские и католические колонии по ту сторону р. Молочной и швабские колонии Бердянского уезда. Преимущества регулярного севооборота крестьяне Мариупольского колонистского округа и Херсонской губ. осознали лишь в 1850–60-х гг. Только молочанские колонисты уже в 1860-х

гг. использовали трудосберегающие молотилки, тогда как немецкие крестьяне Херсонской губ. еще довольствовались каменными валками.

Животноводство. Уже в начале 19 в. Контора опекунства распространила среди колонистов овец-мериносов, чтобы стимулировать производство тонкой шерсти. В 1820–30-х гг. колонии, особенно находившиеся вдалеке от морских портов, имели большие отары овец улучшенной породы. Овцеводство развивалось до тех пор, пока австралийская шерсть не вытеснила русскую с английского рынка, затем пастбища стали использоваться для производства более рентабельной пшеницы и выращивания растущего числа тягловых животных и молочных коров. Когда в конце 1860-х гг. многие овцы пали от эпизоотии, колонисты воспользовались случаем, чтобы почти полностью избавиться от своих отар. В 1911 немецкие крестьяне Екатеринославской губ. получали 2/3 своих доходов от животноводства за счет продажи мяса и лишь 1,3% – за счет продажи шерсти. Колонисты Екатеринославской и Таврической губерний держали немецких коров, тогда как немецкие крестьяне Херсонской губ. еще довольствовались местными степными породами и лишь в 1880-х гг. ввели молочанскую красную корову, дававшую больше молока.

Ремесло и промышленность. С 1850-х гг. немецкие ремесленники продавали свои орудия и машины не только соплеменникам, но и представителям др. этнических групп. Русских, татар и болгар особенно интересовали большие солидные повозки с металлическими осями и лучшие плуги, которые немцы, прежде всего меннониты, производили и использовали сами. Во время Крымской войны 1853-56 гг. молочанские меннониты и колонисты продавали свои конные повозки армии, после войны – также помещикам и во все большем количестве – окрестным русским и украинским крестьянам, которые во время войны убедились в солидной конструкции этих фургонов и телег. Вскоре и др. немецкие ремесленники стали извлекать крупные доходы из изготовления повозок и сельскохозяйственных орудий. В Кучурганском округе изготовление повозок оставалось важнейшей отраслью ремесла до Первой мировой войны: одни строили каркасы, другие (кузнецы) их подбивали, а маляры раскрашивали. Богатые кузнецы и изготовители повозок передавали деревянные и кузнечные работы более бедным ремесленникам, так что некоторые во время расцвета этого промысла могли выставить на продажу десятки и даже до сотни готовых повозок.

Колонисты строили заводы, где производили хлопчатобумажные ткани, пиво, уксус и кирпичи. В течение нескольких лет крахмальная фабрика молочанских меннонитов была крупнейшим предприятием такого рода в Российской империи. Однако важнейший вклад в индустриализацию империи причерноморские немцы внесли своими паровыми мельницами, а так-

же фабриками сельскохозяйственных орудий и машин. Во время и после Крымской войны они построили паровые мельницы в колониях, губернских и уездных центрах новороссийских губерний. В Екатеринославе более половины мельниц принадлежали меннонитам.

В 1879 доля Новороссии в совокупном производстве сельскохозяйственных орудий и машин в России составляла 14,5%, а доля Екатеринославской губ. – 10,5%. 3/4 объема производства этой губернии приходилось тогда на небольшую колонию Хортица. Это меннонитское село производило сельскохозяйственных машин на сумму св. 300 тыс. руб., отставая в этом отношении лишь от Варшавы (500 тыс. 1 руб.) и совсем немного – от Москвы. Когда правительство обложило таможенными пошлинами импорт металлических изделий, возросло их отечественное производство. Новороссии принадлежало первенство в этом отношении перед западными и прибалтийскими губерниями, ее удельный вес составлял почти 50% в 1911 г. Мастерская бывшего кузнеца И. И. Гена в Одессе превратилась в крупнейшее предприятие по производству плутов в стране (1,2 тыс. рабочих). Большинство немецких фабрик находилось в колониях или таких близлежащих городах, как Александровск и Екатеринослав, и принадлежало меннонитским или лютеранским предпринимателям.

Краеугольный камень производства сельскохозяйственных машин в Хортицком округе заложил часовщик Петер Лепп. В начале 1850-х гг. он начал производить очистительные машины, в 1860-х гг. к ним добавились молотилки. После смерти Леппа его зять А.А. Вальман возглавил фирму, где в начале 1880-х гг. 170 рабочих производили сеялки и молотилки, очистительные машины и зернокосилки типа «Вуд» на сумму 200 тыс. руб. Косилки тянули 3–4 лошади, причем модель Вальмана не обладала автоматическим сбрасывателем скошенного зерна, имевшимся у ее прототипа. Поскольку лобогрейка была сконструирована просто и легко ремонтировалась, она быстро нашла массу покупателей. Крупносерийное производство позволило фирме «Лепп и Вальман» снизить первоначальную цену в 250–300 руб. до 120 руб. (1898 г.). Фирма принадлежала к ведущим производителям сельскохозяйственных машин в России и, кроме того, производила металлические части для упомянутых, а также др. орудий, из которых самостоятельные ремесленники сами могли производить машины. Фирма создала филиал в Шёнвизе под Александровском, куда в 1884 г. была подведена железная дорога. В последние годы перед Первой мировой войной фирма продолжала расширяться, создала дочернее предприятие в Павлограде и достигла в 1911 г. при 700 рабочих оборота в 1 млн. руб. Из 200 паровых молотилок, изготовлявшихся в России в 1911 г., «Лепп и Вальман» производила 30, а фирма «Братья Классен» в колонии Ольгафельд под Мелитополем – 38.

У «Леппа и Вальмана» училось большинство других фабрикантов Хортицы. А. И. Кооп стал самостоятельным в 1864 г. и производил те же орудия, что и его учитель, а также многолемешные плуга, т.н. буккеры. Его наследник А. А. Кооп в 1911 г. имел на своих четырех фабриках уже 800 рабочих, в т.ч. занятых в литейном производстве, которое снабжало металлом различной твердости и др. фабрики. В Александровске фирма производила зернокосилки с автоматическим сбрасывателем типа Ва-18у фирмы «Маккормик», в колонии Эйнлаге (Кичкас) – уборочные машины и сенокосилки, а также конные грабли, отличавшиеся высоким качеством материала и сборки. В 1910 г. предприятие приобрело вдобавок к своим фабрикам в Хортице, Эйнлаге и Шёнвизе еще 13 фабрик сельскохозяйственных машин в окрестностях Александровска и стало господствовать на местном рынке. Более того, в 1913 г. Кооп вместе с акционерными обществами «И. И. Ген» и «Эльворти Р. и И.», доминировавшими соответственно в Одессе и Елизаветграде, организовал картель – торговое общество «Урожай» (каждый из трех участников получил право выпускать определенную группу продукции), которое имело филиалы в Харькове, Одессе и Ростове. Его можно рассматривать как рычаг к монополизации рынка во всем Причерноморье. Предприятие К. Гильдебрандта в нач. 1880-х гг., имея 20 рабочих, являлось скорее крупной мастерской. Его сыновья постепенно превратили мастерскую в фабрику под фирмой «Гильдебрандта сыновья и Прис» с филиалом в Шёнвизе. В дочерней меннонитской колонии Вальдек (Лесовка) Ю. Лежен в 1895 создал фабрику, первоначально производившую в год лишь 50, а незадолго до войны уже 1000 косилок и 600 буккеров, 300 очистительных машин, а также различные др. сельскохозяйственные орудия. Дочерняя колония Нью-Йорк превратилась в индустриальное село с 2 машиностроительными заводами, 5 паровыми мельницами, 2 крупными заводами по производству кирпича и черепицы, 3 маслобойнями и несколькими магазинами.

В 1880-х гг. хортицкие предприниматели создавали свои филиалы в удачно расположенной колонии Шёнвизе, которая на севере примыкала к Александровску, на западе – к Днепру, на востоке – к крупному пути к Азовскому м., на юге – к перевалочной станции Общества Южных железных дорог (до Севастополя), от которой к мельницам и фабрикам села были проложены 6 путей. Подобно Шёнвизе, Хортица и соседние колонии Эйнлаге и Розенталь (Канцеровка) утратили в ходе индустриализации свой сельский характер. В 1890 в Хортице с ее 44 сельскохозяйственными предприятиями работали 343 иностранца, 519 православных и 147 инаковерующих, т. е. евреев. В этой общине фирмы «Лепп и Вальман», «Кооп» и «Гильдебрандта сыновья и Прис» построили и содержали 2-классную школу для детей своих фабричных рабочих, а также фабричную больницу. В индустриальные центры Мо-

лочанского меннонитского у. превратились колонии Гальбштадт и НейГальбштадт. В Гальбштадте в 1890 г. размещались моторостроительная фабрика «Шрэйф» и фабрика повозок «Вине и К°», в Ней-Гальбштадте – литейное предприятие К. Веделя. Торговым и культурным центром Молочанского колониетского округа был Пришиб. В 1915 здесь имелись цементная фабрика, 2 кирпичных завода, пивоварня и типография. Большинство из его 810 жителей (1912) занимались торговлей и ремеслом, отдавая свои хозяйства в аренду русским и украинцам. Машиностроение этого округа развивалось в колонии Гоффенталь. В целом немецкое участие в производстве сельскохозяйственных машин в Причерноморье составляло в 1911 г. почти 50%, а участие меннонитов около 26%, что было незаурядным явлением, т.к. немцы составляли в этом регионе лишь 3,5% населения.

Религиозная жизнь. После завершения процесса переселения лютеране (вместе с реформатами) составляли 41% немцев Новороссии, католики – 30%, меннониты – 29%. Это соотношение изменилось в результате эмиграции меннонитов в 1870-х гг.

Администрация колоний обязывала священников, как и шульцев, склонять колонистов к набожности, к посещению церкви по воскресеньям и праздникам, к молитвам и к принятию причастия. Вследствие своей малочисленности пасторы могли посещать немецкие села лишь по нескольку раз в год и были вынуждены доверять проведение воскресных богослужений кюстерам. Тем не менее, лютеранские и реформатские пасторы обладали большим влиянием и вместе с зажиточными хозяевами направляли всю жизнь общины. Лютеранская, реформатская, а также католическая церковь России являлись многоэтничными институтами. Однако официальным языком лютеранской церкви был немецкий, т.к. ее пасторы готовились на теологическом факультете Дерптского университета. По церковному закону в 1832 г. были созданы евангелическо-лютеранские консисториальные округа в Москве и С.-Петербурге. С.-Петербургской консистории вскоре было придано Реформатское заседание для опеки немногочисленных реформатских общин. Этой консистории подчинялись 1-е пробство (включая общины Бессарабской губ. и большинство общин Херсонской губ.) и 2-е пробство (общины Екатеринославской и Таврической губерний, а также Старо-Шведской и Кронауской волостей). Во многих протестантских общинах образовались pietistic сообщества, собиравшиеся на штунды. В 1-й пол. 19 в. Базельская миссионерская служба направила в Причерноморские колонии ряд пасторов, которым удалось удержать штунды в рамках церкви. Строго ортодоксальные пасторы с трудом справлялись со своими общинами, зачастую pietistic настроенными, и едва сдерживали рост влияния сектантов, придерживавшихся хилиастских представлений об Иходе, и проповедников

новых сект, например, баптистов. Часть тогдашних сепаратистов отвергала подчинение евангелическо-лютеранской консистории.

В католических колониях первоначально служили иезуиты, а после их высылки из страны в 1820 г. – в основном польские священники, направляемые Могилёвской архиепархией, которая позднее также была переведена в С.-Петербург. Недостаточное знание немецкого языка ограничивало влияние польских священнослужителей в общине. Лишь в 1856 г. в Саратове открылась семинария, готовившая для колоний католических немецких священников.

Меннониты были организованы в общины более консервативного (фламандского) и более светского (фризского) направлений. Однако оба направления отвергали присягу и воинскую службу. В конфессионально однородных Причерноморских колониях они не могли строго придерживаться традиции избегать всего мирского и отвергать занятия мирских должностей. Меннонитов стали избирать шульцами. Правительство наделяло должностных лиц правом принуждения и наказания своих единоверцев, а опекунские ведомства поддерживали тех, кто выступал за новшества в сферах сельского хозяйства и школьного образования и против оппозиции нововведениям со стороны более ортодоксальных меннонитов. Последние отделились от церковных меннонитов в виде Малой общины (1812 г.) и Крымской менонитской братской общины (1861 г.). Обе группы в 1870-х гг. эмигрировали в Америку в связи с противоборством вокруг альтернативной военной службы. Под влиянием вновь эмигрировавших меннонитов, проникшихся в Пруссии пиетистским духом пробуждения, а также баптистских миссионеров в 1859 г. группа меннонитов выступила с протестом против традиционного верования своих единоверцев и социального господства зажиточных крестьян, образовав Менонитскую братскую общину. Из-за напряженных отношений с традиционными общинами часть братских меннонитов в 1864 г. переселилась в Кубанскую обл., а в 1871 г. – в Евпаторийский у. После революции 1905 г. церковные и братские меннониты вновь сблизились.

Школы. В протестантских общинах шульмейстеры одновременно исполняли обязанности кюстеров. В отсутствие пастора они читали книги проповедей и замещали пастора на похоронах и при крещениях. Пока Контора опекунства выплачивала им жалованье, кюстеры-учителя подчинялись пастору соответствующего прихода. Затем общинам было предоставлено самим определять, какое жалованье платить шульмейстерам, и сколько выделять им продуктов питания. Учителя должны были получать также жилье с отоплением в школьном здании. Поскольку крестьяне зачастую предпочитали плохих, но дешевых шульмейстеров хорошим и дорогим, право выбора было вновь изъято у общин и передано соответствующему священнику. Еще

в 1830 г. ведущий чиновник колониального ведомства расценил 108 из 116 учителей Екатеринославского водворения как совершенно непригодных: они с трудом умели читать и едва могли написать свою фамилию. Учеба в сельской школе в первую очередь готовила юношество у лютеран к конфирмации, у католиков – к фирмации (обряду более низкого ранга, чем конфирмация; поэтому дети католиков посещали школу на 2 года меньше, чем дети протестантов). Классы с 200-350 учащимися не позволяли учителям уделять внимание отдельным ученикам, и учителя поручали обучать одноклассников буквам наиболее подготовленным ученикам. Затем детей сажали за букварь, Библию и таблицу умножения. Покидая школу, большинство юношей не умели писать и считать. Лишь в меннонитских колониях, где в классах насчитывалось в среднем по 46 учеников (1837 г.), дела обстояли лучше. Учебный год продолжался с 1 октября до 31 марта, но многие родители посылали детей в школу очень нерегулярно.

В 1822 г. образовательное общество, созданное по инициативе И. Корниса, построило в Орлове Христианскую общинную школу. Она сгорела в 1847 и вновь открылась лишь в 1860, став т. н. центральным училищем. Первые центральные училища появились в Гальбштадте (1836) и Хортице (1841), центрах двух меннонитских округов. За ними последовали лютеранские центральные училища в Сарате и Пришибе (1846). 2-классные, но 4-годичные центральные училища должны были готовить детей колонистов к занятию должностей шульмейстеров и общинных писарей и распространять знания русского языка. По решению конференции представителей причерноморских немцев в 1866 г. появились новые центральные училища в Гросслибентале (1869), Ней-Фрейдентале (Маринове) (1869, с 1897 в Ландау), Грунау (1873), Гнаденфельде (Богдановке) (1873) и Нейзаце (1874). В некоторых округах, например католики в Кучурганском округе, лютеране и сепаратисты в швабских колониях под Бердянском, не хотели нести затраты по содержанию центральных училищ и предпочли финансируемые государством земские школы. Интерес колонистов к обучению своих детей в признанных государством школах повышенного типа возрос после введения всеобщей воинской повинности, поскольку срок службы для выпускников таких учебных заведений сокращался. Центральные училища были русифицированы в 1880-х гг., церковные школы – в начале 1890-х гг. На родном языке должны были преподаваться лишь немецкий язык и религия. После революции 1905 г. жесткая русификация немецких школ была смягчена. Открылись многочисленные новые центральные училища, в частности, в Александеркроне, Гнаденгейме, Карасане, Линденау, Спате и Цюрихтале, а также 8-классная реальная (позднее коммерческая) школа в Гальбштадте и земледельческая школа в Эйгенфельде. В 1900 в Карлсруэ возникла частная

прогимназия, преобразованная в 1914 в гимназию.

Благотворительные заведения. Лютеранская церковь создала центральные лютеранские благотворительные заведения в Одессе – дом для бедных (1831–65), вдовий и сиротский дом для девочек (с 1868) и мальчиков (с 1880), а также евангелический госпиталь (с 1892). В Гросслибентале был построен лютеранский дом Бетания для престарелых, слабоумных и инвалидов, в 1891 – сиротский дом, в 1897 – больница. В Вормсе и Пришибе лютеране располагали заведениями для глухонемых. Вслед за лютеранами стала создавать благотворительные заведения и католическая церковь – сиротские дома в колониях Карлсруэ (1892) и Зельц (1909). Меннониты открыли заведения для глухонемых в Блюменорте (1885) и в Тиге (1890). Приюты в Рюккенау (1895) и на территории бывшей окружной овчарни (1904) принимали стариков, в Гроссвейде (с 1906) – сирот. Частные больницы в Мунтау (1889), Вальдгейме (1906) и Орлове (1910), а также диаконическое училище в Ней-Гальбштадте (1909) обязаны своим возникновением пожертвованиям зажиточных меннонитов. В Эйнлаге было построено заведение для лечения нервных больных.

Журналы и газеты. Колонисты читали преимущественно церковные листки и календари. В Одессе выходило воскресное издание «Христианский народный вестник для евангелическо-лютеранских общин юга России» (1868–1914), а также «Новый домашний и сельскохозяйственный календарь для немецких поселенцев юга России» (1881–1915). Католическая печать была представлена еженедельником Могилевской архиепархии «Клеменс» (1897–1914), ежедневной газетой «Дойче Рундшау» («Немецкое обозрение») (1908–1918), календарем «Друг дома» (1892–1906), затем «Немецким народным календарем для города и села» (1908–1911) и отрывным календарем «Дагейм» («Дома»). В Гальбштадте меннониты издавали «Христианский семейный календарь» (1897–1918), «Христианский отрывной календарь» (1899–1914). Еженедельник «Голос мира» также издавался в Гальбштадте, в Бердянске дважды в неделю выходил «Дер Ботшафтер» («Посланник») (1905–1914), а также «Меннонитский ежегодник» (1905–1914).

Неконфессиональный «Занимательный листок для поселенцев юга России» с 1840 издавал гросслибентальский колонист И. Г. Зондереггер, и Попечительный комитет предписывал шульцам выписывать это издание. На смену «Занимательному листку» в 1863 пришла «Одессаер Цайтунг», которая пыталась найти отклик как у немцев Одессы, так и в колониях. Сельскохозяйственная школа в Эйгенфельде начала в 1912 издавать еженедельник «Дер Ландвирт» («Сельский хозяин»). Неконфессиональным был также «Молочанский народный календарь для немецких поселенцев юга России» (1861–1914).

Традиции и обычаи, диалекты. Колонисты заимствовали традиции и обычаи из прежних мест своего проживания. Сельские свадьбы отмечались с размахом, иногда в течение нескольких дней, особенно католиками и лютеранами. Наряду с песнями, привезенными иммигрантами со своей родины, получили распространение и песни из новых песенников для П. н.; наконец, возникли колонистские песни, темами которых были события местного или всеобщего значения. Поскольку немцы прибыли в Новороссию почти из всех немецкоязычных областей Центральной Европы, там были представлены и почти все немецкие диалекты. В результате смешения диалектов число их сократилось, но было все еще велико. Важнейшими диалектами стали в конечном счете меннонитский платдойч, швабский и южно-франконский как переходная форма между рейнско-франконско-гессенским и швабским.

Отношение колонистов к другим этническим группам и к государству. «Большинство немецких колонистов ничего не знает о Германии и не хочет больше знать об этом», считал немецкий путешественник В. Гамм в 1862 г. Их представления и мечты о будущем, по его мнению, стали русскими, хотя они придерживались своих строений, орудий, обычаев, имен и диалектов. Они переняли русский овчинный тулуп, русские блюда и напитки.

Колонисты хотели управлять собой сами и предпочитали, чтобы государственная администрация не вмешивалась в их дела. Поэтому они избегали конфликтов с государственными учреждениями, исполняли свои обязанности пунктуально и с поразительной быстротой, как сообщали ревизоры в С.-Петербург в 1890. У финансового ведомства не было хлопот с собиранием налогов и податей. Полиции редко находилось дело в их общинах, поскольку здесь почти не случались преступления. Колонист растворялся в маленьком мире своего села, жизнь за пределами общины была ему чужда. Церковь, школа и община - единственное содержание их духовной и социальной жизни. Более или менее добровольно колонисты свидетельствовали о своей верноподданности. Крымская война 1853–1856 проходила вблизи немецких колоний. С марта по май 1855 г. только в одном из их округов было размещено более 22 тыс. солдат, которые принесли с собой тиф. Колонисты выделяли для ведения войны деньги, продовольствие и корма и, кроме того, снабжали расквартированные вблизи войска. Они выполнили свою обязанность, транспортируя из Крыма на определенном числе повозок войска и больных, устроили лазареты в своих селах и ухаживали за ранеными. Отмена их привилегий в 1871 повлекла за собой введение воинской обязанности и для колонистов. Немецких колонистов, прежде всего меннонитов, особенно обеспокоила объявленная всеобщая воинская повинность. Они отвергли предложение правительства о прохождении воинской службы в качестве са-

нитаров в случае военной организации этой службы. В это же время Канада и США занимались поиском поселенцев для вновь обретенных провинций на Западе. Когда часть меннонитов продала свое имущество и приготовилась эмигрировать в Северную Америку, вмешалось правительство, предложившее их представителям 4-летнюю альтернативную службу в лесных командах под надзором избираемых начальников. Тем не менее, в последующие годы примерно 15 тыс. меннонитов эмигрировали в США и Канаду. В это же время покидали Российскую империю и П. н. из лютеран. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. колонисты впервые служили в армии и даже удостоивались орденов. Меннониты поставляли армии лошадей по низким государственным закупочным ценам, жертвовали зерно солдатским семьям, деньги – солдатским вдовам, брали на себя заботу о раненых.

Реформы имп. Александра II вынудили колонистов выйти за пределы своих сел. Модернизация, сопровождаемая ростом товарообмена, развитием транспортной сети, урбанизацией и социальной дифференциацией, усилила и их контакты с внешним миром. Когда процесс интеграции был в полном разгаре, националистическая печать внезапно увидела в немецких крестьянах мнимый форпост мощного Германского рейха и потенциальных изменников родины. Виной было, во-первых, ухудшение отношений России с Германской империей. Во-вторых, не оправдалась обманчивая надежда, что отмена привилегий и особого управления для колонистов в 1871 г. приведет к их постепенной русификации. В-третьих, пиетисты из лютеран и меннонитов обращали в свою веру и православных. В-четвертых, казалось, что землевладение немецких поселенцев Новороссии растет неудержимо за счет покупки земли общинами, поселенческими товариществами и отдельными колонистами. Недоверие вызвал в особенности быстрый рост немецких поселений на Вольни.

В конце 1880-х гг. русские националисты занялись «немецкой угрозой». А.А. Платов (псевд. А.А. Велицын), автор наиболее известного подобного памфлета, охарактеризовал немецких колонистов Юга России как «послушное и активное орудие» германизма. Без оружия и кровопролития они завоевывают Россию, заявлял он, подавляют ее экономически и духовно и присваивают себе ее лучшие земли. «Нам не нужны ни они, ни их сеялки или молотилки, пусть уходят, откуда пришли», – писал он. Но в любом случае им необходимо было запретить дальнейшее приобретение земли. Как, однако, показал Д. Нейтатц, германское правительство и даже пангерманисты видели форпост Германской империи не во всех российских, а лишь в прибалтийских немцах и были заинтересованы скорее в возвращении российских немцев в Германский рейх или в их переселении в Прибалтику. Русское правительство в 1890 г. направляло в новороссийские губернии чиновников, ко-

торые не обнаружили никаких признаков политической неблагонадежности немецких поселенцев. Колонисты не симпатизировали зарубежным немцам и не поддерживали с ними отношений. Из рейха они выписывали религиозные, а не политические журналы. Нападки печати за последнее время их очень огорчили и оскорбили. Они выступали против обвинений и заявляли, что любят Россию и верят, что им нигде не будет так хорошо, как в России. Повод вновь продемонстрировать свою верность царю и отечеству предоставила война с Японией, забросившая в Маньчжурию и немецких колонистов. Меннониты опять собирали пожертвования для раненых и больных воинов, направляли добровольцев санитарями на фронт.

После создания земств в 1860-х гг. колонисты стали участвовать и в политической жизни империи. Поскольку многие П. н. были частными собственниками земли и потому имели право избирать в две первые курии, а колонисты участвовали в выборах активнее остальных крестьян, они направили в уездные земства непропорционально много депутатов. Немцы были делегированы также в губернские земства и земские правления. На первых выборах в Государственную думу, общероссийский парламент, П. н., как и немцы С.-Петербурга и Москвы, поддержали партию «Союз 17 октября». При поддержке этой партии немецким депутатам удалось в 1910 и 1912 отразить попытки правительства ограничить экономическую деятельность бывших колонистов.

Литература: Brandes D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurupland und Bessarabien, 1751-1914. Munchen; Wien, 1993; Neutatz D. Die deutsche Frage im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856-1914). Stuttgart, 1993; Ders.: Ländliche Unternehmer im Schwarzmeergebiet. Die sudukrainische Landmaschinenindustrie vor dem Ersten Weltkrieg // ...Das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat?. Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und 20. Jahrhundert. Essen, 1998. S. 541-574.

Д. Брандес (Дюссельдорф).

ФОЛЬКСДОЙЧЕ

(Материал из Википедии – свободной энциклопедии)

Материал из Википедии – свободной энциклопедии

Фольксдойче (нем. *Volksdeutsche*) – обозначение «этнических германцев», которые жили в диаспоре, то есть за пределами Германии. В отличие от «рейхсдойче» (нем. *Reichsdeutsche*, «германцев рейха»), принадлежность к «фольксдойче» («германскость») устанавливалась по отдельным признакам – по «семейной истории» (были ли родители дойче), по немецкому языку как родному, по имени, по церковным записям и т. п..

После поражения в Первой мировой войне значительная часть территории Германии была забрана у неё странами-победительницами в качестве контрибуций и репараций вместе с гражданами. Тогда понятие «фольксдойче» стало политическим, а этот его подтекст оставался в активном употреблении до 1940–1960-х годов XX века. В период существования Третьего рейха (1933–1945) фольксдойче имели особый правовой статус как в пределах самого рейха, так и в генерал-губернаторстве, протекторатах и рейхскомиссариатах, а также в союзных странах.

В данной статье также раскрывается и обобщается значение термина фольксдойче как этнической группы немцев, живущих вне границ национального государства.

Согласно трактовке Дорис Берген [2][3], авторство этого термина приписывается Адольфу Гитлеру, который, предположительно, впервые самостоятельно ввел в употребление термин фольксдойче в меморандуме Имперской Рейхсканцелярии от 1938 года. В этом документе термином фольксдойче определяются «люди, чей язык и культура имеют германские корни, однако не имеющие германского гражданства». Так или иначе, для Гитлера и других немцев того времени этот термин нёс в себе некоторые смысловые оттенки – чистота крови, расовое определение – то, что не входит в современный русскоязычный термин «этнические немцы» и является сугубо идеологическими оттенками данного термина. В соответствии с немецкими постановлениями 1930-х гг., около 30 миллионов фольксдойче жили вне границ рейха, существенная часть их – в Восточной Европе – Польше, Украине, странах Балтии, республиках СССР и Румынии.

Нацистские фундаментальные идеи экспансии на Восток отводили фольксдойче особую роль в немецких планах завоевания стран Восточной Европы, что и было достаточно четко обозначено в генеральном плане «Ост»[2].

Нацистские власти постоянно выступали с официальными призывами к сотрудничеству или репатриации в Германский рейх лиц-фольксдойче, глав-

ным аргументом при этом выступала идея «кровного единства» с немцами, живущими в Германии. Так, в 1931 году ещё не пришедшие к власти нацисты открывают Auslandsorganisation der NSDAP (сокр. NSDAP/AO – Заграничная организация Нацистской Партии), чьей основной и единственной реальной целью являлось распространение нацистской пропаганды среди германских национальных меньшинств других стран мира (фольксдойче)[4].

Фольксдойче миттельштелле

Одну из главнейших ролей в реализации идеологии нацистской расовой доктрины в общем и идеологии целостности германской расы в частности играла организация «Фольксдойче миттельштелле» (нем. Volksdeutsche Mittelstelle; сокр. VoMi), имевшая статус одного из пяти главных управлений СС и проводившая разнообразную работу среди этнических немцев, проживающих за рубежом.

В монографии Люманса Вальдисо (Lumans Valdiso) говорится, что:

«Одной из главных целей Гиммлера был централизованный контроль над мириадами групп и индивидуумов, пропагандирующих внутри и вне рейха идеи фольксдойче. Гиммлер не начинал этот процесс, однако, обнаружив данные идеи витающими в воздухе, развил их и направил в нужное ему русло. Его основным инструментом в попытках завоевания такой цели было управление вне структуры СС – нацистский партийный орган „Фольксдойче миттельштелле“ (VoMi), что можно перевести как „Управление связей с этническими немцами“.» [5]

Главное управление (нем. Hauptamt) было создано 1 февраля 1937 года. После начала Второй мировой войны это управление осуществляло программу переселения на оккупированные восточные территории немецкого населения, которой руководил назначенный 7 октября 1939 рейхскомиссаром по расселению германской расы Генрих Гиммлер [6]. Создание «Фольксдойче миттельштелле» означало передачу в руки СС важнейшего инструмента воздействия на внешнюю политику Третьего рейха.

Управление возглавлялось обергруппенфюрером СС Вернером Лоренцем (нем. Werner, Lorenz). Сфера деятельности этой организации распространялась, в основном, на соседние с Германией страны Восточной и Западной Европы, где она вела разведывательную и идеологическую подрывную работу, фактически, занимаясь формированием «пятых колонн».

Секция печати этого управления готовила ежедневные обзоры материалов, публикуемых в более чем 300 газетах и журналах, выходящих за рубежом, а также занималась внедрением в зарубежные СМИ и формированием (посредством написания «заказных статей») необходимого организации об-

ственного мнения через антикоммунистические газеты Австрии, Франции, Бельгии и других стран, положительно отзывавшихся о нацизме [2].

Предыстория

Немецкое население существовало в Российской империи практически с момента её создания, в прибалтийских губерниях – ещё до их присоединения к России (остзейские немцы [7], до второй половины XIX века составлявшие местную элиту). Достаточно часто в российской истории повторялась ситуация с официальным и неофициальным приглашением немецких ученых, политиков и военных на высокие посты в тех или иных областях [8].

Фаворит Анны и узурпатор Российского престола Эрнст Иоганн фон Бирон

Ярким примером может послужить фаворитство и фактическое управление страной Эрнстом Иоганном Бироном в период царствования императрицы Анны Иоанновны и краткий период узурпирования фактической власти после её кончины (в бытие регентом при Иване VI).

В тот период была разработана полунаучная теория привнесения германскими вождями (в частности, Рюриком) самой идеи государственного правления в хаотический в политическом смысле мир славянских народов. Впрочем, и опровергнуть эту теорию оказалось крайне легко – Рюрика пригласили на замещение вакантного места князя – значит, титул князя существовал до пришествия Рюрика на Русь. Также примером могут послужить личности государственного деятеля, министра внутренних дел фон Плеве, и влиятельнейшего финансиста России XIX века Николая Бунге.

Пётр I начал свое взросление в так называемой немецкой слободе. Огромное количество публикаций и исторических свидетельств служат подтверждением факта существенного присутствия этнических немцев в государственном аппарате Российской империи в XVIII–XX веках, в том числе, например, и в период царствования Екатерины II. Вследствие этого можно сделать вывод о практически постоянном присутствии немцев в истории России. В известной пропорции немецкие корни были и у императорской семьи Романовых, так как постоянные династические браки заключались, в основном, с представителями высшего германского дворянства [9][10].

Кроме того, большое количество российских учёных, военных деятелей, представителей искусства принадлежало к немецкой национальности. Эти подданные России внесли большой, а зачастую, неопределимо большой вклад в развитие человечества. Среди таковых можно назвать Д. И. Фонвизина (фон Визин), И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллинсгаузена, Иоганна Корфа, Карла Иессена, барона Фердинанда Врангеля, Б. А. фон Глазенапа, Отто Коцебу.

Из более поздних деятелей необходимо отметить Б. В. Раушенбаха – одного из основателей советской космонавтики.

Положение фольксдойче во время Первой мировой войны

Война с Германией и Австро-Венгрией развязала антинемецкие настроения и пропаганду борьбы с «внутренним врагом» в российском обществе. В связи с этим фактом самое пристальное внимание обращали на себя подданные империи – немцы по национальности, в связи с чем появилось множество предвзятых публикаций о них. В начальный период войны отношение к данной группе было благожелательным, всячески подчеркивалось их отличие от германского населения. Отмечался большой финансовый вклад в создание и развитие сети лазаретов и больниц, благотворительная работа немцев среди населения [11]. Однако же впоследствии, к 1915 году, по мере ухудшения ситуации на фронте, отношение государства и населения к немецким гражданам империи стало меняться в худшую сторону. Неоднократно в определенных газетах начали публиковаться статьи провокационного характера, которые, несмотря на опровержения, данные властями после проверки фактов, сумели изменить атмосферу в обществе.

Однако же, необходимо отметить реакцию на политику в отношении российских немцев в периодической печати левого направления. Так, например, саратовское издание «Наша газета» опубликовала речь депутата Государственной Думы Н. Чхеидзе на заседании 19 июля 1915 года, в которой достаточно активно осуждается начатая в обществе и СМИ антинемецкая кампания. В частности, приведены следующие слова депутата: « Ч т о касается, опять-таки во имя единения, травли граждан немецких русско-подданных, конечно, не тех, которые довольно высоко сидят, их никто не трогает, но обыкновенных, так вы знаете, во что эта травля вылилась чуть ли не в погром в первопрестольной столице России [12] и это благодаря не только попустительству, но и по инициативе властей» [13].

Впоследствии отношение населения к этническим немцам стабилизировалось во многом из-за радикальной смены идеологии на «пролетарский интернационализм» и своеобразное «спускание пара» в обществе в процессе революций и гражданской войны.

Во время нацистского правления

Во время нацизма, термином «фольксдойче» обозначали немцев, родившихся за рубежом Германии, проживающих в странах, оккупированных Германией и подавших прошение на гражданство Третьего рейха. До Второй

мировой войны около 10 миллионов фольксдойче проживали в Центральной и Восточной Европе. Также большое количество немцев жило на юге СССР.

Deutsche Volksliste

После начала оккупации стран восточной Европы войсками Германии в сентябре 1939 года, немецкая сторона, а именно – организация «фольксдойче миттельштелле», организовала центральное регистрационное бюро, названное «Список германских граждан» (нем. Deutsche Volksliste, сокр. DVL), где они регистрировали немцев с гражданством оккупированных стран как фольксдойче. Местное неарийское население было крайне заинтересовано в попадании в этот список, так как тем, кто числился в данном списке, были положены определенные льготы, включая лучшее питание и особый правовой статус.

Deutsche Volksliste подразделял фольксдойче на 4 категории:

Категория I: Личность германского происхождения, предложившая свои услуги рейху до 1939 г.

Категория II: Личность германского происхождения, оставшаяся пассивной.

Категория III: Личность германского происхождения, этнически частично смешавшаяся с местным населением, напр., посредством брака с местным партнером, или посредством рабочих связей (на территории Польши это особенно касалось силезцев и кашубов).

Категория IV: Личность с германскими предками, чьи предки были культурно едины с местным населением, но поддерживающая «германизацию».

Каждому натурализовавшемуся немцу властями рейха выдавался специальный документ – фолькслист (нем. Volksliste), игравший роль паспорта и удостоверения «чистоты расы», что было необходимо на случай возникновения подозрений у бдительных граждан рейха или местных органов госаппарата.

Роль фольксдойче в формировании частей СС и вермахта

Фольксдойче играли заметную роль при формировании так называемых «туземных» дивизий СС (дивизий, в которых могли служить лица, не являющиеся членами СС) – во многих из них батальоны были в основном или полностью укомплектованы именно солдатами-фольксдойче. Однако, руководство дивизий отмечало достаточную ненадежность этих частей, которая

стала проявляться все больше и больше по ходу войны, ближе к разгрому фашистской Германии. При всей степени вовлечения фольксдойче в формирование частей вермахта и СС, они практически не становились членами партийно-политической организации СС, хотя достаточно часто проходили службу в её войсках [14].

Перед и во время начала Второй мировой войны некоторые фольксдойче в Чехословакии, Польше и Югославии активно поддерживали нацистов, передавая им важные сведения, занимаясь саботажем и другими недружественными акциями по отношению к странам своего рождения и проживания.

В Югославии была сформирована 7-я добровольческая горная дивизия СС «Принц Ойген», практически полностью состоящая из фольксдойче, которая активно использовалась в карательных акциях против партизан и мирного населения. Около 300 тысяч фольксдойче [источник не указан 1395 дней] с оккупированных территорий и из стран Оси поступили на военную службу в части войск СС. Так, только из Венгрии (с Трансильванией, Воеводиной и Закарпатьем) было призвано на службу около 100 тысяч солдат-фольксдойче [источник не указан 1395 дней].

По сообщениям некоторых исследователей [15], в 1943 г. в районе Днепропетровска был создан кавалерийский полк СС, состоящий из фольксдойче. Скорее всего, по мнению историков [14], полк влился в ряды 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гайер». Дивизия служила на Восточном фронте, а потому наиболее подходит для вышеупомянутого полка.

В сентябре 1939 года в Польше были созданы так называемые отряды самообороны (нем. Selbstschutz), состоявшие из этнических немцев. В начале 1940 года, после некоторой стабилизации ситуации в данном регионе, отряды вспомогательной полиции были расформированы, а их солдаты были распределены по частям войск СС, в частности 4-й дивизии СС (полицейской).

Штурм линии “Вотан” (26 сентября – 5 ноября 1943)

Анкудинов Евгений Петрович

Линия Пантера – Вотан (нем. Panther–Wotan) или Восточный вал (нем. Ostwall) – стратегический оборонительный рубеж немецких войск, оборонительная линия, частично возведённая Вермахтом (немецкими войсками) осенью 1943 года на Восточном фронте во время Второй мировой войны.

Восточный вал был разделён на два рубежа – «Пантера» и «Вотан» – и проходил по линии: река Нарва – Псков – Витебск – Орша – река Сож – среднее течение реки Днепр (основа «Восточного вала») – река Молочная.

Отрывки из хроник (Хр 086 – 110)

Пишу только о том, в чем сам участвовал или видел, или слышал (из первых уст, разумеется).

При размещении на сайте сохраняю формат написания хроник, которого придерживался при электронном общении с их получателями.

Родился 4 ноября 1923 г. в г. Спасск-Дальний Приморского края.

В июле 1941 года призван в армию и направлен в военно-авиационную школу стрелков-бомбардиров. С августа 1942 года учился в Новосибирском пехотном училище. В ноябре того же года курсантом попал в 70-й гвардейский стрелковый полк 24-й гвардейской стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии. С декабря 1942 по март 1943 года рядовым, затем – гвардии сержантом, командиром отделения автоматчиков принял участие в боях под Сталинградом; освобождал Донбасс, Крым, Севастополь.

В мае 1944 года демобилизован и направлен на работу в Наркомат связи Украинской ССР, однако в июне вновь попросился в действующую армию. До окончания войны служил стрелком-радистом в 328-м бомбардировочном полку авиации дальнего действия. После увольнения из армии с 1947 по 1955 год работал бортрадистом в Ужгороде, затем до 1959 года – старшим геофизиком во Львове. В 1959–70 годах трудился в Новосибирском геофизическом тресте. В 1964 году окончил Ивано-Франковский институт нефти и газа; с 1970 по 1991 год работал начальником партии в Красноярском геологическом управлении. Продолжает активно работать, занимается изобретательской деятельностью, имеет 13 авторских свидетельств.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Севастополя», «За победу над Германией» и другими.

Живет в Красноярске.

Хр-086

01.07.2002

Полковое НП располагалось на маленькой высотке, похожей на степной могильный курган. Рядом протекала речушка. За ней село. В селе – тылы полка. Утром Маховский остался со станцией, а мы с Петей Проценко и один из полковых телефонистов (он как «старожил» лучше ориентировался на данной местности и имел автомат) пошли на «промысел». Надо было накопать картошки и, если удастся, подстрелить одичавшую курицу (хотя

бы одну). Село было безлюдным. Жившие в нем немцы-колонисты ушли вместе с немецкими войсками. Осталась всякая живность и урожай на огородах. Петухи, опекавшие свои куриные гаремы, бдительно несли свою службу. При появлении человека подавали такой же тревожный сигнал, как и при появлении коршуна. Куры мгновенно прятались в высокой траве и кустарнике, так что подстрелить их было нелегко. Нам повезло. Накопали картошки, телефонист подстрелил аж три курицы, набрали помидоров. Принесли все это к своим окопчикам. Сидим, чистим картошку, потрошим кур.

Тут со стороны немцев появляется тройка двухмоторных бомбардировщиков. На НП и на окраине села истошные крики: «Воздух!». Мы трое пытаемся остановить кричащих. Кричим, что это наши самолеты, «пешки» (Пе-2). Это действительно были они. Самолеты идут со снижением. Мы не прячемся в окопы. Многие, кто был недалеко от нас, тоже не прячутся. Самолеты, пройдя над нами, начали бомбить тыловые подразделения полка, расположенные в деревне. Там тоже, убедившись, что самолеты наши, не стали прятаться. Самолеты сделали два захода. Большая часть бомб пришла по селу, часть бомб была сброшена на НП. Зенитчики тоже были введены в заблуждение и открыли жиденький огонь уже вдогонку удалявшимся самолетам. На самолетах не было никаких опознавательных знаков, и только консоли крыльев были окрашены в желтый цвет. Но это мы увидели слишком поздно, когда они уже заходили на бомбометание. Мы не пострадали, успели спрятаться в своих окопчиках. А вот котелки наши с картошкой и курами были повреждены осколками бомб, а их содержимое вываляно в земле. Пришлось позже делать повторный рейс в деревню. В деревне был полный разгром. Повсюду трупы людей и лошадей. Разбитые повозки и кухни. Масса раненых.

Хр-087

02.07.2002

Всю ночь подразделения полка вели бои с немцами – прорывали их оборону. Мы с радиостанцией сидели в своем окопчике. По очереди дремали. Кто-нибудь из нас бодрствовал: вдруг командиру полка потребуется радиосвязь? Лупила по немцам наша артиллерия и полковые минометы. Немцы, может, и стреляли по нашему переднему краю, но мы не ощущали этого. Дремали по очереди и только ждали, когда позовут. Телефонная связь с батальонами и ротами полка может и нарушалась, но нас это не касалось. В этих подразделениях радиостанций не было. Приходилось телефонистам, как правило, под огнем противника, бегать и лазить по своим «ниткам»

(проложенным по земле телефонным проводам), искать обрывы и их устранять. При сильных обстрелах линии повреждались чаще; чаще и бегать на линию приходилось. При этом и гибли телефонисты очень часто. Очень опасная служба была у них, особенно на участках связи между передним краем и НП полка. Повреждения в подавляющем количестве происходят при арт-минометном огне. Все во время обстрелов стараются не высываться из своих укрытий, но только не телефонисты.

Мы могли понадобиться командиру полка только тогда, когда будет нарушена телефонная связь между ним и НП командира дивизии, а это происходило очень редко. Поскольку мы были приданы и не состояли в штате полка, нас ни на какие дела, не связанные непосредственно с выполнением наших прямых обязанностей, не отвлекали. Часто, бывало, полк вел какие-нибудь серьезные операции, а мы ничего не знали, если только командир не пользовался радиосвязью. Честно говоря, нас и не очень-то интересовали происходящие события, если они напрямую не задевали нас. Вот и в данном случае, судя по поведению начальства на НП и интенсивной пальбе с обеих сторон, полк пытался прорвать оборону немцев. И это ему удалось. Видно это по тому, что саперы отправлялись вперед, сооружать новый НП. Нас тоже, вслед за саперами отправляли к будущему НП. Чтобы к приходу туда командира со свитой мы были готовы работать с дивизией.

Новый НП оборудовался почти у самой железнодорожной насыпи. Саперы сноровисто принялись за работу. Под НП чаще выбиралась уже готовая ямка. Реже яму приходилось отрывать с начала и до конца. Размеры блиндажа, на сколько мне помнится, не превышали 3х3 метра и до 2 м глубиной. На нее укладывались бревна. Три наката, больше я не видал. Поверх бревен насыпался слой земли. За все время моего пребывания в полку, саперы построили не более 4–5 блиндажей. Часто НП располагались в немецких блиндажах или в их землянках, в домах в населенных пунктах и очень редко, при кратковременных остановках – в обычных окопах.

Тут мы пробыли недолго. Запомнились только перемещения вдоль железной дороги, ее пересечения. Маневрируя, вышли, наконец, к окраине г. Молочанска. Впереди пологий спуск, переходящий в ровный и то ли увлажненный, то ли заболоченный луг. Дальше, метрах в 500–600, угадывается речушка (по кустикам ивняка). За речкой еще небольшая равнина, переходящая в довольно крутой и высокий берег. Наверху – немцы. Мы уже знали, что впереди нас речка носит название Молочная. За ней на высоком правом берегу – сильно укрепленная оборона немцев, предназначенная для прикрытия подходов к Днепру.

НП расположился в одноэтажном школьном здании. Валялись парты, шкаф с книгами и даже на шкафу стоял глобус (потом кто-то его спер). Мы

с радиостанцией расположились рядом с домом в найденном окопе. Окоп располагался на огороде в окружении картофельных и помидорных кустов. Телефонная связь действует. Наша рация в рабочем состоянии. Немцы на горе ведут себя спокойно, хотя мы у них на виду, почти не стреляют. Видно, уверены в своей неприступности и не желают попусту тратить боеприпасы. Решили побеспокоиться о своих желудках. Надергали кустов с картошкой, нашли несколько помидорин. Все это проделывали практически ползком, чтобы не сильно выставлять себя перед немцами. Мы с Маховским остались при радиостанции (вдруг позовут), Петя полез с котелком за дом, где можно было разводить небольшой костер и не попадаться на глаза немцам. Мои напарники все время находились в дивизионной роте связи (со дня нашего прибытия в эту дивизию) им было не привыкать к таким условиям. А мне такая жизнь внове. Совсем еще недавно бегал в атаке, часто голодал, кормил в изобилии вшей. И вот попал почти на курорт. Ну, иногда постреливают, бомбят. Но это воспринимается совсем по иному. Таковы мои впечатления о первых днях радистской жизни.

Хр-088

03.07.2002

Я тут немного поспешил с Молочанском. Еще до него мы вышли на Молочную и пытались штурмовать высоты, составлявшие собственно правый берег Молочной (штурмовали, естественно, передовые части, нас эти штурмы не очень касались и сидя со своей рацией, мы не всегда представляли, что там делается на передовой). Маневрируя вблизи железной дороги, мы уже видели впереди высокий берег на правом берегу Молочной. Там проходила основная линия обороны немцев.

Находясь при командире полка, прошли несколько поселений немецких колонистов. Дома кирпичные с черепичными крышами. Невысокие заборчики из камня или кирпича со стороны улицы дополнялись оградами из кустарников. Около каждого дома – забетонированные углубленные бассейны для сбора и хранения дождевой воды. Немецкие поселки со своей упорядоченностью, ухоженностью, резко контрастировали с населенными пунктами коренного населения. Жители немецких поселений все до одного ушли с отступившими немецкими войсками. В пустых подворьях бродили одичавшие куры во главе с петухами. В укромных местах двора встречались гнезда с отложенными яйцами (до 20 штук попадались). Интересно содержались кролики. Яма, по форме напоминающая коническую колбу, горловиной вверх. Глубина – метра два с половиною – три. Дно – площадка диаметром 1,5–2,0 м. На дне – кроличьи семьи. В боковых стенках – норы. Сверху над ямой – сруб, вроде колодезного, с крышкой.

Просто поймать курицу было невозможно, стали осторожными, да и

петухи проявляли повышенную бдительность. Ходили на добычу с автоматами. Охотились все, у кого были возможности, желание и время. Еды хватало. И жители, встречая, кормили, и сами промышляли. Конец лета. На ухоженных, подчеркиваю, ухоженных (!) полях и приусадебных делянках изобилие всякой зелени. В садах – яблоки, груши, грецкие орехи (идем по югу Украины).

ФОЛЬКСДОЙЧЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НАЦИСТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНА

А. В. Соловьев

История взаимоотношений между фольксдойче и национал-социалистскими организациями на территории Рейхскомиссариата Украина является достаточно сложным вопросом и требует тщательного исследования. Ведь эта проблематика может освещаться с двух сторон. Во-первых, как один из аспектов истории Второй мировой войны. А во-вторых, как один из аспектов истории немцев Восточной Европы. Собственно говоря, данная работа имеет целью раскрыть историю отношений фольксдойче Украины с созданными здесь структурами национал-социалистских организаций. Соответственно с указанной целью можно выделить ряд задач – показать общее положение фольксдойче, исследовать взаимоотношения фольксдойче с каждой из национал-социалистских организаций в отдельности (СС, НСДАП, Гитлерюгенд и т.п.), выявить сходства и различия в подходах каждой из этих организаций к фольксдойче.

Что касается историографии данного вопроса, то она не очень богата. Можно упомянуть разве что Мейра Бухсвайлера с работой *Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweites Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität?* (Gerlingen, 1984¹ и Ингеборг Флейшхауер с работой *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion* (Stuttgart, 1983)². Кроме того, определенную информацию содержат некоторые работы М.И. Семиряги, такие как «Тюремная империя нацизма и ее крах» (М., 1991)³ или «Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» (М., 2000)⁴. Наконец, можно вспомнить обобщающие работы по истории немцев Украины, например, работу А. И. Кудряченко «Вихідці з німецьких

1 См.: Buchsweiler M. *Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweites Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität?* Gerlingen, 1984.

2 См.: Fleischhauer I. *Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. Stuttgart, 1983.

3 См.: Семиряга М. И. *Тюремная империя нацизма и ее крах*. М., 1991.

4 См.: Семиряга М. И. *Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны*. М., 2000.

земель на теренах України: минуле і сьогодення» (К., 1995)⁵.

Положение фольксдойче в Украине определялось директивами Альфреда Розенберга как рейхсминистра Восточных оккупированных территорий, от 19 февраля 1942 г. и Генриха Гимmlера как рейхсфюрера СС и имперского комиссара по консолидации и укреплению германской нации и расы, от 8 сентября 1942 г. Согласно этим директивам, немцы, проживавшие на территории Рейхскомиссариата Украина и признанные в качестве этнических немцев, должны были быть включены вместе с членами их семей в соответствующий национальный список – Deutsche Volksliste Ukraine. Внесение в этот список сопровождалось соответствующими как правами и привилегиями, так и обязанностями. Благодаря тому, что члены семей тоже включались в этот список, статус фольксдойче нередко получали и лица, не имевшие немецкой крови, но состоявшие в браке с представителями немецкой национальности, особенно если при этом у них были общие дети. Следует иметь в виду и то, что не было статуса фольксдойче вообще, а в зависимости от чистоты германской крови, а также определенной мерой и самосознания (принадлежности к немецкой культуре и т.д.) фольксдойче делились на несколько категорий. Кроме того, в причислении к той или иной категории мог сыграть и расовый тип определяемого.

Уже с самого определения статуса фольксдойче начиналось взаимодействие с национал-социалистскими структурами, а именно – СС. Ведь вопросами фольксдойче занималось Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi) – Центральное управление фольксдойче, одно из 5 главнейших управлений СС, во главе с обергруппенфюрером СС Вернером Лоренцем, а сам Гимmlер был комиссаром по консолидации германской расы. Так, в Рейхскомиссариате Украина были созданы и действовали зондеркоманды СС «R», занимавшиеся установлением принадлежности к фольксдойче и к той или иной их категории. Некоторые из подобных команд были известны также как так называемые команды доктора Штумппа, хотя сам Штумпп их не возглавлял, а был просто исполнителем. Кроме того, возможно, для упорядочения деятельности этих зондеркоманд, были созданы и постоянные штабы и пункты. Например, в Райхенау (возле Шепетовки) действовало управление фольксдойче во главе с гауптшарфюрером СС Фрицем Вихманном⁶.

Сначала в исследованиях фольксдойче действительно придерживались строго расовых критериев. Однако с 1943 г. стали менее разборчивыми и для того, чтобы быть признанным в качестве фольксдойче, было достаточно с помощью 2–3 свидетелей подтвердить свое немецкое происхождение,

5 См.: Кудряченко А. І. і др. Вихідці з німецьких земель на теренах України: минуле і сьогодення. К., 1995.

6 См.: Центральный Государственный Архив Высших Органов Власти и Управления Украины (далее – ЦГАВООУ). Ф. 3676, оп. 4, д. 230, л. 208.

но при этом немецкое происхождение самих свидетелей желало быть несомненным. Это дало повод некоторым исследователям утверждать⁷, что с этого времени фольксдойче могли стать все желающие и в фольксдойче стали записываться разные проходимцы по той причине, что местные немцы были приравнены к рейхсдойче и имели разные привилегии – специальные продовольственные и промтоварные карточки, лучшие квартиры, нераспространение на них законов относительно местного населения и т.д. Однако эти утверждения не выдерживают никакой критики. Согласно немецким документам в Рейхскомиссариате Украина проживало около полумиллиона фольксдойче⁸. А современные исследователи считают, что в 1940-х гг. на территории Украины проживало около 600 тыс. немцев⁹. На 1939 г. официальная численность немцев была около 400 тыс. человек. Учитывая то, что многих немцев в самом начале войны вывезли с территории Украины, следует признать, что многие из фольксдойче в довоенное время числились представителями других национальностей. Но это были в основном члены смешанных семей, про что выше уже говорилось. Возможно, и были проходимцы, однако их не могло быть много, и уж тем более нельзя утверждать, что фольксдойче могли стать чуть ли не все желающие.

Нужно отметить тот факт, что часто проводились переселения фольксдойче из одних местностей в другие. Этими переселениями также занимались вышеупомянутые зондеркоманды СС «R». Так, делались попытки сосредоточить немецкое население в отдельные осаднические поселения, например, в 10 км от Житомира – «Хегевальд» и «Черняхов» с общей площадью 6750 кв. км, а в 1942 г. была такая же попытка создать осаднические поселения из 7 поселков фольксдойче в Киевщине («Форстенштадт») и Винничине («Каленфельд»). Однако позже эти попытки были признаны несвоевременными и от них временно отказались, а потом их уже невозможно было осуществить. Но переселения фольксдойче продолжались. Вообще, такие переселения проводились целыми поселками из одной области в другую для стратегических целей. Фольксдойче должны были охранять и защищать железные дороги, шоссе и т. д. от партизан. Новые поселки фольксдойче создавались на базе бывших колхозов и совхозов, а их организацией как раз и занимались зондеркоманды СС «R» совместно с гражданской администрацией¹⁰.

Также следует отметить, что фольксдойче должны были играть соответствующую роль в администрации Рейхскомиссариата Украина. Так, из их числа нередко пытались назначать бургомистров, старост, других должност-

7 См.: Семиряга М. И. Тюремная империя... С. 98

8 См.: ЦГАВОУ, ф. 3676, оп. 4, д. 230, л. 360.

9 См.: Пономарьов А. П. Етнічність та етнічна історія України. К., 1996. С.150.

10 См.: ЦГАВОУ, ф. 3676, оп. 4, д. 348, л. 5.

ных лиц местного значения (понятно, если таковые фольксдойче имелись в наличии), вербовать переводчиков, агентов полиции и гестапо и т. д. Создавались и отдельные вооруженные команды фольксдойче – так называемые группы самозащиты.

Соответственно, фольксдойче, умевшие обращаться с оружием, вербовались на службу в Войска СС (Waffen SS). Так, вскрывается еще один аспект отношений СС и фольксдойче. Их охотно брали в Ваффен СС. Иногда упоминается такой факт, что в 1943 г. на Днепропетровщине был даже создан целый кавалерийский полк СС из местных фольксдойче¹¹. Если этот полк действительно существовал, то он должен был входить в какую-нибудь дивизию. Скорее всего, это была 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер» – детище известного основателя Reiter SS (кавалерийских частей СС) группенфюрера СС Германна Отто Фегеляйна. Эта дивизия до марта 1944 г. воевала на Восточном фронте, а поэтому наиболее подходит для упомянутого полка, тем более, что в ней служили как рейхсдойче, так и разные фольксдойче (в отличие, скажем, от 22-ой кавалерийской дивизии СС «Мария Терезия», созданной главным образом для венгерских немцев)¹². Однако этот полк мог состоять и при другой дивизии, тем более, что о его существовании нет подробной информации.

Так или иначе, но в любом случае службу в Ваффен СС нельзя приравнивать к членству в партийно-политической организации СС. Тем более что большинство украинских фольксдойче служили как рядовые или низшие офицеры. Вообще, фольксдойче редко дослуживались до высоких чинов в Ваффен СС.

Однако был один фольксдойче из Восточных оккупированных территорий, который дослужился до бригадефюрера СС и смог возглавить целую дивизию Ваффен СС. Это Бронислав Владиславович Каминский, который к тому же был немцем лишь наполовину. Немкой была его мать¹³, а отец был поляком из Белоруссии (поэтому Каминского называют иногда поляком, иногда белорусом). Каминский был известен как один из организаторов так называемой «Локотской республики» вместе с Константином Павловичем Воскобойником (они там даже создали Русскую национал-социалистическую партию¹⁴), потом создал бригаду РОНА (Русская освободительная народная армия, не путать с РОА Власова). Эта бригада потом и послужила основой для 29-й ваффен-гренадерской дивизии СС. Хотя она считалась русской дивизией, но кроме русских в ней служили фольксдойче, украинцы (Хене счи-

11 См.: Семиряга М. И. Тюремная империя... С. 99.

12 См.: Шунков В. Н. Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение и униформа Ваффен СС. М., 2001. С. 79

13 См.: Урвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д., 2000. С. 205.

14 См.: Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 165, 174.

тал, что украинцев там было большинство¹⁵), белорусы, поляки и т.д. Из-за плохой славы ее быстро расформировали, 29-й номер передали новой итальянской дивизии, а самого Каминского ликвидировали по приказу Гиммлера. Кем же считал себя сам Каминский – русским, поляком, белорусом или все-таки немцем, остается неясным. Так или иначе, но чин бригадфюрера позволяет предположить, что он мог считаться и членом политической организации СС.

Однако в любом случае это скорее исключение из правил. Фольксдойче из Восточных оккупированных территорий практически не становились членами партийно-политической организации СС, хотя достаточно часто служили в Войсках СС.

Точно так же, как и в СС, собственно в НСДАП широкого приема новых членов из числа фольксдойче тоже не предвиделось. Дело в том, что с августа 1942 г. НСДАП создала на территории Рейхскомисариата Украина свою структуру, которую возглавлял сам рейхскомиссар Эрих Кох, а на местах – генерал-комиссары и гебитскомиссары. Большинство же членов НСДАП были приезжие рейхсдойче, а фольксдойче практически не было. Правда, можно упомянуть, что в Днепропетровске был член НСДАП, местом рождения которого был Кривой Рог, – Карл-Хайнц Беслер. Однако его домашним гау указана Померания, да и вступил он в ряды НСДАП в 1931 г. Кроме того, он успел побывать членом «Стального шлема»¹⁶. Эти факты заставляют нас думать, что он давно уже был рейхсдойче, а фольксдойче его можно считать лишь в том случае, если таковым считать и самого Розенберга, как уроженца Ревеля. Более подходит на роль фольксдойче Хелене Лассан, родившаяся в Москве, которая поступила на службу в украинское руководство НСДАП (Landesleitung Ukraine NSDAP) в 1942 г.¹⁷. Однако и тут неясно, стала ли она членом именно там и тогда или все же членом партии она была давно и, как и Беслер, прибыла из Германии уже в качестве рейхсдойче.

А более реальных фактов о местных фольксдойче в рядах НСДАП найти не удалось. Это утверждает нас в мысли, что особого желания делать из фольксдойче членов партии просто не было. Наверное, считалось, что старшее поколение невозможно уже сделать настоящими национал-социалистами, потому что оно было уже достаточно испорчено большевистским влиянием. Ведь в многочисленных документах речь идет о том, что большевистское господство наихудшим образом отразилось на характере и мировосприятии местных фольксдойче¹⁸.

Тем не менее НСДАП все же работала с украинскими фольксдойче, при-
15 См.: Хене Хайнц. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003. С. 519. 16 См.: Государственный Архив Днепропетровской области, ф. 2281, оп. 1, д. 4, л. 13.

16 См.: Государственный Архив Днепропетровской области, ф. 2281, оп. 1, д. 4, л. 13.

17 См.: ЦГАВОУ, ф. 3206, оп.6, д.266, л.6–7.

18 См.: Там же, ф. 3676, оп. 4, д. 230, л. 41.

чем как в агитационном плане, так и в материальном, ведь не раз подчеркивался тот факт, что воспитанием, обеспечением и иной работой с фольксдойче руководит исключительно НСДАП¹⁹. Среди такой работы можно упомянуть то, что НСДАП распространяла среди фольксдойче брошюры и другую литературу с национал-социалистской пропагандой, занималась устройением их на работу, назначением и перемещением по службе, предоставлением материальной помощи и другого обеспечения, созданием немецких детсадов, организацией подарков из Рейха для семей фольксдойче, разыскиванием семей фольксдойче по просьбам, усыновлениями сирот фольксдойче и т.д. Таким образом, хотя для НСДАП в Рейхскомиссариате Украина было поставлено целью объединение всех немцев и культурная опека над ними, но она вынуждена была заниматься в первую очередь материальными и социальными проблемами местных немцев.

В связи с этим можно привести ряд примеров, чем была занята НСДАП в Украине. Так, через структуры НСДАП фольксдойче Леокадию Бойхель устроили в государственное полицейское управление Белостока²⁰, Софии Ольшевской помогли с квартирой²¹, а Фриде Фризене помогли с трудоустройством²². Этот список можно продолжать до бесконечности, а приведенные примеры дают возможность понять, чем на самом деле НСДАП вынуждена была заниматься на территории Рейхскомиссариата Украина.

Впоследствии, с наступлением советских войск, НСДАП вместе с другими организациями занималась эвакуацией украинских фольксдойче на территорию Рейха.

Нужно отметить и то обстоятельство, что хотя не было приема украинских фольксдойче в ряды НСДАП, однако нет данных про то, что была создана специальная организация национал-социалистского толка для местных фольксдойче.

В отличие же от НСДАП и СС, Гитлерюгенд на территории Рейхскомиссариата Украина действовал именно как организация для фольксдойче. Наверное, считалось, что в отличие от старшего поколения, так сказать, «испорченного большевизмом», молодежь была податлива для перевоспитания в настоящих национал-социалистов. Однако следует заметить, что в руководящих органах Гитлерюгенда были исключительно приезжие рейхсдойче, хотя бы потому, что организация тут создавалась с нуля.

Украинский Гитлерюгенд получил название «Дойче Югенд Украины» (Deutsche Jugend Ukraine – Немецкая Молодежь Украины)²³. Его членами **были обязаны становиться** все молодые фольксдойче первой и второй кате-

19 См.: Там же, ф. 3676, оп. 4, д. 230, л. 54.

20 См.: Там же, ф. 3206, оп. 6, д. 266, л. 10.

21 См.: Там же, ф. 3206, оп. 6, д. 266, л. 11.

22 См.: Там же, ф. 3206, оп. 6, д. 265, л. 5.

23 См.: Там же, ф. 3676, оп. 4, д. 348, л. 4, 16–160.

горий (про категории см. выше) в возрасте от 10 до 21 года. Что же касается фольксдойче третьей категории, то их принимали с разрешения местного гебитскомиссара (наверное, как местного партийного вождя). Соответственно, Гитлерюгенд старался накрыть своей сетью каждый населенный пункт, где проживали фольксдойче, что ему в принципе удавалось.

Главной же целью для Гитлерюгенда было поставлено воспитание фюреров – вождей Гитлерюгенда из числа местных фольксдойче. В связи с этим достаточно часто проводились курсы фюреров, а потом была открыта школа фюреров в Рокини (на Волини)²⁴. Гитлерюгенд также основывал на территории Рейхскомиссариата Украина молодежные лагеря, молодежные общежития, разнообразные школы и т.д. Однако вопрос взаимоотношений Гитлерюгенда и фольксдойче многогранен и требует отдельного исследования.

Кроме того, на территории Рейхскомиссариата Украина действовала также NSV (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt – Национал-социалистская взаимопомощь), чьи отделения существовали при соответствующих структурах НСДАП²⁵. NSV занималась благотворительностью среди местных немцев. Однако более конкретных фактов сотрудничества между NSV и фольксдойче Украины найти не удалось.

Наконец, на данной территории функционировала и NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft – Национал-социалистская женская организация). В ее рядах состояла и вышеупомянутая Хелене Лассан. Однако про деятельность NSF в Рейхскомиссариате Украина известно лишь то, что она занималась воспитанием и опекой юных фольксдойче в возрасте от 6 до 10 лет, которые создавали детские группы в вышеупомянутых молодежных общежитиях Гитлерюгенда²⁶.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что получивший статус фольксдойче, хотел он того или нет, оказывался под пристальным надзором национал-социалистских организаций. Сам статус определялся органами СС (Volksdeutsche Mittelstelle, зондеркомmando СС «R»), молодые фольксдойче просто обязаны были стать членами Гитлерюгенда, да и вообще все сферы жизнедеятельности фольксдойче должны были находиться под руководством НСДАП (кстати, те же СС, Гитлерюгенд и другие упомянутые организации формально считались подразделениями НСДАП). Однако разница была в подходах. Если НСДАП и СС, работая с фольксдойче, все же не набирали их в свои ряды (служба в Войсках СС не в счет), то Гитлерюгенд не просто принимал молодых фольксдойче в собственные ряды, а даже обязал их всех вступать в свою организацию.

Так или иначе, в любом случае проблематика взаимоотношений фоль-

24 См.: Там же, ф. 3676, оп. 4, д. 230, л. 134.

25 См.: Там же, ф. 3206, оп. 6, д. 272, л. 1–2.

26 См.: ЦГАВОВУ, ф. 3676, оп. 4, д. 348, л. 9.

ксдойче и национал-социалистских организаций требует дальнейшего изучения, а некоторые аспекты, затронутые в данной работе, могут стать темой для отдельного исследования (например, проблема фольксдойче в Ваффен СС).

ПОЛІТИКА НАЦИСТСЬКОГО РЕЖИМУ СТОСОВНО ЕТНІЧНИХ НІМЦІВ УКРАЇНИ

О.Ф.Іванов, І.О.Іваньков*

У статті на основі архівних документів гітлерівського окупаційного режиму 1941–1944 рр. та сучасних німецьких досліджень розглядаються основні риси політики нацистської влади стосовно німецької етнічної меншини України (фольксдойче) в основних регіонах її компактного проживання.

ІІ світова війна спричинила значні етнічні й соціальні катаклізми в Європі, особливо Східній. Однією з груп, яка опинилася в центрі військово-політичного протистояння, були етнічні німці, що проживали за межами райху, у тому числі й на території України – так звані “фольксдойче”. Німецька етнічна меншина, яка до початку ІІ світової війни налічувала майже півмільйона осіб, після війни практично зникла з території нашої країни.

Соціальна історія німців, що історично проживали на теренах України напередодні та в роки ІІ світової війни, стала об’єктом окремих досліджень у вітчизняній історичній науці лише на початку 1990-х рр. Хоча висвітленню історії окупаційного періоду загалом в історіографії СРСР було присвячено чимало відповідних праць, проте радянські історики зосереджували свою увагу не стільки на всебічному й неупередженому дослідженні окупаційної політики, скільки на висвітленні боротьби радянських людей проти окупантів²⁷. Зміст окупаційної політики, її соціально-економічні й демографічні прояви та наслідки окреслювалися дуже схематично. Про спроби германізації також ішлося побіжно. В узагальнюючих працях з історії війни етнічні німці зображені просто як допоміжна сила для здійснення геноциду та голокосту, а їхнє соціальне обличчя – це “буржуазно-поміщицькі колоністи”²⁸.

Сучасна українська історіографія робить лише перші кроки у

27 Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – М., 1970. – 271 с.; Коваль М.В. Історія пам’ятає! (Кривавий шлях фашистів на Україні). – К., 1965. – 113 с.; Німецько-фашистський окупаційний режим (1941–1944 гг.). – М., 1965. – 388 с.

28 Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу. У 3-х тт. – Т. 2. – К., 1968. – С. 153.

вивченні історії німецької національної меншини в Україні ХХ ст. Але вже з'явилися публікації, що стосуються даної теми (дослідження В.Б. Євтуха, Б.В. Чирка, А.І. Кудряченка, Н.В. Кривця, В.І. Сергійчука та ін.)²⁹. У Дніпропетровську з другої половини 1990-х рр. виходить спеціалізований збірник статей “Вопросы германской истории. Немцы в Украине”³⁰. 1992 р. в “Українському історичному журналі” з'явилася стаття М.В. Ковалья та П.В. Медведка “Фольксдойче в Україні (1941–1944)”, в якій висвітлювалися різні аспекти становища німецького населення в Україні в період Другої світової війни³¹. Віддаючи належне вже проведеним дослідженням, слід водночас відзначити потребу в подальшому детальному аналізі гітлерівської окупаційної політики стосовно етнічних німців України, її специфічних рис і проявів на основі ще не досліджених архівних джерел та спираючись на здобутки сучасної німецької історичної літератури.

На відміну від вітчизняної історіографії, в якій проблеми соціальної історії німецької етнічної меншини СРСР тривалий час замовчувалися й лише в роки перебудови почалися перші спроби ліквідації інформаційного вакууму, німецькі науковці завжди цікавилися історією своїх співвітчизників на території країн Східної Європи, у тому числі й на землях України. Серед праць, які безпосередньо стосуються досліджуваної теми, слід виокремити роботи таких німецьких істориків, як М. Бухсвайлер, І. Фляйшгауер, Р.Г. Вальт, У. Май, А. Айсфельд. Праця М. Бухсвайлера “Фольксдойче України напередодні та на початку Другої світової війни” базується переважно на офіційних нацистських джерелах, а також спогадах і матеріалах післявоєнних судових процесів. Автор висвітлює місце й роль численних організацій III райху, які займалися зв'язками з фольксдойче на території СРСР, а потім на окупованих землях. Його цікавить питання, наскільки монолітно функціонував німецький окупаційний апарат³².

Інгеборга Фляйшгауер у своїй монографії “Третій райх і німці в Радянській Україні: минуле і сьогодення // Розбудова держави. – 1994. – № 5. – С. 19–23; Кулінич, І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К., 1995; Павленко Г.В. Німці на Закарпатті. – Ужгород, 1995. – 72 с.; Сергійчук І. Німці на Україні // Український світ. – 1993. – № 1–2, 3–12; 1994. – № 1–2, 5–12; Чирко Б. Німці в Україні // Відродження. – 1997. – № 1.

30 Вопросы германской истории. Немцы в Украине: Материалы укр.-герм. науч. конф., Днепропетровск, 26–29 сентября 1995 г. – Днепропетровск, 1996. – 213 с.; Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 2001. – 320 с.; Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 2002. – 296 с.

31 Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // УЖ. – 1992. – № 5. – С. 15–22.

32 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – 499 s.

дяньському Союзи” досліджує широкий спектр взаємозалежних історичних умов та подій, з якими була пов’язана доля німецького населення СРСР у 1930–1940-х рр. Вона детально аналізує становище фольксдойче за цивільної влади, показує те місце, яке ці люди займали в окупаційній адміністративній системі. Okремо висвітлюється ставлення німецьких селян-поселенців до “нового аграрного порядку”³³.

Праця Альфреда Айсфельда “Російські німці” дає цінний емпіричний матеріал для дослідження історії німецьких поселень в Україні від середини XVIII ст. до часів перебудови в Радянському Союзі. Німці розглядаються як абсолютно автономна демографічна одиниця в масі місцевого слов’янського населення³⁴.

Р.Г. Вальт (книга “Викинуті морем всесвітньої історії: російські німці поміж Сталіним та Гітлером”) розглядає ситуацію з етнічними німцями СРСР з погляду як радянської, так і нацистської систем, причому ще до початку воєнного зіткнення між ними – в часи радянсько-німецької співпраці 1939–1940 рр.³⁵

Розглядаючи монографію Уве Мая “Раса й простір”: аграрна політика, соціальне та територіальне планування в нацистській державі”, слід відзначити належність цієї праці до найновіших досліджень із проблем східних фольксдойче в німецькій історіографії. Перша її частина присвячена питанням внутрішньої аграрної політики в Німеччині 1886–1939 рр., друга – “боротьбі навколо фольксдойче”, тобто колонізаційним заходам, причому як за межами райху (колонізація німцями окупованих регіонів СРСР), так і всередині (внутрішні міграції в Саксонії-Ангальт та Тюрингії), третя – аграрно-соціальному плануванню на східних окупованих землях, за межами “старої імперії”³⁶.

Серед документальних джерел окупаційного періоду слід окремо зупинитися на матеріалах зондеркоманди під орудою доктора Карла Штумпа. Підрозділ розпочав свою діяльність у складі армійського управління групи армій “Південь”. Офіційно ця структура була утворена 7 листопада 1941 р. До складу зондеркоманди входило близько 50 осіб, ядро становили німці, які народилися в Росії чи Україні. За словами самого К.Штумпа, завданням його групи було дослідження німецьких колоній у західній

33 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – 258 s.

34 Eisfeld A. Die Russland Deutschen / Mit Beiträgen von Detlef Brandes und Wilhelm Kahl. – München, 1992. – 221 s.

35 Walth R.H. Strandgut der Weltgeschichte: die Russlanddeutschen zwischen Stalin und Hitler. – Essen, 1994. – 491 s.

36 Mai U. “Rasse und Raum”: Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS- Staat. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. – 445 s.

частині Радянського Союзу³⁷11. Центр зондеркоманди знаходився в Дніпропетровську, а до терену її діяльності входив весь райхскомісаріат “Україна” (РКУ), а також частково землі Трансністрії. Службова інстанція в Житомирі керувала діяльністю команди на Волині та Поділлі. Місцеві уповноважені перебували під особистим контролем та наглядом керівника команди або його заступника, які в разі необхідності видавали відповідні циркуляри. Основним видом діяльності зазначеного підрозділу було складання звітної документації про соціально-демографічний, економічний та культурно-освітній стан німецьких колоній, а також пов’язана із цим адміністративна робота. 31 грудня 1942 р. зондеркоманда К. Штумпа була розформована, а її співробітники включені до складу інших спеціальних підрозділів³⁸.

“Бюро доктора Карла Штумпа” залишило по собі ґрунтовну джерельну базу, до якої входять не лише різноманітні звіти, характеристики наявного німецького населення нашої країни, а й карти розташування поселень станом на 1941 р. і тих, які зникли (це були в основному хутори) під час колективізації.

Сам К. Штумп (12.05.1896–20.01.1982) походив із родини німецьких колоністів із місцевості біля Одеси. 1918 р. емігрував до Румунії. Здобувши науковий ступінь доктора наук, він у 1933 р. залишається в Німеччині, у Штутгарті, де займається дослідженням історії українських німців. Після закінчення II світової війни він продовжував свої дослідження й був відомий як автор багатьох історичних, народознавчих, генеалогічних та культурознавчих розвідок про німців Росії³⁹.

Окрім команди К. Штумпа діяла зондеркоманда “R” (SkR), яка також була структурною одиницею Управління по зв’язку з етнічними німцями. Г. Гімлер поставив завдання цій групі – реєстрація фольксдойче СРСР. Службовці зондеркоманди (близько 160 чол.) були зазвичай людьми із СС. Основним районом діяльності SkR (очолював бригаденфюрер СС Гоффмаєр) був Південь України, зокрема Одещина. Штаб відділу містився в Ландау (Трансністрія). Філії SkR знаходилися в Гальштадті та Нікополі⁴⁰.

37 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 325.

38 Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВОВУ). – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 128, 128 зв.

39 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 33; Walth R.H. Strandgut der Weltgeschichte: die Russlanddeutschen zwischen Stalin und Hitler. – Essen, 1994. – S. 70.

40 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 325, 326.

Органи німецької окупаційної влади, як уже зазначалося, досить педантично й скрупульозно підходили до справи дослідження німецьких поселень. У результаті було зібрано досить цінні й цікаві для істориків матеріали: звіти про склад і структуру німецьких поселень (Dorfberichte), розгорнуті списки родин німецьких колоністів (Einwohnerliste) і окремо списки померлих від голоду, депортованих та репресованих (Verhungertenliste, Verbanntenliste, Verschlepptenliste)⁴¹.

Слід зазначити, що зондеркоманда доктора К.Штумпа та SkR були лише гвинтиками у величезній адміністративній машині III райху, значна кількість партійно-державних, військових, громадських підрозділів якої була зорієнтована саме на “зміцнення німецької раси в Європі”⁴²:

а) головні управління СС (райхскомісаріат зі зміцнення німецької нації, головне управління з питань раси й переселення, головне управління СС по репатріації етнічних німців) – займалися проблемами колонізації та германізації, а також зв’язками з численними громадами європейських фольксдойче⁴³;

б) центральні та регіональні управління НСДАП (закордонне управління НСДАП, яке вже на 1935 р. включало 400 організацій, розкіданих по всьому світу⁴⁴, земельне управління “Україна”);

в) структурні підрозділи міністерства східних окупованих областей (головне політичне управління, відділ політики щодо етнічних німців, спеціальна група для вивчення німецьких поселень у Північному Причорномор’ї);

г) адміністративні органи райхскомісаріату “Україна” (відділ німецької національності та політики щодо поселень);

д) спеціальні підрозділи СС (зондеркоманда К.Штумпа, зондеркоманда “R”, спеціальний штаб штандарту Геншеля);

ж) громадські організації (“Союз закордонних німців”, що створив за межами райху понад 8000 шкіл для німців та 24000 своїх місцевих відділень⁴⁵, “Німецьке товариство з переселення”, “Німецька академія”, “Німецький інститут іноземних справ”, “Імміграційний центр”, “Організація зі зміцнення німецької народності”, “Прошарок годовальників райху”).

Усі ці структури діяли в тісній співпраці з іншими нацистськими організаціями, зокрема з айзатцкомандами, завданням яких було не

41 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 30, 31; Спр. 18. – Арк. 5; Спр. 28. – Арк. 29; Спр. 34. – Арк. 65.

42 Там само. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 132.

43 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 57.

44 Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне – М., 1958. – С. 55.

45 Там же.

лише винищення єврейського населення та комуністів, але й охорона німецьких колоній (так, оперативна група ІІв охороняла поселення на Одещині⁴⁶).

Багато даних вказують на те, що між різноманітними організаціями, які займалися проблемами етнічних німців України, відбувалася конкуренція, причому тривала вона навіть після евакуації фольксдойче з України в 1943–1944 рр. Дискусії стосувалися таких аспектів, як концентрація колоністів на певних землях, надання громадянства окремим категоріям німців, технічних питань⁴⁷.

Чисельність німецького населення України, якому, як бачимо, відводилося вагоме місце в зовнішньополітичній доктрині райху, наприкінці 1930-х – на початку 1940-х рр. перебувала в постійній динаміці. Згідно з даними радянського перепису 1937 р., німці становили 401880 осіб із 28 млн. населення УРСР (або 1,4%)⁴⁸. На 1 січня 1939 р., за інформацією наступного перепису, чисельність німців УРСР становила 392700 осіб, отже, дещо зменшилася в період єжовщини⁴⁹.

Українські історики М.В. Коваль та П.В. Медведок вважають, що на початок 1941 р. на всій території України (враховуючи й приєднані восени 1939 р. західноукраїнські області) мешкало близько 600 тис. німців⁵⁰. Цієї ж цифри дотримується й дніпропетровський дослідник О.В. Соловйов⁵¹, а також голландський учений Луїс де Іонг, який у 50-х рр. ХХ ст. досліджував німецьку “п’яту колону” в ІІ світовій війні⁵².

Після 22 червня 1941 р. загальна чисельність німців України скоротилася внаслідок депортації фольксдойче сталінським режимом, який в умовах війни вбачав у цій групі населення потенційних агентів нацизму. Відтак якщо кількість німецького населення України в довоєнний період достатньо точно підраховується за даними переписів населення УРСР, то щодо чисельності українських фольксдойче в умовах нацистської окупації існує певна кількість різноманітних і не завжди систематизованих цифрових показників.

46 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 319.

47 Ibid. – S. 323.

48 Нікольський В.М. Репресії органів державної безпеки щодо німців України у 1937 році: кількісні показники // Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 2001. – С. 52, 53.

49 Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 104.

50 Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // УІЖ. – 1992. – № 5. – С. 16.

51 Соловйов О.В. Діяльність гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 2002. – С. 121.

52 Де Іонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. – М., 1958. – С. 10.

За даними архівного фонду райхскомісаріату “Україна” на всій території України, зайнятій вермахтом, налічувалося близько 200 тис. етнічних німців, які жили в 486 населених пунктах⁵³. Але, знову ж таки, ця цифра хронологічно не прив’язана. А це надзвичайно принципово, виходячи з демографічних змін у німецькому населенні часів окупації, викликаних колонізаційними та міграційними процесами.

Серед документів зондеркоманди доктора К. Штумпа є звіт, згідно з яким на початок 1942 р. в межах райхскомісаріату “Україна” мешкала наступна кількість етнічних німців⁵⁴:

Генерал-бецирк	Загальна кількість етнічних німців	Серед них переписані нацистською владою
<i>Дніпропетровськ</i>	<i>72000</i>	<i>35000</i> <i>(західний берег Дніпра)</i>
<i>Миколаїв</i>	<i>28000</i>	<i>20000</i>
<i>Крим</i>	<i>6000</i>	<i>2500</i>
<i>Волинь</i>	<i>45000</i>	<i>45000</i>
<i>Київ</i>	<i>12500</i>	<i>9000</i>
<i>Разом</i>	<i>163500</i>	<i>111500</i>

Отже, кількість генерал-бецирків РКУ, по яких є дані щодо німецьких поселенців – 5. Тут не враховано шостий генерал-бецирк – Таврію. Якщо зі значною долею умовності прийняти вищезазначену чисельність фольксдойче, що прив’язана до регіону адміністративного центру генерал-бецирку Таврія Мелітополя (18 тис.), то можна вважати, що на початок 1942 р. кількість місцевого німецького населення райхскомісаріату “Україна” становила близько 182 тис. осіб⁵⁵.

Стосовно ж чисельності колоністів із Німеччини (насамперед німців за походженням), які в 1941–1943 рр. оселилися на землях райхскомісаріату “Україна”, то тут також є різні цифри. Їхня кількість, очевидно, коливається в межах 20 тис., оскільки перепис німецького населення наприкінці 1941 р. зафіксував у 5 генерал-бецирках райхскомісаріату 163,5 тис. етнічних німців (разом із Таврією – 181,5 тис.), а на початок 1943 р., на думку І.Фляйшгауера, їх на цій же території було вже близько 200 тис.⁵⁶

Таким чином, ми маємо право оперувати цифрами про кількість етнічних

53 ЦДАВОВУ. – Ф. 3206. – Оп. 6. – Спр. 270. – Арк. 4.

54 Там само. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 135.

55 Там само. – Арк. 134.

56 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 151.

німців у райхскомісаріаті “Україна” протягом гітлерівської окупації від 160 до 200 тис. осіб. Німці в РКУ становили приблизно 1% від усього місцевого населення⁵⁷. Із них 50–60 тис. були вїйськовозовоб’язаними⁵⁸.

РКУ займав більшість, але не всю територію сучасної України. Східні терени контролювала вїйськова адміністрація. Одещина опинилася в складі румунського адміністративного утворення Трансністрія, де, як доводить німецький дослідник Еккегард Фелькль, у 1943 р. мешкало понад 130 тис. етнічних німців⁵⁹.

За даними ж російського науковця П. Поляна, загалом на окупованій нацистами території всіх українських земель (і райхскомісаріату “Україна”, і теренів Східної України, які знаходилися під вїйськовою юрисдикцією групи армій “Південь”, і румунської Трансністрії, і дистрикту Галичина) знаходилося близько 330–340 тис. етнічних німців – колишніх радянських громадян. Це число є достатньо великим. Для порівняння – у всій окупованій Прибалтиці мешкало лише 30–40 тис. фольксдойче⁶⁰.

На нашу ж думку, загальна чисельність етнічних німців України на початок 1943 р. перевищувала вказані П. Полянм 330–340 тис. осіб. У РКУ на цей момент мешкало близько 200 тис. німців. На території Трансністрії їх було 130 тис. Ще 26 тис. за звітами нацистських органів проживали в колишній Сталінській (зараз – Донецька) області по річці Молочна, де панувала німецька вїйськова влада⁶¹.

Точний підрахунок німецького населення окупованої нацистами України є проблематичним не лише через воєнне лихоліття та розчленованість українських земель між різними окупаційними адміністративними структурами, а й тому, що, поперше, багато хто з місцевого населення видавав себе за німців виходячи з кон’юнктурних міркувань, а, подруге, самі фольксдойче нерідко являли собою досить строкату етнічну групу: серед них було багато “нечистокровних” німців, що суттєво ускладнювало демографічні підрахунки.

Управлінці СС розробляли плани, за якими етнічні німці України, що жили на зазначених вище землях до 1941 р., поступово мали формувати свої поселення навкруги великих міст – Житомира, Миколаєва,

57 Рекотов П.В. Органи управління на окупованій території України (1941–1944 рр.) // УІЖ. – 1997. – № 3. – С. 92; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Збірник документів і матеріалів. – К., 1963. – С. 34, 35.

58 Полян П. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // Население и общество. – 2001. – №15–16 (Интернет-версия).

59 Völkl E. Transnistrien und Odessa (1941–1944). – Regensburg, 1996. – S. 88.

60 Полян П. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // Население и общество. – 2001. – №15–16 (Интернет-версия).

61 ЦДАВОВУ. – Ф. 3206. – Оп. 6. – Спр. 270. – Арк. 4.

Запоріжжя, Дніпропетровська, залишаючи свої старі місця⁶². Разом із тим окупанти намагалися переселяти на українські землі не лише власне німців, а й представників інших “нордичних” народів. Із літа 1940 р. імперський комітет зі зміцнення німецької нації працював над планами переселення на схід населення Нідерландів та Бельгії, причому не тільки на землі СРСР, а й до власне Німеччини (Лотарингія). Починаючи з жовтня 1942 р. й до кінця окупації в райхскомісаріаті “Україна” було розселено 369 селян-голландців⁶³. Із 1944 р. ці голландці та фламандці були прийняті до лав військ СС.

Деякі дані відносно географії перших переселенських областей на Півночі України можна отримати, проаналізувавши праці німецьких істориків. М.Бухсвайлер пише про 3 компактні німецькі райони на території сучасного Коростенського району Житомирської області та на півдні Житомирщини. Новим німецьким селищам давали живописні назви: Гегевальд, Брюкевальд⁶⁴. Спочатку Гегевальд планувалося створити з 20 селищ у Коростенському районі, де б жили 6500 німців-колоністів⁶⁵39. Площа його разом із іншим колонізаційним утворенням для німців-переселенців на Житомирщині (Черняхів), становила 6750 кв. км⁶⁶.

Колонізація в 1942 р. розпочалася й на Київщині, де із 7 селищ утворилося німецьке поселення Форстенштадт, та на Вінниччині, де тоді ж виник Каленфельд⁶⁷. Німецькі села виникали також на Херсонщині. Серед них був Гагендорф (1942 р. – 212 німців). Збільшувалася чисельність населення й тих німецьких колоній, які брали свої витоки ще з ХІХ ст. (таких, як Шлангендорф на Бериславщині, заснований 1864 р.)⁶⁸.

Націонал-соціалістичні лідери прагнули віднайти для колонізаційних намірів широке тло історико-героїчних передумов, оскільки героїзація минулого, а надто минулого своєї батьківщини, була складовою частиною націонал-соціалістичного світогляду. 30 жовтня 1941 р. А. Розенберг на зустрічі у своїй резиденції з представниками спеціальних міністерств згадав історичні події, коли германські племена з римлянами врятували Європу від навали гунів. Він розвинув ці ідеї, сказавши,

62 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 171.

63 Mai U. “Rasse und Raum”: Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. – S. 316.

64 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 335.

65 Mai U. „Rasse und Raum“: Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. – S. 313.

66 Соловійов О.В. Діяльність гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. – Днепрпетровск, 2002. – С. 121.

67 Там само.

68 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 23.

що зараз Німеччина має утворити своє потужне державне об'єднання між Балтійським і Чорним морями, де б проживали 15–20 млн. етнічних німців, які б, утворивши “мілітарні колонії”, захищали Європу від нових “варварських орд” зі Сходу⁶⁹. Г. Гімлер висловлювався ще більш піднесено: “Це місія німецького народу на цій землі. Протягом тисячоліть представники світловолосої раси володіли цими територіями й приносили на них щастя та культуру”⁷⁰.

Із населення німецьких новостворених районів окупанти намагалися сформувати місцеві загони самооборони. Однак ці плани так і не були реалізовані, хоча є інформація, що всі чоловіки Гегевальду отримали зброю й були зорганізовані в батальйони⁷¹.

Економічна політика району стосовно етнічних німців України загалом була протекціоністською й водночас розрахованою на безумовну співпрацю й покору з боку фольксдойче. Однак помилковим було б уважати, що рівень життя німецької меншини на території України в перші ж місяці окупації різко поліпшився. Становище етнічних німців спочатку було тяжким, як і решти місцевого населення. Усі вони страждали від воєнного лихоліття. Узимку 1941–1942 рр. на Волині фіксувалося багато випадків голоду серед місцевих німців⁷². Іноді злидні серед німецьких поселенців сягали катастрофічних масштабів. Окупаційні джерела повідомляють, що родини етнічних німців чисельністю 8 осіб подекуди жили в одній кімнаті, яка одночасно слугувала їм і як житлове, і як господарське приміщення. Ліжок іноді не було й діти спали на підлозі, підстеляючи оберемок соломи або скатертину. Більшість дітей ходили босоніж, деякі в обносках. Такого існування своїх співвітчизників на сході “імперський німець” не тільки не бачив у себе на батьківщині, а навіть і не уявляв⁷³.

Окупаційна влада прагнула терміново поліпшити становище. Нацисти застосували расовий підхід до продовольчої політики, тобто все краще було для райхсдойче та фольксдойче; решта населення отримували по мінімуму. Німецька влада встановила в містах 4 категорії продуктового постачання, при цьому етнічні німці РКУ отримували їжу за найвищою категорією. У спеціалізованих німецьких магазинах із класичним написом “тільки для німців” було все: жири, яйця, м'ясо, риба, овочі, фрукти,

69 Mai U. „Rasse und Raum“: Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. – S. 84, 85.

70 Ibid. – S. 315.

71 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 335, 336.

72 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 129 зв.

73 Там само. – Арк. 130, 131.

мед, мармелад, кава в зернах та інші продукти споживання, небачені в умовах воєнного часу. Пізніше відкрилися й спеціальні торговельні центри для фольксдойче. В очах етнічних німців райхскомісаріату “Україна” складалося враження економічної допомоги з боку “німецьких братів”.

Гітлерівська політика передбачала також створення лікарень, будинків для престарілих та дитячих садків для фольксдойче й відповідне забезпечення їх предметами побуту та обладнанням. Це здійснювалося не тільки в 1941–1942 рр., коли Німеччина впевнено почувалася на окупованих територіях, а й у 1943 й навіть 1944 рр., коли могутність райху похитнулася й був очевидний швидкий колапс держави.

Цікаво, що окупаційна влада порушила проблему повернення військових позик, які були запроваджені кайзерівською Німеччиною для німців України 1918 р. Наприкінці 1942 р. розпочалося прийняття заявок від німців, які давали ці позики⁷⁴. Поступове повернення боргів кайзерівського II райху фольксдойче було зірване наступом радянської армії.

Німцям, які в радянський та дорадянський часи володіли певною власністю на східнослов'янських землях, але потім її втратили, надавалася повномасштабна компенсація⁷⁵.

Пільги фольксдойче не обмежувалися матеріальними речами. Для них було запроваджено окрему, порівняно з рештою населення України, систему оподаткування. Більшість податків, сплачуваних українським населенням, на фольксдойче не поширювалися. Наприклад, населення колишнього Володарсько-Волинського району (Житомирська область), згідно з інформацією комісара радянського партизанського загону Волкова від 31 травня 1943 р., сплачувало податок за корову – 1200 руб., за собаку – 300 руб., подушний – 200 руб. (порівняйте з податком на собаку!), “за звільнення” (так окупаційна влада називала повалення радянської влади) – 100 руб. (плюс до цього платний виклик лікаря та конфіскація худоби)⁷⁶. Фольксдойче були звільнені від цього.

Правовим чином податкові привілеї етнічних німців були оформлені постановою райхскомісара України від 20 квітня 1942 р. “Про податкові пільги для фольксдойче” (ця постанова ґрунтувалася на постанові А. Розенберга від 21 лютого 1942 р.). За цими документами генерал-комісари РКУ уповноважувалися звільнити фольксдойче від сплати податків, а також усіх інших грошових виплат, чинних на території райхскомісаріату.

74 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 332.

75 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 82.

76 Житомирщина у Великій Вітчизняній війні в 1941–1945 рр. Збірник документів та матеріалів. – К., 1969. – С. 107, 108.

Разом із тим окупаційна влада не змогла всюди надати сім'ям етнічних німців земельні наділи в приватну власність. Службовці окупаційного цивільного управління переконували німецьких селян у тому, що принаймні на час війни приватне землекористування не зможе забезпечити потреби Німеччини в сільськогосподарській продукції⁷⁷.

Аграрна політика гітлерівців, спрямована на поліпшення становища фольксдойче, здійснювалася за рахунок місцевого українського населення, що страждало від несправедливих експропріацій за расовою ознакою. При поганому удої корови, що належала родині фольксдойче, можна було безкоштовно обміняти тварину на таку ж саму в українському дворі.

Реальним результатом колонізаційної політики нацистського режиму в її економічному сегменті було значне поліпшення матеріального рівня життя німецької етнічної спільноти України. На період гітлерівської окупації німецька національна меншина райхскомісаріату “Україна” хоч і становила незначний відсоток серед усієї маси населення, однак концентрувалася насамперед у компактних, наближених одна до одної колоніях у найбільш продуктивних в економічному плані регіонах України – Південь, Дніпропетровщина та Волинь, а отже, була вагомим соціальним фактором у цих районах. Компактність та відносна національна однорідність фольксдойче істотно сприяли ефективній політиці нацистської влади стосовно них. Протягом окупаційного періоду етнічні німці райхскомісаріату “Україна” загалом перетворилися з економічно дискримінованої за радянських часів групи населення на достатньо привілейований прошарок, який був матеріально забезпечений і захищений адміністративною владою в соціальному плані настільки, наскільки це дозволяли умови воєнного часу. Мірилом економічної допомоги кожному німцеві була його лояльність до режиму.

Проблемним питанням для окупаційної влади була освіта фольксдойче: з одного боку, їхній статус вимагав повноцінної німецької освіти, а, з іншого боку, таку освіту важко було організувати в умовах війни. Перед вступом німецьких військ радянська влада знищила всі книгозховища, а разом із ними й майже всі шкільні книжки. Викладачі були не в змозі підтримувати необхідний режим занять. У багатьох школах бракувало вчителів, оскільки окупаційна адміністрація залучала їх як перекладачів.

У Дніпропетровську був відкритий заклад, що готував помічників учителів для шкіл райхскомісаріату. Навчання для етнічних німців тривало 3 місяці. Після року практичної роботи охочі мали змогу освоїти спеціальність викладача народної школи. Окупанти відкривали

77 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 132.

спеціалізовані німецькі школи переважно в містах. У Дніпропетровську почала працювати семирічна школа №16. У цій школі працювали 21 учитель, серед яких 15 були німцями. Директором школи був Яків Фридрихович Фаузер⁷⁸. Однак із початком зими 1941–1942 рр. значна частина німецьких дітей шкільного віку в Дніпропетровську були змушені залишити навчання через брак одягу й взуття⁷⁹. У сільській місцевості відкриття суто німецьких шкіл ускладнювалося малою кількістю дітей німецького походження. Учителів так само бракувало, хоча подекуди організувалися 4-тижневі курси перекваліфікації для німецьких викладачів⁸⁰. Не забули й про фольксдойче-сиріт. У Новограді-Волинському (Житомирська обл.) для них був організований сиротинець із окремим продовольчим забезпеченням⁸¹.

У Житомирі німці утворили для своїх співвітчизників у травні 1942 р. школу фармацевтів та стоматологів, а в березні 1943 р. – школу сільського господарства. У Києві був відкритий інститут країнознавства та економічних досліджень при центральній бібліотеці імперського комісаріату (указ Е. Коха від 6 червня 1942 р.)⁸². У німецьких навчальних закладах фольксдойче тривалий час слухали спеціальні радіопередачі, де розповідалося про злочини радянської влади проти етнічних німців СРСР (депортація поволзьких німців та ін.)⁸³.

Саме в культурно-освітній сфері найяскравіше проявився расово зумовлений підхід внутрішньої політики нацизму на окупованій території. Імперські інструкції місцевим партійним чиновникам підкреслювали особливу історичну місію III райху в долях сотень тисяч фольксдойче України. Ці інструкції вимагали від кожної місцевої установи проявів привітності та уваги до етнічних німців. Кожен функціонер окупаційного апарату мусив стати для фольксдойче представником системи, що звільнила їх від більшовизму, і в яку він вірив. Один із документів містив такі рядки: “Не можна руйнувати цю віру. Помилковим ставленням можемо викликати недовіру або розчарування й озлобити людей. Вони повинні ясно відчувати, що з німецькою владою змінилися не тільки символіка, але й методи та сенс керівництва. Надзвичайно шкідливим було б підозрювати фольксдойче в співчутті до більшовиків чи ставитися

78 Клец В.К. Немцы Украины в период Второй мировой войны (на примере Днепропетровской области). // Вопросы германской истории. Том 1. История. – Днепропетровск, 1998. – С. 152.

79 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 129 зв.

80 Там само.

81 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 165.

82 Ibid. – S. 166.

83 Ibid. – S. 157.

до них байдуже або як до неповноцінних членів суспільства. Гарне ставлення до них у порівнянні з ненімецькими групами населення повинно бути помітно. Ніколи не можна забувати, що фольксдойче зараз переживають найважчі часи економічної, фізичної та психологічної скрути, про які не мають жодного уявлення німці в райху. Довіра з боку фольксдойче має здобуватися всіма засобами”⁸⁴.

Утім, далеко не всі фольксдойче з ентузіазмом сприймали гітлерівські перетворення й далеко не в усіх етнічних німців свідомість та культурна орієнтація змінювалися згідно з нацистськими стандартами. Доктор К. Штумп свідчив 10 серпня у своєму звіті №752/42 до міністерства східних окупованих територій, що хоча німці України бурхливо вітали своє звільнення з-під більшовицького ярма й робили все, щоби бути вдячними та корисними для німецької армії, після встановлення цивільного управління в різних регіонах райхскомісаріту “Україна” почалися певні непорозуміння й навіть конфлікти. Це, на його думку, було викликане двома причинами⁸⁵: а) загальною незадовільною підготовкою цивільних німецьких службовців у плані розуміння “проблеми фольксдойче” на Сході Європи; б) гіпертрофованими сподіваннями фольксдойче на швидкі зміни в їхньому становищі.

К. Штумп зазначав: “Необхідно одразу зрозуміти, що німецька людина на Сході, незважаючи на багаторічне пригнічення та поневолення, має властиву їй від природи гордість та впевненість у собі, навіть якщо глибоко приховує ці риси. Тому брутальне поводження озлоблює фольксдойче до глибини душі. Я хочу навести лише один приклад. Під час громадських заходів фольксдойче повинні займати місце позаду райхсдойче. Ті імперські німці, які приходять на певний захід зі знайомими родинами фольксдойче, мають тут займати різні місця. Зрозуміло, що такий стан речей ображає місцевих етнічних німців”⁸⁶.

Ще в жовтні 1941 р. до Берліна співробітниками каральної окупаційної системи була надіслана доповідь (Tätigkeits- und Lagebericht №6 der Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD in der UdSSR), що містила критичні спостереження відносно поведінки місцевих етнічних німців: “Місцеві німці, навіть якщо вони не є комуністами, мають абсолютно неправильні уявлення про взаємовідносини всередині райху, а також щодо націонал-соціалістичних лідерів. Представникам інтелігенції незрозуміле поняття дискримінації. До євреїв вони зазвичай ставляться байдуже. Показовим є факт, що після вступу німецьких військ місцеві

84 Ibid. – S. 159.

85 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 128.

86 Там само. – Арк. 129.

німці не вжили жодних заходів проти євреїв; ба більше – вони вважали євреїв людьми, які не становлять жодної загрози”⁸⁷. Однак встановлено, що етнічні німці у своїй основній масі без будь-якого обурення сприйняли масове знищення євреїв окупаційною владою⁸⁸. Це свідчить, що українські німці, хоча цілковито й не поділяли нацистської ідеології з її біологічним расизмом, антисемітизмом, антигуманним і аморальним ставленням до інших народів, зазвичай не йшли на конфронтацію з гітлерівським режимом.

Німецький історик Майр Бухсвайлер говорить про десятки випадків, коли нацистські карателі розстрілювали фольксдойче або за колишню співпрацю з радянською владою, або за належність до радянських владних структур⁸⁹.

Але багато німців відверто раділи приходу гітлерівських військ. У приватному листі фольксдойче Одещини щонайбільше через 3 тижні після вступу в його містечко німецьких військ писав: “Ми щасливі. Слава Богу, ми звільнені з-під гніту євреїв та слов’ян-комуністів!”⁹⁰. У німецьких колоніях Півдня України бійців підрозділу “Бранденбург” зустрічали музикою й оплесками. Місцеві селяни питали в них: “Ви прийшли назавжди?”⁹¹. Нацистський дослідник К. Штумп, який разом із спеціальною групою займався обстеженням німецьких поселень, повідомляв наприкінці 1941 р., що з приходом окупантів місцеві німці змінили червоні радянські прапори на червоні прапори зі свастикою⁹².

Із початку звільнення території України радянськими військами етнічні німці зазвичай рухалися із відступаючою німецькою армією на захід. Усього до кінця 1943 р. РКУ залишили 90 тис. етнічних німців⁹³. Другий потужний потік переселенців-фольксдойче залишив землі Придніпров’я в січні – липні 1944 р., а всього їх було близько 125 тис.⁹⁴

Не можна цілковито погодитися з твердженнями, що побутували в радянській історіографії та суспільній думці, про фольксдойче як гітлерівських посібників. Ми маємо небагато свідчень про диверсійні акції фольксдойче в тилу радянської армії на території України в 1941–1942 рр. чи про якісь змовницькі зв’язки гітлеризму з українськими

87 де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. – М., 1958. – С. 358.

88 ЦДАВОВУ. – Ф. 3676. – Оп. 4. – Спр. 4. – Арк. 129 зв.

89 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 320.

90 Ibid. – S. 233.

91 Ibid. – S. 307.

92 Ibid.

93 Поляня П. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // Население и общество. – 2001. – №15–16 (Интернет-версія).

94 Там же.

німцями. До таких досить неконкретних свідчень можна віднести шифротелеграму, яку Й.Сталін отримав 3 серпня 1941 р. від командування Південного фронту, де повідомлялося: “Військові дії на Дністрі засвідчили, що німецьке населення стріляло зі своїх вікон та городів по наших відступаючих військах”⁹⁵.

Іноді нацистські чиновники відверто нарікали, що деякі німці України, особливо молодь, співчували комуністам⁹⁶. Але етнічні німці України постраждали насамперед через свою екстериторіальність на землях нашої країни. Імідж цієї соціальної групи був повністю підірваний в очах світової спільноти через, без сумніву вимушену, співпрацю з гітлеризмом. Утягнуті, переважно без власної згоди на це, у сферу діяльності III району, фольксдойче вже не могли з неї вийти й зазнали соціального краху разом із нацистською державою.

Німецька колонізація Європи й України зокрема стала прикриттям для гітлерівського геноциду тільки в очах самих нацистів, але не світової громадськості. Політика націонал-соціалізму в Східній Європі фактично зводилася до формули “чим більше загине людей, тим легше буде здійснювати колонізацію”. До війни на окупованій німцями радянській території проживало 88 млн. осіб, по війні – 55 млн. Міське населення скоротилося з 25 до 10 млн., сільське – з 63 до 45 млн.⁹⁷ Навіть якщо врахувати, що 10 млн. населення радянська влада встигла евакуювати при відступі в 1941–1942 рр., цифра втрат цивільного населення СРСР, у тому числі й України, унаслідок нацистського терору є величезною. Україна втратила в результаті війни понад 10 млн. осіб⁹⁸.

Враховуючи жахливі втрати ненімецького корінного населення Східної Європи під час II світової війни ми маємо право стверджувати, що загалом сприятливі щодо етнічних німців (фольксдойче) заходи колонізації та розширення “життєвого простору” на Сході в жодному разі не можуть виправдати гітлерівських злочинів проти людства. Почуття солідарності нацизму з німцями за межами райху було засноване на сповідуванні найодіозніших націоналістичних доктрин німецької суспільно-політичної думки XIX–XX ст.⁹⁹, використання яких призвело

95 Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 105.

96 Клец В.К. Немцы Украины в период Второй мировой войны (на примере Днепропетровской области). // Вопросы германской истории. Том 1. История. – Днепропетровск, 1998. – С. 149.

97 “Совершенно секретно! Только для командования!” Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М., 1967. – С. 103.

98 Король В.Ю. История Украины. – К., 1999. – С. 275.

99 Remer C. Über die Genesis der Ukrainepolitik des deutschen Imperialismus // Zur Ukraine-Politik des Deutschen Imperialismus / Wissenschaftliche Redaktion: Dr. Claus Remer. – Jena, 1972. – S. 5.

до розробки планів найбільш масштабних національних чисток у світовій історії (план “Ост”) у тісній взаємодії з процесами німецької колонізації та співпраці з усіма фольксдойче Європи. Політика гітлерівського режиму щодо фольксдойче України була частиною глобального плану створення прошарку німецького селянства в Східній Європі шляхом масових колонізацій та винищення місцевого населення¹⁰⁰. Саме аграрне переселення мусило стати основою колонізаційного руху на Схід. Однією з причин цього було прагнення німецьких економістів призупинити відтік населення з аграрного сектору до міст і тим самим не допустити послаблення сільського господарства райху¹⁰¹.

Абсолютна більшість усіх категорій німецького населення України позитивно сприйняли гітлерівську владу – адже саме вона та її національна політика піднесли фольксдойче, що свого часу зазнали жакхливих переслідувань із боку сталінського режиму, до ролі якщо не національної еліти райхскомісаріату “Україна”, то надзвичайно привілейованої етнічної групи. Це викликає закономірне питання – чи були етнічні німці “п’ятою колоною” націонал-соціалістичної Німеччини?

По-перше, треба визначитися із дефініціями. “П’ята колона” – це спільнота, яка організує підривну діяльність та саботаж у певній країні напередодні агресії проти неї іншої держави. У понятті “п’ята колона” слід розрізняти 3 окремі явища: 1. Заходи “п’ятої колони”, які здійснюються перед вступом чужої влади; 2. Прийом, який “п’ята колона” організує новій владі; 3. Ступінь кооперації, яку нова влада знаходить у “п’ятій колоні”.

Етнічні німці України до нападу Німеччини на СРСР не проводили та й не могли проводити якихось організованих заходів із підриву радянської влади. Якись стихійні протестні дії могли кваліфікуватися як “антирадянська діяльність”, однак не було певного організаційного центру, який би їх координував. Сталінська каральна система не допустила б його існування, а зв’язки фольксдойче з III райхом наприкінці 1930-х рр. були ще дуже кволими. Слабка поінформованість німецького вищого військового командування щодо чисельності та озброєння Червоної армії в червні 1941 р. теж може свідчити про те, що ніхто не планував використовувати німецьке населення прифронтових місцевостей як інформаторів у тилу радянських військ¹⁰².

100 Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion – Stuttgart, 1983. – S. 65.

101 Mai U. „Rasse und Raum“ : Agrarpolitik, Sozial- und Raumplanung im NS-Staat. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2002. – S. 303.

102 Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? – 1. Aufl. – Gerlingen, 1984. – S. 344

Радісний прийом, що його етнічні німці здебільшого влаштовували наступаючим підрозділам вермахту, аж ніяк не вирізняє їх із маси іншого, особливо неслов'янського, населення України, яке доволі часто вітало окупаційну владу. Нарешті ступінь кооперації німецьких мешканців райхскомісаріату “Україна” з націонал-соціалістами був надзвичайно високим. Однак ця кооперація здійснювалася не тому, що всі фольксдойче були агентами райху, які мріяли про “новий порядок” в Європі, а тому, що нацистська державна машина була з певних, насамперед ідеологічно-расових причин, зацікавлена в них. Таким чином, етнічні німці України не можуть у повній мірі вважатися “п’ятою колоною” нацизму в СРСР.

Етнічні німці України, які під час II світової війни опинилися між двома найпотужнішими тоталітарними режимами людства й стосовно яких провадилася загалом сприятлива окупаційна політика одного з них – нацистського, заслуговують на розуміння та прискіпливе наукове вивчення. Аналіз історичної долі декількох сотень тисяч німців України в трагічних 1941–1944 рр. має допомогти розв’язанню гострих і суперечливих питань українсько-німецьких стосунків, порозумінню та діалогу, подоланню певних негативних стереотипів.

НОВОПОЛТАВСКАЯ УЗКОКОЛЕЙКА

Дмитрий Оранский

<http://novosti-n.org/>

Великая Отечественная война принесла на земли Николаевской области огромное количество бед и разрушений. Отступающие в 1944 году фашисты старались уничтожить после себя все, что только могло послужить в дальнейшем для Красной армии.

Оккупация области длилась почти три года. И за этот период времени немцы постоянно пытались наладить промышленное производство и сельское хозяйство. Понятно, что все это делалось не ради советских граждан, оказавшихся под властью Третьего рейха, а для победы самого рейха над Советским Союзом. Но все же, необходимо признать, что усилия для обустройства подконтрольных им территорий немцы проводили. Одним из ярких примеров тому являлась узкоколейная железная дорога, располагавшаяся на северо-востоке Николаевской области, в основном на территории Новобугского района.

Как 70 лет назад, так и сейчас, эта местность представляет собой пологую степную равнину, распаханную под сельскохозяйственные угодья. Практически вся она имеет аграрное назначение. Немцы, оккупировав-

шие в 1941 году эти земли, приложили немало усилий для организации их возделывания и получения урожая. Украина расценивалась ими как сырьевой придаток Германии.

Система автомобильных дорог, как известно, в нашей стране в то время оставляла желать лучшего – практически все они были грунтовыми, не мощеными. Осенью и весной становились малопроездными. Кроме того, ощущалась острая нехватка самого транспорта – не только автомобильного, но и гужевого – коней и волов, с помощью которых можно было бы доставлять сельскохозяйственные грузы на значительные расстояния.

Столкнувшись с такими проблемами, немецкие власти приняли решение построить на этой территории локальную железную дорогу, которая бы связала отдаленные сельские районы с магистральной железнодорожной линией.

Ввиду отсутствия значительных объемов грузов было решено построить не полноразмерную, а узкоколейную дорогу, с шириной колеи 600 мм, что было экономически значительно более целесообразным. На немецком языке такая дорога называлась *Schmalspurbahnen*.

Было запланировано строительство двух крупных ж/д веток. Первая должна была протянуться на 40 километров и соединить ст.Новополтавку с с. Ленино. Вторая планировалась значительно длиннее – 120 километров. Она должна была протянуться через с.Белая Криница до с.Кошаровка.

Однако неизвестно, в какой мере эти планы воплотились в жизнь и сколько из построенного немцами было ими же самими разрушено при отступлении.

Строительство дороги происходило 1942-43 годах. К участию в нем активно привлекались местные жители. Ее центром была определена станция Новополтавка, через которую проходила обычная железнодорожная ветка Знаменка-Николаев с шириной колеи (1524 мм). Здесь было создано депо для обслуживания подвижного состава и здесь же осуществлялась перемещение грузов из узкоколейных вагонов в обычные для дальнейшей транспортировки.

Для обслуживания новой дороги немцы доставили из Германии шесть локомотивов – паровозов серии HF110С с номерами 11030, 11033, 11035, 11037, 11040 и 11041.

Стоит отметить, что паровозы этой серии были одним из основных и самых распространенных типов военно-полевых локомотивов Вермахта в годы Второй Мировой войны. За всю войну большое количество их попало в СССР в качестве трофеев. Эти паровозы строились заводами «JUNG» и «Henschel» в Германии, «Krenau» в Польше и бывшим заво-

дом СКД – в Чехословакии. Завод «JUNG» продолжал их строительство и после войны, в частности для промышленных железных дорог Индии и Бразилии. Локомотивы были довольно простыми в обслуживании и ремонтпригодными в полевых условиях. Расчетная скорость паровоза была 30 км/ч, а мощность – 110 л.с.

В начале марта 1944 года в результате проведенной Березнеговато-Снигиревской наступательной операции ст.Новополтавка была освобождена от немцев. В ходе быстрого продвижения советским войска удалось в целостности захватить значительную часть узкоколейной дороги. Не сохранилось сведений о ее состоянии и количестве пригодных к эксплуатации путей. Известно, что участок от ст.Новополтавка до с.Владимировка (через с.Диброва) длиной 31 км вместе с шестью работавшими на ней паровозами, вагонами и депо были получены в качестве трофеев. Именно этот участок и продолжал эксплуатироваться вплоть до 1999 года. Также есть сведения о существовании веток Новополтавка-Трояны-Старогорожено и с.Диброва – с.Малиевка-Ново-Владимировка. Однако они впоследствии были разобраны.

К примеру, при подготовке материала этой статьи была изучена топографическая карта США 1953 года на которой отмечен участок Новополтавкой УЖД от с.Диброва до с.Ново-Владимировка. Однако данных о прекращении ее существования обнаружить не удалось.

После войны Новополтавская УЖД перешла в ведение Министерства путей сообщения СССР и стала относиться к Одесской железной дороге.

Паровозы серии HF110С продолжали работать на ней в течении последующих 25 лет – вплоть до 1969 года, когда вся линия дороги была переоборудована под ширину колеи 750 мм. Тогда же трофейные локомотивы списали и вместо них здесь стали трудиться четыре других паровоза – серии «Кп4» (№432, №467, №468, №470) польского производства .

Однако уже в 1975 – 1979 годах, эти паровозы также были списаны. Три из них были отправлены на слом, а один – № 468 в 1975 году передан в г.Каховку Херсонской области, где установлен в сквере возле железнодорожной станции Каховка в качестве памятника. Здесь он простоял 30 лет, за которые, ввиду отсутствия ухода сильно обветшал – с него были сняты и отломали отдельные узлы и сам он представлял довольно жалкое зрелище. Но ему все же суждено было обрести новую жизнь. 5 августа 2006 года отреставрированный паровоз был поставлен на постаменте при въезде в город Таврийск Херсонской области, где его можно увидеть и поныне.

Паровозы серии «Кп4» на Новополтавской УЖД были замены че-

тырьмя другими паровозами – серии «Гр» (№ 277, №280, №315 и №334), поступившими с Гайворонской узкоколейной железной дороги. Эти локомотивы служили здесь вплоть до 1985 года, пока не были списаны.

Паровозы серии Гр производились на заводе имени Карла Маркса (ЛКМ) в г.Бабельсберге, Германия в период 1947-51 гг. Новополтавская узколейка явилась последним местом эксплуатации паровозов этого класса – на всех других дорогах уже давно служили тепловозы. Однако на то были объективные причины. Дело в том, что часть Новополтавской дороги во время весенних паводков и дождей подтапливалась. Такой фактор делал невозможным использование на ней тепловозов, основным двигателем которых являются электромоторы, установленные на колесных парах. В случае контакта двигателя с водой в нем может возникнуть короткое замыкание и как следствие – возгорание локомотива и пр. поломки.

Вероятно, в 1984 году были проведены работы по предотвращению подтапливания ж/д путей. И в связи с этим паровозы «Гр» перестали здесь эксплуатироваться и были окончательно заменены четырьмя тепловозами ТУ2-007 и ТУ2-095, прибывшими из Вапнярки и ТУ2-025 и ТУ2-274 – из Гайворона. Также есть сведения, что еще с 1972 года на этой дороге эксплуатировался и тепловоз ТУ2-247.

Сами же паровозы серии «Гр» списали. Гр-228, Гр-277 и Гр-280 еще какое-то время до конца 80-х гг продолжали стоять в депо на ст.Новополтавка, после чего их отправили на Гайворонскую УЖД. Там Гр-277 и Гр-228, вероятно были отправлены в лом. А Гр-280 полностью отреставрировали и поставили на ход. Он и сейчас вполне работоспособен. Причем в последние десятилетия он стал настоящей кинозвездой! Паровоз принял участие в съемках нескольких картин, в том числе таких как «Девять жизней Нестора Махно», «Жизнь и приключения Мишки Япончика» и других. Этот старожил вызывает подлинное восхищение у любителей узкоколеек всего мира, которые периодически приезжают сюда, чтобы устроить на нем своего рода «покатушки».

А паровоз Гр-334 ожидала другая судьба. В 1985 году его доставили в г. Николаев, где изначально планировали установить в районе старого железнодорожного вокзала как памятник. Однако впоследствии от этой идеи отказались и его поставили на территории открытого в 1982 году детского городка «Сказка» в качестве аттракциона и места для игр детей. Организаторы установки вспоминают, что для доставки паровоза к месту назначения пришлось даже разобрать часть ограды городка. Этот паровоз и сейчас находится в этом месте, являясь одним из излюбленных мест гуляний детворы.

С 1985 года работу на Новополтавской УЖД стали производить только тепловозы серии ТУ2. Выпускались такие тепловозы в период 1955-58 гг на Калужском машиностроительном заводе. Все их было построено около 300 штук. По соотношению качества и надежности они являются одними из лучших локомотивов в мире. Многие из них эксплуатируются и в наши дни.

Известно, что в мае 1998 года тепловозы ТУ2 №№ 007, 095, 025 и 274 находись еще на станции Новополтавка. Но все ли они были на ходу, неизвестно. Но, по крайней мере, ТУ2-274 совершал регулярные пассажирские рейсы.

За весь период существования этой железной дороги основной ее задачей являлась перевозка зерна и других продуктов с/х производства по линии Владимировка – Новополтавка. Для этого имелся парк товарных вагонов. Элеватор, расположенный в с.Владимировка был главным объектом грузового обслуживания линии.

Однако осуществлялись и пассажирские рейсы по этому маршруту. Начиная с 1985 года такие поезда ходили только сезонно, то есть не каждый день и не каждую неделю. Пассажирские поезда обычно состояли из 5-6 жестких вагонов «Pafawag» типа ЗАВ польского производства.

По состоянию на лето 1998 года, такой поезд совершал лишь два рейса в неделю – в ночь с пятницы на субботу и в воскресенье вечером. В то время эти поезда состояли из четырех вагонов.

Грузовые перевозки на линии были практически прекращены примерно в середине 1990-х годов.

В 1999 году по решению «Укрзализныци» Новополтавская УЖД была закрыта и разобрана. Локомотивы ТУ2-007 и ТУ2-274 переданы в Гайворон. Судьба же тепловозов ТУ2-247, ТУ2-025 и ТУ2-095 неизвестна.

Великоолександрівський гебіт

Матеріал з Вікіпедії — вільної енциклопедії.

Kreisgebiet Alexanderstadt
Великоолександрівський гебіт
Держава Німецька імперія

Райхскомісаріат
Україна

Генеральна округа Миколаїв

Уряд Гебітскомісар
штурмбанфіурер СС Шульце

Населення (1943 р.)

Усього 96 848

Джерело: territorial.de

Великоолекса́ндрівський гебі́т, Олекса́ндршта́дтська округа (нім. KreisgebietBolschajaAlexandrowka, пізніше нім. KreisgebietAlexanderstadt) — адміністративно-територіальна одиниця генеральної округи Миколаїв райхскомісаріату Україна, центром якої був Александерштадт. Існувала протягом німецької окупації Української РСР.

Історія

Округу (гебіт) утворено 15 листопада 1941 року з Березнегуватського, Великоолекса́ндрівського і Нововоронцовського районів тодішньої Миколаївської області. Її центром обрано селище Велика Олекса́ндрівка.

1 квітня 1942 у складі округи виділено новий район Кронау, що по суті було відновленням у своєму колишньому обсязі скасованого перед війною радянською владою Високопільського етнічного німецького району, за винятком лісгоспу на північ від Новомирівки і Фріденсфельду. Назву району дав його центр — велика німецька колонія Кронау, де на 1941 рік проживали 1356 фольксдойче.

Спочатку німецькомовна назва округи (Bolschaja Alexandrowka = Большая Александровка) являла собою відверту кальку з панівної у Радянському Союзі російської мови.

1 травня 1942 відбулося перейменування німецької назви окружного центру, Великоолекса́ндрівського району і всієї округи на «Александерштадт» (в українських документах також «Олекса́ндрштадт» і похідні).

Із січня 1942 року Олекса́ндрштадтський окружний комісар заборонив місцевому населенню пересуватися вулицями щодня після восьмої години вечора. 18 грудня 1942 він ухвалив рішення, яким з 1 січня 1943 р. заборонялася торгівля на базарах. Усі надлишки продуктів харчування слід було продавати у визначені для цього пункти. Предмети кустарного виробництва мусили продаватися або крамницям кооперації або німецьким крамницям (гешэфтам) в Олекса́ндрштадті (Великоолекса́ндрівка) або Кронау (Високопілля).

Наказом від 19 грудня 1942 вводилася трудова повинність, праця за місцем роботи була обов'язковою, невихід на роботу або ухилення від

трудової повинності суворо каралися, бо кваліфікувалися як допомога ворогу й саботаж.

Станом на 1 січня 1943 Великоолександрівський гебіт поділявся на 4 німецькі райони: район Березнегувате (нім. Rayon Beresnegowatoje), район Велика Олександрівка (нім. Rayon Alexanderstadt), район Кронау (нім. Rayon Kronau) та район Нововоронцовка (нім. Rayon Nowo Woronzowka) — які відповідали чотирьом колишнім радянським районам: Березнегуватському, Великоолександрівському, Високопільському і Нововоронцовському.

1 червня 1943 частину району Нововоронцовка (колгосп «Майський») було передано районіві Олександрштадт.

У березні 1944 року адміністративним центром округи оволоділи радянські війська.

СОДЕРЖАНИЕ

1. История повторяется. Пробуждение.....	3
2. Письмо Заградовским меннонитам. Вместо предисловия....	10
3. Заградовские меннониты.....	19
4. История села Озеровка.....	115
5. Возвращение домой	148
6. История села Новоалександровка	228
7. Музей на дому	276
8. Воспоминание о будущем. Вместо послесловия	279
9. Справочный материал.....	282

Александр Казаков

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОТЕРЯННОЙ РОДИНЕ

Подписано в печать 3.08.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная №1. Печать ризография.
Гарнитура Times New Roman
Услов. печат. л. 5,46. Тираж 50
Заказ № 0000

ПАО «Херсонская городская типография».
73013 г. Херсон, ул. 40 лет Октября, 31.
Тел. / Факс (0552) 41-13-33

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищешь,
Ни тебе, ни мне.*

Геннадий Шпаликов